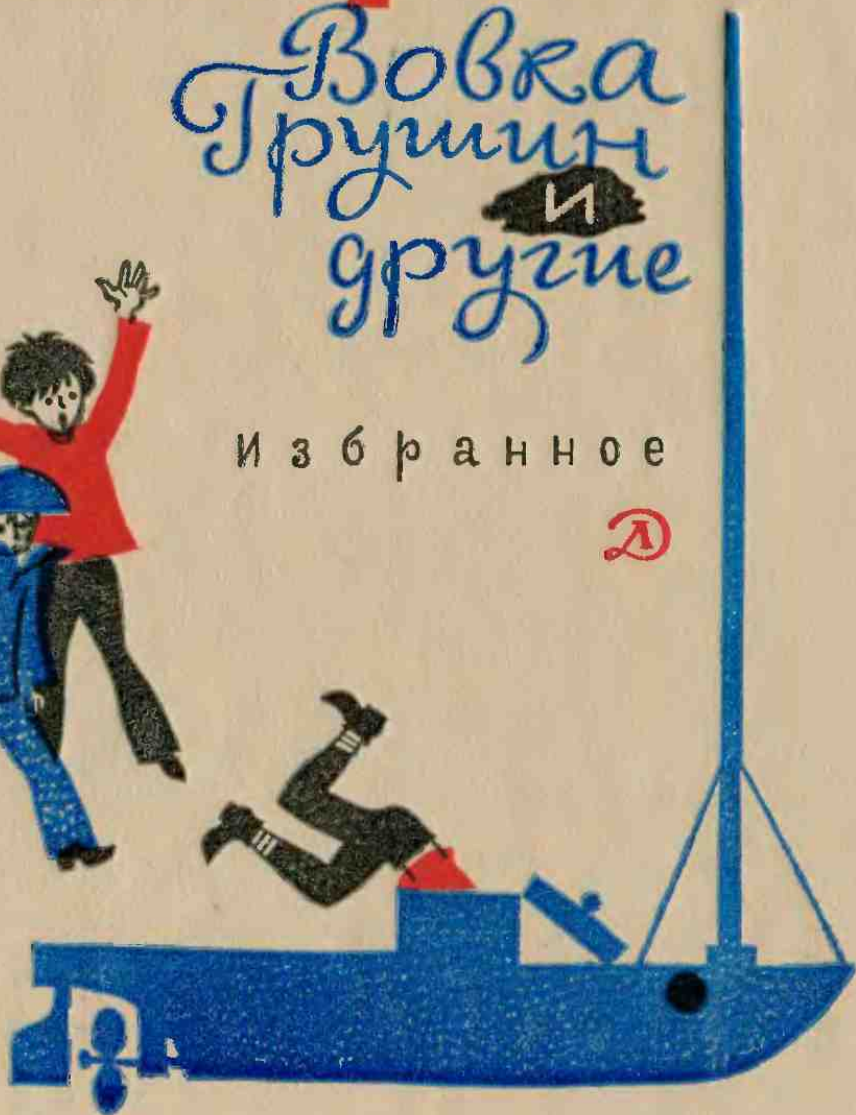

Юрий Сотник • Вовка Трушин и другие

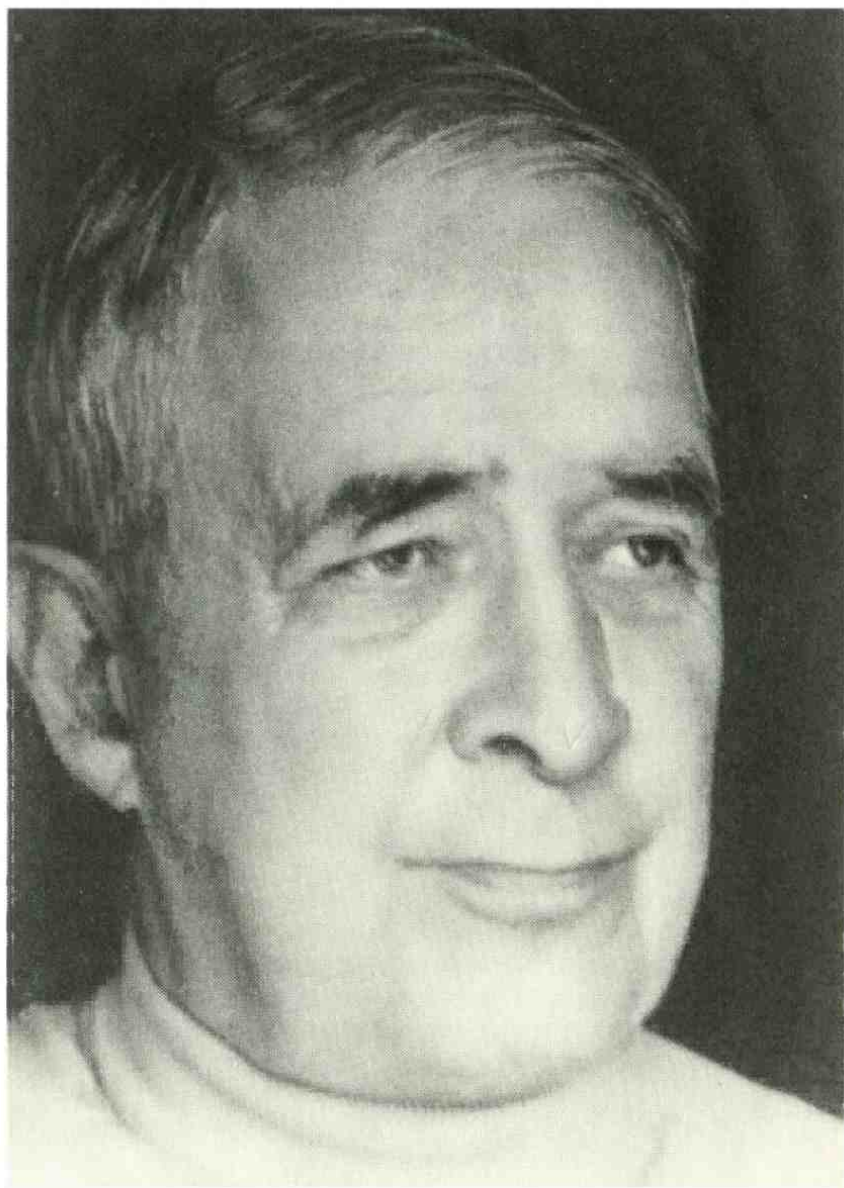
Юрий Сотник

Вовка
Трушин
и
другие

избранное

Юрий Сотник

Вовка Трушкин и другие

избранное

Рисунки
Е. Медведева

Москва
"Детская
литература"
1984

P2
C67

С $\frac{4803010102-476}{M101(03)84}$ Без объявл.

© Повесть «Машина Самбо и Заноза». Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.
© Состав.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

Рассказы

Невиданная птица

По тропинке, что вилась над обрывистым берегом реки, шли с удочками трое ребят. Впереди шагал Вася в отцовской шинели, просторным балахоном свисавшей до самых пят, и в пилотке, сползавшей на нос. За ним шел Дима — сын врача, который жил в доме Васиного отца. Сзади всех, придерживая у подбородка края накинутаго на голову теплого платка, семенила младшая Васина сестренка Нюша.

Солнце зашло недавно, однако было темно, как ночью, потому что небо закрывали густые, клубящиеся тучи. Изредка и ненадолго тучи разрывались, и в образовавшийся просвет проглядывали зеленоватое небо и бледные звезды. Время от времени набегал ветерок, и тогда большое ржаное поле справа от тропинки глухо шелестело колосьями.

Слева, под обрывом, поблескивала река, а за речкой, на низком берегу, почти у самой воды топорщился черный лес.

— Полпути прошли, — не оборачиваясь, сказал Вася. — Теперь еще метров триста — и вниз, а там такой омут, что ахнешь.

— Такой омут... мне аж с ручками, — подтвердила Нюша.

Дима шел, зажав удочки под мышкой, сунув руки в карманы серого пальто. Вид у него был сонный, недовольный.

— Глупо! — сказал он, зевнув.

— Чего? — обернулся Вася.

— Глупо было так рано выходить. Могли бы поспать до полуночи.

— Рановато, конечно, зато у костра посидим и самую зорьку застанем. У нас знаешь какая рыба? Если на самой-самой зорьке придешь — килограмма три наловишь, а чуть солнышко показалось — и как отрезало, не клюет.

— Ну, насчет трех килограммов это вы, Васечка, того... немножко хватили.

— Ну, три не три, а знаешь, сколько я прошлый раз наловил? Восемь штук вот таких ершей да еще две плотвички.

— Так бы и говорил «восемь ершей». А то — три килограмма! Любишь ты фантазировать!

Вася больше не спорил. Он замедлил шаги и приглушенно сказал:

— Нюшк!

— А?

— Покажем Димке то место?

— Ага! Дима, сейчас мы тебе такое место покажем! Ты прямо умрешь со страху.

— Какое место?

— Увидишь... Васька, ничего ему не говори!

Вася прошел еще немного и вдруг остановился.

— Тут, — сказал он шепотом.

На том берегу у самой воды росли две большие корявые ветлы. За ними виднелась лужайка, отлого спускавшаяся к реке, а в конце лужайки, наполовину закрытые ветлами, неясно белели стены большого дома.

Нюша крепко держалась за рукав Диминого пальто:

— Страшно как!.. Вот увидишь.

Вася подошел к ним поближе. Его лицо, овальное, с посом, похожим на кнопку, было очень серьезно.

— Слушай! — шепнул он и, набрав в легкие воздух, крикнул: — Эй!

«Эй!» — слышалось с того берега, да так громко, что Дима вздрогнул.

«Эй!» — допелось еще раз, но уже глуше, отдаленней.

«Эй!» — отозвалось где-то совсем далеко.

— Страшно, да? — спросил Вася.

Дима пожал плечами.

— Страшного ничего нет... — начал было он и осекся.

«...ашного ничего нет», — отчетливо сказал противоположный берег.

«...ничего нет», — прокатилось в конце лужайки.

«...чего нет», — замерло вдали.

Дима помолчал и продолжал, на этот раз шепотом:

— Обыкновенное эхо. Отражение звука.

— Сам знаю, что отражение, а все-таки боязно. Будто кто-то в развалинах сидит и дразнится.

— В каких развалинах?

— А вон там. Видишь, белые? Там санаторий был, а в сорок первом его разбомбило: фашист не долетел до Москвы и все фугаски тут побросал.

— Восстанавливают его?

— А что восстанавливать? Только две стены остались.

— Говорят, новый построили. В другом месте, — добавила Ньюша.

Ребята помолчали. Никому больше не хотелось тревожить эхо. Над рекой стояла мертвая тишина.

— Идем? — прошептал Вася.

— Пошли! — ответил Дима.

Но ребята не успели двинуться с места.

Ньюша случайно оглянулась на ржаное поле, колосья которого сливались вдали в темную, серую муть. Мальчики заметили, что глаза у Васиной сестренки странно расширились. Взглянули и они в ту сторону, куда смотрела Ньюша. Взглянули и на мгновение оцепенели.

Над рожью по направлению к ним, быстро увеличиваясь в размерах, неслась какая-то тень. Прошло не больше секунды. Ньюша тихо вскрикнула и присела, мальчики, словно по команде, припали к земле.

В каких-нибудь трех метрах от ребят пролетела огромная, невиданная птица. Распластав в воздухе черные крылья, она мелькнула над тропинкой, бесшумно скользнула над рекой и скрылась в темной листве одной из ветел, что росли на противоположном берегу. Оттуда донесся легкий шорох, потом все стихло, как будто ничего и не было.

Очень долго ребята боялись шевельнуться. Ньюша сидела на корточках, закрывшись платком. Мальчики стояли на коленях, опираясь на локти, пригнув головы к земле. Лишь минуты через две Ньюша тихо прошептала:

— Вася!.. Ой, Вася!.. Что это такое было?

Вася осторожно приподнял голову, поправил пилотку.

— Дима... Видел?

Тот молча кивнул головой.

— Птица, да?

Не меняя позы, Дима пожал плечами.

— На ту ветлу села. Да?

Дима опять кивнул.

Вася медленно выпрямился, но продолжал стоять на коленях. Все трое смотрели на ветлу за рекой. Однако в темной листве ее ничего невозможно было разглядеть.

— Орлов таких не бывает, — снова зашептал Вася. — И журавлей таких не бывает: каждое крыло больше метра!

— Такой... только этот... кондор бывает, — сказала Нюша.

— Кто?

— Кондор. Помните, в «Детях капитана Гранта»? Как он мальчишку унес...

Все опять умолкли. Ветлы на том берегу были совершенно неподвижны, и оттуда не доносилось ни звука.

— Притаилась. Высматривает нас, — прошептал Вася.

Дима припал еще ниже к земле и пополз в том направлении, откуда они пришли. За ним поползла Нюша, скребя землю носками маленьких сапожек, за Нюшей — Вася, путаясь в своей шинели.

Пилотка опять съехала Васе на глаза. Он наткнулся лицом на кустик репейника и вскрикнул.

«Ой! Ой! Ой!» — трижды отозвалось за речкой.

Все трое вскочили, словно подброшенные, и помчались вдоль обрыва.

Метров триста, если не больше, бежали ребята, пока не очутились на улице маленькой деревушки, у ворот своего дома. Остановившись, они долго не произносили ни слова. Все трое тяжело дышали. Дима обмахивался кепкой, Нюша махала приподнятым над головой краем платка, Вася вытирал лицо пилоткой. Взмокшие светлые волосы его торчали вихрами во все стороны.

— Глупо! — сказал наконец Дима.

— Чего — глупо?

— Кондоры в Советском Союзе не водятся.

— А что же это тогда за птица?

— Такие большие птицы у нас вообще не водятся, — решительно сказал Дима.

Вася пристально смотрел на него:

— Димк!

— Ну?

— А вдруг это взаправду кондор? Случайно залетел...

— Чепуха! Таких случайностей не бывает.

— А вдруг... вдруг это вовсе не известная птица!.. Подстрелить бы ее, а? Вдруг это для науки такое значение, что... — Вася помолчал, словно к чему-то прислушиваясь, и вдруг бросился в калитку. — Погодите! Я сейчас.

Вернулся он скоро. В руках его было отцовское двухствольное ружье, вместо шинели был надет старенький пиджачок с куцыми рукавами. Пилотку он оставил дома. Он подбежал к Диме и раскрыл перед его носом ладонь, на которой поблескивали две медные гильзы:

— Во! Жаль только, что бекасинник. Пошли попытаемся, а? Дима отодвинулся от него на шаг:

— Что «попытаемся»? Что ты еще выдумал?

— Подстрелим ее, птицу эту. Вдруг — научное значение! Пошли?

Вася зашагал по направлению к околице. Ньюша и Дима очень неохотно двинулись за ним.

— Васька, чего ты выдумал! Никуда я не пойду, — сказала Ньюша.

— И не ходи. Мы с Димкой вдвоем...

— Со мной? Ну нет! Я не такой дурак.

Вася остановился:

— Не пойдешь?

Дима пожал плечами.

— Что я там не видел? Думаешь, очень интересно гоняться за какой-то птицей, которая давно улетела?

— А если не улетела? Если у нее гнездо на той ветле?

— А если нет гнезда?

— В лесу пойду искать.

— А если не найдешь?

— А если найду?

— А если и найдешь, все равно дробью не застрелишь. Только разозлишь ее, она тукнет клювом по голове, вот тебе и капут.

— Ну и пусть капут! Значит, погиб за науку.

— Все героя из себя корчишь, да? А хочешь знать: может, это самая обыкновенная птица. Может, нам только показалось, что она такая большая.

— Так всем сразу и показалось?

— А что ты думал? Бывают оптические обманы.

— Ну тебя! С тобой говорить-то... — Вася махнул рукой и быстро зашагал.

Ньюша побежала рядом с ним:

— Вася, я пойду, только я близко подходить не буду. Ладно?

Дима постоял с минуту на месте, пожал плечами.

— Глупо! — сказал он громко и поплелся вслед за уходящими ребятами.

И вот началась охота на невиданную птицу.

Идя по тропинке над обрывом, Нюша все время повторяла: «Вася, я больше не пойду, я боюсь», но все-таки шла все дальше и дальше.

Немного не доходя до того места, где ребята впервые увидели птицу, Вася вспомнил, что еще не зарядил ружье.

Он остановился, обер рукавом гильзы и вложил их в каналы стволов. Запирая ружье, он тяжело вздохнул:

— Бекасинник! Разве бекасинником такую убьешь!..

— Васька, я боюсь, не ходи! — прошептала Нюша.

Вася топтался на месте, тоскливо озираясь по сторонам. Тучи стали еще плотнее. Лес за рекой казался чернее, гуще, и река под обрывом — глубже и холоднее.

— Стой тут. В случае чего в рожь спрячься, — тихо сказал Вася и двинулся вперед, выставив перед собой ружье. Пройдя несколько шагов, он обернулся: — Нюшк!

— А?

— Если со мной что случится, ты в школе скажи: так, мол, и так...

— Васька, ну тебя!.. Васька, не ходи! — плаксиво начала Нюша, но Вася даже не оглянулся.

Сзади, метрах в пятидесяти от Нюши, смутно маячила фигура Димы.

— Глупо! — негромко донеслось оттуда.

— Тише ты там! Какой-то! — прошипела Нюша.

...Вот и знакомые ветлы на том берегу, поляна за ними, белые пятна развалин... Вася задержал дыхание, прислушался.

Ни звука.

Вася поднял ружье, прицеливаясь в ветлу, потом опустил его, облизнул губы и снова прислушался.

Послышался шорох. Вася резко обернулся: совсем близко от него среди колосьев торчала Нюшина голова. Она прошептала свое обычное: «Вася, я боюсь!» Зато у Васи прибавилось храбрости. Он опять прицелился и громко крикнул:

— Эй!

Эхо трижды повторило его крик и затихло. Ветлы на том берегу не шелохнулись.

— Эй! — снова крикнул Вася.

Все было по-прежнему спокойно.

— Улетела, — сказала Нюша.

Вася подошел к самому краю обрыва, прыгнул и съехал по крутой песчаной осыпи на довольно широкий пляж. Не выпуская ружья из рук, он снял тапочки, брюки и пошел к воде. В это время наверху послышались шаги. Вася оглянулся: над обрывом сидела на корточках Нюша, а возле нее стоял Дима.

— Ну, что я говорил тебе? Говорил, что ничего не получится? Говорил?

— Здесь не получилось — в лесу поищу, — буркнул Вася и пошел через речку вброд.

— Вася! Вася! — тихо позвала Нюша.

Охотник остановился.

— Вася, а вдруг она это нарочно?.. Вдруг сидит на дереве и виду не подает, а потом как выскочит...

Вася постоял, подумал, затем очень быстро, но бесшумно вернулся на берег.

Дима тихонько засмеялся:

— Что ж ты выскочил? А еще герой!

Вася не ответил. Нюша и Дима видели, как он ходит по песку, высматривая что-то у себя под ногами. Скоро он нашел сухую корягу, поднял ее, бросил в ветлу и тут же вскинул ружье. Понеслась тяжелая коряга, не долетев до дерева, упала в воду. Вася нашел толстую короткую палку. Вот он взвесил ее в руке... прицелился, как городошник битой... размахнулся... швырнул...

— Мама! — пискнула Нюша.

— Ой! — басом крикнул Дима.

Они увидели, как большая тень отделилась от ветлы и, быстро снижаясь, описывая крутую дугу, понеслась над рекой. Внизу блеснул красноватый огонь, грохнул выстрел, раскатами прокатившийся по тому берегу. Птица взмыла вверх, перекувырнулась в воздухе и помчалась прямо на маленькую темную фигурку, застывшую с приподнятым ружьем.

— Ма-ма! — протяжно закричала Нюша.

Снова огонь, снова грохот... Птица подпрыгнула в воздухе и... на глазах у изумленных ребят распалась на куски.

Первой пришла в себя Нюша. Она прыгнула на осыпь, съехала по ней и подошла к Васе. То же сделал и Дима.

Около Васи пахло порохом. Даже в темноте было видно, что лицо его совершенно мокро от пота. Он стоял неподвижно, часто дышал.

Нюша тронула его за руку:

— Вася... Чего ты? Испугался, да?

— Ага! — промычал тот и, глотнув слюну, спросил: — Что это было?

Дима отошел в сторону и поднял один из кусков, на которые распалась «птица». Это был продолговатый плоский предмет длиной чуть побольше метра.

С минуту Дима вертел находку в руках. Потом сел на песок и раскоптался, обхватив колени руками и раскачиваясь вперед и назад.

Вася и Ньюша приблизились к нему.

— Димка, ты что?

Дима захохотал еще громче.

— Герой! — взвизгнул он, указывая пальцем на Васю. — Охотник! Ты... ты знаешь, что подстрелил? Модель! Авиамодель подстрелил! — Он повалился на спину и принялся болтать в воздухе ногами.

Прошло полчаса. Никто из ребят больше не думал о рыбной ловле. Они притащили Васин охотничий трофей в деревню и теперь рассматривали его на застекленной веранде у Димы, отец и мать которого были сегодня в Москве.

На столе под яркой керосиновой лампой лежали большой, чуть ли не в рост человека, фюзеляж и крыло обтекаемой формы. То и другое было сделано из множества тончайших планочек и папиросной бумаги, покрытой синим лаком. Хвостовое оперение модели сохранилось, но передняя часть фюзеляжа была вся измочалена дробью. Немногим лучше выглядело крыло, из которого среди лоскутков бумаги торчали сломанные планочки. Второго крыла ребята не нашли. Должно быть, его отбросило в реку и унесло течением.

— Так-с! — проговорил Дима, заглядывая внутрь фюзеляжа. — Резинки нет — значит, это планер. Фюзеляжная модель планера.

— Откуда она к нам-то попала? — спросил Вася.

— Хотите знать, откуда она прилетела?.. Со Всесоюзных авиамodelьных соревнований. Вы в газетах читали?

— По радио слышал. А где они идут, эти соревнования?

— Не очень уж далеко. На станции С*** по нашей дороге.

— А ты почему знаешь?

— Отец рассказывал, вот почему. Он из вагона видел, как они над аэродромом летают. — Дима прошелся по веранде. — Ты понимаешь, что наделал? Эта модель около двадцати километров пролетела. И это только по прямой. Может быть, она мировой рекорд поставила, а ты ее раздолбал!

Вася стоял, опираясь о ружье, стволы которого почти касались его подбородка. Он обескураженно поглядывал то на Диму, то на исковерканную модель.

— Вася, а тут чего-то написано, — сказала Ньюша и ткнула пальцем в фюзеляж.

Дима и Вася подошли поближе к столу.

К фюзеляжу был приклеен бумажный ярлычок. Большая часть его была сорвана, а на сохранившемся кусочке можно было прочесть отпечатанные на машинке слова:

« дель № 112.

. просим вернуть.

. соабиахима».

— Ясно! — сказал Дима. — Тут было написано: «Модель номер сто двенадцать. Нашедшего просим вернуть туда-то».

— А если я не верну? — спросил Вася.

— Тогда, значит, ты нечестный гражданин. Может, конструктор над этой штукой полгода работал... Может, она мировой рекорд поставила... А если ты не вернешь — все это пропало.

Лицо у Васи было очень несчастное.

— Как же... я ее повезу, такую изуродованную?

Дима усмехнулся:

— Это уж дело ваше. Не я на нее охотился, а ты...

Вася долго молчал, исподлобья глядя на Диму.

— Попадет, да? — угрюмо сказал он.

— Уж конечно, по головке не погладят. Такую прекрасную модель разбить!

Вася судорожно глотнул.

— А если не повезу... если не повезу — может, и в самом деле у них рекорд пропадет?

Дима пожал плечами:

— А ты как думал?

— Димк!

— Что прикажете, товарищ герой?

— Отвези ее... а? И скажешь: «Так, мол, и...»

— Я? Ну нет! Если сам поедешь, я тебя, так и быть, провожу, чтобы ты не растерялся. А отдуваться за тебя... Нет уж, спасибо!

— Димк! А ты никому не скажешь на аэродроме?

— О чем не скажу?

— Ну, что это я ее так... Мы знаешь что скажем? Будто мы ее так нашли, уже поуродованную.

— Ладно уж! Не скажу.

На следующий день, примерно около часа, Дима и Вася были в электричке на станцию С***.

— Оба перед отъездом из деревни надели белые-пребелые рубахи, красные галстуки и тщательно отутюженные брюки. Соломённые Васиные волосы были смочены, расчесаны на пробор и держались в таком положении довольно спосно.

Выйдя из электрички, ребята увидели почти у самой железной дороги несколько больших брезентовых палаток, а за палатками — ряд учебных самолетов.

Мальчики направились в ту сторону. Вася тащил завернутый в несколько газет фюзеляж. Вид у «охотника» был такой, словно

он идет к зубному врачу. Дима, наоборот, был весел и шагал бодро, держа под мышкой обернутое газетой крыло.

Возле ворот их остановил парнишка с красной повязкой на рукаве. Дима объяснил ему, зачем они приехали.

— В штабе никого сейчас нет, — сказал парнишка. — Идите на поле, там спросите планерный старт.

Ребята пошли на аэродром.

День был ясный, солнечный. То здесь, то там на широком поле колыхались голубые флажки с белыми буквами на полотнищах. Каждый такой флажок обозначал место запуска моделей определенного класса, и возле каждого флажка можно было насчитать несколько десятков авиамоделистов. Здесь звучала и русская речь, и эстонская, и узбекская, и украинская... Тут были студенты и студентки, военные, мальчики и девочки в пионерских галстуках, тут были и пожилые люди, которые годились в отцы этим мальчикам и девочкам. Одни куда-то спешили, неся в руках красивых птиц, построенных из планочек и папиросной бумаги, другие ползали на животе и на коленях по короткой траве, что-то налаживая в своих хрупких аппаратах, третьи стояли, подняв лица к высокому небу и следя за полетом моделей.

Над головами ребят с легким стрекотом проносились миниатюрные самолеты с резиновыми моторчиками, бесшумно парили модели планеров всех цветов и размеров. Один такой планер, снижаясь, клюнул Диму в затылок. В другой раз товарищам пришлось удирать от модели с бензиновым мотором, которая закапризничала и, свирепо треща, принялась носиться кругами над землей.

Дольше всего ребята задержались возле флажка с буквой «С» на полотнище. Здесь стартовали «схемки» — самые простенькие модели, у которых фюзеляж заменен четырехгранной планочкой. Одна из девочек, с виду чуть постарше Нюши, подняла над головой неказистую «схемку» и, придерживая пальцами пропеллер, обернулась через плечо:

— Иван Андреевич, засеките мне.

Стоявший у флажка человек нажал кнопку секундомера. Девочка выпустила модель, и та очень быстро набрала высоту. Девочка побежала по полю вслед за улетающей «схемкой». Сначала за моделью следил только человек с секундомером. Но та летела все дальше и дальше, девочка упорно бежала за ней, и авиамоделисты, бывшие на старте, один за другим поднимали головы, начинали следить за полетом. Когда модель стала чуть заметной точкой, а девочка маленьким пятнышком, человек с секундомером припал к окулярам стереотрубы, установленной на треноге. Прошла еще минута.

Люди кругом заволновались:

— Самолет!.. Модель уходит!.. Давайте самолет!

Человек с секундомером оторвался от трубы и побежал к стоявшему недалеко «УТ-2».

Через минуту самолет с ревом пронесся над стартом и помчался в ту сторону, куда улетела «схемка».

— Димка, видел? — тихонько сказал Вася.

— Что «видел»?

— За такой ерундовской моделью целый самолет послали!

— А ты как думал? Вдруг она рекорд поставила, и никто не узнает. Идем!

Мальчики снова зашагали по аэродрому.

— Дима!

— Что тебе?

— Дима, никому не скажешь, а?.. Здесь такую ерундовскую модель так берегут, а я такой огромный планер покалечил! Не скажешь, Дима, а?

— Я-то не скажу, только по твоему лицу всякий догадается.

Вася вздохнул и замедлил шаги. Видно было, что ему очень хочется удрать с аэродрома. Но было поздно: ребята уже подошли к планерному старту.

— Здравствуйте, товарищ, — обратился Дима к девушке в синем комбинезоне, с секундомером в руке. — У вас не пропадала модель?

Та резко обернулась:

— Пропадала. Сто двенадцать? Большая синяя? Неужели нашли?! — сказала она быстро и закричала: — Аббас! Аббас! Позовите Аббаса, модель нашлась!

Это взволновало всех моделистов. С гомоном, с радостными возгласами они окружили ребят.

— Вчерашний планер нашелся?

— Где нашли? Далеко?

— Аббас! Аббас! Сюда! Скорей!

Сквозь толпу протиснулся мальчишка одного возраста с Димой. Он был смуглый, большеглазый, с черными курчавыми волосами.

— Нашли? Где она? Где нашли? — проговорил он отрывисто, с восточным акцентом.

Наступил страшный момент.

Дима сунул крыло Васе в руки и отошел в сторонку.

Аббас выхватил у Васи фюзеляж и начал снимать газету.

— Она... она немного попорченная, — пробормотал Вася.

Аббас развернул газету. Моделисты дружно ахнули и затихли, увидев нос планера, превращенный в мочалку.

— Как же это ее угораздило? — послышался негромкий голос.

Рядом с Васей стоял худощавый военный с черными косматыми бровями. На плечах у него были погоны полковника, а на груди — золотая звездочка.

Девушка в комбинезоне внимательно рассматривала остатки планера:

— Сама по себе она не могла так изодраться, товарищ полковник.

Полковник молча кивнул и обратился к Васе:

— Где ты ее нашел?

Вася назвал свою деревню и железнодорожную станцию.

— Неплохо полетала, — задумчиво сказал полковник. — Какая же каналья ее так испортила?

Дима потупил глаза и улыбнулся, не разжимая губ. Вся его круглая физиономия как бы говорила: «Я-то уж знаю, что это за каналья!»

Вася залопотал:

— Мы... Я так ее и нашел, товарищ полковник. Она такая уже была...

— Какая «такая» была?

— Дробью прошибленная.

— Чем? — повысил голос полковник.

— Дро... — начал было Вася и умолк, почувствовав, что проговорился.

Толпа моделистов загудела. Полковник в упор смотрел на Васю:

— Откуда же ты знаешь, что именно дробью? Я, например, старый охотник, но и то не догадался.

Вася молчал. Он смотрел в одну точку и часто помаргивал. Он был такой красный, что казалось, даже волосы его порозовели. Дима улыбался, прикрыв ладонью рот. Аббас подскочил к Васе и закричал, размахивая руками:

— Я знаю!.. Он сам стрелял! Сам дробью модель стрелял! Смотрите, какой лицо! Сам стрелял!..

— Тихо, тихо! Не надо кричать, — мягко сказал полковник и обратился к Васе: — Ну?

Вася теребил пальцами кончики своего галстука и не отрываясь смотрел на них.

— Я... я нечаянно, — еле выдавил он.

— То есть как «нечаянно»?

— Я не знал, что это модель.

— Не знал? За что же ты ее принял? За перепелку?

Из левого Васиного глаза скатилась слеза и задержалась на уголке рта. Он быстро слизнул ее.

— За... за кондора принял, — прошептал он еле слышно.

— За кого?

— Кондор... За кондора...

— Ну-ка, расскажи по порядку. Так мы все равно ничего не поймем.

Вася молчал.

— Не хочешь говорить?

— Пусть он расскажет, — сказал Вася и кивнул на Диму.

Моделисты придвинулись ближе и затихли. Дима потер ладони и, улыбаясь, начал:

— Понимаете, дело, значит, было так. Иду я ночью на рыбалку. Со мной, значит, вот этот Вася и его сестра. Ну, тут, конечно, они мне рассказывают всякие рыбацкие истории, что в их речке можно поймать три килограмма рыбы, но это к делу не относится. И так, значит, идем. Вдруг мимо нас пролетает какая-то большая тень, перелетает через речку и скрывается на одном дереве. И тут вот этот «герой» начинает кричать: «Это кондор! Это какая-то загадочная птица! Собой пожертвую для науки, а ее подстрелю!»

Дима разошелся. С большим юмором он рассказывал о том, как Вася и Ньюша шли на «охоту», как Вася, полумертвый от страха, кричал над обрывом «эй» и как он в одних трусах начал переходить реку, но, испугавшись, вернулся.

Рассказывал он так остроумно, что моделисты покатывались со смеху. Даже сердитый Аббас начал улыбаться. Даже сам Вася улыбнулся слабой, несчастливой улыбкой.

Посмеивался и полковник, держа в зубах папироску. Чем дальше подвигался рассказ, тем он все чаще поглядывал на Васю, и тогда в глубоко запавших темных глазах его под косматыми бровями появлялось что-то ласковое.

Когда Дима начал рассказывать о самом сражении с невиданной птицей, полковник, продолжая смеяться, обнял Васю и похлопал его по плечу.

— ...Наш «герой» бабахнул второй раз, его «кондор» развалился, и вот вам результат, — закончил Дима, плавным жестом указав на разбитую модель.

Долго в толпе стоял такой гул, что ничего нельзя было разобрать. Одни что-то говорили, другие все еще смеялись. Дима, раскрасневшийся, довольный собой, обмахивался кепкой. Вася стоял, опустив плечи, и казалось, что он даже похудел за эти несколько минут.

— Занятно! — сказал полковник, когда шум немного утих. Он сдунул с папиросы пепел и обратился к Диме: — Ты, я вижу, человек остроумный, тебе на язычок не попадайся. Но вот что меня интересует: ты ведь тоже не знал, что это модель, так ведь?

— Не знал, — сказал Дима.

— Не знал, что это модель, и был уверен, что это не кондор. Что же ты тогда думал: что это было такое?

Дима перестал обмахиваться кепкой.

— Я... я вообще ничего не думал... Я вообще...

— Постой, постой! Как же это «ничего не думал»? Не думает дерево, камень, улитка, но человек-то всегда что-нибудь думает.

Моделисты негромко засмеялись. Дима покраснел.

— Я, конечно, видел, что это похоже на птицу, но я же знаю, что таких больших птиц не бывает.

Полковник смотрел на Диму, чуть улыбаясь:

— «Похоже на птицу, но таких птиц не бывает». Стало быть, перед тобой было некое загадочное явление... и ты даже не попытался его исследовать. Так?

Дима молчал. Молчали и люди, окружавшие его, ожидая, что он ответит. Но Дима так ничего и не ответил.

— Какое же ты имеешь право смеяться над товарищем? Ты вот сидел сложа руки да критиковал, а он в это время действовал. Он-то был уверен, что это какое-то живое чудовище, и не побоялся выйти на него с дробовиком. Пусть он ошибся, но он был героем в тот момент, отважным исследователем, а ты кем был?

— А в результате модель все-таки нашлась, — громко сказал кто-то из моделистов.

— Да, — подхватил полковник, — модель нашлась. Ее вчера выпустили перед самым закатом солнца, не рассчитывая, что она улетит далеко. Но она пошла и пошла... Летчик, погнавшийся за ней, потерял ее: солнце в глаза светило. Модель рекорда не поставила, но результат показала хороший.

— А окажись твой друг таким же, как ты, знаешь, что могло случиться? — сказала девушка в комбинезоне. — Первым порывом ветра модель бы сбросило в реку, и поминай как звали!

— И не было бы у Аббаса ни модели, ни ценного подарка, — вставил кто-то из моделистов.

— Аббас, скажи спасибо охотнику!

— Аббас, извинись!

Аббас взял Васину руку и дважды сильно потряхнул ее.

— Спасибо! Извиняюсь! — сказал он.

Моделисты начали расходиться. Полковник снова обнял Васю за плечи.

— Ты на самолете летал? — спросил он.

Вася качнул головой.

— Ну идем, я тебя устрою.

Через пять минут жизнь планерного старта шла обычным порядком.

Моделисты бегали по полю, таща за собой планеры на длинных тонких шнурах — лесрах. Белые, голубые, желтые, синие

птицы взмывали в небо и, отцепившись от лееров, начинали парить.

Дима, хмурый, насупленный, брел по аэродрому, сунув руки в карманы брюк. Иногда он приостанавливался, подымал плечи и негромко произносил:

— Глупо!

Раздался рев мотора. Низко над Димой промчался учебный самолет. Это Вася несся к небу.

1949 г.

К и н о х р о н и к а

В ту субботу, придя из школы и пообедав, я вынул из шкафа самодельный киносъемочный аппарат и приступил к своему обычному занятию: я завел пружину аппарата, наставил пустой, без пленки, аппарат на кошку, умывавшуюся посреди комнаты, и нажал на спуск. Аппарат затрещал; кошка посмотрела на меня долгим взглядом, зевнула, потянулась и ушла под кровать.

Я побрел на кухню и наставил рамку видоискателя на маму, которая мыла посуду. Кинокамера снова затрещала. Мама тяжело вздохнула и покачала головой:

— Боже! Как ты мне надоел со своим аппаратом!

Я тоже вздохнул и поплелся прочь из квартиры. Во дворе на лавочке сидела старушка. Перед ней катали жестяной самосвал двое малышей. Я навел свою камеру на них.

— Все трещит и трещит! — прошамкала старушка. — Которые дети книжки читают или играют себе, а этот все трещит и трещит...

Больше я трещать не стал. Я вернулся домой, спрятал свой аппарат, сел у стола и уныло задумался.

Прошло уже десять дней, как я с помощью папы построил свою киносъемочную камеру и проектор к ней. Выглядела моя камера неказисто, но первая же пленка, снятая ею, оказалась вполне приличной.

С тех пор и начались мои мучения. Папа купил мне два мотка пленки. Первый пробный моток я сгоряча извел на всякие пустяки, а стоил он не так уж мало. Я дал папе слово, что больше не истрачу зря ни одного кадрика. Я решил на оставшейся у меня пленке снять такую боевую, такую увлекательную кинохронику, чтобы все зрители были поражены.

Несколько дней я слонялся со своим аппаратом по городу,

ожидая, что случится какое-нибудь происшествие, но ничего не случилось. Я надоел всем родным и знакомым, расспрашивая их, не готовится ли где-нибудь интересное событие, но так ничего и не узнал. Моточек пленки лежал нетронутым в моем столе, а сам я утешался лишь тем, что наводил пустой аппарат то туда, то сюда и заставлял его трещать на холостом ходу. Этим треском я тоже всем надоел, да и самому себе порядком надоел.

Раздался звонок. Я вышел в переднюю, открыл дверь и увидел своего двоюродного брата, пятиклассника Владю Аникеева. Я сразу догадался, что у Влади что-то произошло. Занятия в школе давно кончились, а он был с портфелем в руках. Кроме того, обычно солидный, аккуратный, он имел сейчас какой-то растрепанный вид: пальто его было распахнуто, воротник гимнастерки расстегнут, а большие круглые очки сидели криво на его носу.

— Здравствуй! Дело есть! — сказал он, хмуро взглянув на меня, и стал снимать пальто.

— Из школы? — спросил я.

— Ага!

— Что так поздно?

— Сбор проводил.

— Отряда?

— Нет, с третьим звеном.

Владя прошел в комнату и стал разглядывать в зеркале свое лицо.

— П-подлецы! — процедил он сквозь зубы.

Тут только я заметил, что правая дужка его очков сломана, а вдоль щеки тянутся четыре царапины.

— Ты что, дрался, никак? — спросил я.

— Разнимал, — проворчал Владька, не отрываясь от зеркала.

— Кого разнимал?

— Третье звено.

— Вот это звено! На сборе подрались?

— Нет, после, — Владя поправил на носу очки, но они тут же снова съехали набок.

— А что за сбор у вас был?

— На тему «Дружба поможет в учебе и труде».

Я плюхнулся на диван и захохотал. Владя отошел от зеркала.

— Тебе смех, конечно, а меня как председателя на каждом совете дружины за это звено прорабатывают. — Он сел на стул, расставив ноги и опершись руками о колени. — В общем, давай ближе к делу. Твой аппарат работает?

Я сразу перестал смеяться:

— Работает.

— И пленка есть?

— Есть. Только немного. Моточек один.

Владя пристально смотрел на меня сквозь перекошенные очки.

— Кинохронику снять хочешь? Боевую?

Тут уж я совсем насторожился:

— Конечно, хочу! А что именно?

— Драку. Настоящую. Четверо мальчишек будут драться и, может быть, три девчонки.

Я так и подскочил. Я прямо ушам не верил, что мне привалило такое счастье.

— Владька! Ты не врешь? Кто будет драться? Где? Когда?

— Завтра в девять утра. В парке. Третье звено будет драться.

— Опять третье звено!

— Ага! погоди, я тебе обрисую положение. — Владя придвинулся со стулом поближе ко мне. — Понимаешь, в нашем отряде с дружбой не совсем благополучно. Мы с Люсей, нашей вожатой, за один только месяц два мероприятия по внедрению дружбы провели: сбор отряда на тему «Отлично учиться и крепко дружить» и литературную викторину на тему «Классики мировой литературы о дружбе». Мы с Люсей и сами замучились и ребят замучили, готовя эти мероприятия, а дружба все еще не на высоте. Особенно в третьем звене. С ним прямо спасу нет! Как перегрызлись летом из-за чего-то, разделились на две партии, так до сих пор и воюют. Мы с Люсей думали, думали, как с ними быть, и решили для них специальный сбор звена организовать, посвященный дружбе. Главарию одной партии, Андрею Тарантасову, велели доклад подготовить на тему «Зачем нужна дружба», а его врагу, Оське Дробилкину, поручили сделать содоклад «Что мешает нашей дружбе». Тане Зарубиной (она у них поэтесса) заказали стихи о дружбе написать и всех вместе заставили песню разучить — «Дружно шагает наше звено». Сегодня, значит, и провели. Андрей свой доклад благополучно сделал, а Оська как начал свой содоклад, так сразу и заявил, что дружбе мешают Андрюшка и его компания и что все они такие-то и расперетакуют. Мы с Люсей их кое-как уgomонили, но дальше сбор все равно насмарку пошел: Татьяна стихи читать отказалась, а песню они такими голосами провыли, меня аж мороз по коже продрал. А после сбора выхожу из школы на улицу, смотрю, а они уже! Гришка Тамару за косу ухватил, а Зинаида Гришку портфелем по голове, а Оська... Словом, каждому дело нашлось. Я вмешался, и вот тебе результат. Мило, а?..

— Ну ладно! Ты давай главное говори: о завтрашнем дне.

— погоди! Сейчас будет главное. Подоспели старшеклассники, разогнали их, и они отправились по домам. А я задержался: все пытался дужку к очкам приладить. Наконец иду домой,

вхожу в парадное (мы с Гришкой на одной лестнице живем) и слышу на верхней площадке голоса. Там уже собрались Гришка, Андрей и Татьяна. Останавливаюсь, прислушиваюсь и знаешь, что слышу? Гришка с Андреем сговариваются на Оську засаду устроить. Тот, понимаешь, завтра в кино собирается на десять утра, а эти хотят с девяти в парке засесть и его подстеречь. И Татьяна с ними пойдет: из кустов будет смотреть. Я, значит, послушал их, послушал, тихонько вышел из парадного и бросился к Оське. Прибегаю к нему и говорю: так, мол, и так, ты завтра по тропинке, что через парк ведет, не ходи — там тебя Гришка с Андреем отлупить собираются. А он очень обрадовался и говорит: «Спасибо, что сказал. Я завтра с собой Никиту возьму и всех наших возьму, и мы сами на них засаду устроим и так их отделаем, что папа с мамой не узнают». Я прямо на Оську глаза вытарашил. «Ты что, снятил? — говорю. — Ты думаешь, я, председатель совета отряда, к тебе прибежал, чтобы такое побоище организовать?» А он отвечает: «Ты меня не агитируй! Тут вопрос принципиальный. Гришка с Андреем затеяли хулиганский поступок, а хулиганам нужно давать отпор. И имей в виду, говорит, если ты Гришку с Андреем предупредишь, мы тебя самого отлупим, хоть ты и председатель». Я посмотрел, посмотрел на Оську и вдруг сказал: «Ладно! Поступайте как знаете! Никого я предупреждать больше не буду». Это знаешь почему? Я вспомнил о тебе и принял такое решение: пусть они дерутся завтра сколько им влезет, а ты их потихоньку сними. А потом мы твою кинокартину в школе покажем. Пусть на них вся дружина полюбуется! Может, хоть такой позор их перевоспитает!

Я вообще человек сдержанный, но тут я обнял Владьку, чмокнул его в щеку, потом два раза перекувырнулся через голову на диване. Когда я успокоился, Владя объяснил мне подробно, в каком месте парка будет засада, и на прощание крепко пожал мне руку.

— Желаю удачи. Я бы сам с тобой завтра пошел, да мы с утра за город уезжаем.

Проводив Владю, я подумал, что мне надо заранее осмотреть место завтрашней съемки. Я побежал в парк.

Местечко, выбранное вояками из третьего звена, было очень удобно для засады. Парк в нашем городе большой, старинный. Он больше похож на лес, чем на парк. Полянка, через которую шла тропинка к кинотеатру, была со всех сторон окружена густым кустарником. Даже находясь в трех метрах от полянки, нельзя было бы разглядеть, что на ней происходит. А вот выбрать подходящую позицию для съемки оказалось не так-то просто. С полчасика я лазил по кустам да раздумывал, как быть. Заберусь поглубже в кусты и вижу, что ветки обязательно заслонят мне

объектив, выберусь поближе к полянке и понимаю, что этак меня в два счета обнаружат, а этого мне вовсе не хотелось. Судя по рассказам Владьки, в третьем звене такой народ, что они сначала отлупят человека, а потом подумают, стоит ли его лупить. Пускай они пятиклассники, а я шестиклассник, но их-то ведь много, а я один!

На краю полянки рос большой клен. Я осмотрел его. Листва клена уже сильно поредела, и спрятаться в ней было трудно, но я подумал, что во время драки люди не интересуются тем, что делается у них над головой. Я решил снимать с клена.

Дома я весь вечер чистил и проверял свой аппарат и разводил химикалии, чтобы завтра же проявить пленку.

Когда все легли спать и потушили свет, у меня появилось мрачное предчувствие, что меня завтра побьют. Но я вспомнил, что настоящим кинооператорам приходится снимать и на Северном полюсе, и в Антарктиде, и в лесах, кишящих дикими зверями, и в кровавых сражениях. И мне даже стало приятно от мысли, что я тоже буду подвергаться опасности.

А утром, около девяти часов, я уже находился на своем боевом посту: лежал животом на нижней ветке клена, держа перед собой заряженный и заведенный аппарат.

Утро стояло ясное, солнечное. С высоты трех метров мне открывался красивый вид. Кустарники, которыми зарос почти весь парк, казались клубами бурого дыма, а над ними, как языки пламени, подымались красные, желтые, оранжевые клены, березы и тополя. Сначала я думал, что мне ничего не стоит пролежать на моей ветке хоть до самого вечера, но чем дольше я лежал, тем больше обнаруживал под собой каких-то бугров и сучков, которые все больше впивались в тело. Минут через десять мне стало совсем невмоготу, и я сел верхом, чтобы немного передохнуть. Сел... да так и замер.

Вблизи послышался легкий топот, и на полянку со всех ног вылетел мальчишка в лыжном костюме. Круто свернув с тропинки, он поскользнулся, шлепнулся, вскочил и нырнул в кусты где-то справа от меня. Не успел я и глазом моргнуть, как примчались две девчонки: одна блондинка, другая ярко-рыжая. Они приостановились, повертели на одном месте с огромной быстротой, потом бросились в разные стороны и тоже исчезли в кустах. Последним прибежал еще мальчишка, маленький, худенький. Он прятаться не стал. Он с ходу опустился на карачки, сделав полукруг, подполз к крайнему кусту и стал выглядывать из-за него на тропинку.

Тут только я опомнился. Бессшумно и стремительно я снова растянулся на ветке и так напоролся животом на сучок, что от боли даже крикнул, как утка. Четверо внизу не заметили этого.

— Идут? Ося, идут? — громким шепотом спрашивали из кустов.

— Не! Не видать, — отвечал маленький мальчишка.

— Ось! Где ты их видел? Где ты их видел?

— Метров двести от нас... Мы уже в парк входили. Я посмотрел назад, а они из переулка на площадь выходят. Девчата! Зина, Тамара, слушайте: мы с Никитой на мальчишек нападём, а вы сразу на Таньку наваливайтесь. Ладно?

Блондинка за своим кустом ничего не ответила, а рыжая проворчала почти басом:

— Ну да ещё! Станем мы драться! Что мы, хулиганки какие...

Оська снова взглянул на тропинку и тут же подался назад:

— Идут!

Трос в кустах затихли. Я не мог видеть тропинку, я видел только Оську, наблюдавшего за ней. Он то припадал грудью к самой земле, то ложился на бок, то снова поднимался на четвереньки.

— Идут! — шептал он в страшном волнении. — Метров пятьдесят осталось. Остановились... Ой! Одеваются во что-то... Ой!.. Маски надевают. Маски! Черные! Идут! — Оська попятился, заполз в кусты и уже оттуда торопливо прошептал: — Девчата! Зина! Если Танька будет мальчишкам помогать, вы с Тамаркой свои предрассудки бросьте, слышите?

— Угу, — послышалось из-за куста, сквозь который маячило рыжее пятно.

Больше никто не произнес ни слова.

И вот на полянке появились еще трое заговорщиков. Поэтесса Татьяна имела наружность, очень подходящую для поэтессы: у нее были темные локоны, бледное лицо и большие черные глаза с длинными ресницами. Обоих спутников ее даже без всякой драки стоило снять на киноплёнку. Чтобы Оська их не узнал, они напялили на себя черт знает что: лица обоих были закрыты масками, вырезанными из темной тряпки. Кроме того, один мальчишка был до пят закутан в старый байковый халат малинового цвета, а на другом был драный свитер и огромные брюки галифе шириной чуть ли не в рост самого мальчишки.

Они остановились среди полянки и стали оглядываться.

— Мальчики, а где кляп? У кого кляп? — нежным голосом спросила поэтесса. — Гриша, у тебя кляп?

— У меня. — Заговорщик в галифе вынул из кармана скомканый носовой платок и длинную толстую веревку. — Только зря вы все это. Лучше просто отколотить его, как все люди делают, и порядок.

Татьяна заспорила с ним:

— Знаешь, Гришка... В тебе вот ни на столечко фантазии

нет! Ну что интересного, если вы его отколотите? А тут... Тут прямо как в кино! Он идет, вдруг на него налетают двое в масках, затыкают рот, привязывают к дереву и исчезают.

— А первый прохожий его развязывает,— добавил Гришка.

— Ну и пусть развязывает,— вступился Андрей.— Зато он на всю жизнь это запомнит. А какой толк в твоём колочении? Он к нему с детства привык: его каждый день кто-нибудь лупит.

Гриша сказал, что ему, в конце концов, все равно, как поступят с Дробилкиным, и что ему только жалко веревки, которую Оська им, конечно, не вернет.

Все трое умолкли. Поэтесса отошла от своих спутников и стала разглядывать их с таким видом, словно это были прекрасные статуи.

Вот она заулыбалась, прищулив глаза и наморщив нос.

— Ой, мальчики, какие вы интересные! — пропищала она тоненьким голоском и, оглянувшись вокруг, потирая ладошки, добавила: — И вообще, как все это интересно! Как интересно!..

— Интересно, да? Интересно? — басом рявкнула Зинаида и вылезла из кустов.

— Интересно! Интересно! — закричала вся Оськаина компания, выскакивая на полянку.

Заговорщики оторопели, но не пытались бежать. Они только головами вертели во все стороны. Я приник глазом к видеокаселю. События стали развиваться очень быстро.

Рыжая коренастая Зинаида, пригнув голову, упершись кулаками в бока, пошла на поэтессу:

— Тебе интересно, да? Очень интересно, да? Интересно, как человека мучают, да?

Поэтесса тихонько пятилась, нацелив на Зинаиду две растопыренные пятерни.

— Только тронь, Зинка! Только тронь! Только тронь! Только тронь!..

Белобрысая Тамара прыгала перед Гришкой с Андреем, издеваясь над их костюмами, и называла их «шутами гороховыми». Никита, ухмыляясь, засучивал рукава и бормотал, что сейчас кое-кто узнает, как втроем на одного нападать.

— Никита! Никита, дай им! Дай им! — надрывался Оська, держась поближе к кустам.— Вы слышали? Вы слышали, что они хотели со мной сделать? Кляп в рот! Как бандиты настоящие! Никита, дай им, чего боишься! Дай им!

Вдруг Тамара подскочила к Грише и сдернула с него маску. Тот вытянул ее пониже спины сложенной в несколько раз веревкой.

Дальше все пошло как по маслу: Тамара завизжала и ухватилась за веревку; Никита налетел на Гришу и повалился вместе

с ним на землю. На помощь Грише бросился Андрей. На Андрея, оставив Танию, напала Зинаида, а через секунду ей в волосы вцепилась сзади поэтесса.

— Ура-а-а! Бей! — завопил Оська, почти совсем исчезая в кустах.

Весь дрожа от радости, чувствуя, что наступила самая счастливая минута в моей жизни, я поймал в видоискатель кучу малу, которая образовалась подо мной, нажал на спуск и... прямо похолодел.

Раньше я никогда не обращал внимания на то, как трещит мой киноаппарат. Только теперь я по-настоящему услышал его. Он тарахтел, как пулемет. Наверное, во всем парке было слышно.

Драка внизу прекратилась. Куча мала распалась.

Взъерошенные, растрепанные члены третьего звена подняли головы. Оська вылез из кустов.

Я остановил аппарат. Глубокая тишина наступила вокруг, и в этой глубокой тишине семь человек смотрели на меня, а я глядел сверху на них.

— Во! Шпион! — сказал наконец Оська.

Не спуская с меня глаз, Андрей зачем-то обошел вокруг клена. Маска его болталась на шее. У него были раскосые, как у китайца, глаза и под правым глазом темнел синяк, набитый, как видно, еще во вчерашней драке.

— Слезай! — сказал он.

Я пробормотал, что мне незачем слезать, что мне и здесь хорошо.

— Эй, ты! — закричал Оська. — Слезай, когда тебе приказывают! Не слезешь, так мы сами к тебе заберемся. Кувырком полетишь оттуда... Никита, Никита! Давай лезь на дерево! Чего ты боишься, давай лезь!

Пятиклассника Никиту можно было принять за восьмиклассника — такой он был здоровый. Я посмотрел, как он носторопливо поплеывает на ладони, и понял, что мне лучше будет спуститься без его помощи. Сползая со своего клена, я старался думать о том, что многие кинохроникеры часто подвергаются опасности и что я должен радоваться тому, что сейчас со мной произойдет, однако никакой радости так и не почувствовал.

Как только я спустился, вояки окружили меня со всех сторон. Девочки молчали, а мальчишки ухватили меня за ворот, за рукава и стали трясти.

— Ты кто такой?

— Ты что там делал, на дереве?

— Это что за штука у тебя? Говори! Что это за штука?

— Киноаппарат, — ответил я чуть слышно.

Никогда я не думал, что это слово на них так подействует.

Мальчишки сразу сбавили тон.

— Чего-чего? — переспросил Оська.

— Ну, кинокамера съемочная, — повторил я.

Все притихли и переглянулись. Потом Зинаида пробасила:

— Это как такое «кинокамера»? Чтобы в кино снимать?

— Ага!

— В настоящее кино! — воскликнул Оська. — И работает? Взаправду?

— Работает...

— И ты нас снимал?!

— Снимал. Только я не затем на дерево забрался, чтобы вас снимать. Я хотел пейзаж красивый снять, а тут пришли вы, и...

— И ты нас снял?! В настоящее кино! — еще громче закричал Оська. — И все получится? И все на экране будет видно, как мы деремся, и все такое?

Я кивнул.

— Во! Слышали? — ухмыляясь, сказал Никита.

— О-о-о-о-ой! — пропищала поэтесса и запрыгала на одном месте.

Затем они пристали ко мне:

— Ты когда проявишь пленку?

— Ты нам покажешь, когда проявишь?

— Слушай! Пойдем сейчас к тебе, ладно? Ты будешь проявлять, а мы тебе помогать... И сразу нам покажешь...

Теперь, когда опасность миновала, мне стало очень досадно, что моя киносъемка сорвалась. Я сказал угрюмо:

— А чего ее проявлять! Я вас и снять-то как следует не успел. Три секунды какие-нибудь...

Вояки огорченно притихли, но Оська быстро нашел выход:

— Так давай мы сейчас додеремся, а ты насними. Ребята, пошли на старое место! Кто кого бил, так и продолжайте. А ты лезь на дерево, снимай!

Я сказал, что хочу снять настоящую кинохронику, а не спектакль и что зря тратить пленку ценою в двадцать три рубля я не буду.

— Да ты и снимешь настоящую кинохронику, — сказал Андрей. — Мы взаправду будем драться. Верно, ребята?

— Конечно, взаправду! — подхватил Оська. — Мы так друг другу надаем — ты просто пальчики оближешь. Слушай! Тебе пленки жалко, да? Так мы тебе денег соберем, чтобы ты повую купил! На! Держи пока четыре рубля. Ребята, давайте у кого сколько есть, остальное потом додадим.

Денег при себе больше ни у кого не оказалось, но все дали мне честное пионерское, что сегодня же соберут двадцать три рубля и даже сами купят мне пленку. Мне, конечно, очень хотелось поработать заряженным аппаратом, а не трещать им вхолостую. Я согласился. Все очень обрадовались и вернулись на то место, где была куча мала. Только Зинаида не пошла с остальными.

— Зина, чего ты? Иди! — позвала ее Таня.

Зинаида насупилась и пробасила:

— Не пойду. И тебе, Таня, не советую. Было бы что другое, а в драке сниматься... Мы, Таня, как-никак девочки все-таки.

— Зина, но ведь это же кино! — сказала поэтесса. — Если бы мы в жизни дрались, тогда другое дело... А ведь это же в кино!

Зинаида наконец согласилась. На клен я больше не полез, а снял потасовку с земли. После съемки мы пошли ко мне и подняли дома такой тарарам, что папа с мамой сбежали к знакомым.

Несколько часов мы проявляли пленку, промывали, отбеливали, засвечивали, снова проявляли и фиксировали. Пока пленка сохла, мальчишки осмотрели мой киноаппарат и прикинули, кто какие детали может достать. Девчонки с Татьяной во главе успели за это время придумать такой киносценарий, что, если бы снять по нему картину, потребовалось бы пленки на несколько тысяч рублей.

Наконец лента просохла. Я занавесил окна и установил проекционный аппарат. Когда я демонстрировал кинокартину, зрители прямо-таки выли от восторга, а я все губы себе от досады искусал. Это была не хроника, а одно недоразумение. Участники потасовки все время смотрели в объектив, улыбались и так нежно касались друг друга кулаками, словно у них были не руки, а водоросли какие-то. Только у Оськи Дробилкина было зверское лицо, и он работал кулаками очень энергично, но бил он ими лишь по воздуху перед собой.

Так закончилась моя попытка снять боевую кинехронику. Моточек пленки мне купили на следующий день, но он до сих пор лежит неиспользованный. Такой счастливый случай, какой я упустил, еще раз едва ли подвернется. Члены третьего звена строят киноаппарат, каждый день бегают консультироваться ко мне и уже собрали тонну металлолома, чтобы купить объектив. Их теперь водой не разольешь.

«Феодал» Димка

Большие, чисто вымытые окна школьной читальни были открыты. Тянул мягкий, пахнущий сырой землей ветерок, и цветы в горшках на подоконниках, всю зиму простоявшие неподвижно, теперь шевелили листочками.

За одним из столиков, под широким солнечным лучом, сидели трое учкомовцев, за другим — провинившийся Димка Рожков и пострадавшая Нюся Беленькая.

Оба маленькие, худощавые, коротконосые, они сидели на разных концах стола и с каменными лицами дожидались начала заседания. На лбу у Нюси красовалась большая фиолетовая шишка.

Учкомовцев разморила весна. Жмурился от света здоровенный Пашка Грицина, поеживалась от ветерка, щекотавшего за ушами, черная сухонькая Зоя Кольцова, тихонько насвистывал какой-то вальс председатель учкома Женя Глуханский. Глаза его за круглыми очками были прикрыты, а длинный с горбинкой нос в такт вальсу описывал в воздухе круги и восьмерки.

Хлопнула дверь. Вбежала Оля.

Странная перемена произошла в председателе. Свист оборвался. Женя сидел теперь выпрямившись, поджав губы...

Сев за стол, Оля одернула рукава белой футболки, поправила светлые кудрявые волосы и улыбнулась во весь рот:

— Ой, товарищи, как на улице хорошо! Ой... я прямо не знаю, как хорошо!

Она быстро взглянула на председателя. А тот сидел прямой как жердь, рассматривая табличку: «Уходя, гаси свет».

— Очень жаль, что погода хорошая, — сказал он. — Была бы похуже, нам не пришлось бы ждать, пока Смирнова нагуляется.

Оля замерла с руками на затылке:

— Как не стыдно! Ты сам послал меня домой за протоколами!

Председатель долго, старательно зевал, потом ответил:

— Откуда я знал, что ты будешь наслаждаться природой, пока другие ждут.

— Это свинство! — Оля вскочила. Круглое лицо ее покраснело, синие глаза расширились. — Это свинство! Я всю дорогу бежала! Я...

— Хватит вам! Вы! — пробасил Грицина.

— Ничего не хватит! Мне надоели эти идиотские придирки! И это очень подло — переносить свою личную неприязнь на деловые отношения!

Оля села и стала грызть кончик носового платка.

— Истерика — лучший способ самозащиты, — изрек председатель.

С минуту учкомовцы молчали, хмуро поглядывая на «подсудимого» и «пострадавшую». Те ёрзали на стульях, усаживаясь поудобней.

Мрачно покачивая темным, нависшим на лоб чубом, Женья объявил:

— Н-ну... Многих члснгов учкома не хватает... Одни больны, другие — на соревновании. Я думаю, что мы и вчетвером сможем обсудить вопрос о поведении этого вот... типа.

Председатель встал во весь свой длинный рост и направил блестящие стекла очков на Диму:

— Рожков! Отвчай на вопросы. Был такой факт? В середине этого года, когда Беленькая впервые пришла к нам в школу, ты обмакнул ее косу в чернильницу.

Димка сидел, опустив голову, держась руками за край стула.

— Был, — ответил он тихо.

— Дальше! Во время зимних каникул, встретив Беленькую на улице, ты ударил ее снежком в глаз. Верно это или нет?

— Верно...

— Так. Теперь скажи мне, Рожков: ты живую мышь в школу приносил?

Димка молчал. Муха села ему на колесо. Он машинально поймал ее и принялся разглядывать.

— Рожков! Я тебя спрашиваю!

— Приносил, — шепнул Димка, отрывая у мухи лапу.

— А в буфете, во время завтрака, ты сунул эту мышь Беленькой за пазуху?

Димка молчал. Зоя постучала карандашом по столу:

— Рожков! Ты не у себя дома! Брось муху и отвечай!

— За шиворот, а не за пазуху, — сказал Димка и мрачно взглянул на нее из-под челки.

— Хорошо, — продолжал председатель. — Мы тебя, кажется, предупреждали, что подобная травля новеньких в советской школе недопустима, что, если ты не прекратишь своих выходов, тебе не поздоровится. И вот, вместо того чтобы исправиться, ты вчера подставил Беленькой ножку. Она упала и разбила себе лоб. Так, если не ошибаюсь?

Дима сидел, оттопырив губы. Он тяжело дышал и часто шмыгал носом. Нюся встала из-за стола. Держа руки по швам, она проговорила тихим, дрожащим голосом:

— И еще третьего дня он в меня резинкой стрельнул... Чуть кровь из уха не пошла...

Она снова села и застыла с неподвижным лицом. Женя тоже сел, откинувшись на спинку стула и протянув длинные ноги:

— Н-ну... Я думаю, дело тут простое. Говорите свое мнение.

Учкомовцы молчали. Молчали «подсудимый» и «пострадавшая».

За окном, на проводах воздушной сети, уселись две ласточки. Они, перебирая лапками, боком двигались по проводу и вытягивали шеи, заглядывая в окно.

— Выгнать! — басом сказал Грицина.

Зоя подняла указательный палец:

— Нет, товарищи! Не просто выгнать. Мы, конечно, можем ходатайствовать о переводе его в другую школу, но, товарищи, тут совершенно другое дело. Все мы здесь старшеклассники, и у нас не наблюдается случаев, чтобы мальчишки колотили девочек. А в младших классах, товарищи, это массовое бедствие. Мальчишки...

— Мальчики, — пробасил Грицина.

— Мальчики смотрят на девочек, как на существа низшие, всячески их притесняют. И я считаю, что это не что иное, как пережиток тех времен, когда на женщину смотрели, как на рабыню, товарищи...

— Загнула! — сказал Грицина.

— ...И по-моему, товарищи, мы должны организовать над Рожковым товарищеский суд, мы должны сделать этот случай достоянием всей школы, мы должны, товарищи, вытравить эти феодальные замашки из нашего коллектива.

Она замолчала. «Феодал» Димка кусал нижнюю губу. Нюся поглядывала на него.

— Так, — сказал председатель. — Грицина — за исключение. Зоя — за товарищеский суд. Смирнова! Твое мнение?

Нехотя, все еще грызя платок, Оля проговорила:

— Если бы всех за это исключали, то тебя давно бы в школе не было. Как ты меня в шестом классе изводил!

Председатель разозлился. Темный чуб снова заболтался над очками.

— Вот что, Смирнова: мы, кажется, говорим о Рожкове... Понятно тебе? По-моему, дело ясное. Рожкова предупреждали не раз, что такого хулиганства школа не потерпит и что подобное хулиганство...

— Какое тут хулиганство! — раздался вдруг спокойный тоненький голосок. — Никакого тут хулиганства нет.

Все обернулись.

Читальня была как бы перегороджена голубоватыми косыми лучами солнца, и за этими лучами, в дальнем углу, сидела белобрысая девочка лет тринадцати. Навалившись на стол, закинув красный галстук за плечо, она писала заголовок для стенгазеты.

— Как? Что ты сказала? — переспросил Женя.

— Никакого тут хулиганства нет.

— Так. А что же это, по-твоему?

Не поднимая головы, девочка ответила спокойно:

— Просто сохнет он. И всё.

— Чего? — поднял голову Грицина.

— Сохнет он по ней, говорю. Ну, нравится она ему.

Председатель встал, снял очки и положил их на стол. С него слетела вся официальность:

— Погоди... Что ты чепуху городишь! А зачем бьет тогда?

— Ну, все так делают. Небось, когда по мне Антошкин сохнул, я вся в синяках ходила и то никому не жаловалась.

— Черт!.. Вот так штука! — пробормотал Женя и, заложив руки за спину, принялся ходить по читальне.

Димка вскочил весь красный. Маленькие серые глазки метались из стороны в сторону.

— Ничего я по ней не сохну! — закричал он свирепо.

Нюся Беленькая сидела опустив ресницы, такая же красная, как и Димка.

— Врет она! Ничего я по ней не сохну! — повторил Димка с еще большим остервенением.

Председатель остановился над ним:

— Ну-ка... Вот что: выйдите-ка на минуту.

Димка выбежал из комнаты. За ним, семена тонкими ножками, вышла Нюся. Женя снова сел за столик.

— Черт!.. Вот задача! — Он повернулся к девочке: — Послушай!.. Как тебя!.. Ты уверена, что он именно... это... сохнет?

— Угу, — сказала девочка. — Весь класс знает.

— Да-а... — Женя подумал немного, теребя кончик носа. — Как же быть? А?... Если б он из хулиганства ее лупил, можно было бы ему всыпать. А тут — дело другое. Тут...

— А нам-то что? — сказал Грицина. — Сохнет не сохнет — все равно морду бьет.

Зоя проговорила очень серьезно:

— Нет, Грицина. Это, знаешь, формальный подход. Перед нами живой человек все-таки. И может, он даже страдает, товарищи.

Оля наконец вынула изо рта платок, положила его на стол и скомкала двумя руками.

— Меня интересует один вопрос, — заговорила она медленно, не поднимая глаз. — Выходит, что если тебе кто-нибудь не нравится и ты его изводишь, то тебя за это накажут. Если же тебе нравится кто-нибудь, так издевайся над ним сколько хочешь, и тебя же за это пожалеют. Странно очень!

Председатель слегка покраснел:

— Ничего нет странного. Тут нужно учитывать психологию.

— Интересно! Какая же это психология?

— А такая: человеку нравится девочка. Он не решается ей об этом сказать, ну и...

Он запнулся. Зоя помогла ему:

— Понимаешь, он не решается ей сказать, но ему хочется обратить на себя внимание. Понимаешь?

— И колотит?

— Да. Но не из хулиганства, а чтоб привлечь внимание.

Оля встала и в упор посмотрела на Женю:

— Дайте мне слово, товарищ председатель.

— Бери, кто его тебе не дает!

— Вот что я скажу. Рожков у нас не единственный. Вот... У нас много на него похожих... И даже в десятых классах есть. И я считаю, что Рожкова и ему подобных нужно судить товарищеским судом, как сказала Зоя... Потому что это безобразие! Никто не виноват, что им самолюбие не позволяет вести себя по-человечески. Будь моя воля, я бы этого Рожкова из школы выгнала... Они воображают, что никто ничего не знает. Нет!

Простите, Женечка! О Рожкове она говорит, что все знают, и о других тоже все знают. И, пожалуйста, избавьте нас от таких...

Снова наступило молчание.

Лицо председателя было в тени, а уши, сквозь которые просвечивало солнце, горели, как два светофора.

— Ничего не понимаю,— забормотал он.— Наговорила, наговорила, а чего наговорила, сама не разберет.

— Разберу великолепно! И ты разберешь,— буркнула Оля и опять вцепилась зубами в платок.

— Какие-то обобщения... которые никому не нужны... Говорила бы конкретно, что делать с Рожковым.

— Я знаю, что делать,— сказала Зоя.— Нужно, товарищи, не администрировать, а создать условия для нормальных дружеских отношений.

— Валяйте. Создавайте,— пожал плечами Грицина.

— Конкретно: нужно Беленькой и Рожкову дать совместную работу.

— Правильно,— сказал председатель.

— Бесполезно,— сказала Оля.

— Почему бесполезно? Общая работа всегда сближает.

— А я знаю, что бесполезно!

Председатель повернулся к ней и почти закричал:

— Вот что, Смирнова! Хочешь говорить, так говори прямо.

Понятно?

— Я и так прямо говорю.

— Конкретно: какую работу дадим?

Грицина потянулся и зевнул:

— Дать им написать лозунги к Первому мая.

— Нельзя,— сказала Зоя.— Нужна творческая работа.

Они помолчали и стали думать. Председатель грыз ноготь. Грицина рассматривал свои большие, измазанные чернилами кулаки. Оля широко открытыми злыми глазами смотрела перед собой, прижав ко рту платок. Так прошло минуты две.

— Ничего я по ней не сохну,— раздалось за дверью.

Послышался звук затрепчин — одной, другой, третьей, затем приглушенный писк. Учковцы повскакали со своих мест. Один стул полетел на пол.

— Рожков! Опять! — заорал Женя.— А ну-ка, войдите сюда. За дверью все стихло.

— Войдите сюда, я вам говорю!

Дверь открылась. Вошла Нюся, красная и взъерошенная. Она держалась рукой за затылок.

— А где Рожков?

— Убёг,— тихо ответила Нюся.— То есть он убежал.

— Он опять колотил тебя?

Нюся быстро отняла руку от затылка.
— Я спрашиваю: он опять тебя ударил?
Нюся подумала немного, опустив глаза.
— Не!.. — коротко ответила она.

...В светлой читальне было тихо и пусто. Девочка, трудившаяся над стенгазетой, встала из-за стола, потянулась и, подойдя к подоконнику, села на него. Болтая ногами, мурлыча какую-то песенку, она смотрела вниз, на теплый, тихий переулок. Крыши домов были уже совершенно сухие, но на мостовой между голубоватыми, розоватыми и серыми булыжниками еще чернела сырая земля.

Вот из дверей школы вышли Зоя и Грицина. Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Вот выбежала Нюся. Она весело поскакала по тротуару на тонких прямых ногах.

Вот вышли Оля в сером пальтишке и долговязый председатель в черном костюме. В каждой руке он держал по портфелю. Они остановились, поговорили немного и медленно побрели по чистому тротуару, обходя маленькие подсыхающие лужи. Два портфеля поочередно хлопали председателя по длинным ногам.

Девочка сползла с подоконника и вернулась к своему столу. Наматывая кончик красного галстука на палец, она с грустью смотрела на испорченный заголовок стенгазеты. Там было написано: «З а о т л и ч н у ю у ч е б у».

1940 г.

Д р е с с и р о в щ и к и

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка еще не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил:

— Извините, пожалуйста. Тут живет Гриша Уточкин?

— Ту-ут,— протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвел на нее довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую желтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него адел шелковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчесаны на пробор.

При всем этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стеганку, а в другой его руке был зажат конец веревки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределенной

масти собаки с торчащей клочьями шерстью. Вот эта стеганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно, — после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повел собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорят? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец веревки к перилам лестницы и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной темных взъерошенных волос и с суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав ее коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в прищельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин, — сказал тот, прикрыв за собой дверь. — Ты не удивляйся, что я к тебе пришел. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша.

— Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

— Мог бы. А как?

— Понимаешь, я ее дрессирую на собаку охранно-сторожевой службы. Я уже научил ее ходить рядом, садиться по команде, ложиться... Теперь я с ней отрабатываю команду «фасс»... Чтобы она бросалась, на кого я прикажу. А для этого нужен ассистент, совсем незнакомый для собаки человек.

— Чтобы она на него бросалась?

— Ага. Мы ее уже дрессировали с ребятами нашего класса, и она очень хорошо на них бросалась, но теперь она с ними перезнакомилась и больше не бросается. А надо закрепить рефлекс. Вот я тебя и прошу...

Гриша в раздумье почесал широкий нос:

— А если покусает?

— Во-первых, я ее буду держать на поводке, а во-вторых, ассистент надевает защитную спецодежду. — Олег развернул стеганку и вынул из нее такие же драные ватные штаны. — Со мной все мальчишки из нашего класса ее дрессировали, а она

только одного Сережку Лаптева немножко укусила. Согласен?

— Согласен. А где твоя собака?

— Я ее на лестнице оставил, чтобы она не знала, что мы с тобой знакомы. Я сейчас выйду с ней и буду ждать тебя на Тихой улице. А ты надевай спецодежду, приходи туда и подкрадывайся к Пальме, как будто злоумышленник. Ладно?

— Ладно. Иди!

Олег удалился. Гриша надел кепку и принялся облачаться в спецовку. Это оказалось делом нелегким, потому что брюки были огромных размеров. Стянув их ремнем под мышками и завязав тесемочками у щиколоток, Гриша стал похож на очень большую, диковинной формы гармошку. Ватная куртка, которую он надел, несколько поправила дело: свисая ниже колен, она почти совсем скрыла брюки. Рукава, болтавшиеся сантиметров на двадцать ниже кистей рук, Гриша засучивать не стал.

Грише, конечно, не хотелось, чтобы бабушка увидела его в таком костюме, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, он открыл дверь и прислушался, а потом уж выскользнул из квартиры.

Улица Тихая была и в самом деле очень тихой улочкой. Здесь вдоль тротуаров вкривь и вкось росли старые липы, за которыми прятались маленькие домики в один и два этажа. Движение тут было такое небольшое, что между булыжниками мостовой зеленела травка.

Придя сюда, Гриша издали увидел Олега, который расхаживал по мостовой, громко приговаривая:

— Рядом! Пальма, рядом!

— Эй! — негромко крикнул «ассистент».

Дрессировщик остановился, скомандовал Пальме сидеть и кивнул Грише головой: можно, мол, начинать.

Ассистент надвинул на нос кепку, свирепо выпятил нижнюю челюсть и, слегка приседая, болтая концами рукавов, зигзагами стал подбираться к собаке.

Пальма заметила ассистента и, сидя, принялась разглядывать его, склоняя бородатую морду то вправо, то влево. Когда Гриша приблизился к ней метров на десять, она поднялась и негромко зарычала.

— Пальма! Фу! Сидеть! — сказал Олег.

И Пальма неохотно села, продолжая скалить зубы.

Ассистент стал на четвереньки и тоже зарычал.

— Фасс! — крикнул Олег.

Пальма рывкнула и так стремительно бросилась на Гришу, что дрессировщик еле удержал ее за веревку.

Гриша вскочил и шарахнулся в сторону.

— Видал? — тихонько сказал Олег.

— Ага,— так же тихо ответил Гриша.— Только она и без твоего «фасса» бросилась бы... Ведь я ее дразнил.

— Теперь знаешь что? Теперь давай без дразнения. Ты спрячься за угол, а потом выйди и спокойно иди по тротуару. И даже не смотри в нашу сторону. Ладно?

— Ладно!

Гриша добежал до перекрестка, спрятался за угол и, подождав там минуту, степенно зашагал по противоположному от Олега тротуару. Вот он поравнялся с ними... Вот прошел мимо...

— Фасс!

«Рррав! Рав-рав!»

Обернувшись, Гриша увидел, как Пальма, натягивая веревку, рвется к нему.

— Здорово! — сказал Олег с другого тротуара.— Всё! Спасибо! Проверка сделана. Снимай спецодежду и иди сюда.

Гриша снял ватник и, отирая пот со лба, приблизился к

дрессировщику. Пальма попыталась цапнуть его за ногу, но Олег прикрикнул на нее и заставил сесть. Он улыбался, голубые глаза его блестели, а лицо разгорелось.

— Видел? Видел, что такое дрессировка? Ты даже не взглянул на нес, а она уже бросилась!

Стоя несколько поодаль от Пальмы, Гриша ковырял в носу.

— Ну и что ж, что бросилась! Я ее дразнил, она меня запомнила, вот и бросилась. И в такой одежде она на каждого бросится. Вот если бы она на ту тетеньку бросилась, тогда другое дело было бы! — И Гриша указал глазами на полную гражданку, которая вразвалочку шла по противоположному тротуару, держа в руке сумку с продуктами.

Олег перестал улыбаться и тоже посмотрел на гражданку. Когда она прошла мимо, он присел рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фасс!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и веревка дернула Олега за руку.

— Пальма, фу! — Олег с торжеством обратился к Грише: — Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Гриша уверовал в силу дрессировки. Держа под мышкой свою лохматую спецодежду, он присел на корточки перед Пальмой и стал разглядывать ее.

— Это какая порода? Дворяжка?

— В том-то и дело, что обыкновенная дворяжка!

— Если бы овчарка, она еще лучше бросилась бы, — заметил Гриша.

— А я, ты думаешь, для чего ее дрессирую? Я выучу ее, пойду в питомник, где служебных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчарку.

Гриша поднялся. Он все еще смотрел на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть... эти самые... где овчарок разводят?

— Питомники? Конечно, есть... При ДОСААФе есть, при Управлении милиции есть... Я в ДОСААФ пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

— А что такое лестница, барьер и выдержка?

— Лестница — это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, скомандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдет с места до тех пор, пока я не вернусь.

До сих пор Гриша мало был знаком со служебным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел

в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду флегматичный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идет рядом с огромной овчаркой, от которой все шарахаются в стороны, как он приходит с пей в школу и как на глазах у изумленных ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришину, слову перебирается через забор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Службное собаководство» называется, по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечен этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, четкие шаги. По противоположному тротуару шел милиционер — высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на ребят, возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олег тоже заметил милиционера.

— Смотрит,— тихо сказал он.

Польщенные вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него и тоже улыбнулись. Тот слегка им подмигнул. И вдруг Гриша вспомнил, что, по словам Олега, в Управлении милиции тоже ведь есть питомник. Он тихонько толкнул Олега в бок и зашептал:

— Покажи ему! Покажи ему, как она бросается!

— Неудобно.

— Ну, чего неудобно! Шутя ведь. Покажи!

Олег секунду поколебался, потом присел, вытянул руку в направлении милиционера и громко, чтобы тот слышал, крикнул:

— Пальма, фасс! Фасс!

Пальма рванулась, выдернула веревку из руки Олега и с яростным лаем понеслась к милиционеру.

— Тикай! — в ту же секунду крикнул Гриша.

Что было дальше с Пальмой, ребята не видели. Кинув сте-

гапку на тротуар, Гриша юркнул в ближайшие ворота. Олег бросился за ним.

Ребята даже не разглядели двора, в который они забежали, они заметили только, что у забора, справа от ворот, возвышается большая поленница, а между поленницей и забором есть щель шириной сантиметров в тридцать, если не меньше. Оба, словно сговорившись, свернули направо, втиснулись в эту щель и замерли.

Через несколько секунд до них донеслись размеренные шаги, затем стук пальцев по стеклу окна. Все это слышалось совсем близко, почти у самой поленницы. Прошло еще несколько секунд. Щелкнула задвижка, скрипнула дверь. Женский голос немного встревоженно спросил:

— Вам кого?

— Это ваши дети хулиганят, собак на прохожих натравливают?

— Де-ети? — протянула женщина. — У нас во всем доме ни одного ребенка нет.

— Ни одного ребенка нет, а я видел, как двое сюда побегали... Видите, что она мне сделала? Видите?

— Пожалуйста, войдите да посмотрите, если не верите. Двор у нас проходной. Вон калитка! Наверно, туда и убежали.

Несколько секунд длилось молчание.

— Ну, виноват... — пробормотал наконец лейтенант.

— Пожалуйста, — сухо ответила женщина.

Хлопнула дверь. Шаги милиционера стали удаляться в сторону, противоположную от ворот, и скоро совсем затихли.

Все это время мальчики простояли не шевелясь, не дыша, стиснутые между кирпичным забором и поленями.

— Вылезай, — прошептал Гриша.

— Тихе ты, дурак! — прошипел Олег и вцепился пальцами в Гришину руку повыше локтя. Он весь дрожал от испуга.

— Вылезай! А то вернется — здесь искать будет, — сказал Гриша и силой вытолкнул Олега из-за поленницы.

Не взглянув во двор, не поинтересовавшись, там ли милиционер или нет, ребята выскочили за ворота и со всех ног помчались по улице.

Они остановились только в подъезде Гришиного дома. На носу и щеке ассистента красовались большие ссадины: он ободрал лицо о поленья. Новенькие синие брюки дрессировщика были испачканы смолой, к ним прилипли мелкие щепочки и чешуйки сосновой коры.

— Вот это влипли! — медленно проговорил он, когда отдышался. — Дурак я был, что тебя послушался.

— Дурак, что веревку выпустил, — буркнул Гриша и сел на ступеньку, подперев подбородок кулаками, надув губы.

Олег подошел к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак натравливать!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, — проворчал Гриша.

— «Показать хотели»! — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты еще спецодежду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как еще — найти? — уныло спросил Гриша.

— А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодежду, и она по запаху найдет и меня и тебя, потому что ты тоже ее надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, вцепившись пальцами в локти, прошелся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом:

— Слушай! Давай так: если тебя поймают, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймают, я не буду говорить, ладно?

— Ладно. — Помолчав немного, Олег вздохнул: — Пока! Пошел. Тут еще уроки надо готовить...

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и дело оглядываясь... Гриша поплелся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице:

— Ишь ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто... — буркнул Гриша и прошел в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздастся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряженный матч между командой ребят из Гришиного дома, в которой он всегда играл вратарем, и футболистами соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется, — угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубинную комнату.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

— Гришунь, что это ты скучный такой?

— Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб:

— Всегда такой аппетит у ребенка, а тут еле жует.

— Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали, — сказал папа. — Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за часм обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймают?

— Как — что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат... За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшний небось натравил, — заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака... ну до того отвратительная — прямо глядеть тошно.

На следующий день было воскресенье. Все семейство собралось идти обедать к Гришиной тетке, которая праздновала день своего рождения.

Гриша хотел было сказать, что ему нездоровится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинешенек в то время, когда можно было бы сидеть среди веселых тетиных гостей, есть всякие вкусные вещи и слушать радиолу...

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать на автобусе, а прогуляться пешком. В каждом милиционере Грише чудился тот самый лейтенант, и он не шел по улице, а все время маневрировал. Едва увидев человека в милицейской форме впереди себя, он сразу отставал от родных и шел за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционера сзади, он забегал вперед и шел так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят, что ты вертишься как заведенный! — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцати от Гриши из какого-то магазина вышел высокий милиционер и направился прямо к не-

му. Гриша не успел разглядеть его лица, не заметил, какие на нем погоны. Он тут же юркнул в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две все семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщето покрикивая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дури! Что, маленький, в самом деле?

— Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

...С не меньшими предосторожностями шел Гриша на следующее утро в школу.

У школьного подъезда он встретил Олега. На нем вместо синих брюк были теперь серые, вместо желтой тенниски была белая рубаша. На голове у Олега сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олегом.

— Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?

— Пальма вернулась?

— Вчера еще. А у тебя как?

— Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось. Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олегом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олега, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то... Ничего не ест, не пьет да все лежит...

— Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в следующее воскресенье случилось вот что.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

— Здравсте! — сказал он и, помолчав, добавил: — Приятного аппетита!

Затем он помолчал еще немного, вобрал в себя воздуха и вдруг выпалил:

— Уточкин, я пришел тебе сказать, что тебе нужно делать прививки!

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак! — негромко сказал Гришин папа.

— Ну, вот словно сердце чуяло! — проговорила бабушка. — Только он пришел со своей собакой этой, так... ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушел. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь.

Он лег спать в очень мрачном настроении, проснулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Во! Еще один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в школе, помимо Гриши, было еще целых тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на Пастеровскую станцию.

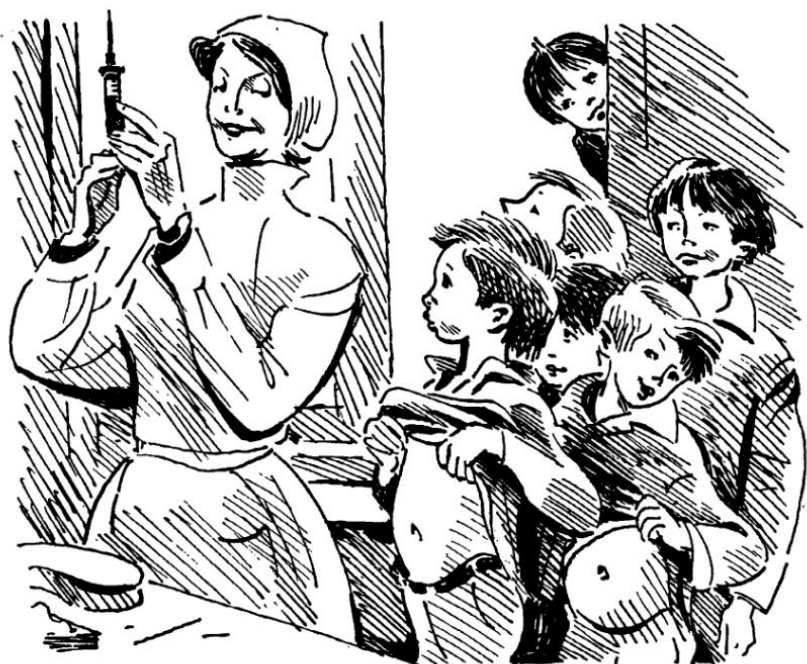
Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались вовсю. Среди школьниц нашлось несколько девочек, которые боялись подходить к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щелкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на Пастеровскую станцию.

— Олег, командуй!.. Олег, построь своих бешеных! — раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

— Бешеные! Построиться! Правое плечо вперед, шагом марш! — скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся ассистенты парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах веселый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон.

Врачи и сестры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первичноукушенных». Эта табличка всех еще больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные!

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олег скомандовал: «Первичноукушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику впрыснули по порции сыворотки в животы. И, хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись по домам в разные стороны. Гриша и Олег жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни.

Бодро шагая рядом с Гришей, Олег вспомнил все пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он, улыбаясь. — Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу, зато смеха было сколько! — вставил Гриша.

— Главное — ко всему относиться с юмором, — философствовал Олег. — Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... — Он вдруг умолк, глядя куда-то вперед, в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое несчастное выражение.

Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олег, и тоже весь как-то осунулся. Недалеко от них на середине перекрестка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами.

Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Э-э, а лейтенант-то?... — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала, — сказал наконец Гриша.

— Почем я знаю, — почти шепотом ответил Олег.

— А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг остановился.

— А если бешеная? А если покусала, тогда что? — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрет? Тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— «Надо, надо!» А как ты предупредишь? Как предупредишь? Пойдешь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки»? Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я... Нет... нет, не дурак, а просто идиот; что послу-

шался тебя, — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

— И еще из пионеров исключат, — добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаги, поглядывая на них.

Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олег не вспомнили об этом.

Каждый из них с тоской представлял себе, как его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести все это. И каждого вместе с тем мороз продирает по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть, — медленно проговорил Гриша.

Олег помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдем и заявим.

Гриша не ответил. Олег помолчал еще немного и вдруг быстро поднялся:

— Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем еще два дня мучиться. Идем!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили так уж решили, — сказал Олег.

— Куда пошли? — проворчал Гриша, не поднимая головы.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдем расскажем все, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах, так! Ну и пожалуйста!.. Как хочешь!.. — Олег всхлипнул. — Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты... Как хочешь... Пожалуйста!..

И Олег, вытянувшись в струнку, слегка подрагивая узкими плечами, не оглядываясь, быстро пошел по тротуару.

Тут только Гриша поднял голову и стал смотреть вслед удаляющемуся товарищу. Через минуту он вскочил и рысцей догнал дрессировщика:

— Ладно. Пошли.

Прятели рядышком зашагали по тротуару. Пройдя два

квартиры молча, Олег громко, с какой-то судорожной уверенностью в голосе, заговорил:

— Вот увидишь, что нам ничего не будет! Ну, вот увидишь!.. Ведь они же должны понимать!.. Ведь мы же благородный поступок... Ведь мы же ему, может быть, жизнь спасаем, правда? Ведь они должны понять, правда?

Гриша молчал, только сопел.

И вот они остановились перед подъездом, рядом с которым была прибитая вывеска: «Третье отделение милиции».

— Пошли? — чуть слышно сказал Олег, взглянув на Гришу.

— Пошли, — прошептал тот.

И оба не двинулись с места.

— Ну идем? — сказал через минуту Олег.

— Идем.

Олег приоткрыл дверь, заглянул в нее, потом тихонько, словно крадучись, вошел в подъезд. Следом за ним бочком протиснулся и Гриша.

Ребята очутились в длинном коридоре с двумя рядами закрытых дверей. Только первая дверь справа была открыта. Она вела в комнату, разделенную на две части деревянным барьером.

Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький, толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом в дальнем углу сидел еще один милицкий работник.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам?.. Нам... начальника... — пролепетал Олег.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: — «Заявить»!

Ассистент с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. Лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, сверкая маленькими глазками и с каждой секундой все больше распаляясь, кричал в телефон:

— А я из-за вас получать взыскание не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу... Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. — Лейтенант взял со стола какой-то зеленый конверт, потряс им над головой и с размаху бросил на стол. — И вы дурака не валяйте, товарищ Фролов. Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олег толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шепот:

— Дураки мы! Пойдем скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кончены разговоры! Всё! — яростно прокричал толстый дежурный, треснул трубкой о рычаг и, сопя, повернулся к мальчикам: — Так! Слушаю вас!

Мальчики взглянули друг на друга и ничего не ответили.

— Ну? Что вам угодно? — повысил голос дежурный.

— Нам... мы... нам ничего... мы просто так... — пробормотал Олег.

— Как это «просто так»? Гулять, что ли, сюда пришли?

— Мы... мы... Пойдем, Уточкин, — быстро сказал Олег.

Мальчики дернулись было к выходу, но тут же застыли на месте, в ужасе приоткрыв рты и вытаращив глаза. В дверях стоял тот самый лейтенант.

Гриша так и не запомнил, сколько длилось страшное, леденящее душу молчание. Ему казалось, что прошли целые часы, прежде чем Олег выговорил сдавленным голосом:

— Здравствуйте, товарищ лейтенант!

— Здравия желаю! — ответил тот, вглядываясь в мальчишек.

И вдруг дрессировщик и ассистент, словно подхваченные волной отчаяния, заговорили одновременно, заговорили громко, быстро, перебивая друг друга, стараясь друг друга перекричать:

— Товарищ лейтенант, вы... вы... нас простите, это мы на вас тогда собаку...

— Ага... нечаянно... мы вам только показать...

— Мы ее дрессировали на собаку охранно-сторожевой службы...

— Он поводок нечаянно упустил. Он вам только показать, а она вырвалась...

— Мы стратабывали с ней команду «фас», и мы хотели потом пойти в питомник и показать, как мы ее дрессируем...

— Вам теперь прививки надо делать...

— И мы хотели попросить, чтобы нам дали настоящую овчарку на воспитание, и...

— Потому она, может быть, бешеная. Нам тоже делают прививки...

По мере того как дрессировщик с ассистентом несли эту околесицу, лицо лейтенанта становилось все жестче, все суровее.

— Ясно! Хватит! — вдруг крикнул он и, сунув руки в карманы брюк, большими шагами стал ходить по комнате.

Ребята умолкли. От них, как говорится, пар шел.

— А, ч-ч-черт! — прорычал высокий лейтенант.

Дежурный сидел, низко склонив голову над столом, и Гриша заметил, как он покусывает губы, чтобы не рассмеяться.

Милиционер, сидевший в углу, закрыл лицо растопыренными пальцами правой руки, и плечи у него дрожали. И милиционер, стоявший у двери, тоже сдерживал улыбку.

— А, ч-черт! — повторил лейтенант и вдруг, вынув руки из карманов, сжав кулаки, остановился перед мальчишками. — Да вы... Да я вас сейчас... да я!.. — выкрикнул он громко и, так и не договорив, снова принялся шагать по комнате.

— Это которая тебе брюки на коленке порвала? — спросил дежурный, все еще глядя в стол.

Лейтенант не ответил. Тогда дежурный поднял голову и обратился к Грише:

— Так! Твой адрес и фамилия?

— Кузнецов переулок, дом три, квартира восемь, — тихо ответил тот.

Дежурный записал адрес и посмотрел на Олега:

— Твой?

— Проезд Короленко, дом пятнадцать, квартира один.

— Так. Идите!

Мальчики направились к двери, но через два шага Олег остановился и обернулся к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, а что нам теперь будет?

— Там увидим. Идите, пока целы.

Милиционер, стоявший в дверях, пропуская ребят, легонько щелкнул Гришу по макушке.

Очутившись на тротуаре, мальчишки бросились бежать, словно боясь, что лейтенант сейчас выскочит и погонится за ними. Когда же свернули в ближайший переулок, Олег вдруг остановился, сунул руки в карманы брюк и прислонился спиной к стене дома.

— Дураки, дураки и дураки! — сказал он медленно и негромко.

— Кто... дураки?

— Мы с тобой дураки: зачем мы правдашние адреса дали? Ведь никто не проверял.

Гриша в ответ на это только вздохнул.

Одиннадцать дней Гриша ждал, что его родителей вызовут в милицию. На двенадцатый день, когда он был в школе, раздался звонок. Бабушка открыла дверь и увидела стройного лейтенанта в милицейской форме.

- Виноват! Здесь живет Гриша Уточкин?
- Зде-е-есь, — протянула бабушка упавшим голосом.
- Дома он?
- Не-с-ту... В школе!..
- Разрешите на минуту!..

Бабушка посторонилась, пропуская лейтенанта в переднюю, и тут только заметила, что лейтенант ведет на поводке щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста, — сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку. — На ошейнике монограмма есть. И скажите, что привет им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился.

Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошел к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней было выгравировано:

«Грише Уточкину и Олегу Волошину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!.. — прошептала бабушка.

1954 г.

И с с л е д о в а т е л и

Как-то раз, еще будучи студентом-практикантом, я присутствовал на уроке Николая Николаевича.

Николай Николаевич стоял, вытянувшись перед классом, чуть приподняв седую бородку клинышком. Белая, вся в вихрах и завитушках шевелюра его резко выделялась на фоне классной доски, а черная суконная блуза-«толстовка» почти сливалась с ней. В правой руке он держал раскрытую книгу, в левой — пенсне на черной тесемочке. Не глядя в книгу, чуть помахивая пенсне, он взволнованно читал:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Сидя на самой задней парте, я видел перед собой тридцать шесть затылков и по ним мог судить о том, с каким вниманием слушают ребята Николая Николаевича. Темные и белобрысые, с косами и без кос — все затылки держались на слегка вытянутых шеях и были совершенно неподвижны.

Но вдруг два затылка — один рыжий, другой черный — оживленно задвигались. Двое мальчишек, сидевших за одной партой, принялись указывать друг другу куда-то под потолок и громко шептаться.

Николай Николаевич укоризненно взглянул на ребят. Те уgomонились, но ненадолго. Вскоре рыжий поднял маленький грязный кулак и кому-то им погрозил.

Несколько учеников возмущенно взглянули на рыжего. Николай Николаевич нервно дернул бородкой в его сторону.

— Анатолий, голубчик! Если тебе неинтересно, можешь выйти из класса, но другим слушать, пожалуйста, не мешай, — сказал он сдержанно и продолжал чтение.

Дойдя до второй части стихотворения, Николай Николаевич понизил голос. Гневно поглядывая на класс, он стал читать медленно и тяжело:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!

— Хи-хи! — раздалось в классе.

Николай Николаевич захлопнул книгу.

— Я не могу... — заговорил он подрагивающим голосом. — Я не могу продолжать урок при таком отношении к творчеству Михаила Юрьевича. Я убедительно прошу Анатолия выйти из класса и не мешать коллективу работать.

Рыжий мальчишка сидел за своей партой не шевелясь.

— Толька, выйди!.. Слышишь? Выходи, Толька! — закричало несколько голосов.

Толька вздохнул на весь класс и направился к двери.

— Виноват! Минутку! — проговорил Николай Николаевич. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Мальчишка повернулся и подошел к учителю. Маленькое лицо его было светло-малинового цвета, на нем такие же рыжие, как волосы, поблескивали веснушки, и из этого пестрого окружения тоскливо смотрели небольшие голубые глаза.

Николай Николаевич осторожно приподнял кончик красного галстука, висевшего на шее у Анатолия.

— Что это такое? — спросил он.

— Галстук, — тихо сказал мальчишка.

— Какой галстук?

— Пионерский.

Мальчишка не проговорил, а прохрипел это, но все в классе услышали его.

Николай Николаевич серьезно посмотрел на класс:

— Обращаю внимание товарищей пионеров на это явление. Анатолия прошу подождать меня возле учительской.

Николай Николаевич умолк и протянул руку с пенсне по направлению к двери. Мальчишка с напряженной физиономией вышел из класса.

— Безобразие! До чего разболтались! — пробормотал Николай Николаевич, снова раскрывая книгу.

Но в это время сдержанно засмеялся один ученик, потом другой, третий, и через несколько секунд уже громко хохотал весь класс. Все смотрели туда, куда только что глядел пострадавший Анатолий.

Посмотрел туда и Николай Николаевич. Посмотрел и я.

На стене, под самым потолком, была вентиляционная отдушина, прикрытая железной решеткой величиной с тетрадь. И за этой решеткой виднелось человеческое лицо. Николай Николаевич сразу притих. Мягкими шажками он сошел с кафедры и стал напротив решетки, заложив руки за спину.

— Эт-то что такое? — проговорил он очень тихо.

В коридоре раздался звонок. Учебный день кончился, но в классе царил такая же тишина, как и в начале урока.

Физиономия за решеткой быстро уплыла в темноту.

Николай Николаевич почти выбежал из класса. Я бросился за ним.

Мы разыскали дворника, узнали от него, что попасть в вентиляционную систему здания можно только через котельную, и вместе с ним спустились в подвальный этаж. Дверь котельной оказалась запертой. Николай Николаевич шепотом спросил дворника:

— Матвей Иванович, могу я узнать, как они сюда попали?

— Стало быть, через окно, — ответил тот, ковыряя ключом в замке.

Вошли в котельную. Там было прохладно, пахло сажей. Слева, высоко от пола, светились два окна с покатыми подоконниками, справа стояли два бездействующих (был май), коричневых от ржавчины котла. В конце помещения кирпичная стена имела выступ, похожий на огромную голландскую печь. Внизу на выступе имелась металлическая дверка, тоже похожая на

печную, но только гораздо больших размеров. Дверник молча указал нам на нее.

— Николай Николаевич... — начал было я.

— Тшшш!

Мы услышали шорох, и все трое тихонько спрятались за котел. Послышалось два приглушенных голоса:

— Ну, чего ты там застрял?

— Погоди! Я за что-то зацепился.

Железная дверца приоткрылась, и из нее выполз худенький мальчишка лет двенадцати, с тонкой, очень серьезной физиономией и давно не стриженными волосами, серыми от осевшей на них пыли. Следом за ним появился другой мальчишка, толстый, круглоголовый. Он выглядел примерно на год младше первого.

Оба они принялись хлопать ладонями друг друга по бокам, по спине, и пыль, поднимавшаяся от их костюмов, образовала целое облако.

— Знаешь, меня Николай Николаевич, наверно, узнал, — сказал толстый мальчишка. — Я заглянул к нему в класс, а он как увидит да ка-ак закричит: «Это что та...»

Николай Николаевич, стоявший согнувшись за котлом, молча выпрямился. Выпрямились и мы с дворником. У обоих мальчишек челюсти отвисли от ужаса.

Заложив руки за спину, учитель приблизился к ним.

— Итак, что вы делали, позвольте узнать? — ровным голосом спросил он.

Мальчишки молчали. Толстый рассеянно смотрел на кирпичную стену подвала, тонкий шевелил носком ботинка валявшийся на полу кусочек кокса.

— Ну-с! Я жду!

Толстый поднял на Николая Николаевича полные грусти выпуклые глаза и, снова опустив их, прошептал:

— Исследовали...

— Просто лазили, — тихо поправил его товарищ.

— И для этого сбежали с урока?

«Исследователи» молчали.

— Блестяще! — сказал Николай Николаевич. — А знаете ли, дорогие, как можно назвать ваш поступок? Растратой государственных средств! Да, да! Самой настоящей растратой государственных средств. Государство тратит огромные деньги, чтобы дать вам образование, чтобы сделать из вас людей, а вы что делаете во время запятий? И сами не учитесь и мешаете другим! Как это можно назвать?

Толстый растратчик государственных средств тихонько заплакал. Тонкий наступил каблуком на кусочек кокса и принялся сверлить им цементный пол.

— Идите! И прошу подождать меня возле учительской.

«Исследователи» бесшумно вышли из подвала. Николай Николаевич обратился к дворнику:

— Матвей Иванович, надо запереть эту дверку. Этак много любителей найдется.

— Да тут был замок... Не знаю, куда делся.

— Очень вас прошу: сейчас же найдите новый и повесьте.

Мы с учителем остались одни. Николай Николаевич прошелся по котельной и улыбнулся, покачивая головой.

— Ужас, что за народ! — вздохнул он.

Он помолчал, оглядывая котельную, причем бородка его резко дергалась во все стороны. Потом вздохнул и заговорил мягко, задумчиво:

— Да, милый вы мой! Удивительно все-таки жизнь устроенная! Тридцать лет преподаю в этой школе, смотрю на эти отду-

шины с решетками и ни разу не подумал, что у меня под боком такой лабиринтище.

Он еще раз осмотрелся кругом, нагнулся и зачем-то заглянул под котлы.

— Вот вы живете в доме, живете десятки лет. Уж, казалось бы, вы должны знать его до последней балки. А вы и сотой части не знаете. А потом вот такой... как бы вам сказать... шпингалет открывает вам глаза. А? Милый мой, разве не удивительно?

Я кашлянул и сказал:

— Да... Конечно...

Николай Николаевич теперь прохаживался по котельной и размахивал в воздухе пенсне:

— В конце концов, настоящая любознательность, то есть чисто биологическая страсть к познанию мира, живет в человеке очень недолго... Лет с пятнадцати-шестнадцати мы уже перестаем замечать весьма многие окружающие нас явления. Мы сосредоточиваем свое внимание на... как бы вам, милый мой, сказать... на весьма узкой сфере этих самых явлений... Мм-да!

Николай Николаевич остановился, надел пенсне и принялся разглядывать выступ в стене.

— По всей вероятности... — Он помолчал, соображая. — По всей вероятности, такая система вентиляции в современных домах не строится. Стены слишком тонкие. А это... вы посмотрите... это же целый лабиринт...

Он подошел ближе к выступу:

— Очевидно, это основной, центральный, так сказать, канал... Или шахта. Как вы думаете? А? От него идут ответвления...

Николай Николаевич открыл железную дверцу и нагнулся, заглядывая в нее:

— И в этих ответвлениях... в этих ответвлениях создается своего рода сквозняк...

Голос Николая Николаевича стал глуше, потому что он совсем вошел в отверстие и теперь стоял выпрямившись в шахте.

Мне стало скучно:

— Пора, Николай Николаевич. Может быть, пойдемте...

— А вот тут скобы есть, — донеслось из отверстия, — чтобы лазить... Удивительно, как все предусмотрено! Очевидно, для очистки. Мм-да... Гм! Гм!

Бормотание Николая Николаевича стало еще глуше и отдаленнее. Я сунул голову в отверстие:

— Пойдемте, Николай Николаевич. Уже, наверно, из школы все ушли.

Откуда-то сверху из темноты донесся голос:

— Гм! Вы только посмотрите: эта шахта... Идите-ка сюда. Да нет, вы идите сюда... Вот здесь, на стене, металлические скобы, так вы по ним... Вы обратите внимание, как здесь все предусмотрено... Да вы лезьте сюда. Вот здесь, около меня, уже боковой ход...

Я подумал, что старик обидится, если я его не послушаюсь, и, нащупав скобы, полез во тьму... Вскоре я коснулся головой ботинка Николая Николаевича.

— Виноват, — сказал он.

В это время внизу, в котельной, слышались шаги.

— Николай Николаевич, идет кто-то, неудобно.

— Тш-ш! — прошипел Николай Николаевич.

Мы притихли. Шаги приблизились. Глухо хлопнула металлическая дверца, что-то лязгнуло, потом щелкнуло. Шаги, на этот раз чуть слышные, удалились.

Если раньше можно было видеть слабо освещенное дно шахты, то теперь наступила абсолютная, кромешная темнота.

— Милый вы мой, — забормотал над моей головой Николай Николаевич, — мы, кажется, большую оплошность допустили.

— А именно?..

— Несомненно, это дворник приходил.

— И он запер нас?

— Да, голубчик, по всей вероятности.

— Гм!

— Да-а!

Мы помолчали. Николай Николаевич завожился наверху:

— Вы разрешите мне спуститься. Все-таки, знаете ли, седьмой десяток.

Я сполз по скобам вниз, за мной — педагог. В узкой шахте мы стояли вплотную друг к другу. Я потрогал дверцу:

— Заперта, Николай Николаевич.

Он вздохнул:

— Милый вы мой! Как это все нехорошо получается!

Опять помолчали. Потом я предложил:

— Кричать надо.

— Кричать? Гм! Да... Кричать... Но, знаете, уж больно это будет... как бы вам сказать... странно. Вы же сами понимаете, занятия кончились, но много детей еще осталось: кто в кружках, кто в читальне, а мы будем кричать, и в каждой комнате услышат... «Что такое?» — скажут. «А это Николай Николаевич в трубу забрался и голос подает». Неловко.

— Так что же делать?

— Честное слово, ничего не могу придумать, милый вы мой. Поверите ли... со мной никогда подобных приключений не случалось...

Я сказал, что охотно верю. Я начинал злиться.

Николай Николаевич дотронулся до моего плеча:

— Знаете что, голубчик? Вы человек молодой, ловкий... Может быть, вы слазите в какой-нибудь боковой канал и тихонько, не поднимая шума, скажете кому-нибудь: так, мол, и так, случилось такое досадное происшествие... А? Я вам буду очень признателен за это.

Что ж делать? Я снова нащупал шершавые скобы и стал карабкаться в потемках наверх, жалея, что у меня нет спичек. С каждым движением на меня сыпались какие-то соринки, было очень пыльно, и я чихал. В темноте я не видел, на какую высоту залез, но когда я добрался до первого бокового хода, то вообразил, что вишу над бездонной пропастью. Хорошо, что Николай Николаевич время от времени покашливал внизу.

Боковой канал был четырехгранной трубой длиной метров в шесть. В конце его сквозь решетку проходил свет. Я лег на живот и стал протискиваться в тесной трубе, засыпанной пылью, кусочками извести и кирпича. Когда я добрался наконец до решетки и стал смотреть через нее, то долго не мог понять, к какому помещению попал. Все оно было заполнено какими-то перегородками. Когда же понял, то полез обратно. Вылезая из трубы, я выгреб своим телом кучу мусора, и он полетел вниз. Николай Николаевич закашлялся, зачихал, потом бодро спросил:

— Ну, каковы результаты?

— Раздевалка, Николай Николаевич.

— Жаль, жаль!

Долго я ползал по пыльным и тесным ходам этого дурацкого лабиринта. И каждый раз попадал или к совершенно пустому классу, или к классу, где занимался какой-нибудь кружок. В конце концов я подполз к учительской. Там вокруг большого овального стола сидели все педагоги школы и слушали выступление директора — высокого человека в кавказской рубахе. Поспешно отступая от учительской, я заметил, что есть еще один канал, перпендикулярный тому, по которому я полз. Я залез в него, добрался до решетки, заглянул сквозь нее и сразу дернулся назад.

Решетка выходила в коридор. В коридоре, как раз напротив решетки, стояли и тихо разговаривали Анатолий (рыжий мальчишка, изгнанный Николаем Николаевичем из класса) и два «исследователя», из-за которых мы попали в эту историю.

Совершенно измученный, я спустился на дно шахты:

— Плохо, Николай Николаевич!

— Никого не нашли?

— Нашел. В учительской заседание педсовета.

— Ох!

— А рядом с учительской трое ребят, с которыми у вас должен быть разговор.

Николай Николаевич вздохнул где-то возле моего плеча и прошептал:

— Все еще меня ждут.

Мы помолчали с минуту.

— Итак, милый мой, что же вы предложите?

— Что же предлагать! Нужно опять добаться до учительской.

— Ох, милый мой, что вы!.. — взволнованно зашептал Николай Николаевич. — Вы все-таки войдите в мое положение... Директор наш и все педагоги — милейшие люди, но... как бы вам сказать... едва ли они смогут понять причины, побудившие меня, старика...

— Эх, Николай Николаевич! А кто их сможет понять, эти причины!

— Мм-да... Конечно, но... Нет, я против этого. Категорически против.

— Ну так что же... Этим вашим мальчишкам говорить?

Николай Николаевич ответил не сразу:

— Видите ли, голубчик... При условии соблюдения ими полнейшей тайны это был бы неплохой выход... Они очень хорошо относятся ко мне, но в данном случае они являются лицами, до некоторой степени от меня зависимыми... Вы ведь знаете, чего они от меня сейчас ждут... И вот поэтому я не считаю себя вправе заставить их оказать мне такую...

— Да бросьте, Николай Николаевич! Я пошутил.

— Нет, почему же «бросьте»... Вы знаете, я нашел выход! Отправляйтесь сейчас к ним...

— К кому?

— К ребятам, разумеется... И скажите, что Николай Николаевич попал в такую-то беду и обращается к каждому из них, как... ну, человек к человеку. Причем обязательно подчеркните, что неприятный разговор у меня с ними все равно будет, это мой долг, а к ним обращаюсь как человек к человеку, а не как педагог или там начальство...

— Бросьте, Николай Николаевич. Только что распекали их за это дело, а сами...

— Ну, знаете, милый вы мой... Они прекрасно знают, что я распекал их за пренебрежение занятиями, а не за вполне естественную любознательность, здоровую страсть к исследованиям. Если бы, голубчик, не было этой страсти, Америка не была бы открыта.

— Тогда уж лучше сообщить о нашем положении кому-ни-

будь одному из них, а не всем троим. Но вот как это сделать?

— Не надо! Один разболтает. Обязательно разболтает. А трое — никогда. Ступайте! Ступайте! Они поймут. Только прежде всего возьмите с них слово, что все останется в тайне.

— Все-таки тайну нужно сохранить? — пробормотал я.

— Ничего не поделаешь. Нужно считаться... как бы вам сказать, со своего рода условностями. Ступайте, дорогой. Ступайте!

Николай Николаевич тихонько подталкивал меня, пока я снова не полез по скобам во тьму.

Добравшись до нужной решетки, я долго смотрел через нее на мальчишек. Они уже не разговаривали, а переминались с ноги на ногу, тоскливо поглядывая в конец коридора. Рыжий Анатолий присел на корточки у стены, вынул из кармана карандаш и принялся грызть его, отдирая зубами мелкие щепочки.

Долговязый «исследователь» вентиляционных каналов проговорил:

— Да не придет он. Уже, наверно, из школы ушел.

Рыжий даже не взглянул на него:

— Да, «не придет»! Не знаешь, так молчи уж.

— А что?

«Исследователи» сели рядом с Анатолием.

— А то! Ты в четвертом?

— В четвертом.

— Он у вас не преподает еще. Вот перейдешь в пятый, тогда узнаешь!

Рыжий некоторое время трудился над своим карандашом, потом вдруг повернулся к «исследователю»:

— Знаешь самое первое правило для хорошего педагога? Никогда с детьми не трепись зря. Сказал — и делай. А Николай Николаевич знаешь какой педагог? О нем в «Пионерке» писали.

— Знаю. Только строгий очень, — вздохнул толстый.

— Не будешь с нами строгим, так мы всю школу разнесем.

Рыжий снова припнулся за карандаш. Я лежал в своей норе, таращил на них глаза и глотал от волнения слюну. Лишь минуты через две я собрался с духом и прошептал:

— Мальчишки!

Они не услышали. Толстый опять заговорил:

— А кто это молодой такой? С ним был.

Анатолий вынул из карандаша графит и стал писать им у себя на ладони.

— Ерунда. Практикант.

Мне стало душно. От пыли свербило в носу. Хотелось чихнуть.

— Мальчики! Мальчики! Ребята! — шепнул я уже погромче. Все трое дернули головами, разом поднялись и усталились на меня. Толстый мальчишка тихонько хохотнул.

— Во! Еще один!

Анатолий швырнул в решетку мусор, оставшийся от карандаша:

— Тебе здорово всыплут! Их уже поймали.

— Ребята!.. Мальчики!.. Я не то... Я говорю, я не тот, кто вы думаете. Я к вам как человек к человеку (тьфу, черт!)... Одним словом, я к вам по поручению... ну, от Николая Николаевича... Вернее, не от Николая Николаевича, а...

— Чего ты там бормочешь? — спросил толстый.

— Я говорю... Видите ли, какая штука... Николай Николаевич... Ну, просто к вам обращается. Тут маленькая неприятность вышла... Одним словом, нас заперли... Дворник запер. И вот мы... Нечаянно, конечно, запер...

Рыжий вдруг перестал скалить зубы.

— Вы кто: практикант? — догадался он.

— Ну конечно, практикант! — обрадовался я и стал говорить более внятно: — По некоторым причинам, ребята, мы с Николаем Николаевичем оказались запертыми в этой штуке. И вот Николай Николаевич обращается к вам с просьбой выручить нас, но так, чтобы никто не знал. Все мальчишки просияли, как будто я предложил им ехать на Северный полюс.

— Где заперли? Ту дверку? — спросил тощий мальчишка.

— Ну да. Внизу.

Толстый от восторга ударил своего приятеля по спине:

— Вот это Николай Николаевич!

Анатолий тянул их обоих за рукава:

— Пошли! Пошли!

— Сейчас выручим, — сказал толстый.

Вся тройка собралась было умчаться, но я остановил их:

— Только, ребята, Николай Николаевич просил дать честное пионерское, что вы никому — ни слова.

Анатолий кивнул головой:

— Конечно! А как же!

Выбравшись из канала и спустившись к учителю, я услышал возню за дверцей и возбужденный шепот:

— Ты гвоздем! Гвоздем его надо!..

Через полчаса Николай Николаевич сидел за партой в пустом классе. Возле него стояли трое мальчишек и смотрели на него во все глаза. Разговор о трудовой дисциплине, о том, как дорог каждый час учебы, был закончен.

— Нет, голубчик. Я думаю, что твое предположение неверно,— говорил Николай Николаевич, укладывая пенсне в футляр.— Теоретически, может быть, и возможно, что такая система вентиляции способствует поддержанию более или менее одинаковой температуры во всех помещениях, но практически... Ведь ты, наверно, обратил внимание, что...

Толстый мальчишка перебил его:

— Николай Николаевич... а зачем вы туда полезли?

Николай Николаевич посмотрел на него, потом улыбнулся.

— Знаешь, в старицу говорили: лукавый попутал...

— Гы-ы! — хором сказали мальчишки и вполне удовлетворились его ответом.

1940 г.

«Человек без нервов»

У Лодя была одна слабость: ему так хотелось прослыть храбрым, человеком исключительным, прошедшим огонь и воду, что он иной раз не мог не приврать.

Когда в пионерском лагере устраивали прогулку на лодках по реке, он всем своим видом давал понять, что ему скучно катание в «этой посудине для сухопутных крыс и маменькиных сынков». Если проходил пароход и лодки начинали покачиваться, а девочки весело и немного испуганно пищать, Лодя нарочно еще сильнее раскачивал «эту посудину» и говорил:

— Попробовали бы вы пять баллов на Черном море!

— А ты пробовал?

Лодя кивал головой и рассказывал о том, как он, взяв потихоньку лодку, прошел в пятибалльный шторм из Третьего лагеря Артека к Нижнему лагерю, чуть не разбившись по дороге о скалу Султанку.

— Ничего страшного нет. Не теряйся — и все в порядке. Струсил — тогда играй похоронный марш,— заканчивал он.

Особенно Лодя старался поразить своей отвагой двенадцатилетнюю Машу Брыкину из второго отряда девочек. Ей он рассказывал о том, как он собственными руками задушил напавшего на него бешеного фокстерьера, и о том, как они с отцом заблудились однажды в пустыне Каракум и спаслись только благодаря его, Лодиной, находчивости. Маша всему верила. Ее круглое, очень смуглое лицо со вздернутым носом застывало от ужаса, большие карие глаза неподвижно смотрели на щуплого Лодю. Временами она перебивала рассказчика и взволнованно спрашивала:

— Нет, Лодька, ты сознайся: неужели... неужели ну вот ни капельки не было страшно?

— Что ж тут страшного! — пожимал плечами Лодя. — Не теряйся — и всё.

Маша от избытка чувств мотала головой, и толстая золотистая коса билась по плечам.

— Нет... нет, Лодька... Ты... ты какой-то особенный! Ты просто человек без нервов!

Сердце Лодя приятно замирало от таких слов. Он начинал мечтать о том, как бы на деле доказать Маше, что он «человек без нервов».

Однажды под вечер Лодя и Маше поручили сходить в соседнюю деревню и пригласить на костер председателя колхоза, получившего звание Героя Социалистического Труда. До деревни было километра полтора.

Слева вдоль проселочной дороги тянулось поле овса, справа вплотную к дороге подступал лес. У самого края росли молодые светло-зеленые елочки; за ними, словно охраняя малышей, стояли взрослые ели с тяжелой синеватой хвоей на опущенных ветках.

Маша то и дело замедляла шаги, всматриваясь в глубь леса.

— Угадай, на сколько тянется этот лес? — говорила она. — Не знаешь? До самой железной дороги, больше чем на двадцать километров. Евстигней Иванович, начальник лагеря, сказал, что если кто-нибудь пойдет в этот лес без вожатых, то его сразу отправят к родным. Знаешь почему? Потому что в этом лесу не только ребята, а даже здешние колхозники иной раз плутают: кружат, кружат, а выйти не могут.

— Тоже мне лес! Ты настоящего леса не видела, — отвечал Лодя и уже обдумывал новый рассказ о своих приключениях в Уссурийской тайге.

Овес кончился. Дорога отошла от леса и потянулась наискосок через луг. В конце луга виднелись длинные строения колхозной фермы. На лугу, шагах в пятнадцать от дороги, пасся большой черный с белыми пятнами бык, привязанный к стволу одинокой березы. Поравнявшись с быком, ребята остановились.

— Берендей, — почтительно сказала Маша.

Лодя молча кивнул.

— Его неделю тому назад в колхоз привезли. В стадо его еще не пускают.

— Знаю. Карантин, — сказал Лодя.

— Его вся деревня боится, — снова вполголоса заговорила Маша. — На прошлой неделе, когда его вели в стойло, он лошадей забадал, а во вторник счетовод на велосипеде ехал, так

он на него... Счетовод прямо с велосипеда через забор прыгнул и поэтому остался живой.

Все это Лодя уже знал. Знал он также, что Берендей не подпускает к себе ни одного из работников фермы и что ладит с ним лишь колхозный зоотехник, который и привез Берендея откуда-то из-под Ярославля.

Берендей перестал щипать траву, приподнял голову и, стоя боком к ребятам, следил за ними блестящим немигающим глазом.

— Идем, — сказала Маша. — Он чего-то смотрит на нас...

Лодя побаивался коров, а о быках и говорить нечего. Именно поэтому он не двинулся с места.

— Лодя, идем! Видишь, он смотрит на нас.

— Не бойся. Не с такими дело имел.

Какое он имел дело с быками, Лодя еще не придумал, но Маша его и не спрашивала. Она только смотрела то на щуплого Лодю в широких и длинных, не по росту, трусах, то на здорового быка, у которого черная лоснящаяся шкура туго обтягивала каждый мускул.

Бык, по-видимому, был надежно привязан к березе. Лодю так и подмывало удивить Машу своим невероятным самообладанием. Он озабоченно сдвинул брови и сказал:

— Похоже, что веревка возле рогов перетерлась.

— Ой!.. Лодька, правда?

— Да. Я сейчас проверю. Отойди подальше на всякий случай.

— Лодька, вернись! Нет, это прямо сумасшедший какой-то! — закричала Маша, пятясь назад по дороге.

Лодя не обратил на этот крик никакого внимания. Размеренной поступью он приближался к быку. Берендей повернулся рогами к Лодю и с шумом выдохнул воздух: «Хух!» От этого «хух» у Лодя сразу ослабели ноги. Он уголком глаза посмотрел на Машу.

Та стояла уже возле самого леса и кричала:

— Лодя, не надо! Лодя, что ты делаешь?!

Это подбодрило Лодю. Он сделал еще несколько, на этот раз очень неровных, шагов и остановился в полутора метрах от быка.

Берендей опустил рога, сильно ударил себя хвостом по боку, и снова послышалось: «Хух!»

— Но-по у меня!.. Ты не очень-то! — слабеньким голоском сказал Лодя и сделал бочком еще один шаг.

Берендей крутнул головой, словно желая стряхнуть веревку, двойной восьмеркой оплетавшую рога, и двинулся к Лодю. Однако веревка натянулась и вывернула ему голову так, что

один глаз стал смотреть в землю, а другой — в небо. Бык замычал протяжно и раскатисто. Маша завизжала. У Лоди что-то сжалось в животе. Он было собрался удрать, но увидел, что бык стоит в прежнем положении и веревка крепко держит его.

«Дотронусь до морды и уйду!»

Лодя снова бочком приблизился к Берендею, сильно вытянул левую руку и, заискивающе приговаривая: «Быченька, быченька...», ткнул «быченьку» указательным пальцем в мягкий теплый нос. Берендей не шевельнулся. Лодя разом осмелел.

— Но-но! Не на того напал, — сказал он громко, чтобы Маша могла услышать, и снова ткнул быка в нос, на этот раз кулаком.

Берендей неуклюже попятился. Теперь можно было с достоинством уйти. Лодя повернулся и направился к Маше, стараясь не спешить и не оглядываться назад. Не оглядываться было очень трудно, потому что сзади слышалась какая-то тяжелая возня. Однако Лодя не повернул головы. Он даже изобразил на

своем лице беспечную улыбку. Так он прошел примерно половину пути. И вдруг он увидел, как Машино лицо перекошилось, услышал, как она взвизгнула не своим голосом, увидел, как ее словно ветром сдуло и попесло по дороге к лагерю. Лодина голова сама собой повернулась.

Берендей, опустив рога, ровной рысцей бежал к нему.

«Человек без первов» не пискнул, не издал ни звука. В голове его мелькнуло: «Бежать!», а ноги уже пронесли его метров десять по направлению к лесу... Потом он подумал: «Спрятаться!», а сам уже секунду лежал под ветками огромной, разлапистой ели, росшими почти у самой земли. Больше Лодя ни о чем не думал, только ждал, что бык сейчас доберется до него и забодает...

Но Берендей не появлялся. Долго, очень долго Лодя лежал пластом на сухих еловых иглах, потом приподнял голову и прислушался. Кругом было тихо. Трудно сказать, сколько времени длилась эта тишина: то ли пять минут, то ли полчаса. Наконец где-то совсем близко прозвучал тихий, прерывающийся голос:

— Лодя!.. Лодя, где ты? Лодя!

«Человек без нервов» выполз из-под ели, с трудом продрался сквозь густые заросли молодняка, которых он не заметил, спасаясь от Берендея, и очутился на дороге.

Маша стояла в трех шагах от него. Круглое лицо ее покраснелось, ресницы слиплись от слез, от гладкой прически отделилось множество тонких прядок, которые слегка шевелились и поблескивали золотыми искорками. Лодя, наоборот, был бледен. Через нос и правую щеку его тянулась большая ссадина. Труссы, рубашка и всклокоченные пепельные волосы были унижены сухими еловыми иглами.

Маша долго рассматривала его, потом глубоко вздохнула:

— Я уж думала, ты погиб.

Лодя постарался улыбнуться.

— З-занятное приключение! — выдавил он, чуть заикаясь.

Оба помолчали, рассеянно оглядываясь по сторонам. Ни на дороге, ни в деревне, ни на лугу не было видно ни души.

Вдруг на лице у Маши снова появилось испуганное выражение.

— Лодька! А Берендей! Где Берендей?

Лодя равнодушно махнул рукой в сторону леса:

— Там где-то.

Маша подошла поближе и посмотрела ему в глаза.

— Лодька, ты понимаешь, что ты наделал? Понимаешь? — сказала она.

Лодя молчал.

— Он же в лес ушел! Он же пропадет! — почти крикнула Маша.

Только теперь Лодя увидел другую сторону всей этой истории. Из-за него сорвался с привязи племенной колхозный бык. Бык может уйти далеко в лес, может заблудиться, погибнуть... Плечи у Лодя опустились, лицо вытянулось.

— Вот что ты наделал!

Маша постояла в раздумье, зажав зубами кончик пионерского галстука, искоса, уже без всякого восхищения поглядывая на «человека без нервов». Потом она круто повернулась и скрылась среди молодых елочек. Лодя пошел за ней.

Лес был неровный. Плотные заросли елей походили на материк и острова. Между ними бухтами и проливами зеленели лужайки с пушистыми шариками одуванчиков. Маша как будто забыла свой страх перед Берендеем, забыла и о том, что в этом лесу можно заблудиться. То ей слышался треск сухой ветки, и она бежала на этот звук. То ей казалось, что за деревьями что-то шевелится, и она шла в противоположном направлении, продираясь сквозь колючий ельник.

Лодя всюду следовал за ней и думал: что они будут делать с Берендеем, если даже найдут его? Ведь ни он, ни Маша не решатся подойти к быку и на двадцать шагов. Не лучше ли пойти в правление колхоза и рассказать обо всем? Но как рассказать? Неужели так прямо и заявить: «Дорогие товарищи! Я выпустил вашего быка, и он ушел в лес. Пойдите поищите его». Нет! Уж лучше продолжать поиски, а там видно будет.

Постепенно Лодя ободрился и стал разглядывать траву, надеясь обнаружить следы Берендея. Но трава была невысокая и такая упругая, что Лодя даже собственные следы различал с большим трудом.

Так они петляли по лесу, пока не заметили, что одуванчики на больших лужайках стали красными от лучей заходящего солнца, а на малеских лужайках, окруженных елями, сделалось тускло и серо.

— Лодька!.. Что ты наделал! Ты понимаешь, что ты наделал? — десятый раз повторяла Маша.

— В колхоз нужно идти. Заявить, — упавшим голосом ответил «человек без нервов».

Усталые, унылые, они побрели обратно. Маша неуверенно говорила, что им нужно идти правой. Лодя так же неуверенно предлагал забрать немного влево. На душе у каждого становилось все тревожней и тревожней.

Скоро, однако, в деревьях показался просвет, и ребята вышли к прямой, широкой просеке, на которой то здесь, то там

росли приземистые кустики можжевельника. Маша сразу повеселела:

— Ой! Это же та самая! Она к лагерю ведет!

Маша раздвинула ветки, вышла на просеку, посмотрела влево, повернулась, посмотрела вправо... и попятилась.

Лодя подошел к ней и тоже взглянул направо: на просеке, шагах в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

Маша вцепилась в Лодину руку чуть повыше локтя и, не спуская глаз с Берендея, прошептала:

— Лодька, никому в колхозе не говорить, что это он из-за тебя сорвался!

— Вот еще! Буду я прятаться! — прошептал Лодя, тоже внимательно следя за быком.

— Лодька, тебе ничего не будет, потому что ты мальчишка, а для вожатых — неприятности.

Лодя помолчал. Маша еще крепче впилась в его руку:

— Лодька, дай мне честное слово, что не будешь близко к нему подходить!

— А что?

— Я сейчас побегу в лагерь, а оттуда в колхоз... А ты оставайся здесь и никуда его не пускай, пока люди не придут. Только близко не подходи. Ладно?

— Л-ладно, — вяло ответил Лодя, тоскливо глядя на быка, на темные стены елей, сходящиеся вдаль, на большое красное солнце, которое садилось в конце просеки.

— А если он все-таки уйдет, то иди за ним и кричи все время «ау». Мы по голосу тебя отыщем. Хорошо?

Лодя только молча кивнул.

— Пока!.. Ой, Лодька, я бы на твоём месте со страху померла!

Маша пустилась бежать. Малиновая от заката кофточка ее еще долго мелькала среди низких кустов. На просеке стояла тишина. Никогда еще Лодя не чувствовал себя таким одиноким.

Он поднял с земли большую сухую ветку и стал обламывать с нее сучки. Он понимал, что палкой от быка не спасешься, но все же с нею было как-то спокойнее.

Один из сломанных сучков треснул так громко, что Берендей поднял голову.

Лодя юркнул за ближайшую елку. Несколько секунд бык прислушивался, потом он зашагал по просеке в сторону, противоположную той, куда убежала Маша.

Лодя думал, что он отойдет немного и снова примется за еду. Но Берендей продолжал идти, слегка покачивая белым хвостом с грязной кистью на конце. Обрывок привязанной к рогам веревки волочился за ним по траве.

«Уходит! Уйдет!..» — подумал Лодя и побежал за быком.
— Берендей! — крикнул он.

Берендей все шел. У него был такой вид, словно он знает, куда и зачем идет, и знает также, что путь предстоит далекий. Лодя пришел в такое отчаяние, что еще ближе подбежал к быку и снова крикнул:

— Берендей!

Берендей остановился и посмотрел на Лодю через плечо. Тот застыл на месте.

Берендей медленно повернулся всем корпусом на сто семьдесят градусов. Лодя слегка присел. Берендей подхлестнул себя хвостом и шагом двинулся на Лодю. «Человек без нервов» большими скачками понесся в ельник.

Когда он снова выбрался на просеку, быка на ней не было. Лодя крадучись двинулся вперед и услышал, как недалеко в лесу шелестят ветки. Лодя пошел на этот шорох и скоро увидел среди хвои белый хвост Берендея.

Снова начались блуждания по лужайкам и прогалинам. Постепенно деревья становились черней и как будто выше, а трава из зеленой превратилась в темно-серую. Приближалась ночь. Берендей шел все дальше и дальше. Иногда он останавливался и мычал глухо и тревожно. На некотором расстоянии за огромным быком следовала маленькая фигурка с корявой палкой в руках. Фигурка всхлипывала и время от времени принималась кричать:

— Ма-ша-а! Эй, Ма-ша-а!

Никто не отзывался.

Но вот ельник кончился. Берендей пересек узкий луг и пошел к пологому бугру, где росли редкие высокие, как мачты, сосны и белели то здесь, то там стволы берез. На склоне этого бугра Берендей остановился и опять замычал очень тихо, словно боясь, что его услышат. Постепенно настороженность его исчезла, голова понуро опустилась. Через несколько минут он лег спиной к Лодю и стал похож на большой черный валун, облитый в нескольких местах известкой.

Лодя сел на широкий, влажный от росы пенек. Его тапочки промокли. Он сильно замерз и очень хотел есть.

В голове были самые безрадостные мысли. Что, если они ошиблись, думая, что просека выведет Машу к лагерю? Что, если это какая-нибудь другая просека и Маша заблудилась, идя по ней, и колхозники ищут сейчас быка где-нибудь далеко отсюда? С рассветом Берендей снова начнет кружить по лесу. Идя за быком, можно проплутать без пищи, без теплой одежды и день, и два, и целую неделю, можно, наконец, погибнуть в такой глуши, где никто и костей не найдет!..

Лодя очень захотелось встать и уйти. Ведь Маша не скажет, что это он выпустил быка, а следовательно, и отвечать ему не придется. Но только Лодя подумал об этом, как на душе его сделалось невыносимо мерзко.

А что, если Маша не заблудилась? Что, если его сейчас ищут десятки колхозников, вожатые, старшие пионеры? Может, все они только и надеются, что он, Лодя, не струсит, задержит быка. И, уж конечно, Маша-то уверена, что он не подведет...

Лодя понял: если он сейчас покинет Берендея, то никогда потом не избавится от презрения к самому себе.

Лодя встал со своего пня и подошел поближе к Берендею. Уже совсем настала ночь. Луна не восходила, но небо было полетному светлос, с чуть заметными звездами.

Лодя смог разглядеть рога Берендея, торчавшие из-за черной крутой спины, и привязанную к ним веревку, конец которой терялся в траве. Лодя вспомнил, как эта веревка волочилась за быком во время блужданий по лесу. Длинной она была метра три, может быть, больше.

Лодя перевел взгляд на тонкую сосенку, возле которой лежал Берендей. Хорошо бы набраться храбрости, подкрасться к быку и привязать его к этой сосенке! Тогда можно быть уверенным, что Берендей не уйдет, если, конечно, его опять не раздражить. Но тут Лодя представил себе, как он подкрадывается к Берендею, а тот вскакивает и бросается на него. Спрятаться негде: только пни да редкие деревья с гладкими стволами. Лодя бежит, а бык все ближе, ближе...

Долго стоял «человек без нервов» как вкопанный, не спуская глаз с веревки на рогах Берендея. Сколько раз он рассказывал о своих выдуманных подвигах! Сколько раз он мечтал о том, как он совершит эти подвиги в действительности! И вот теперь, когда нужно совершить не подвиг, а просто смелый поступок, он...

Сердце у Лоди вдруг прерывисто заколотилось, холод куда-то исчез, ему стало душно. Лодя решился...

Маленькими, чуть заметными шажками, то и дело останавливаясь и задерживая дыхание, он начал подкрадываться к Берендею.

Чем ближе он подходил к быку, тем шажки становились короче, а остановки продолжительнее. Вот до Берендея осталось каких-нибудь пять метров.

Минуты через две это расстояние сократилось до трех, еще через несколько минут Лодя стоял возле сосенки, так близко от быка, что мог бы дотянуться до него своей палкой, которую он держал в руке, сам не зная для чего.

Берендей не двигался. Лишь округлые бока его слегка по-

дымались и опускались от дыхания. Лодя по-прежнему видел только рога да еще белые уши быка и не видел его головы, повернутой в сторону и скрытой за туловищем.

Лодя пошарил глазами в траве, отыскивая веревку. Ему повезло: конец веревки лежал недалеко от его ног. Не сходя с места, Лодя очень медленно присел, бесшумно положил в траву палку и дотянулся рукой до веревки.

Потом он начал так же медленно подыматься. Веревка тащилась за его рукой, и трава хотя очень тихо, но все-таки шуршала.

Уши Берендея шевельнулись. Лодя замер, согнувшись в три погибели, но тут же понял, что долго так выстоять не сможет. Он потянул веревку к себе, в одну секунду обмотал ее вокруг сосенки и сделал первый узел.

Берендей повернул голову. Лодя знал, что веревка развяжется, если он не сделает второго узла. Он отчаянно заторопился, руки его тряслись, он смотрел уже не на веревку, а на Берендея и поэтому долго не мог просунуть конец веревки в петлю. Наконец он затащил узел и побежал.

За его спиной раздалось страшное «хух», бык вскочил на ноги. Лодя слетел с бугра, перенесся через луговину и остановился лишь тогда, когда добежал до милого его сердцу ельника.

Берендей стоял на прежнем месте. Через несколько минут он снова лег. Лодя вернулся на бугор и увидел, что веревка, которой он привязал Берендея, цела.

Удивительная легкость охватила «человека без нервов». Холод, холод, мокрые от росы тапочки — все казалось теперь пустяками. Темный, безлюдный лес вдруг сделался уютным и ласковым.

Лодя опять спустился на луг и стал расхаживать по нему, дожидаясь рассвета, громко насвистывая «Марш торсодора» и дирижируя себе обеими руками.

Скоро, однако, он заметил, что к его свисту иногда примешивается какой-то посторонний звук. Он прервал свой концерт, прислушался, понял все и протяжно закричал:

— Эй, сюда-а!

Пока люди, искавшие Лодю, наконец добрались до него, стало заметно светлее.

Первыми вышли из леса две девушки-колхозницы и пионер-вожатый Дима. Потом в другой стороне появился курчавый парнишка лет восемнадцати. Он вел под уздцы неоседланную лошадь, на которой сидела Маша, одетая в пальто.

Все окружили Лодю, что-то говорили, перебивая друг друга, а Маша, не слезая с лошади, тараторила о том, что просека ока-

залась не та и что она лишь в одиннадцать ночи попала в лагерь.

Курчавый парнишка оказался колхозным зоотехником. Он подошел к поднявшемуся с земли Берендею, и тот потянулся губами к карману его пиджака, из которого торчал кусок хлеба. Угощая хлебом Берендея, зоотехник обернулся к Лодя:

— Это ты его привязал?

— А кто же еще? — пожал плечами Лодя.

— Храбрый ты, однако!

Девушки удивленно заохали, а Маша замотала головой:

— Нет, Лодька, нет! Я всегда говорила, что ты сумасшедший! Ты не знаешь, какой ты сумасшедший!

Зоотехник отвязал быка и потащил его за собой.

— Нет,— восклицала Маша,— нет, Лодька, ты только скажи: что ты чувствовал, когда привязывал Берендея? Неужели ну вот ни капельки, ни капельки не было страшно?

Лодя с минуту молча шагал рядом с конем, потом поднял голову, посмотрел на Машу и медленно ответил:

— Что чувствовал? Чувствовал, как все поджилки трясутся. Вот что чувствовал!

1950 г.

«Архимед» Вовки Грушина

Я решил записать эту историю потому, что, когда Вовка станет знаменитым, она будет представлять большую ценность для всего человечества.

Я сам лично принимал участие в испытании одного из Вовкиных изобретений. Мне за это здорово нагорело от матери и пионервожатых.

Началось все это так.

Андрюшка, его соседка Галка и я готовились к экзамену по географии. Мы сидели в комнате у Андрюшки. Нам очень не хотелось заниматься. За окном было лето, выходной день, а у подоконника на карнизе прыгал воробей, чирикал и точно говорил нам: «Не поймать, не поймать вам меня!» Но мы даже не обращали внимания на воробья и спрашивали друг у друга названия союзных и автономных республик.

Вдруг раздался звонок. Через несколько секунд с трескомпахнулась дверь комнаты. Пошатнулась этажерка, полетел на пол стул. Воробей в испуге слетел с подоконника... Это при-

шел Вовка Грушин. Он прищурил свои близорукие глаза и громко спросил:

— Готовитесь?

Вовка, маленький, востроносый, со стриженной под первый номер головой, сам походил на воробья, который мешал нам заниматься. Галка сердито уставилась на него и очень строго ответила:

— Да, готовимся.

— А мне некогда готовиться, — сказал Вовка.

— Ну и провалишься! — буркнул Андрюшка.

— А мне некуда больше проваливаться. Я и так уже провалился по двум предметам!

Галка так и заерзала на своем стуле:

— И он еще радуется!

Вовка вздернул острый, успевший облупиться от загара нос:

— А ты почему знаешь? Может, мне стоило получить переэкзаменовку.

Галка уставилась на Вовку:

— Это ради чего же стоило?

— Ну, хотя бы ради одного изобретения.

— Какого?

Вовкино лицо стало непроницаемым:

— Это тайна.

У Вовки что ни изобретение, то роковая тайна.

Мы знали это и не стали расспрашивать. Он быстро, огромными шагами начал ходить по комнате.

— Я к вам на минутку. Андрюшка, дай мне твои плоскогубцы, мои сломались. Это, понимаешь, такое изобретение, такое изобретение!.. Я сегодня еду на дачу... буду там работать. Досада — средств не хватает! Я три месяца в кино не ходил: все копил средства. Вот увидите, все газеты будут полны!.. Где достать трубу метра в три длиной? Не знаете? Жаль!.. На этой штуке можно будет хоть вокруг света объехать...

— Самолет? — спросил Андрюшка, передавая Вовке плоскогубцы.

— «Самолет»! Чудак ты... Получше будет!.. Я за это лето построю...

Тут он вспомнил, что это тайна, и прикусил язык.

Галка спросила его с надеждой:

— А тебе, наверно, здорово попало за то, что ты получил переэкзаменовку?

— Попало... Главное, не надо никакого топлива!.. Ну, пока, товарищи! Масса дел. В лагерь едете?.. А я не поеду. Родные посылали, а я наотрез отказался.

- А за это попало? — спросила Галка.
- Ну и что ж! — отвечал Вовка. — Я все равно отговорился. В лагере мне нельзя работать.
- А в техкружке?
- Чепуха! В техкружке всякие модельки строят, а у меня — мировое дело... Ну, пока! Пошел. Да!.. Чуть не забыл! Мы сняли дачу в двух километрах от лагеря. Буду заходить. Только не болтайте никому. Это такое дело, такое дело!..
- Размахивая руками, Вовка пытался к двери, пока снова не ткнулся в этажерку, на этот раз так сильно, что с нее упал гипсовый бюст Архимеда. Вовка подхватил его на лету.
- Это кто? — спросил он.
- Архимед, — ответил Андрюшка.
- Гм! Архимед... Архимед... Это, наверно, какой-нибудь знаменитый человек... — Вовка помолчал, разглядывая бюст. —

У него симпатичное лицо, у этого Архимеда. О! Вот увидите, это имя благодаря мне станет дважды знаменитым!

— Не какой-нибудь знаменитый... — начал было Андрюшка, но Вовка уже скрылся.

Галина постучала себя карандашом по лбу и посмотрела на нас.

...Как только наступили каникулы, мы переехали в лагерь. Мы прожили там десять дней, а Вовка не появлялся. Только на одиннадцатый день мы встретились с ним при загадочных обстоятельствах.

На маленькой речке возле лагеря у нас имелись две плоскодонные лодки. Наши техкружковцы переоборудовали их в крейсера «Аврора» и «Марат».

С боков у лодок были сделаны гребные колеса, которые приводились в движение руками. На носу у каждого крейсера воз-

вышалась броневая башня из фанеры. Там мог поместиться человек, если сидеть на корточках.

Иногда мы устраивали морские игры. Происходило это так. Человек восемь занимали места на «Авроре», и десяток — на «Марате». Все вооружались жестяными кружками.

Река возле лагеря была неглубокая, не больше метра глубиной. Суда маневрировали друг возле друга, ребята черпали кружками воду и выплескивали ее в «противника». Дым стоял коромыслом! Каждую секунду десятки кружек воды выплескивались в лодки; на обоих берегах оралы ребята, разделившиеся на «красных» и «синих». Кончалось тем, что одна из лодок шла ко дну. Экипаж ее, фыркая, выбирался на берег. Тогда деревянный «крейсер» всплывал и его уводили победители.

В тот день я был на «Авроре». «Марат» подошел вплотную и взял нас на abordаж. После ожесточенной схватки шестеро из нас оказались за бортом. «В живых» остались только Галина и я. Мы бросились удирать. Голосающий «Марат» следовал за нами метрах в пяти. Я вертел колеса так, что от меня пар шел. Толстая Галка пыхтела на корме и плескалась из кружки, целясь в лицо капитану «Марата».

Вдруг капитан «Марата» взял длинную веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на Галку. Та закричала. Не разобрав, в чем дело, я завертел колеса еще быстрее. Галина, конечно, выбыла из строя. Только брызги полетели!

Я перестал вертеть колеса. «Марат» подошел вплотную. Капитан его заявил, что берет нас в плен. «Неприятельские» матросы подтянули на аркане Галину и втащили ее к себе.

— Все в порядке, — сказал мне капитан. — Принимай буксир!

Но тут мы услышали, что кто-то продолжает плескаться у борта. Я оглянулся: это был Вовка Грушин. Он отплевывался и тихонько ругался.

— Вовка? Ты откуда?

— Из воды, — ответил он. — Вы меня сбили с моего плота. Во-он мой плот. Догоните его!

По речке медленно плыли два плохо связанных бревна...

«Марат» подошел к лагерю. За ним на буксире тащились «Аврора» и Вовкин плот.

Капитан «Марата» рапортовал начальнику штаба «синих»:

— Крейсером «Марат» под моей командой захвачено неприятельское судно «Аврора» вместе с остатками экипажа. Кроме того, арестована подозрительная личность, разъезжавшая вдоль побережья на двух бревнах будто бы с целью исследования фарватера.

Старшая вожатая Леля поманила Вовку к себе:

— Ну-ка, подозрительная личность, подойди сюда!

Вовка подошел. Их окружили ребята.

— Скажите мне, подозрительная личность, вы, кажется, живете недалеко от лагеря?

— Два километра.

— А можно узнать, почему вы забыли о своем отряде?

— Я не забыл. Я просто очень занят.

— Чем, позвольте спросить?

— Я работаю над большим изобретением. Я, Леля... Я, понимаешь... Нет, ты ничего не понимаешь!

— Да, я не понимаю, — серьезно сказала Леля. — Я не понимаю, почему надо становиться отшельником, когда что-нибудь изобретаешь, почему не работать в техкружке над своим изобретением, почему надо отделяться от своих ребят, с которыми столько лет проучился... Ну, скажи мне, что это за изобретение?

Вовка оттянул резинку промокших оранжевых трусов и щелкнул ею себя по животу:

— Это тайна.

Ребята тихонько засмеялись.

Леля хотела удержать Вовку, но он ушел, пообещав прийти на днях.

Прошло уже две недели, а Вовка не появлялся.

Однажды на костре о нем поставили вопрос. Говорили, что он отошел от коллектива, говорили, что он увлекается всевозможными фантастическими проектами, и еще многое говорили и наконец постановили снарядить экспедицию для розыска Вовки, которая должна его доставить в лагерь для разговора. Экспедицию составили из Галки и меня, потому что мы самые близкие его приятели.

На другой день утром мы запаслись бутербродами и тронулись в путь.

В двух километрах от лагеря было три поселка. Мы не знали, в каком из них живет Вовка. Но нам повезло: в первом же поселке в саду одной из дач мы увидели на ветке березы оранжевые Вовкины трусы и тут же услышали голос его матери. Она издали закричала нам:

— Наконец-то пожаловали! Владимир у них целыми днями пропадает, а они даже носа не покажут!

Мы растерянно переглянулись. Я начал было:

— Как... а разве...

Но Галка толкнула меня в бок. Ничего не понимая, я замолчал.

— Что он у вас там делает? — спросила Вовкина мама.

Галина, размахивая руками, стала смущенно объяснять:
— Да-а... вообще... Вы же знаете... У нас там очень интересно... Всякие игры, и все такое...

Вовкина мама как-то странно на нас посмотрела и больше ни о чем не расспрашивала. Она хотела угостить нас земляникой, но мы поблагодарили ее и ушли.

По дороге в лагерь мы долго шли молча. Наконец Галина сказала:

— Факт! Вовка говорит родным, что он уходит в лагерь, а сам идет работать где-то над своим изобретением. Интересно...

Она не договорила. В конце просеки, по которой мы шли, показался Андрюшка. Он быстро семенил нам навстречу. Подойдя к нам, он отрывисто сказал:

— Вышел вас встречать. Получил письмо от Грушина.

Я взял у Андрюшки письмо и стал читать вслух:

— «Андрюшка!

Я пишу тебе, Сережке и Галке, как своим близким друзьям.

Сегодня в полночь решается моя судьба. Я испытываю свое изобретение, на которое истратил все свои сбережения и ради которого, может, останусь на второй год.

Мне нужна ваша помощь, и, если вы мне друзья, вы мне не откажете. Возьмите свои бронспосцы и ровно в полночь приезжайте на то место, где мы с вами столкнулись. Пароль — «Архимед».

Если вы мне друзья, вы это сделаете. Если вы кому-нибудь сболтнете, это будет подлость с вашей стороны.

Г р у ш и н».

Прочтя письмо, мы долго молчали. Потом Андрюшка проговорил:

— А вдруг опять ракетный двигатель?

Это Андрюшка вспомнил историю с моделью ракетного автомобиля. Когда мы навещали после аварии Вовку в больнице, он нам объяснил, что взрыв произошел из-за ошибки в конструкции, и обещал переделать автомобиль.

Долго мы сидели под ветками сосны у придорожной канавы, шевелили, как тараканы усами, зажатые в зубах травинками и думали, как быть. Удрать из лагеря ночью — за такое дело можно вылететь из отряда. Выдать Вовкину тайну было бы не по-товарищески. Но если Вовка опять строит ракетный двигатель, то может произойти несчастный случай, и его нельзя оставить одного.

За лесом заиград горн. Это в лагере звали к обеду. Мы поднялись с земли.

— Так как же? — спросил Андрюшка.

Галка стряхнула соринки, приставшие к юбке. Вдруг она покраснела и ни с того ни с сего разозлилась:

— Вот дурак!.. Ну какой же он дурак!..

Андрюшка задумчиво проговорил:

— Почему ты знаешь? Многих изобретателей сначала считали дураками, а потом оказывалось, что они гении.

И Андрюшка посмотрел на Галку своими большими глазами. Видно было, что ему очень хотелось помогать Вовке. Я тоже был не прочь. Я занимался в литературном кружке, и наш руководитель говорил, что если хочешь быть писателем, то нужно все видеть и все испытать.

— Ну? — спросил я Галку.

Галка набросилась на меня:

— «Ну, ну»! Вот если попадемся сегодня ночью, так уж... так уж я не виновата!

Мы с большим нетерпением дождались десяти часов вечера, когда лагерь укладывается спать. Потом ждали еще полчаса, лежа в кроватях, пока лагерь уснет. Наконец мы осторожно выбрались из дому и встретились у реки, где у причала из двух досок стоял наш флот.

Галья и Андрей сели на «Марата», я занял «Аврору». Мстров сто мы шли на шестах (боялись, что колеса наделают много шума), потом пустили в ход машины.

Медленно двигались наши суда по темной извилистой речке. Над берегами нависли ивы, и по их верхушкам осторожно пробиралась следом за нами луна. Плыли мы очень долго. Я уже думал, что мы в потемках проехали место встречи, как вдруг чей-то голос в кустах на берегу тихо произнес:

— Архимед!

Мы застопорили машины и стали смотреть на берег. Ничего не видно. Темно.

— Архимед! — тихо повторил Вовка.

Мы стали причаливать. О борта лодок зашуршали листья кувшинок. Кусты зашевелились. Появился Вовка. Мы высадились на берег и привязали лодки к большой коряге.

На Вовке была надета бумазейная куртка, такие же штаны, заправленные в чулки, и большая теплая кепка.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. — Пойдемте!

— Вовка! Чего ты еще выдумал? — зашипела Галка.

— Пойдемте! — повторил Вовка.

Он повел нас по темному дну оврага узкой тропинкой между огромных зарослей каких-то растений. Скоро мы поняли, что

это крапива: Галка так взвизгнула, что в деревне за рекой собаки залаяли.

Спотыкаясь, подымая руки, чтобы не задеть крапиву, мы дошли до какого-то заброшенного сарая. Тут Грушин остановился.

— Чего ты еще выдумал, Вовка? — снова зашипела Галина и боязливо оглянулась.

Вовка помолчал немного, потом ответил:

— Подводную лодку нового типа.

Мы сразу повеселели: испытывать модель подводной лодки — это вам не ракетный двигатель!

— Вы мне нужны для того, чтобы завинтить меня в люк.

— Ку... куда завинтить? — хрипло спросила Галина.

— В люк, — спокойно ответил Вовка.

Галка тяжело дышала. Я чувствовал, что сейчас выйдет неприятность. К Галине подошел Андрюшка. Он тихонько проговорил:

— Назвался груздем — полезай в кузов.

Галка ничего не ответила.

Отчаянно заскрипела большая дверь, и мы вошли в сарай. В темноте пахло масляной краской.

Вовка зажег свечу.

Помещение было завалено всяким хламом. Валялись в куче инструменты и старые журналы: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света». В углу стоял примус без ножок, около него — паяльник. Два здоровенных паука торопливо подтягивались к потолку.

У стены почти во всю ее длину на особых подставках стояла подводная лодка Вовки Грушина. Она напоминала небольшую байдарку. В носовой части ее возвышалась труба метра три вышиной и сантиметра четыре в диаметре. Вся лодка была выкрашена в зеленый цвет, а на борту красными буквами было написано: «Архимед».

Вовка объяснил нам ее устройство:

— Судно погружается на глубину двух метров... Двигается с помощью винта. Винт движется с помощью... ногами (там особые педали есть). Находясь в погруженном состоянии, судно может прицепиться к подводной части любого парохода (будет устроено специальное приспособление). Пароход идет, а подводная лодка — за ним. Так можно из Москвы попасть через Беломорканал в Белое море, а оттуда — хоть в океан!

Галина спросила:

— А как же в ней сидеть?

— Сидеть? Сидеть и не нужно. Можно лежать.

— А как же дышать?

— Перископ ведь торчит из воды, через него и дышать.—
И Вовка указал на трубу.

Андрюшка потер ладонью лоб.

— Гм! Ну, а как же ты будешь спускаться и подыматься?

— Специальный резервуар, как в наст... ну, как в обыкновенной подводной лодке: чтобы опуститься, в него пускают воду: чтобы подняться, накачивают туда воздух и выдавливают воду обратно.

Вовка открыл крышку маленького люка и показал, как устроен «Архимед» внутри:

— Вот резервуар для воды и воздушный компрессор.

Мы увидели бидон от керосина и приделанный к нему велосипедный насос.

— Вон там педали для винта, а это — иллюминаторы.—
Вовка показал на вделанную в носу лодки пару очковых стекол.— А это карманный фонарик для освещения.

— Вовка, тут повернуться негде!

— Во всякой подводной лодке тесновато. Это, голубчик, тебе не спортплощадка.

— Ну, а в перископ хорошо видно?

— Он еще не совсем готов. Только труба, чтобы дышать.

Вовка умолк. Мы тоже молчали и осматривали судно.

— Пора, — сказал Вовка. — Ну-ка, ребята, взяли!

— Чудак ты все-таки, Вовка! — проговорила Галина.

Все четверо мы подняли лодку и чуть не уронили ее — такая она была тяжелая. Кое-как мы вытащили судно наружу. Несли мы его медленно, с передышками, по темному заросшему оврагу. Вовка всю дорогу причитал:

— Ой, ребята, милые, поосторожней! Ой, ребята, не уроните!

Когда мы пришли к реке, Андрюшка слезил в бронебашню «Марата» и достал оттуда штатив, фотоаппарат и чашечку для магния.

И вот состоялся торжественный спуск «Архимеда» на воду. Мы спустили сначала нос, потом налегли на корму. В ту же секунду хихнул Андрюшкин магний. «Архимед» сполз с берега и, слегка покачиваясь, стал рядом с «Авророй». Я тихо спросил:

— Вова, а здесь глубоко?

— Два с половиной метра. Я мерил.

— Может быть, где помельче?

Грушин презрительно посмотрел на меня и ничего не ответил. Андрей с фотоаппаратом, засучив штаны, бродил по воде и, фыркая магнием, снимал «Архимед» и Вовку на скамье «Марата».

Вовка пожал нам по очереди руки и сказал:

— Пора!

Он старался быть совершенно спокойным, но я-то видел, как дрожала у него правая коленка.

— Вов,— сказала Галка,— давай-ка мы обвяжем твоего «Архимеда» веревкой. В случае чего вытащим.

Вовка даже не посмотрел на нее. Он подошел к люку «Архимеда» и стал влезать в него. Но, как только он сунул туда голову, «Архимед» качнулся, и Вовка чуть не искупался. Тогда он велел нам привязать подводную лодку между «броненосцами» и, когда влезет в люк, обрезать веревки. Так и сделали. Когда «Архимеда» привязали, Вовка нагнулся, всунул голову в отверстие люка и вполз туда, громко кряхтя. Там он перевернулся на спину и закрыл люк изнутри какой-то доской с дыркой в середине.

— Закройте крышку люка так, чтобы винт попал в дырку!

Тут только мы заметили, что на крышке торчит болт с винтовой нарезкой.

Мы исполнили приказание.

— Придержите крышку, пока я не завинчу гайку,— глухо, как из бочки, пробубнил Вовка.

Мы придержали. Стало совсем тихо. У Андрюшки в руках так и прыгал фотоаппарат. (К сожалению, карточки не вышли, потому что все снимки он сделал на одну пластинку.)

В иллюминаторе вспыхнул свет.

— Спускайте! — прогудело внутри «Архимеда».

Мы развязали веревки. «Архимед» очень быстро ушел под воду. Мы оглянуться не успели, как из воды остался торчать лишь кончик перископа.

Было совсем тихо. Мы сидели на своих «броненосцах» и смотрели, как маленькие пузырьки появляются в том месте, где погрузился «Архимед». Где-то очень глубоко, как нам казалось, дрожало светлое пятнышко: это был свет из иллюминаторов. Прошло минут пять. Андрей припал губами к концу перископа:

— Вовка, ну как?

Нас мороз пробрал по коже, когда мы услышали Вовкин голос из трубы — такой он был замогильный.

— Я достиг предельной глубины.

— Жив, значит! — вздохнула Галка.

Снова поползли длинные минуты, и снова вопрос:

— Вовк! Жив?

И замогильный ответ:

— Выкачиваю воду из резервуара.

Подождали еще. Начало светать.

— Уж два часа... — проговорил Андрюшка.

Галина перебила его:

— Смотрите на перископ! Он сейчас полезет вверх!

Но перископ не лез вверх. Я наклонился к нему:

— Вова, ну как?

Молчание.

— Вова-а! Слышишь! Как?

— Я уже все выкачал.

— Ну, и что же?

— Она не подымается.

— Почему?

— Не знаю.

Мы взволнованно переглянулись. Потом все трое потянулись к трубе.

— Как же теперь, Вовка?

— Не знаю.

— Вот говорила, говорила! — захныкала Галка. — Надо было его за веревку привязать. А теперь... Как вот теперь?

И вдруг Вовка озабоченным тоном сказал из трубы:

— На меня чего-то капает.

— Откуда капает?

— Из люка капает.

Мы вскочили, ошалело оглядываясь. Что делать? Я крикнул было: «Перископ!» — и схватился руками за трубу, но оттуда раздался испуганный Вовкин голос:

— Не смейте за перископ! Оторвется.

— Говорила, говорила! — хныкала Галка.

Вова посоветовал:

— Подденьте меня веревкой.

Мы взяли оба наших причала, связали их, привязали к середине камень, опустили его на дно и за оба конца стали водить веревку вдоль бортов лодок. Но «Архимед» слишком глубоко врылся в ил, и его нельзя было поддеть.

— Капает, Вовка?

— Капает! У меня уже здоровая лужа. Поскорей! — кричал Вовка из глубины.

— Надо достать какую-нибудь узенькую баночку. Мы будем опускать ее в перископ и вытягивать с водой, — сказал Андрюшка.

Это он неплохо придумал. Я помчался через крапиву к сараю. В Вовкиной мастерской не оказалось ни одной подходящей банки, зато я нашел там резиновую кишку сантиметра в полтора толщиной. Я измерил ее длину и решил, что хватит. Вернулся и сообщил свой план ребятам.

— Вовка, держи кишку! Выкачивать будем. Держи так, чтобы конец был все время в воде!

Мы просунули кишку в трубу.

— Галка, выкачивай!

Галина взяла в рот верхний конец и стала тянуть из кишки. Она трудилась изо всех сил, так что глаза у нее на лоб полезли, но вода почему-то не выкачивалась. Пока она работала, мы с Андреем старались подковырнуть «Архимеда» шестами. Но шесты оказались слишком короткими. К тому же их было очень трудно удержать под водой.

Вовка изредка справлялся о ходе спасательных работ и говорил, что вода у него хоть и прибывает, но очень медленно.

Уже почти совсем рассвело.

— Хватит! Ничего мы так не сделаем,— сказал я.— Надо ехать за ребятами в лагерь.

Все согласились со мной. Галина осталась на месте, чтобы Вовке не было страшно, а мы с Андреем взяли «Аврору» и, подняв два огромных столба брызг, накручивая изо всех сил колеса, помчались по оранжевой от восходящего солнца реке.

Я не помню, как мы доехали, только мы были все мокрые от пота.

Выскочив на берег, я зазвонил в колокол; Андрюшка бросился в дом, отчаянно крича. Из дверей, из всех окон стали выскакивать полуодетые, испуганные ребята и вожатые. Леля убежала с одеялом на плечах. Я закричал:

— Скорее! Вовка Грушин тонет! Возьмите веревки! Возьмите багры!

Прошло ровно пять минут. Битком набитая «Аврора» неслась по реке. Каждый греб чем мог, помогая колесам. За ними сквозь заросли вдоль берега, ломая ветки, продирался весь лагерь.

По дороге я и Андрюшка сбивчиво рассказали, в чем дело, но никто нас толком не понял.

Вот и «Марат»... Спокойно застыл над водой конец перископа. На борту «Марата» сидит Галина, посасывает из кишки и горько плачет.

— Где Вовка? — спросила Леля.

— Тут... — указал Андрюшка под воду.

— Сколько времени?

— Да часа три уже.

Леля побледнела.

— Вовка, ты жив? — спросил я.

— Жив,— со дна речного ответил Вовка и добавил: — Холодно!

Ребята столпились у берега и, разинув рты, уставились на перископ.

И тут началась спасательная работа.

Пятеро лучших пловцов ныряли, стараясь подвести веревки под «Архимеда». Остальные тыкали в воду баграми, засучив штаны, бродили в воде и подавали тысячи советов. Стоял галдеж, как на птичьем дворе во время кормежки. Наконец нашим водолазам удалось подцепить веревками корму и нос подводной лодки. Они выбрались на берег продрогшие, измученные, но очень гордые.

Ребята посильнее принялись тянуть веревки вверх. Смолкли крики. Наступила полная тишина. Человек восемьдесят смотрели, как подымается из воды труба перископа. И когда наконец появился зеленый верх «Архимеда», такое раздалось «ура», что казалось, солнце подпрыгнуло.

Потом снова наступила тишина. Крышка люка на подводной лодке шевельнулась и открылась. Из отверстия высунулась сначала одна нога, потом другая, затем медленно появилась Вовкина спина, затем плечи и голова.

Изобретатель был бледен и лязгал зубами от холода, но важности у него хватило бы на двадцать капитанов Немо.

Вовка срочно был доставлен в лагерь. Там его переодели и стали согрывать чаем. Мы в это время чувствовали себя очень скверно. Леля, проходя мимо, так на нас посматривала, что мы поняли: будет крупный разговор.

Огромная толпа ребят окружала Вовку, пока он пил чай, глядела на него и засыпала вопросами:

— Сколько времени ты строил свою лодку?

— А как ты ее рассчитывал?

— Никак. Построил, да и всё.

— Ты, значит, ошибся в расчете, и потому она затонула. Да?

— Ну конечно, не рассчитал! — сказал кто-то из старших ребят. — Не рассчитал соотношения между весом лодки и ее объемом.

К Вовке протиснулся маленький Буся Кацман и прижался носом к краю стола:

— А что Архимед — это рыба такая?

Изобретатель презрительно взглянул на него, отхлебнул из кружки чаю, прожевал кусок хлеба и только тогда ответил:

— «Рыба»! Чудак ты! Это полководец!

Вот всё, что я могу рассказать об «Архимеде» Вовки Грушина.

Белая крыса

Боря трубил в горн. Леня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала звеньевая Таня Закатова.

Лоб ее был перевязан бинтом (она недавно упала с дерева), на затылке торчала темная метелочка волос. Эта метелочка резко дергалась, когда Таня оглядывалась на звено.

— Вава! Почему не в ногу?.. Димка! Отстаешь!

Дело было серьезное: Таня Закатова несла пакет с очень важным посланием. В этом послании сообщалось, что «карбиды», то есть пионерлагерь завода «Карбид», вызывают на спортивную игру «трикотажей» — пионерлагерь трикотажной фабрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагало звено через маленький лес, разделявший оба лагеря. Трещал барабан, ревел горн, и с освещенных заходящим солнцем деревьев то и дело шарахались в небо испуганные стаи грачей.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце ее стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как «трикотажи» сбегаются на линейку.

— Ждут! Знают, в чем дело! — сказала Таня. — Вавка, опять не в ногу!.. Димка, поправь галстук!.. Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку и замаршировали мимо неподвижных рядов «трикотажей». Возле мачты с флагом их поджидал председатель совета лагеря Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало совсем тихо. Председатель, толстый, солидный, исподлобья поглядывал на представительницу «карбидов», а она, тонконогая, худенькая, настороженно смотрела на председателя.

Что-то странное было в поведении председателя. Он старался стоять смирно и сохранять обычную солидность, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил плечами, то вдруг выпячивал живот, то совсем убирал его. Таня передала ему пакет, заклеенный смолой. Бурлак взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув ее в колене.

На линейке зашушукались.

Председатель вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него болел живот, и стал торопливо читать дрожащим голосом, то и дело сбываясь:

— «Отважным трикотажам от отважных карбидов.

Уважаемые храбрые трикотажи!

Мы, ваши соседи, отважные карбиды, предлагаем вам поместиться ловкостью, выносливостью и смекалкой в большой воен-

ной игре. Игру предлагаем начать завтра, с восьми часов утра, и вести ее до полной победы той или другой стороны.

Условия игры вам известны.

Примите заверения в большом к вам уважении...»

Миша читал, но никто не слушал его. Вытаращив глаза, все смотрели на левую ногу председателя: из короткой штанины его трусов медленно выползала... белая крыса.

— «...Примите... примите... заверения... в большом к вам...»

Крыса упала животом на землю, расставив короткие лапы. И в ту же секунду отчаянный визг раздался над линейкой. Два «трикотажа», сбитые с ног, покатались на землю. Чья-то фигура мелькнула над забором и скрылась за ним. Начался переполох. Полторы сотни кричащих ребят окружили председателя совета.

— Пустите-ка! В чем тут дело? Бурлак, что произошло?

Расталкивая ребят, к Бурлаку подошел старший вожатый.

— Ни в чем не дело! — бормотал председатель. — Я ее просто сунул за пазуху, а она — в трусы и на землю... А эта чего-то испугалась...

— Таня! — позвал вожатый.

Над забором показалась забинтованная Танина голова на тонкой шее. Она угрюмо уставилась на вожатого.

— Чудачка! Чего испугалась? Иди сюда!

— Не пойду, — ответила Таня.

Босоногие «трикотажи» запрыгали и захихикали:

— Трусиха! Крысы боится! От крысы удрала!

— Да, боюсь, — ответила Таня. — Петр Первый храбрым человеком был, а тараканов боялся!

Вожатый поднял крысу и показал ее Тане:

— Ну, Петр Первый, я ее уношу. Иди сюда!

...С кислыми лицами пустились «карбиды» в обратный путь.

До калитки их провожали веселые «трикотажи».

— С самим Петром Первым завтра воюем!

— Пусть крыса нас сторожит! Ни один карбид не тронет!

До леса за ними бежал какой-то маленький мальчишка. Приплясывая, он пищал:

— Петр Первый, а Петр Первый! Петр Первый!

В лесу Леня стукнул мальчишку барабаном по голове, и тот побежал домой.

— Оскандальлись! — проворчал барабанщик. — Тоже еще звеневая! Крыс боится!

— Что-о? — Таня сразу остановилась и повернулась к нему. — Что ты сказал?

Крепкий, коренастый Ленья молча попятился.

— А ну-ка, перепрыгни!

Дорогу пересекала глубокая канава, через которую был переброшен мостик. Ленья пробормотал:

— Охота была ноги ломать!

Таня сошла с дорожки, разбежалась и, перелетев через канаву, упала на противоположной стороне.

Больше никто не роптал на звеньевую. Шли молча и быстро. Впереди было еще одно очень важное дело.

Настала ночь. Заспули «трикотажи» в своей даче с остроко-
нечными башнями. Погасли огни в деревенской школе, где жили
«карбиды». Яркая кособокая луна поползла по мерцающему не-
бу, и верхушки деревьев в маленьком лесу засветились голубо-
ватым светом.

Внизу, под деревьями, было темно и тихо. Осторожно, в мол-
чании пробиралась сквозь заросли пятерка разведчиков. Таня
шла впереди, держа под мышкой фанерный ящик с самодельным
телеграфным аппаратом. Вава несла рюкзак с провизией, а ее
брат Дима, такой же маленький и курчавый, как она, крепко
прижимал к себе четвертную бутылку с кипяченой водой. Сзади
всех двигались Боря и Ленья. Согнувшись и сдержанно кряхтя,
они тащили большую катушку с проводом. Катушка медленно
вертелась, чуть поскрипывая в ночной тишине, и черный сапер-
ный провод ложился на мокрую от росы траву.

Шли очень медленно. Ветки цеплялись за одежду, невиди-
мые коряги хватали за ноги, какие-то прутья больно хлестали
по головам. Крохотный лесок, такой уютный днем, теперь глухо
ворчал сухим валежником под ногами и не хотел пропускать.

Исцарапанные, они вышли из леса на край маленького овра-
га, на дне которого журчал ручей. Сразу же за оврагом
возвышался холм. На вершине его, четко выделяясь на мерцаю-
щем небе, чернели три столба от сгоревшей сторожки и дву-
скатная крыша заброшенного погреба.

Таня спустилась в овражек и перешла по камням ручей. За
ней пошел Дима. Он стал на камень посредине ручья, выби-
рая, куда бы шагнуть дальше, но вдруг зашатался, согнулся
и быстро выпрямился. Раздался звон. Дима, опустив руки,
застыл.

— Разбил! — тихонько вскрикнула Таня.

— Упала, — ответил Дима.

— Шляпа!

«Карбиды» шепотом стали бранить Диму. Потом Боря сказал, что нужно сходить в лагерь и принести другую бутыль.

— Ну да еще! — рассердилась Таня. — Будем всю ночь взад-вперед бегать!.. Пошли!

Они переправились через ручей, взобрались на освещенную лунной вершину холма и остановились там, молчаливые, настоженные. У мальчиков были низко надвинуты на лбы кепки и у всех подняты воротники пальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В дальней стороне ее, окруженный с трех сторон темными соснами, белел дом «трикотажей». Боря зачем-то снял кепку. На его макушке, как перо индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим, — прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнется игра. Завтра отряды «карбидов» и «трикотажей» с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю «противника» и похитить флажок, спрятанный в условном месте. И все это время пятеро отважных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у «неприятеля». Они будут следить за каждым движением «противника» и сообщать обо всем по телеграфу в свой штаб. Это придумала Таня.

— Пошли! — тихо скомандовала она. — Борис, Ленка, тяните провод!

«Карбиды» в молчании направились к погребу. Один за другим вошли в низенькую дверь между скатами крыши. Таня включила карманный фонарик.

Наземная часть погреба была пуста. В середине дощатого пола чернел открытый люк. Ребята, стоя вокруг него на четвереньках, заглянули вниз.

В глубокую яму вела приставная лестница. На дне ямы при слабом свете Таниного фонарика ребята увидели пустые деревянные кадки, лежавшие на боку.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Леня поправил кепку, съехавшую на нос, и тихонько засмеялся:

— Танька! А вдруг здесь крысы есть!

— Не испугаешь. Они бы здесь с голоду подохли. Чем языком болтать, устанавливай аппарат.

Вскоре телеграфный аппарат с электромагнитом от звонка, роликом от пишущей машинки и бумажной лентой, нарезанной из газетных полей, стоял в углу под скатом крыши. Сидя возле него на корточках, ребята смотрели, как Леня делал пробу.

— Передай, — сказала Таня. — «Погреб заняли, невзирая на

трудности. Сообщите, как принимаете. Начпункта Закатова».

Леня снял кепку, склонил стриженую голову над аппаратом и стал пажимать на ключ, приговаривая:

— Точка, тире, тире, точка... Тире, тире, тире...

Леня передавал эту депешу минут пять и весь взмок от напряжения. Под конец он сообщил, что переходит на прием, и повернул какой-то рычажок. Теперь все смотрели на якорь магнита с карандашным графитиком. Вот он слегка дернулся. Леня взял пальцами кончик бумажной ленты и стал тянуть ее к себе.

Где-то за лесом, в комнате у вожатого «карбидов», дежурный телеграфист лагеря Сеня Жуков стучал ключом, а здесь на бумажной ленте появились слабые черточки и точки. С трудом разбирая их при свете фонаря, Леня читал:

— «При-маем хшо. Же-ла-ем у-пс-ха. Дежурный связе-е-ет Жуков».

Вава тихонько засмеялась и тихо захлопала в ладоши.

— Работает! — в восторге шептали «карбиды». — Работает!

После испытания аппарата они разместились по разным углам, и Таня потушила фонарь.

Стало совсем темно. Только щели в крыше светились слабым ночным светом. Ребята притихли каждый в своем углу. Было слышно, как журчит ручей под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашептал вдруг Боря.

«Карбиды» возмущенно заворчали в темноте:

— Мы и не думали засыпать!

— Знаете что? Вот все наши ребята спят сейчас в теплых постелях, а мы тут бодрствуем, как на передовых позициях... А, товарищи?

— Угу! — отозвался кто-то.

Таня заворчалась где-то возле двери:

— Слушайте-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить?.. Что совершить?

— А вот: нас с нашим лагерем соединяет только провод. И вот бы по этому проводу послать депешу: «Сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут разведчики такие-то совершили то-то и то-то». Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. «Карбиды» стали придумывать, какой бы совершить подвиг.

— Нет! — сказал Леня. — Такую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такис-то пробрались... в это... как его... в месторасположение неприятеля и... сделали чего-нибудь такое».

— А что именно сделали? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя: игра еще не началась, — сказала Таня. Долго ломали голову «карбиды».

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно черное пятно люка, а по углам — смутные фигуры ребят. Они сидели кто на корточках, кто просто на полу и поеживались от утреннего холода.

— Закусим? — предложил Боря.

Вава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и несколько вареных картофелин. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушеных вобл.

— Сама достала, в селцо! — сказала она важно, раздавая ребятам порции на салфетках из газеты.

Разведчики принялись громко чмокать, обсасывая косточки воблы и продолжая вслух мечтать о подвиге.

— Хоть бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разразилась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдения по колено в воде».

— А по-моему, лучше так, — предложил Боря. — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем наблюдения».

— Нет! Не так! Вот как! — Ленья даже приподнялся. — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков оглушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — Если все это случится, вожатые прогонят нас отсюда и прекратят игру.

Прошло часа три. Щели в крыше стали золотистыми, и от них протянулись сизые лучи, в которых плавали блестящие пылинки. Мрачную картину осветили они!

Бледные, осунувшиеся, ребята сидели на своих местах, вытянув шеи, поминутно делая судорожные глотательные движения. Клочки газеты, обглоданные рыбы кости и картофельные очистки валялись на полу.

Прижавшись затылком к стене и перекатывая голову с одного плеча на другое, Ленья громко, с надрывом шептал:

— Ну прямо все кишки выжгло!.. Прямо, наверно, какое-нибудь воспаление теперь начинается! — И, уставившись на Таню злыми глазами, сказал: — Ну, чего тебе сделается, если я к ручью сбегая?

— Не пушу. «Трикотажи» увидят,— в десятый раз повторила Таня.

— «Увидят»! Они еще спят преспокойно, а ты здесь мучайся!

Таня, бледная, решительная, стояла на коленях, загораживая собою дверь:

— Все хотят пить. И я не меньше тебя.

— «Не меньше»! Две кружки чаю за ужином выпила, а я...

— Не пушу! Понятно?

Боря молча слушал этот разговор. Длинная физиономия его еще больше вытянулась, Вава коротко всхлипывала, точно икала, а ее брат сидел неподвижно, страдальчески подняв маленький нос и большие темные глаза.

Вдруг Боря поднялся:

— Товарищи! Зачем ссориться? Если каждый станет бегать к ручью и обратно, то нас могут заметить. Но кто-нибудь может взять рюкзак и принести воду для всех.

— Правильно! Он брезентовый и не протекает.

— И очень хорошо! И великолепно! — одобрительно записала Вава.

— Не пушу!

Но тут терпение у «карбидов» лопнуло. Леня, согнувшись, подошел к звеньевой. Вава вскочила на ноги. Злое лицо ее выглядывало из-за Лёниной спины. Шагнул вперед и Боря с торчащим вихром.

— Что ж, нам здесь помирать? — мрачно спросил Леня.

— Не пушу!

— Кричала, кричала о подвиге, а как до дела дошло — одного человека боишься выпустить!

— Не пушу!!

— Ой, девочки, какая странная у нас звеньевая! Крыс боится, «трикотажей» боится и всего боится!

Леня бил себя кулаком в грудь:

— Ну, меня, меня пусти! Я так проползу, что...

— Уж ты проползешь! Знаем тебя!

— Ну, сама иди!

— И сама не пойду.

Леня подошел к ней поближе. Неожиданно мягким, ласковым голосом он спросил:

— Струсил?

— Струсил? — пискнула Вава.

Таня вскочила, стукнулась головой о крышу и, держась за макушку, отчеканила:

— Давайте мешок!

— Вот и прекрасно! Вот и прекрасно! И ничего такого не

случится, — миролюбиво заговорила Вава, вытряхивая из рюкзака остатки провизии.

Таня сняла пальто и взяла мешок.

— Струсил, говоришь?

Она открыла дверь, согнулась, чтобы не стукнуться снова о притолоку, сделала шаг вперед, остановилась на секунду... и вдруг, резко дернувшись назад, закрыла дверь.

— Чего ты? — удивились ребята.

— Стоят! — чуть слышно ответила Таня.

Все бросились к стене и приникли к щелям в досках. Даже Дима перестал «умирать».

Повортев удивленно головой, он поднялся и подбежал к двери.

На крыльце дома «трикотажей» стояли двое мальчишек с полотенцами через плечо: один — маленький, другой — большой. Маленький, протянув руку, показывал на погреб.

«Карбиды» бросились прочь от стены.

— Идут!

— Ой, девочки, прямо сюда идут!

С минуту они метались по погребу, стучаясь головами о скаты крыши.

— В люк! В бочки! — скомандовала Таня. — Всё убрать!

Пальто, катушка из-под провода, рюкзак, очистки картошки, рыбки головы и хвосты полетели вниз, в глубину погреба. Леня отцепил аппарат от провода и съехал на животе по шаткой приставной лестнице вниз. За ним скатились остальные. Кряхтя, толкаясь, «карбиды» убрали лестницу и спрятали ее за бочки, лежащие двумя рядами у стен. Бросили туда же свои вещи и остатки провизии. Затем каждый забрался в бочку, и все затихло.

Прошла минута, может быть, две. Вот наверху скрипнула дверь. Послышались два приглушенных голоса. Один, солидный, басистый, похожий на голос Бурлака, сердито спросил:

— Ну, где твои «карбиды»?

Другой, тонкий, ответил негромко, но горячо:

— Честное пионерское, видел! Эта, ихняя... Петр Первый... По ковбойке узнал. Открыла дверь, а потом сразу как захлопнет... А за ней еще какие-то... Сам видел.

— Сколько? — спросил председатель.

— Десять... Нет, Мишка, человек двадцать! Так и высматривают, так и высматривают!

— Врешь, — лениво сказал Бурлак.

— Ну вот тебе честное-распречестное слово! Знаю, где они! Внизу сидят.

Притихшие в бочках «карбиды» услышали, как два «трикотажка» подобрались к люку.

— Эй! — басом крикнул маленький мальчишка.

Лёнина бочка лежала против Таниной. Он взглянул на звеньевую. Таня сидела согнувшись, поджав под себя колени, прикусив кончик языка. Один глаз ее был закрыт прядью волос, другой неподвижно смотрел куда-то вверх.

— Эй, Петр Первый! Все равно знаем — в бочках сидите.

Ребята даже дышать перестали. Затекли ноги, болели спины, а шевельнуться было нельзя: при малейшем движении бочки качались.

— В бочках сидят! Честное пионерское, в бочках! Бежим подымем тревогу! Это разведчики ихние!

— Чудак ты, право, человек! Подымем тревогу, а здесь никого не окажется. Смешно прямо!

— Давай спрыгнем, посмотрим.

— И ломаем шеи!

— Ну, давай я один спрыгну, собой пожертвую. Хочешь?

— Собой жертвовать нетрудно. А ты попробуй без жертв захватить. Это другое дело.

— А как... без жертв?

Два «трикотажка» стали шептаться так тихо, что «карбиды» ничего не могли услышать. Потом маленький хихикнул и спросил:

— На веревке?

— Ну да, — ответил Бурлак.

Они опять зашептались.

— Ладно, сторожи. Я сейчас! — громко сказал Бурлак и вышел из погреба.

Некоторое время стояла полная тишина. Было слышно, как над люком дышит и шмыгает носом маленький «трикотаж». Вдруг он поворочался наверху и довольным тоном объявил:

— А Мишка за белой крысой пошел!

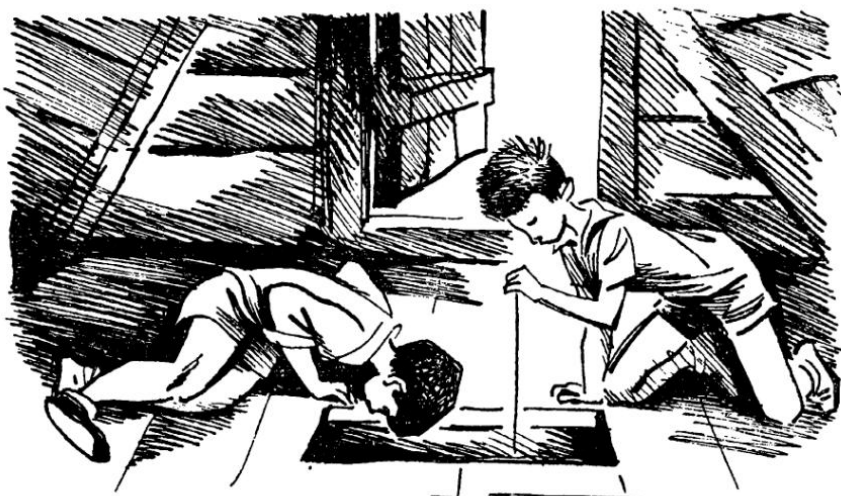
«Карбиды» почуяли недоброе. Лёня снова взглянул на Таню. Она еще больше сжалась в своей бочке.

— Эй, Петр Первый, выходи лучше! — угрожающе крикнул «трикотаж».

«Карбиды» молчали. Сердца их отчаянно бились. Хотелось шумно, глубоко вздохнуть, а мальчишка над люком, как назло, притих.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги, и снова послышался шепот:

— Зачем за ногу? За хвост!.. Осторожней, дурак, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лени и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертась и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная на шпагате за хвост. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с подвижными усиками.

— Эй, Петр Первый, выходи! Хуже будет!

Таня, бледная, закусив губы, пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки ее с острыми косточками дрожали.

Шпагат натянулся и дернул крысу за хвост. Та поползла в сторону Лени, волоча за собой веревку. Лёня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и оказалось. Крыса вошла в бочку и, наступив лапой на Лёнин мизинец, стала его обнюхивать. Лёня приподнял было другую руку, чтобы схватить крысу и не пустить ее к Тане, но вспомнил, что «трикотажи» могут дернуть за веревку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся и вытащил крысу в проход между бочками.

— Так все бочки обследовать! Понимаешь? — услышали ребята шепот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба. Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на черном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от «трикотажей», следили за каждым ее движением.

Вот она снова очутилась между Лёней и Таней и снова направилась к Лёне...

Веревка натянулась. Крыса остановилась, а потом повернула к Тане.

Бочка, в которой сидела Вава, качнулась. К счастью, «трикотажи» не заметили этого.

Таня крепко зажмурила глаза. Все сильней и сильней дрожали ее сжатые кулаки и худенькие плечи.

Крыса часто останавливалась, сворачивала в сторону, но все же приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на Танину руку, стала карабкаться на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Лёня понял, что сейчас раздастся тот истошный, пронзительный визг, который раздался вчера вечером на линейке «трикотажей». Но визга он не услышал. Таня сжала зубы и больше не делала ни одного движения. А крыса забралась на ее плечо и подползла к шее. Ее белые усики шевелились возле самого Таниного уха.

Снова дрогнула бочка, в которой сидела Вава. Лёня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на звеньевую.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять! — проворчал над люком Бурлак.

— Да честное пионерское, мне показалось... — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало чего тебе показалось! Сначала проверь, потом подымай панику. Идем!

И «трикотажи» ушли из погреба.

Один за другим вылезли из бочек измученные, грязные «карбиды». Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Леня стал прикреплять концы проводов к аппарату, остальные сели по своим местам и прикинули к щелям между досками.

От пережитого волнения жажда усилилась. Каждому казалось, что вот-вот потрескается кожа на языке. Но все молчали и время от времени поглядывали на Таню. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Леня.

Звеньевая молчала, по-прежнему глядя в щель. Перед белым домом выстроились четырехугольником «трикотажи». Опять заиграл горн. Послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рывками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Таня. — «Флаг у противника поднят».

Леня облизнул пересохшие губы и прислушался к слабому журчанию ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчание три часа, пять, может быть, восемь, и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Склонив голову к аппарату, Леня стал медленно нажимать на ключ, шепча про себя:

— Точка, точка, тире, точка... точка, тире, точка, точка... «Флаг у противника поднят!»

1940 г.

«К а л у г а» — «М а р с»

В эту дождливую ночь совсем близко от городка ухали орудия. Фашисты были в двенадцати километрах.

С маленькой станции только что ушел последний эшелон, увозивший в тыл женщин, стариков и детей.

Коротко постукивая, прошли теплушки, проползли длинные пассажирские вагоны с чуть заметным светом в замаскированных окнах; процокала открытая платформа с зенитным пулеметом и красноармейцами. Эшелон исчез в темноте. Шум его колес постепенно затих.

На опустевшей станции остались только несколько железнодорожников, часовые на перроне и среди путей да двое мальчишек лет по десяти, притаившихся под башней водокачки: один из них — круглощечный, в длинном пальто с поднятым воротником, обмотанным шарфом, в меховой шапке; другой — худенький, юркий, в коротком черном бушлатике и черной кепке.

Они долго стояли молча возле мокрой стены, прислушиваясь к шагам часового на перроне и к гулким выстрелам орудий. Потом мальчик в длинном пальто прошептал еле слышно:

— Слава! Слава!

— Ну?

— Слава, ты куда записку сунул?

— К маме в узел с постелью.

— К моей маме?

— Нет, к моей... Стой тихо. Услышат!

Они помолчали. Через минуту опять послышался шепот:

— Слава! А, Слава!

— Чего тебе?

— Слава, что ты написал в записке?

— «Что, что!» Написал: «Дорогие мама, бабушка и Вера Дмитриевна! Мы убежали с поезда. Мы хотим грудью защищать город от врагов. Пожалуйста, не волнуйтесь и не беспокойтесь». Ну и всё. Стой тихо и ничего не говори! Понял?

— Понял!

В молчании прошло несколько минут. Шаги удалявшегося по перрону часового слышались всё слабее. Когда они затихли, Слава отошел от стены и осмотрелся, придерживая за лямки рюкзака.

— Мишка! Пошли!

Его приятель подошел к нему с большим, туго набитым портфелем. Оба крадучись прошли через калитку в деревянной ограде станции, секунду помедлили и бросились бежать в дождь, в темноту.

На привокзальной площади они никого не встретили и дальше пошли шагом, держась поближе к заборам и стенам домов. Одна из калош у Славы то и дело соскакивала. Тяжелый портфель бил Мишу по ногам. Оба промокли от дождя и вспотели, но шли не останавливаясь.

Городок, такой знакомый днем, казался теперь чужим и

страшным. Ни одного человека не было на улице. Ни одно окно не пропускало света. Даже собаки, обычно лаявшие в каждом дворе, теперь молчали.

Только изредка в темных парадных домов покрупней или под арками ворот краснели огоньки папиросок. Это дежурные жильцы стояли на своих постах. Заметив их, ребята или пускались бегом, или же шли крадучись, чуть дыша.

Так они добрались до центра городка. Впереди, пересекая улицу, прогремели не то танки, не то тягачи и свернули в темный переулок. Потом торопливо, почти бегом, навстречу ребятам прошел взвод красноармейцев.

Мальчики спрятались от них в щель между киосками, где когда-то шла торговля морсом и табаком. Они задержались там, чтобы немного отдохнуть.

— Слава! — тихо позвал Миша.

— Что?

— Слава, а ты написал в записке, что мы теперь, может быть, совсем погибнем?

Слава рассердился:

— Ты... ты, Мишка, совсем как маленький! У человека голова болит от заботы, а он со своими дурацкими вопросами! Ну зачем я им буду это писать? Чтоб они поумирали со страху? Да?

Миша не ответил. Он опустил на корточки и некоторое время молчал, шмыгая носом. Затем опять зашентал, еще тише:

— Слава!..

— Опять!

— Слава, честное слово, это последний вопрос... Слава, от какой заботы у тебя болит голова?

— От какой? А вот от какой: нам надо пробраться на передовую так, чтобы не попасться патрулю. Как найти эту самую передовую? Куда нам пойти? Ты об этом подумал?

— Я не думал об этом, но, по-моему, Слава, где пушки стреляют, там и передовая.

Мальчики отправились дальше. Еще несколько раз они прятались, услышав, как шлепают по лужам тяжелые сапоги патрульных, и только через час выбрались на окраину городка. Здесь было особенно пустынно и неприятно. Грохот орудий раздавался сильнее.

Слава остановился на перекрестке немощеных улиц и спросил:

— Где ж теперь стреляют? Куда идти?

Мальчики топтались на месте, растерянно поворачиваясь во все стороны. Грохот, тяжелое буханье слышались теперь не только спереди, но и справа, и слева, и позади.

— Слава! Чего это? Слышишь?

Какой-то странный шипящий свист, то нарастая, то затихая, шел сверху, с мигающего неба. Слава подставил левое ухо под дождь, чтобы прислушаться, но тут вдруг раздался не свист, а вой, в темных окнах домов блеснул свет, и через секунду земля дрогнула от мощного удара.

— Слава! Знаешь что? — прокричал Миша. — Слава, это, наверно, фашисты из дальнбойных стреляют. Слава!..

— Ну... ну и что же, что стреляют? Ты только... ты только не трусь, пожалуйста... Ничего тут такого нет, что стреляют.

— Слава, я не трушу... Только знаешь чего, Слава... Зачем мы здесь стоим? Уж идти так идти. А, Слава?

Оба торопливо зашагали, с трудом удерживаясь, чтобы не бежать.

— Обстрел как обстрел. Обыкновенное дело! — говорил Слава.

— Ага! Обыкновенное дело, — соглашался другой, слегка подпрыгивая при каждом новом ударе.

Вдруг Слава заметил, что его товарищ исчез.

— Мишка! Ты где? Ты чего?..
— Слава! Знаешь... странная вещь! — донеслось из темноты. — Уронил портфель и не могу найти.

Слава остановился:

— Ну! Нашел?

— Нет. Слава... Странная вещь!

— Нашел? — послышалось через секунду.

— Нет!.. Вот ведь! Странная вещь!.. Слава, ты здесь?.. Слава!

Наконец Миша нашел портфель в большой луже и присоединился к товарищу. Но тут у Славы соскочила галоша. Он нагнулся, чтобы надеть ее. Вдруг яркий столб света поднялся из-за ближайшего дома, и раздался такой грохот, что у Миши сердце чуть не выскочило. Зазвенели стекла. Где-то громко закричала женщина.

Через секунду приятели во весь дух мчались по лужам: один с портфелем, другой с галошей в руке.

Они не заметили, как выбежали за город, как попали в Большую рощу. Бежали долго, очень долго. Разрывы позади уже прекратились, а ребята продолжали бежать, тяжело и хрипло дыша.

— Стой! Кто идет? — раздался вдруг отрывистый окрик. Мальчики стали как вкопанные.

— Попались! Патруль! — прошептал Слава.

— Кто идет? — прозвучало в темноте громче и тревожнее.

— Это... мы... — нерешительно сказал Миша.

— Кто «мы»?

— Советские граждане, — пояснил Слава.

— Какие такие граждане? Ложись!

Щелкнул затвор винтовки. Мальчики, не издав ни звука, плюхнулись на землю. В этот момент чей-то бас произнес:

— В чем дело, Симаков?

— Ходит там кто-то, товарищ караульный начальник. Я положил его.

— Эй! Кто там есть? Отвечай! — громко спросил бас.

— Советские граждане. Школьники, — повторил Слава, чуть приподняв голову.

— Ну-ка, Жиров... За мной!

Послышались шаги. На секунду вспыхнул свет карманного фонаря и ослепил ребят. Фонарь тут же погас. Мальчики увидели перед собой двух красноармейцев.

— Кто такие? Как сюда попали? — спросил один из них басом.

Мальчики встали. Миша совсем растерялся и молчал. А Слава поправил кепку и заявил решительным тоном:

— Мы... Нам к командиру нужно.

- К какому командиру? По какому вопросу?
- Добровольцами хотим поступить.
- Жиров, слышишь? — сказал бас товарищу. Затем обратился к ребятам: — Та-ак! А родители ваши где?
- Уехали. Эвакуировались они.
- А вы как же?
- А мы остались.
- Утекли?
- Вовсе не утекли, — соврал Слава. — Просто нас отпустили, и всё.
- Воевать отпустили?
- Ну да.

Красноармейцы захохотали.

- Во, Жиров, дело-то! Как же теперь быть?
- Дежурному нужно доложить, товарищ сержант.
- Дежурному? Гм! Верно! Пошли к дежурному. Пусть разбирается... Ну, вояки, идем!

Они повели мальчиков лесом, изредка на секунду освещая фонариком путь, и вскоре остановились около узкой темной щели в земле.

— Обождите здесь.

Сержант спустился в щель по деревянным ступенькам. Через несколько минут его голос послышался откуда-то слева:

— Жиров! Давай их прямо к лейтенанту.

Ребята с помощью Жирова спустились в щель и пошли по ней, задевая плечами глиняные стенки.

— Слава! Правда, совсем как в настоящих окопах? Да? — прошептал Миша.

Щель вела под невысокий земляной бугор. Стало совсем темно. Но вот Жиров открыл какую-то дверцу, и все трое очутились в светлой землянке, обшитой досками. Ее освещала электрическая лампочка.

В землянке находилось двое военных. Один, в командирской шинели, с противоголозом и полевой кожаной сумкой, стоял, прислонившись к стене. Другой, смуглый, курчавый, с черными усиками, с папиросой в зубах, сидел за маленьким столиком. На петлицах у обоих военных ребята заметили по два квадрата.

Военный с усиками поднялся.

— Это и есть ваши герои? — спросил он Жирова.

— Так точно, товарищ лейтенант.

Лейтенант пристально посмотрел на ребят и слегка улыбнулся.

Большая черная кепка Славы так низко съехала на лицо, что из-под нее виднелись только нос да подбородок. С рукавов его бушлата и с Мишиного пальто стекала вода. Чулки, штаны

и ботинки ребят были перепачканы глиной. Оба стояли притихшие, неподвижные.

— Воевать, говорите, собрались? Да?

— Воевать, — донеслось из-под кепки.

Лейтенант повернулся к военному у стены:

— Что ж, дежурный, снаряжай с ними связного — да в город.

Ребята огорченно переглянулись.

Тот, кого лейтенант назвал дежурным, задумчиво постукивал папиросой по портсигару.

— В город-то в город, — сказал он медленно, — ну, а дальше что? Родители их выехали. Детские учреждения эвакуированы. Куда связной с ними денется?

Лейтенант прошелся по землянке, заложив руки за спину.

— Гм! Это, положим, неизвестно, уехали или не уехали. Возможно, герои удрали из дому, а их теперь ищут по улицам.

Он остановился перед Славой и поднял козырек его кепки:

— Ну-ка, друзья, выкладывайте правду: удрали?

— Вовсе мы... — начал было Слава.

Но лейтенант перебил его:

— Стоп! погоди! Вы пришли в армии служить. Так? И вот с первой же встречи врете командиру. Зачем нам такие бойцы, которые обманывают командиров? Нет! Вы уж лучше говорите начистоту: из дома удрали?

— С поезда, — чуть слышно ответил Слава.

— Мы с поезда удрали, — повторил Миша.

— Ну вот! Это другое дело!

Лейтенант снова прошелся и стал перед дежурным, заложив руки за спину.

— Ну и денек! Что ни час, то новая морока!.. — Он помолчал. — Что ж, оставить их пока на свою ответственность да и доложить майору? Или попадет?.. Может, и попадет. Но куда их девать? По городу уже два часа бьют, а здесь пока тихо.

Лейтенант задумался. Ребята стояли не двигаясь, только изредка переглядываясь.

— Ладно... Жиров!

— Я вас слушаю, товарищ лейтенант!

— Отведите их к телефонистам. У них место есть. Придется старшине сказать, чтобы... ну, вроде как зачислил их на довольствие...

Пробираясь ощупью по темному ходу, ребята в восторге щипали и толкали друг друга. Слава громко шептал:

— Понимаешь, что значит «зачислить их на довольствие»? Это значит — приняли. Значит — всё, готово!..

Они попали в другую землянку, освещенную лампочкой по-

тусклей. Здесь вдоль стены шли нары, на которых, завернувшись в шинели, спало человек восемь красноармейцев. Посреди землянки стояла железная печь. Было тепло и немного душно.

Жиров указал на свободный топчан справа от двери:

— Давайте ложитесь здесь. Сейчас ужинать вам добудем. И чтоб тихо было! Люди спят.

Он хотел уйти, но тут один из красноармейцев проснулся, сел, обхватив колени руками, и уставился на ребят, подняв светлые брови на розовом лице:

— О-о! Що це таке?

— Пополнение вам. Теперь, Очередько, пропал Гитлер!

Жиров ушел, тихонько прикрыв дверь. Очередько был так удивлен, что растолкал своих ближайших соседей. Через минуту вся землянка проснулась.

Со всех сторон на ребят смотрели удивленные, улыбающиеся лица, со всех сторон сыпались вопросы и восклицания:

— Как же это вы сюда добрались?

— Убежали? Вот шельмецы!

— Мамки-то ваши где?

Видя, что никто здесь на них не смотрит строго, что все рады их появлению, ребята ободрились. Они сняли с себя промокшую верхнюю одежду и теперь сидели на нарах и болтали без умолку. Они рассказали о том, как задумали побег неделю назад, но потом отложили его до отъезда, чтобы родные не застреляли из-за них в городе. Рассказали, как им удалось в последний момент незаметно выскочить из вагона, как пробирались они по городу, небрежно упомянули о снарядах, которые рвались «совсем-совсем рядом».

Миша при этом заметил, что у него, навсрно, осколком выбило из рук портфель.

Красноармейцы, слушая их, веселились так, словно не было войны, не было фашистов, не было гула канонады, который временами приглушенно доносился сюда.

Неожиданно открылась дверь. В землянку вошел статный военный, держа в руках по котелку, а под мышкой — большой кусок хлеба.

— Где тут наши добровольцы? Получайте!

— О, це важные у нас вояки,— заметил Очередько.— Сам старшина им вечерю нэсэ!

Ребята поблагодарили и принялись за щи и гречневую кашу.

— Далеко отсюда до передовой? — осведомился Слава, пережевывая хлеб.

— Та це ж она и есть, передовая! Метров тридцать чи сорок пройдешь — от тебе и фашист.

По смеху бойцов ребята поняли, что Очередько шутит, что

до передовой еще очень далеко. Они замолчали, обиженные таким несерьезным к ним отношением.

Устав смеяться, приумолкли и красноармейцы. И тогда в землянке заговорил негромкий голос, которого мальчики до сих пор не слышали:

— Так-так! Ну, вот что, молодые люди: разрешите мне задать вам один вопрос?

На топчане по другую сторону двери лежал худощавый человек с длинным носом. Приподнявшись на локте, он щурил на ребят близорукие глаза и улыбался тонкими губами.

— Какой вопрос? — спросил Слава, не переставая жевать.

— Вот вы желаете воевать с фашистами, защищать Родину. Что ж! Стремление похвальное. Но представьте себе, что все лица вашего возраста побросают школы и отправятся на фронт. Представьте себе, что война продлится года три-четыре. Сколько разведется тогда в стране безграмотных недорослей, из которых нельзя будет сделать ни инженеров, ни ученых, ни хороших командиров! Вы подумали об этом?

— Ого! Вот закавыка так закавыка! — сказал Очерedyко. — Зараз побачим, що они кажут?

Бойцы опять засмеялись и уселись поудобней на нарах, поглядывая на ребят. Те молчали, озадаченные, поставив котелки на колени, устремив глаза в пространство.

— Ну! Начинайте диспут, — сказал кто-то.

— Очень просто! — вдруг ответил Миша. — Этого вовсе не может быть.

— То есть чего не может быть?

— Чтоб все ребята ушли на фронт.

— Почему же? Все ребята ненавидят фашистов. Вы вот убежали?

— Мы убежали, а все не убегут. У одних ребят такой характер, что они хотят учиться, а у нас такой характер, что мы хотим воевать.

— Значит, по-вашему, у кого какой характер, кто чего хочет, так и делает?

— Ну да!

Их собеседник повернулся и лег головой на противогаз, подложив под затылок ладони.

— Странно! — сказал он задумчиво, глядя на потолок. — А вот у меня, например, такой характер, что я совсем не чувствовал раньше призвания к военной жизни. Что вы на это скажете?

Ребята молчали. Им стало как-то неловко за человека, который сам про себя говорит такие вещи. Это было все равно, как если б он сказал: «А я вот, братцы, трус».

— Н-не знаю... Конечно, всякие бывают характеры, — уклончиво ответил Слава.

— Да. Никакого призвания. Я с детства только и мечтал о том, чтобы стать изобретателем. Перед войной работал на заводе, учился в заочном институте, думал сделаться инженером. — Он вдруг повернулся к ребятам и снова приподнялся на локте. — Вы знаете, чем я хотел заниматься? Слышали что-нибудь о передаче энергии на расстояние?

— Знаем. По радио, — сказал Слава.

— Совершенно верно. И вот представьте себе: есть у вас велосипед, а на нем — маленький приемник и электромоторчик. Сели вы на велосипед, повернули рычажок — и едете хоть до самой Москвы, без всякого горючего, без всяких проводов. Неплохо? Да? Ну, а теперь пришла война, и я вот не изобретаю таких велосипедов, а служу в армии, и неплохо, говорят, служу. Что вы на это скажете?

Ребята не ответили. Они с уважением смотрели на этого странного человека.

— Колы бы мы не воювали, фашист от таким хлопцам жизни бы не дал, — заметил Очередыко.

Изобретатель повернулся лицом к стене и зевнул.

— По-моему, ребята, если уж началась война, если на твою Родину нападают, ты уж должен делать не то, что тебе хочется, а то, что нужно делать... Ну, кончим нашу дискуссию, а то и поспать не удастся.

Красноармейцы улеглись и затихли. Легли и ребята, накрывшись чьей-то плащ-палаткой. Где-то продолжали раздаваться выстрелы. Откуда-то, вероятно из соседней землянки, то и дело доносился писк телефонного зуммера и монотонный голос:

— «Калуга» слушает... Чего?.. Даю «Луну». Алло! «Марс»! Алло, «Марс»!.. «Калуга» говорит. Двести десятый у себя?.. Дайте его.

— Слава! Слав! — прошептал Миша.

— Что?

— Слава, вот бы нам такой велосипедик! Правда?

— Ага! А еще лучше — лодку моторную.

Ребята повернулись друг к другу спиной и больше не говорили, но долго еще не могли заснуть. Впервые Славе ясно представились его мама с бабушкой, растерянные, плачущие, в переполненном темном вагоне, а Мише вспомнилась его мама, одинокая, без папы, который уехал на фронт, и вот теперь без Миши, ее единственного сына.

Миша часто задыхался, сдерживая слезы. Слава услышал это и притворился, что спит.

Ребята проснулись потому, что кто-то расталкивал их и покрикивал:

— Эй! Друзья! Подымайтесь!

Над ними стоял красноармеец в шинели, с винтовкой.

— Лейтенант приказал вам одеться и быть наготове. Никуда без приказа не выходить. Вот. Завтракайте.

Он поставил на нары котелки, положил хлеб и вышел.

Мальчики сели, моргая заспанными глазами. Только через некоторое время они проснулись окончательно и вспомнили, где находятся.

Землянка была почти пуста. Лишь незнакомый боец, которого мальчики ночью не видели, спал, не сняв шинели, не расстегнув ремня с подсумком. Тяжелый, почти непрерывный гул шел, казалось, откуда-то из-под земли.

Доски на нарах вздрагивали. Временами за дверью слышались торопливые шаги, редкие, отрывистые голоса.

Мальчикам стало тревожно и вместе с тем весело. Натягивая еще не просохший бушлатик, Слава проговорил:

— Что-то там, наверху, делается особенное. Да, Мишка?

— Знаешь, чего делается, Слава? Наверное, бой идет.

Они оделись и сели рядом: один — с мешочком за спиной, другой — с портфелем в руках. Голоса и шаги в проходе затихли. Только голос телефониста, быстрый, напряженный, четкий, продолжал доноситься в землянку:

— «Марс»! «Марс»!.. Алло, «Марс»! Дайте сто сорок четыре!.. «Калуга» слушает! Есть, товарищ лейтенант... «Марс»! Алло, «Марс»!..

Слава прыгнул на пол, чуть приоткрыл дверь, прислушался и снова закрыл ее.

— Никого нет, — сказал он.

Миша пристально посмотрел на него:

— Слава... Как ты думаешь, зачем нам велели одеться и быть наготове?

— Откуда я знаю зачем?

— Слава! А вдруг нам задание хотят дать?

— Какое еще задание?

— Ну... ну, донесение какое-нибудь отнести.

— Держи карман! Так и дадут донесение незнакомому человеку!

Они замолчали. Томительно ползли минуты, десятки минут, а за ребятами никто не приходил. Гул снаружи усилился. Иногда землянка содрогалась так, что лампочка, висевшая под потолком, начинала покачиваться. Славший красноармеец вдруг сел на нарах, прислушался и вышел за дверь, даже не взглянув на ребят.

Приподнятое настроение у мальчиков прошло. Им стало тоскливо и немного страшно. Что делается там, наверху? Почему все так возбуждены? Почему никто не обращает на них внимания, как будто все забыли о них?

И тут ребята заметили, что телефонист тревожно, громко уже несколько минут повторяет один и тот же призыв:

— «Марс»! Алло, «Марс»!.. «Марс»! «Марс»!.. «Марс»!.. Алло! «Марс»!..

Наступила пауза. Потом негромко прозвучали слова:

— «Марс» не отвечает, товарищ лейтенант... Да, похоже, что перебита, товарищ лейтенант... Есть, товарищ лейтенант!

— Слава! А, Слава! — сказал Миша.

— Чего?

— Слава, что такое «Марс»?

— Планета, конечно.

— Я не про то. Здесь что такое «Марс»?

— Здесь? — Слава подумал. — Название какое-нибудь секретное. Может, штаб так называется.

— И он теперь не отвечает?

— Не отвечает.

Ребята придвинулись друг к другу поближе.

— Слава, а вдруг... вдруг оттого, что он не отвечает, все произошло?

Слава угрюмо смотрел на носки своих калош.

— И очень даже может быть, — сказал он медленно.

— И, может быть, фашисты ворвутся сюда?

— Может, и ворвутся. Может, нас и перебьют здесь всех через полчаса.

После этого они долго сидели, почти не разговаривая, неподвижные, настороженные, прислушиваясь к голосу телефониста, напрасно стараясь уловить в его отрывочных фразах что-нибудь утешительное.

Так прошло часа два, а может быть, три. И тут новая неожиданность обрушилась на ребят: электрическая лампочка, горевшая все время не мигая, вдруг погасла и в землянке наступил кромешный мрак. В первую минуту приятели не двинулись, не шелохнулись. Потом Слава прерывающимся голосом позвал:

— Мишка! Мишка! Ты... здесь?

— Слава, я здесь... Слава, знаешь чего? Слава, пойдем отсюда... А, Слава?

Слава не ответил.

— Слава, пойдем знаешь куда? Ну, хоть к лейтенанту пойдем. Скажем ему что-нибудь... Пусть он нам хоть задание какое-нибудь даст... Слава, уж лучше там, наверху, погибать, чем здесь, как мыши. Пойдем, Слава!

По проходу кто-то пробежал. Слава дотронулся до Мишиной руки:

— Тихо! Слышишь?.. Может, за нами.

Оба затихли. Открылась дверь. Взволнованный голос крикнул в темноте:

— Сержант Смирнов здесь? К лейтенанту!

Обескураженные приятели молчали.

— Нет его, что ли?

Шаги удалились. Прошло минуты две. Что-то особенно тяжело грохнуло наверху. Слава прыгнул с нар:

— Пойдем!

Несколько секунд они пыхтели, застряв в узкой двери, в которую сунулись одновременно, и наконец выскочили в ход сообщения.

Здесь было почти так же темно. Лишь где-то далеко слева пробивался слабый дневной свет. Ощупывая руками глиняные стены, Слава пошел в ту сторону, Миша двигался за ним, держась за его бушлатик.

Вскоре они заметили дверь, открыли ее и очутились в землянке лейтенанта. Там горел фонарь «летучая мышь». Лейтенант стоя разговаривал с двумя неизвестными командирами. Все обернулись и посмотрели на ребят.

— Ну! Что вам здесь нужно? — резко спросил лейтенант.

Приятели молчали и не двигались. Только Миша в растерянности покачивал портфелем.

— Кто вам позволил выходить из землянки? — почти крикнул лейтенант. — Почему расхаживаете без разрешения?

Слава открыл было рот, чтобы заговорить, но тут в дверь постучали.

— Войдите! — сказал лейтенант.

Через высокий порог переступил тот самый изобретатель чудесного велосипеда, с которым познакомились этой ночью ребята.

— Сержант Смирнов по вашему распоряжению явился, товарищ лейтенант, — сказал он негромко, отдав честь.

Лейтенант больше не смотрел на мальчиков:

— Так. Хорошо... У нас прервана связь с «Марсом». Возьмите с собой двух человек и восстановите связь.

Вытянув руки по швам, изобретатель повторил:

— Приказано взять двух человек и восстановить связь с «Марсом».

— Правильно. Вы знаете, что Горчаков не дошел?

— Знаю, товарищ лейтенант.

— Идите. Исполняйте.

Снова отдав честь, изобретатель четко повернулся и вышел, слегка запнувшись на пороге.

Лейтенант опять обратился к ребятам:

— Марш в землянку! И не шататься у меня! Ясно?

Ребята поспешно выбрались за дверь и вернулись в свою землянку. Там было по-прежнему темно, однако мальчики уже успокоились.

По спокойным лицам военных в землянке у лейтенанта они поняли, что сражение идет где-то далеко и нечего бояться, что враги вот-вот ворвутся в их подземное жилище.

Мальчики еще долго болтали, сидя в потемках, и наконец почувствовали, что очень устали от пережитых волнений и совсем не выспались за эту ночь. Они прилегли. Через некоторое время оба спокойно посапывали.

...Слава проснулся через несколько часов. В темной землянке пахло махоркой. Было душно. На разные голоса храпели красноармейцы. Слава повернулся на другой бок и уже сквозь сон услышал голос телефониста:

— Алло! «Марс»! Сколько у вас времени? Мои стоят.

Мальчиков разбудил окрик:

— Вояки! Завтрак проспите!

Под потолком горела «летучая мышь». Бойцы сидели на нарах, грея ложками в котелках. Все засмеялись, когда ребята вскочили, удивленно оглядываясь. Слава как лег, так и проспал всю ночь, не снимая бушлата и мешка. Миша прыгнул с нар и тут же схватил свой портфель.

— Что ж это вы! Проспали фашистов. Теперь они километров за сорок отсюда. Как теперь догоните? — шутили красноармейцы.

Приятели набросились на завтрак. За весь вчерашний день они почти ничего не ели. С ними пробовали шутить, расспрашивали их, но мальчики отвечали односложно, все еще переживая вчерашний день.

Миша заметил, что противоположные нары пусты, и спросил:

— А... а где он, изобретатель?

Сразу в землянке стало тихо. Лица бойцов сделались серьезными.

— В отпуск ушел, — не глядя на ребят, сказал один красноармеец.

— В бессрочный, — добавил другой. Лоб его был перевязан свежим бинтом.

Ребята почувствовали недоброе и замолчали. Молчали и красноармейцы. Один только Очередько пробормотал:

— Добрый был хлопок!

Мальчики поняли, что изобретатель погиб, и погиб, быть может, исполняя приказ лейтенанта. Они отложили ложки. Есть больше не хотелось. Красноармейцы вскоре ушли, а они еще долго сидели молча, глядя на пустые нары, где лежали две потрепанные книжки и забытая жестянка с табаком.

— Никогда теперь не сделает велосипедика, — проговорил наконец Миша.

— Погиб, а связь восстановил, — сказал Слава.

Когда-то в кино ребята видели черные столбы дыма и земли от рвущихся снарядов.

Недавно они слышали грохот разрывов настоящих снарядов и авиабомб и видели развороченные фугасками дома.

И сейчас они думали об этом странном человеке, который так спокойно ушел по приказу командира куда-то туда, где вздымаются эти черные столбы, взлетают на воздух раздробленные камни, валятся огромные деревья. Они вспоминали каждое его слово, каждое движение.

— Слава!.. А помнишь, как лейтенант сказал ему: «Горчаков не дошел». Наверно, Горчакова этого тоже убили.

— Ага! И, значит, он знал, что, может быть, сам погибнет.

— Слава!.. И он даже глазом не моргнул. Приказал командир — он отдал честь и ушел.

— Да. А еще говорил, что у него призвания нет воевать!

Ребята помолчали. Вдруг Слава спрыгнул на пол:

— Мишка!

Мишка подбежал к нему.

— Мишка! Дай честное слово... Дай самое страшное честное слово: что бы ни случилось, мы до конца войны с фронта не уйдем!

— Слава, даю честное слово! И знаешь что, Слава? Давай будем мстить фашистам за изобретателя.

— Давай! Пусть мы погибнем, пусть! Все равно мы из армии не уйдем.

— Не уйдем!.. Слава, пошли опять к лейтенанту! Пускай он нам даст какое хочет задание. А не даст — пойдем дальше, на самый передний край!

Слава задумался.

— Нет, не надо, — сказал он, — нужно дисциплину соблюдать. Он сам нас вызовет. Что нас, даром, что ли, будут кормить!..

Когда в землянку пришли красноармейцы на обед, Слава спросил одного из них, не может ли он сходить к лейтенанту, сказать, что им надоело сидеть без дела, что они хотят получить какое-нибудь задание.

— Э-э! — протянул тот. — Вы насчет этого не опасайтесь, ре-

бята. Лейтенант про вас не забудет. Он только еще не решил: то ли роту вам дать, то ли батальон.

Слава уныло отошел от него. Миша прошептал:

— Лучше не говорить. Только и знают, что смеются!

Очень долго тянулось время. Даже вчера они не так томились, как сегодня. При каждом шуме за дверью они вскакивали, думая, что это идут за ними. Но подошел ужин, а никто их не звал.

— Шо? Еще не получили задания? — удивился Очередько, входя с товарищами в землянку. — Як же так! Лейтенант мне казав, шо гадае вас в разведку назначить.

Ребята промолчали. Сердца их сжались. Правду говорит этот Очередько или опять шутки шутит?..

Поуживали. Бойцы поиграли в шашки, поболтали и улеглись. Легли и ребята, надеясь, что хоть завтра кончится их ожидание. Они закрыли глаза и лежали совсем тихо, стараясь поскорее заснуть. Но тут скрипнула дверь, вошел бравый старшина и сказал громко и весело:

— Ну! Герои здесь?.. К лейтенанту!

Как подброшенные, вскочили приятели.

Лихорадочно оправляя рубашку, Слава спросил:

— Зачем? Не знаете зачем?

— Не знаю. Видно, задание какое боевое.

Бойцы проснулись.

— Скорей, ребята! — кричали они. — Пояса подтяните, чтоб заправочка была!

— Вы знаете чего? Вы как войдете, так руку к головному убору, станьте в положение «смирно» и скажите: «Товарищ лейтенант, по-вашему приказанию боец такой-то прибыл». Поняли? Лейтенант дисциплину любит.

Ребята вышли за дверь.

— Эй! Эй! Кепки-то забыли! К пустой голове руку не прикладывают!

Мальчики вернулись, схватили кепку и шапку.

Шагая по темному ходу за старшиной, Миша взволнованно прошептал:

— Слава! Знаешь чего? Давай станем на то самое место, где вчера изобретатель стоял. Хорошо?

— Хорошо!

Они вошли в землянку. Там, кроме лейтенанта, был еще один военный. Миша покосился и стал на то место, где вчера стоял сержант Смирнов.

— Товарищ... товарищ лейтенант... по вашему приказанию боец Розанов явился, — дрожащим голосом проговорил Слава.

— Боец Снегирев явился, — пролепетал за ним Миша.

Лейтенант, сидевший за столом, улыбнулся и переглянулся с товарищем.

— Отправляешь? — негромко спросил тот.

— Отправляю.

— Здорово нагорело?

— Хватает. — Лейтенант просмотрел какую-то бумажку. — Так вот, друзья. Мы навели справки: ваши родители сошли на станции Гремихино и разыскивают вас. Сегодня туда идет наша машина. Оденьтесь, соберите вещи. Шофер за вами зайдет.

Приятеля остолбенели.

— Товарищ... командир... мы... мы хотим в армии служить, — еле выдавил Слава.

— Мы на фронт... — начал было Миша.

Лейтенант вдруг поднялся.

— Вы хотите в армии служить? — сказал он громко.

— Да. Мы хотим, чтоб...

— Вы меня называете командиром. Так?

— Да. Мы...

— А знакома вам воинская дисциплина?

— Мы... Нам знакома.

— А вам известно, что приказ командира — в армии закон?

— Известно, — еле слышно сказал Слава.

— В таком случае, смирно!

Лейтенант выпрямился. Ребята вздрогнули и застыли, вытянув руки по швам. Лейтенант заговорил медленно и отчетливо:

— Приказываю вам собрать вещи к двадцати трем часам ноль-ноль и ехать к мамам. Повторите приказание!

— Собрать вещи... и ехать к мамам, — тихо сказал Слава.

— Вещи... и — к мамам, — почти прошептал Миша.

— Кругом!

Секунды три приятели стояли неподвижно на том самом месте, где стоял вчера сержант Смирнов. Потом они вздохнули, посмотрели друг на друга, повернулись кругом и оба молча зашагали к двери.

1944 г.

Учитель плавания

Мы с Витей Гребневым и еще пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по речке Синей. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелегкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил двухвесельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то флегматичный. Он предпочитал быть за рулевого. В одних трусах, в огромной соломенной шляпе, привезенной его мамой из Крыма, он сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно греб, стараясь правильно дышать и не зарываться весел в воду.

Хорошо было в тот день на речке! Слева медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики городской окраины. Справа берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зеленых штыков, торчали листья осоки; за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывет на лодке.

Мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончался. Дальше на левом берегу зеленели огороды, а впереди, под обрывом, тянулся узкий пляж с чистым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас тут были только два человека: Сережа Ольховников и Женя Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытащили лодку носом на берег и сели на песок, но ни Сережа, ни Женя нас не заметили. Они стояли метрах в трех от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплевывались, тяжело дышали, и лица у них были совсем измученные.

— Ты... ты, главное, спокойней! — говорила торчащая из воды круглая Женькина голова. — Ты не колоти по воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый глаз его был закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказала Женькина голова. — Еще разочек. Главное, спокойно!

Сергей лег на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Но он продолжал выкрикивать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай! Сергей быстро пошел ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пупырышками. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-падай духом! — сказал Женька. — Постепене-пе-пенно научишься.

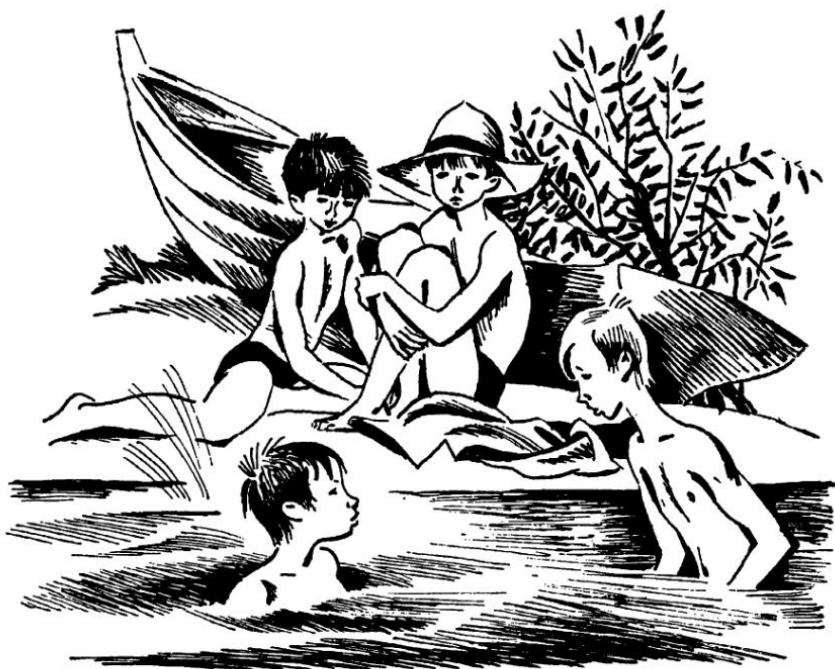
— По-по-подохнешь от та-такой науки!

Мы с Витей переглянулись. Витя лег на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Сереженька, — сказал он, — хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвел Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт. Сергей был одним из самых заядлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах, ватерлиниях и кильватерных колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода — учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи, о самом главном я и забыл! Поднимите руку, кто не умеет плавать!

Никто не поднял руку. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Сережка! Ну, чего ты прячешься? Ты же не умеешь плавать!

Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Сережка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот все говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжелый, и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе скажу: враки все это. Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей стороне это будет? На моей.

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович. — Делу помочь нетрудно, я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: если ты к двадцать восьмому числу не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться.

Когда окончилось собрание, Сергей ушел из школы, даже не взглянув на Евгения.

На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он все еще плавал, как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать.

Женька прилег на песок, подперев голову рукой. Сергей по-прежнему сидел, положив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... А теперь... теперь все прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научишься, — ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научишься, научишься!»! Уже три дня из реки не вылезем, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Еще неделя впереди.

— «Неделя впереди, неделя впереди!»! — опять закричал Сергей. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванию.

— Выдумываешь ты все. «Организм!»! — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой!

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом!»! — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдешь. Подвел товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом»!

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые черные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подниматься по тропинке, ведущей с пляжа наверх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Жень! Куда ты? — окликнул я.

— Домой. Сейчас приду.

Женькин дом был совсем недалеко.

Минут через десять он вернулся. Он нес длинную толстую веревку, свернутую в кольцо. Он остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

Сергей только голову приподнял:

— Куда еще?

— По новому способу учиться.

— По какому еще способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты, чуть что, ногами на дно становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на веревке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдешь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет,— сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идем! Слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробовать! — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг все-таки научишься да пойдешь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять последнюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь веревкой, завязав тройной узел на спине.

— Идем! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился:

— Тут будем. Здесь глубоко. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергею было не больше чем по шею, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно. Однако вода была довольно мутная. Сергей потоптался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенес через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полезай, полезай! — сказал тот.

Сергей обхватил руками сваю и пополз вниз, а Женька начал постепенно вытравливать веревку, но так, чтобы она оставалась все время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Перегнувшись через перила, Женька наблюдал за ним.

— Плыви! — скомандовал он.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил веревку, он снова обнял сваю и повис на ней.

— Отпусти сваю! — сказал Женька.

Сергей молчал и отплевывался.

— Отпусти, говорю! Что ты вцепился?

Сергей отпустил сваю и со страшной силой заколотил руками и ногами по воде. Женька быстро оттащил его подальше от сваи и закричал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгребай, плавно!

Но Сергей уже не слышал его — он исчез под водой, только круги пошли от веревки. Женька дождался секунды две, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни немного, — сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова scomандовал ему: «Плыви!» — и снова тот начал барахтаться, а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгребай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вытащил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз.

Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К черту! Не могу больше!», что Евгений тут же подтащил его к свае и помог взобраться на мост.

— К че-че-черту все это плавание! К че-че-черту весь этот по-по-ход! — сказал Сергей и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решались его ругать.

— Не надо мне никакого похода! — повторил Сергей, проходя мимо.

Мы посмотрели ему вслед. Витя негромко сказал:

— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт, заболит с горя.

— Конечно, — ответил я. — Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут все пойдут, а он один будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не возьмут? — сказал он, не поднимая головы. — Думаєте, у меня совести нет?

Скоро Витя отошел от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чем-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в другой конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнем чуток и еще один способ попробуем. Только вы мне помогите.

Я присел перед ним на корточки:

— А что за способ?

— Мне Юрка Пospelов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, отплыл от берега и выбросил его за борт. Юрка подумал, что там глубоко, стал изо всех сил барахтаться, чтобы жизнь свою спасти, и поплыл. Поможете?

— Помочь, конечно, поможем. Только где ты найдешь глубокое место?

— А глубокого как раз и не нужно искать. Нужно только сказать Сергею, что там с ручками.

— Против ивовых кустов есть такое место, — сказал я. — Там вода какая-то зеленая, темная, кажется, что и дна нет, а на самом деле совсем неглубоко.

Договорившись обо всем, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке — значит только растравлять себя», но тут же стал помогать Виктору вычерпывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в нее. Нам так и не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на весла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пятьсот. Наша лодочка, тяжело нагруженная, сильно осевшая, медленно подвигалась против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Десятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до места, где под обрывом росли кусты ивы, окунувшие нижние ветки в воду. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у!.. — протянул он. — Тут даже я не доныриваю.

Сергей посмотрел на темную воду.

Мы с Женькой перемигнулись. Я обеими руками уперся Сергею в плечо и толкнул его.

— Ой, что ты делаешь! — вскрикнул он и вцепился в борта. Лодка сильно качнулась.

— Хватит дурить, вы! Перевернемся! — сказал Витя, но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь.

Я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась Женькина голова.

— Где Сережка? Сережки нет! — сказал он и нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни Сергея. Только лодка плыла кверху килем да Витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорос-

лей да Женьку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Женьки было серое.

— Сережки нет... Сережка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витьки нет! — ответил я, глотая воздух.

Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу Витькиным родителям, и о том, что, если бы я выучил его вовремя плавать, все обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Женькой и с Сережиной мамой, и о том, каким образом все-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевернутой лодки, которая шла боком к течению и которую отнесло уже метров на двадцать, доносились два испуганных, сердитых голоса:

— Женька! Володька! Сюда!

— Женька, где ты там?

Женькина голова на секунду появилась над водой:

— Нету их!

Голова снова исчезла.

Женька, наверно, сам умер бы под водой от разрыва сердца, если бы я насильно не вытащил его. Только теперь он услышал крики и все понял. Быстрыми саженками мы догнали лодку, поймав по дороге плывшее отдельно весло и Витькину соломенную шляпу. Обогнув лодку, мы увидели возле кормы — Сергея, а возле носа — Виктора. Уцепившись за борт, они били по воде ногами.

— Становитесь на дно. Здесь мелко, — сказал Евгений.

Мы с Женькой страшно переволновались, пробыли под водой, наверно, в общей сложности минуту, потом гнали за лодкой и теперь тащили ее к берегу из последних сил.

Я только и думал о том, как бы преодолеть эти пять-шесть метров, отделявших нас от берега, и лечь на узкой, поросшей травой полоске земли под обрывом. Наконец мы добрались, но и тут нам не сразу удалось отдохнуть. Едва мы вышли на берег, как Сергей начал наступать на нас, приговаривая:

— Я вам покажу, как такие шуточки шутить! Я вам покажу, как такие шуточки шутить!

Он даже шлепнул меня ладонью по затылку. Витя вытряхивал из своей шляпы воду и громко одобрял Сережку:

— Так им!.. Дай им еще! Знают, что люди плавать не умеют, и такие штуки выкидывают!

Потом они вскарабкались на обрыв и ушли. В другой раз ни я, ни Женька не спустили бы Сергею такого обращения, но теперь нам было все равно. Мы не окликнули их: мы рады были, что они ушли. Сели на траву и стали отдыхать.

На следующий день я зашел к Вите, чтобы объяснить ему вчерашнее происшествие и позвать тренироваться в гребле. Его не оказалось дома — мать послала в магазин. Я оставил записку, в которой сообщал, что буду ждать его возле мостика, и, взяв лодку, отправился туда.

На пляже я увидел такую же картину, что и вчера: по грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала Женькина голова.

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай. Вот так! Смотри! Женька медленно проплыл около Сергея.

— Ну, а я не так, что ли, делаю?.. Я же так и делаю!

— Значит, не так. Ну давай! Еще раз!

Через несколько минут сверху спустился Витя. Я стал рассказывать ему, почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго, подробно и вдруг остановился.

Все время мы слышали, как Женька выкрикивает свое обычное: «Не волнуйся!», «Подгребай!», «Держи руки под водой!», а тут он вдруг закричал:

— Ну-ну-ну-ну! Ну еще... Ну так! Ну-ну-ну-ну!

Мы оглянулись на речку, но Сергея не увидели. Однако через секунду он высунулся из воды.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька так же испуганно ответил:

— Сережка, честное пионерское! Метра полтора!

Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб со лба, лег на воду и, взбивая ногами пену, страшно вытаращив глаза, то открывая рот, то надувая щеки, двинулся к берегу.

— Сережка! Хочешь — верь, хочешь — не верь! Два метра!

Похоже было, что Сергей и в самом деле не поверил. Стоя уже по колени в воде, он с улыбкой посмотрел на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Женька вышел на берег и бросился на песок.

— Всё! — сказал он. — Теперь он и сам из воды не вылезет. Женька не ошибся. Мы уже начали кричать Сергею, что он

весь посинел, что он зря так переутомляется, но Сергей все барахтался, все барахтался и с каждым разом, несмотря на утомление, держался на воде все дольше.

— Женька! Друг! — закричал он неожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и стал кататься с ним по песку.

Когда Женька кос-как от него отбился, Сергей стал один прыгать и кувыркаться. Наконец он уселся, улыбаясь, весь облепленный песком.

— С девяти лет не мог научиться! — выкрикивал он. — Теперь посмотрим, Трофим Иванович!.. Отдохну немного — на боку попробую! Женька! Женечка! Друг! — И он снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Согревшись, Сергей опять бросился в речку. Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговариваясь с Сергеем, давая ему всякие советы, я не сразу заметил, что Витю что-то не слышно. Я оглянулся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я догадался, о чем он думает. О том, что теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что, будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плавал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Женья говорил о проверке?

— О какой еще проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается переселиться среди походом всех по плаванию проверить.

— Врешь!

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого в двенадцать ноль-ноль будет проверка! Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал...

— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Женья не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлек оттуда половинку ракушки, осмотрел ее, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай! Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

Хвостик

Зал, отделенный от сцены коричневым занавесом, уже наполнялся зрителями. Оттуда доносился гомон многочисленных голосов, громохание передвигаемых скамеек и стульев.

Драматический кружок старших классов ставил сегодня третий акт комедии Островского «Бедность не порок». Мне было поручено написать для журнала очерк об этом кружке. Я побывал уже на репетициях, перезнакомился со всеми актерами и теперь находился на сцене, где царила обычная в таких случаях суматоха.

Все, конечно, очень волновались.

Волновались рабочие сцены. Изразцовая печь, сделанная из деревянных планочек и глянцевой бумаги, разлезлась у них по швам при переноске с первого этажа на третий. Портреты предков Торцова в овальных золоченых рамах оказались слишком тяжелыми для стен «купеческого особняка», и те собирались завалиться. Все это приходилось наспех улаживать. Волновался руководитель кружка — преподаватель литературы Игнатий Федорович. Высокий, худощавый, с куцыми седыми усиками, он ходил по сцене, положив ладонь на плечо восьмикласснице, игравшей Любовь Гордеевну, и ласково внушал:

— Верочка, так вы, братик, не подведете? Помпите насчет паузы в объяснении с Митей? Пауза, голубчик, — великое дело, если вовремя. Это еще Станиславский говорил... Не подведете, братик, а?

Волновался, и, пожалуй, больше всех, помощник режиссера Родя Дубов — широкоплечий паренек с квадратной, покрытой веснушками физиономией. На нем лежала ответственность и за декорации, и за бутафорию, и за освещение, за проклятый занавес, который охотно открывался на репетициях и очень неохотно на спектакле. Родя волчком вертелся среди бутафоров и рабочих сцены. Обычно добродушный, он сейчас не говорил, а рычал, рычал приглушенно, но очень страшно:

— Канделябр-р-ры! Кто оставил на полу канделябры? Убрать, Петька, живо! Почисть сюртук на Африкане Коршунове: сел, кретин, на коробку с гримом. Где лестница? Где стремянка? Какой ду-р-рак утащил стремянку?!

Многочисленные подручные Родиона не обижались и метались по сцене, как футболисты по штрафной площадке.

Но вот печку отремонтировали, декорации укрепили.

Родя оглядел сцену, потирая ладонью воспаленный лоб:

— Так. Теперь только кресла остались. Ну-ка, все! Живо за креслами!

Рабочие бросились в учительскую, где стояли старинные кресла.

На сцене, кроме меня, остались помреж да несколько уже загримированных актеров, которые, прячась между кулисами, тихонько бормотали свои роли. Игнатий Федорович удалился в смежный со сценой класс, служивший сейчас артистической уборной.

Родя подошел к накрытому богатой скатертью столу и сел на него, болтая ногами.

— Сегодня хорошо управились. Вовремя начнем. — Он с довольным видом окинул взглядом декорации. — Ничего все-таки сделано, а? Я в городском Доме пионеров бывал, так там, честное слово, не лучше: и эпоха не всегда выдержана, и аляповатость какая-то, и...

В этот момент скрипнула дверь, ведущая в артистическую, кто-то произнес: «На, получай!» — и на середину сцены, явно под действием хорошего пинка, вылетел маленький, полный пример-семиклассник Кузя Макаров.

Помреж мгновенно сполз со стола, сунул руки в карманы брюк и, нервно покусывая губы, медленно приблизился к гримеру.

— Опять Хвостик? — процедил он тихо.

Гример горестно поднял плечи и растопырил пальцы, окрашенные во все цвета радуги.

— Опять Хвостик? — рявкнул помреж так громко, что, наверно, в зале услышали.

Гример попятился от него и забормотал:

— Ну, Родя... ну вот честное слово!.. Все время только и думал: «Как бы не сказать, как бы не сказать...» — и вдруг... Ну совершенно нечаянно!

Гример пятился, а помреж наступал на него, не вынимая рук из карманов:

— А вот за это «нечаянно» мы вопрос поставим на комсомольском собрании. Понятно тебе? Мы тебе покажем, как человека изводить! Мы тебе покажем, как спектакль портить! А ну... марш! Извинись и продолжай работать.

— Родя, погоди! Он дерется...

— А ты думал, он тебя целовать за это будет?

— Родь, я пойду... Только пусть он остынет немного, и я пойду.

— Из-за тебя спектакль прикажешь задерживать? Ну! Марш! Ты что думаешь, я с тобой шуточки шучу?

Гример вздохнул и, подойдя к двери артистической, осторожно постучал в нее.

— Володя!.. — позвал он слабым голосом.

За дверью никто не ответил. Поколебавшись немного, гример приоткрыл ее:

— Володя... извини меня. Я... я нечаянно.

— Вон отсюда! — донеслось из артистической.

Гример закрыл было дверь, но, оглянувшись на Родиона, снова приоткрыл ее:

— Вова, прости меня, пожалуйста. Ну вот честное слово, в последний раз!

— Убирайся! Убирайся, пока цел!!!

— Володя, братик, не надо так... успокойся, — слышался из артистической голос Игнатия Федоровича.

— Володька, плюнь! Спектакль удержишь, если он тебя не загримирует, — сказал помреж.

Дверь распахнулась, и из нее стремительно, огромными шагами вышел Володя Иванов в костюме Любима Торцова. Выставив вперед одну ногу, рубя ладонью воздух, он с зашалом отчеканил:

— Предупреждаю! Если сегодня какая-нибудь скотина хоть один только раз назовет меня Хвостиком, я... я уйду со спектакля. Предупреждаю! — Он повернулся и так же стремительно удалился в артистическую, бросив гримеру на ходу: — Идем!

Откуда-то из-за кулис появился «Гордей Торцов», уже вполне одетый, с наклеенными усами и окладистой бородой.

С минуту он копался за пазухой, поправляя там подушку, выполнявшую роль купеческого брюшка, потом сказал басом:

— А Вовка и впрямь сорвет спектакль.

— Сорвет не сорвет, а роль испортит. — Грызая в раздумье ногти, помреж прошелся по сцене.

Володя Иванов был рослым юношей, с орлиным носом, со строгими глазами, над которыми круто поднимались от переносицы четкие брови, с темными волнистыми волосами, зачесанными назад. Кличка «Хвостик» никак не вязалась с его обликом.

Я спросил Родю, откуда взялось это смешное прозвище.

— Да-а, ерунда какая-то, — отмахнулся помреж, но все-таки пояснил: — Решали как-то пример по алгебре, а Вовка замечтался и не решал. Вот преподаватель спрашивает одного из нас: «Чему равен x ?» — «Двенадцать и две десятых». Потом математик заметил, что Вовка мечтает, и к нему: «Чему равен x ?» — «Двенадцать». — «Ровно двенадцать?» А Вовка число «двенадцать» расслышал, а остальное не расслышал. «Нет, говорит, с хвостиком. Двенадцать с хвостиком». А преподаватель у нас довольно ядовитый старик. «Поздравляю вас, говорит, с открытием новой математической величины, именуемой «хвостиком».

— С тех пор Вовку так и зовут,— вставил «Гордей Карпыч».— А знаете, какой он самолюбивый!

— Ага,— кивнул помреж.— Мы, старшекласники, это быстро у себя пресекли, а мелкота — ни в какую. Мы и к вожа-тому их таскаем, и лупим даже, а они все Хвостик да Хвостик. И не то чтобы назло, а так... отвыкнуть не могут.

К нам подошел «Африкан Саввич Коршунов», отвратительного вида старик (надо отдать должное гримеру), с лысым черепом и козлиной бородкой. Помреж рассказал ему о столкновении Володи с гримером, и «богач» кивнул головой:

— Факт, испортит роль. Как пить дать.

— Почему же испортит? — возразил я.— Ведь его и раньше звали «Хвостик», а как он хорошо на репетициях играл!..

— А сегодня может все изгадить,— уверенно сказал помреж.— Вы не знаете, какая тут ситуация.

— А именно?

— Сегодня у нас гости из соседней школы. А среди них одна тут...

— Знакомая Володи?

— Какая там знакомая! Он с ней и слова не сказал. Просто... ну, нравится она ему.

— Нравится — и ни слова не сказал? А откуда вы знаете, что нравится?

Все трое пожали плечами и усмехнулись.

— Это каждый дурак заметит,— ответил «Коршунов».— Сидим, например, в Доме пионеров, ждем начала концерта. Вовка болтает с девчонками, дурачится, а тут вдруг подсаживается эта... белобрысая. Он сразу покраснел, надулся как мышь на крупу и весь вечер промолчал.

— А на катке! — воскликнул «Гордей Карпыч». — Катаемся однажды в каникулы. Вдруг приходят несколько девчонок и с ними эта... ну, мы, конечно, вместе стали кататься, а Володька один выходит на беговую и начинает гонять. Круг за кругом, круг за кругом!..

Родион кивнул и значительно посмотрел на меня:

— Теперь понимаете, что будет, если кто-нибудь при ней Володьку Хвостиком назовет?

Я согласился, что положение и в самом деле складывается серьезное. Я понял, какой удар грозит сегодня Володиному самолюбию. Может быть, впервые в жизни встретил человек девушку, которая показалась ему самой лучшей, самой красивой на свете. Естественно, что и ему хочется предстать перед ней во всем блеске своего ума, талантов и целой кучи других достоинств, предстать перед ней лицом значительным, окруженным всеобщим уважением.

Не было сомнения, что, готовя свою роль, Володя думал о той, которая будет смотреть на него из зрительного зала. Думал и мечтал об успехе. А успех, как показали репетиции, ожидался немалый.

Промотающийся кунец Любим Торцов — фигура, казалось бы, очень далекая для советского школьника. Сможет ли шестнадцатилетний юноша сыграть эту роль так, чтобы не получилось балаганщины, так, чтобы в образе старого шута и пьяницы зрители увидели не только смешное, но и трагическое? Такие сомнения сильно беспокоили Игнатия Федоровича. Он поручил эту роль Володе, считая его самым серьезным из членов кружка, и тот принялся за нее с таким жаром, что все только диву давались.

Он штудировал труды Станиславского, он пересмотрел в театрах и прочитал множество пьес Островского, он чуть ли не наизусть выучил статьи Добролюбова о великом драматурге. Обычно вспыльчивый, нетерпеливый, Володя на репетициях смиренно выслушивал самые резкие замечания режиссера и товарищей и без конца повторял с различными вариациями одну и ту же реплику, один и тот же жест, находя все новые живые черточки своего героя. Раз как-то он даже напугал своего учителя:

— Игнатий Федорович, а что, если мне разок напиться?

— Как? Прости, братик... это еще к чему?

— К тому, чтобы узнать состояние похмеля, как руки трясутся...

— Нет, братик, ты уж не того, не перебарщивай, это уж зря... Этак ты черт знает до чего дойдешь, — забормотал старый педагог.

Генеральная репетиция прошла успешно. Кружковцы без всякой зависти восторгались Володей. И вот теперь любовь и смешное прозвище грозили испортить все дело.

Родион снова подошел к занавесу и, заглянув в дырочку, проделанную в нем, сразу подался назад.

— Пришла уж. Сидит, — сказал он мрачно.

— Где? Где сидит? — в один голос спросили «Гордей» с «Африканом».

— В пятом ряду. Вторая слева от прохода.

Оба «купца» поочередно заглянули в зал.

— Под самым носом села, — пробормотал «Африкан Коршунов».

В это время рабочие сцены притащили кресла, и Родя снова принялся распоряжаться. Мне захотелось увидеть особу, причи-

нявшую актерам столько беспокойства. Я припал к глазку, отыскал пятый ряд и тихонько присвистнул от удивления.

Я увидел круглое, нежно-розовое личико со вздернутым носом и чуть заметными бровями, светло-русые стриженные волосы, зачесанные назад так небрежно, что над ушами свисало по несколько тоненьких прядок... Словом, я увидел Лидочку Скворцову — дочку моих соседей по квартире. Маленькие карие глазки Лидочки, обычно широко открытые, сейчас казались узенькими черточками: она чему-то смеялась, болтая с подругами и не подозревая, какое внимание ей уделяется на сцене.

— Все! Готово! — сказал помреж. — Лешка, третий звонок! Или нет!.. Погоди... Вася, на минутку!

К помрежу подошел рабочий сцены Вася — парень на голову выше Родиона и раза в полтора шире его в плечах.

— Она в зале. Понимаешь? — тихо проговорил помреж. Вася сделал испуганное лицо:

— Ну-у!

— Перед самой сценой расселась.

— Вот сволочь!

— Слушай! Вовку могут вызывать среди действия. Если кто-нибудь крикнет... это самое... представляешь, что может случиться? (Вася молча кивнул.) Так вот: мобилизуй наших ребят и проводи агитацию в зале: мол, если кто-нибудь крикнет: «Хвостик»... словом, сам понимаешь. А я задержу немного третий звонок.

— Сделаем, — сказал Вася и деловито удалился.

Я тоже отправился в зал, который был уже битком набит. Я поздоровался с Лидочкой; она заставила подруг потесниться и усадила меня рядом с собой. Разговаривая с ней, я наблюдал за тем, как выполняются указания помрежа.

Человек двенадцать таких же здоровенных, как и Вася, ребята пробирались между рядами в разных концах зала, останавливались над мальчишками, которые сидели кучками отдельно от девочек, и что-то говорили им. Как видно, наставления звучали довольно внушительно, потому что мальчишки тут же начинали дружно и усердно кивать головами. Потом эти богатыри расселись там, где наблюдались наибольшие скопления мелкоты.

Прозвенел третий звонок. Занавес дернулся, заколыхался, я услышал приглушенный голос Родиона: «Не туда тянешь, не ту веревку!» Занавес снова дернулся, и полотнища его рывками расплывались в разные стороны.

Зрители увидели Пелагею Егоровну и Арипу, сетующих на то, что приходится отдавать Любовь Гордеевну за старика Коршунова. Затем начался разговор Пелагеи Егоровны с Митей, потерявшим надежду на счастье.

Это был хороший любительский спектакль. Исполнители играли без суфлера, не сбиваясь, не нарушая мизансцен, и играли искренне. Зрители слушали внимательно, явно сочувствуя двум влюбленным. В сцене прощания Мити с Любовью Гордеевной девочки шумно вздыхали, а сцена, где Коршунов внушает своей невесте, как хорошо быть замужем за стариком, вызвала легкий шепот:

— Ой, какой противный!

— Ну и гадина!

Но вот появился Любим Торцов, и в зале пронесся шепот восторженного удивления. Все зрители, за исключением гостей, конечно, знали, кто кого играет в этом спектакле. И как ни хорошо играли кружковцы, все же под гримом Пелагеи Егоровны ребята узнавали девятиклассницу Сою Клочкову, и сквозь облик бедного приказчика Мити просвечивал лучший школьный волейболист Митя Чумов. А вот Володя Иванов как будто совсем исчез.

Хороший был грим: парик с жалкими седыми вихорками, не менее жалкая бороденка, красноватый нос и землистого цвета щеки... Хорош был и костюм: халат не халат, шинель не шинель, куцые и узкие брючки да стоптанные опорки. Однако не в костюме и не в гриме было дело. В походке, в которой чувствовалась едва уловимая нетвердость, в шутовских, размашистых жестах, за которыми вместе с тем ощущалась слабость, в голосе, вызывающем и одновременно старчески дребезжащем, так много было убедительного, подлинного, что зал весело зааплодировал, засмеялся.

Однако смех скоро утих. Начался словесный поединок Любима Карпыча с Коршуновым. И вот что мне понравилось. В этой сцене старый озорник сыплет прибаутками, кривляется; будь у Володи чуточку поменьше такта, зрители продолжали бы потешаться над Любимом. Но чем дальше шла сцена, тем серьезнее звучали прибаутки Торцова, тем меньше смеялись зрители, тем большей симпатией они проникались к полупьяному горе-мыке, избличавшему сластолюбивого богача.

— Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят его. А чем он не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал...

Зал притих. Я покосился на Лидочку. Она застыла, подавшись вперед, вцепившись руками в коленки, и глаза ее были широко открыты. Когда же «озорник» воскликнул: «Вот теперь я сам пойду! Шире дорогу — Любим Торцов идет!» — зрители захлопали так дружно, что на меня с потолка соринки посыпались.

Это был немалый успех Володи, но настоящий триумф оказался впереди. Поссорившись с Коршуновым, Гордей Карпыч назло богачу решил отдать дочку за бедняка Митю, но потом снова заартачился. На сцене опять появился Любим Торцов.

— Брат, — произнес он, опустившись на колени, — отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался.

Эти слова были сказаны таким тоном, что весь зал оцепенел. — Лета мои прошли, — чуть слышно, в мертвой тишине продолжал Любим Торцов, — тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить.

Я услышал, как кто-то хлупает носом. Это была Лидочка. Она не отрываясь смотрела на сцену, крутила пуговку возле воротника и часто моргала.

Гордей Карпыч раскаялся, Любим Карпыч запел свадебную песню, и коричневые полотнища стали судорожно рваться друг к другу, закрывая сцену.

Зрители повскакали с мест. Артисты, взявшись за руки, выходили раскланиваться раз, другой, третий... пятый... Наконец

они ушли с явным намерением больше не появляться, а зрители продолжали хлопать перед закрытым занавесом.

И вдруг кто-то громко выкрикнул:

— Любима Торцова!

— Торцова! Любима-а! — подхватил сразу весь зал.

— Любима-а! — звонким, высоким голосом закричала Лидочка.

Кто-то вытолкнул на просцениум Володю, и началась такая овация, какой, наверно, не было за все существование кружка. Часть зрителей вышла в проход, другие подошли вплотную к сцене, третьи стали на скамьи — и все хлопали и кричали, кричали и хлопали.

И вдруг среди грохота аплодисментов и приветственных криков я услышал, как какой-то мальчишка в конце зала истошно орет:

— Хвосты-ик! Браво, Хвосты-ик!

Я не успел ужаснуться, как «Хвостик» крикнули справа, потом слева от меня, а через минуту весь зал надрывался что было сил:

— Браво-о! Хвостик, браво-о! Браво, Хвостик! Хвостик, би-ис!

Любима Торцова передернуло. Взгляд у него стал каким-то диловатым. Но он сдержался, неуклюже поклонился и встретил-ся глазами с Лидочкой.

Приподнявшись на цыпочки, она смотрела на Торцова, изо всех сил колотила в ладоши, и лицо ее сияло восторгом и благодарностью.

— Хвосты-и-ик! Хвосты-и-ик! — визжала она так, что у меня звенело в ушах. — Браво, Хвосты-и-ик!

Лишь после того как зрители несколько утихли, я расслышал звук двух-трех подзатыльников, полученных младшими поклонниками Володиного таланта от поклонников старших.

Зрители повалили к выходу. Мне хотелось пробраться в артистическую и узнать, как чувствует себя Володя, но туда набилось столько поздравителей, что я отказался от этого пред-приятия.

Из зала быстро вынесли скамьи, на сцене водрузили радио-лу. Зазвучал вальс. Сначала танцевали одни девушки, а кавале-ры угрюмо подпирали стенки. Потом какой-то отчаянный деся-тиклассник пригласил одну из школьниц и стал вальсировать, глядя на потолок, на стены, но только не на свою даму. За де-сятиклассником осмелели другие кавалеры, начался бал.

Лидочка не танцевала. Стоя у окна, она болтала о чем-то со своей подругой.

Я ждал появления Володи и очень боялся, что он после

сегодняшней овации сразу уйдет домой. Но он скоро появился в зале. Стройный, одетый в новый темно-синий костюм, он вошел, приглаживая свои волнистые волосы, сразу отвернулся от Лидочки, как только отыскал ее глазами, и, приняв небрежную позу, стал смотреть на танцующих.

Я подошел к нему:

— Володя, можно вас на минутку?

— Пожалуйста!..

Я взял его под руку и повел к Лидочке. И чем больше он убеждался, что мы направляемся именно к ней, тем больше каменело его лицо и краснели уши.

— Позвольте вас познакомиться. Это дочка моего приятеля, Лидочка Скворцова, а это...

Я вдруг запнулся, чувствуя, что попал в сложное положение: отрекомендовать Володю просто Володей Ивановым? Тогда как Лидочка догадается, что перед ней именно тот человек, чья игра пленила ее сердце? Сказать, что это тот самый Володя, который играл Любима Торцова и которого она так усердно вызывала? Но тогда...

Как видно, те же самые мысли пронеслись в голове у Володи. Секунд пять он стоял неподвижно, как столб. Потом вдруг сдвинул брови над носом с горбинкой, слегка поклонился и, сурово глядя на Лидочку, пожал ей руку.

— Хвостик, — отрекомендовался он негромко, но отчетливо.

И я заметил, как Лидочка радостно вскинула ресницы и заделась, услышав столь громкое имя.

1955 г.

Г а д ю к а

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, в час добрый! Смотри из окна не высывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Поезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожелует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво

на его голове, черная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — веревочную сумку с большой банкой из зеленого стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с нее глаз. Вагон был полон. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смирно, держа руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колес да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незаметным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на коленях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо. — Старичок немного помолчал. — Только тяжеленько, должно быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по росту.

— Корзина? Нет, она легкая. — Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся. Она легкая совсем.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с темными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужи...

— Бррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нем и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. — Старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из темного угла.

Колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

— И всех в школу повезешь?

— Не всех. Мы половину ужей и лягушек на тритонов сменяем в девчачьей школе.

— Ужотко попадет тебе от учителей...

Боря передернул плечами и снисходительно улыбнулся:

— «Попадет»! Вовсе не попадет. Наоборот, даже спасибо скажут.

— Раз для ученья, стало быть, не попадет, — согласился уса-тый рабочий.

Разговор заинтересовал других пассажиров: из соседнего отделения вышел молодой загорелый лейтенант и остановился в проходе, положив локоть на вторую полку; подошли две девушки-колхозницы, громко щелкая орехи; подошел высокий лысый гражданин в пенсне; подошли два ремесленника. Боре, как видно, польстило такое внимание. Он заговорил оживленнее, уже не дожидаясь расспросов:

— Вы знаете, какую мы пользу школе приносим... Один уж в зоомагазине семь пятьдесят стоит, да еще попробуй достань! А лягушки... Пусть хотя бы по трешке штука, вот и тридцать три рубля... А самый террариум!.. Если такой в магазине купить, рублей пятьсот обойдется. А вы говорите «попадет»!

Пассажиры смеялись, кивали головами.

— Молодцы!

— А что вы думаете! И в самом деле пользу приносят.

— И долго ты их ловил? — спросил лейтенант.

— Две недели целых. Утром позавтракаю — и сразу на охоту. Приду домой, пообедаю — и опять ловить, до самого вечера. — Боря снял кепку с головы и принялся обмахиваться ею. — С лягушками и жабами еще ничего... и ящерицы часто попадают, а вот с ужами... Я раз увидел одного, бросился к нему, а он — в пруд, а я не удержался — и тоже в пруд. Думаете, не опасно?

— Опасно, конечно, — согласился лейтенант.

Почти весь вагон прислушивался теперь к разговору. Из всех отделений высовывались улыбающиеся лица. Когда Боря говорил, наступала тишина. Когда он умолкал, отовсюду слышались приглушенный смех и негромкие голоса:

— Занятный какой мальчонка!

— Маленький, а какой сознательный!

— Н-пда-с! — заметил старичок в панаме. — Общественно полезный труд. В наше время, граждане, таких детей не было. Не было таких детей!

— Я еще больше наловил бы, если бы не бабушка, — сказал Боря. — Она их до смерти боится.

— Бедная твоя бабушка!

— Я и так ей ничего про гадюку не сказал.

— Про кого?

— Про гадюку. Я ее четыре часа выслеживал. Она под камень ушла, а я ее ждал. Потом она вылезла, я ее заще-мил...

— Стало быть, и гадюку везешь? — перебил его рабочий.

— Ага! Она у меня в банке, отдельно. — Боря махнул рукой под скамью.

— Этого еще недоставало! — простонала пассажирка в тем-ном углу.

Слушатели несколько притихли. Лица их стали серьезнее. Только лейтенант продолжал улыбаться.

— А может, это и не гадюка? — спросил он.

— «Не гадюка!» — возмутился Боря. — А что же тогда, по-вашему?

— Еще один уж.

— Думаете, я ужа отличить не могу?

— А ну покажи!

— Да оставьте! — заговорили кругом. — Ну ее!

— Пусть, пусть покажет. Интересно.

— Ну что там интересного! Смотреть противно!

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зеленую банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

— Уж возле головы пятнышки такие желтые имеет, — ска-зал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких

пятнышек... — Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки... у гадюки таких пятнышек... — Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвел глазами пол вокруг себя.

— Что, нету? — спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он все еще смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно ее проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я ее очень крепко завязал, а она...

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ноги на ногу.

— Черт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает.

— Н-нда! История!..

— Ужалит еще в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

— Что же ты со мной сделал! Милый! Мне сходить через три остановки, а у меня вещи под лавкой. Как я теперь за ними поеду?

Боря не ответил. Уши его окрасились в темно-красный цвет, на физиономии выступили капельки пота. Он то нагнулся и заглядывал под скамью, то стоял, опустив руки, машинально постукивая себя пальцами по бедрам.

— Доигрались! Маленькие! — воскликнула пассажирка в темном углу.

— Тетя Маша! А, тетя Маш! — крикнула одна из девушек.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккуратней там. Гадюка под лавками ползает.

— Что-о? Какая гадюка?

В вагоне стало очень шумно. Девушка-проводница вышла из служебного отделения, сонно поморгала глазами и вдруг широко раскрыла их. Двое парней-ремесленников подсаживали на вторую полку опрятную старушку:

— Давай, давай, бабуся, эвакуируйся!

На нижних скамьях, недавно переполненных, теперь было много свободных мест, зато с каждой второй полки свешивалось по несколько пар женских ног. Пассажиры, оставшиеся внизу, сидели, поставив каблуки на противоположные скамьи. В проходе топталось несколько мужчин, освещая пол карманными фонарями и спичками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купе:

— В чем дело? Что тут такое у вас?

Никто ей не ответил. Со всех сторон слышались десятки голосов, и возмущенных и смеющихся:

— Из-за какого-то мальчишки людям беспокойства сколько!

— Миша! Миша, проснись, гадюка у нас!

— А? Какая станция?

Внезапно раздался истошный женский визг. Мгновенно воцарилась тишина, и в этой тишине откуда-то сверху прозвучал ласковый украинский говорок:

— Та не бойтесь! Це мій ремешек на вас упав.

Боря так виновато помаргивал светлыми ресницами, что проводница уставилась на него и сразу спросила:

— Ну?.. Чего ты здесь натворил?

— Тряпочка развязалась... Я ее завязал тряпочкой, а она...

— Интересно, какой это педагог заставляет учеников возить ядовитых змей! — сказал гражданин в пенсне.

— Меня никто не заставлял, — пролепетал Боря. — Я... я сам придумал, чтобы ее привести.

— Инициативу проявил, — усмехнулся лейтенант.

Проводница поняла все.

— «Сам, сам»! — закричала она плачущим голосом. — Лезь вот теперь под лавку и лови! Как хочешь, так и лови! Я за тебя, что ли, полезу? Лезь, говорю!

Боря опустился на четвереньки и полез под лавку. Проводница ухватилась за его ботинок и закричала громче прежнего:

— Ты что? С ума сошел?.. Вылезай! Вылезай, тебе говорят!

Боря всхлипнул под лавкой и слегка дернул ногой:

— Сам... сам упустил... сам и... найду.

— Довольно, друг, не дури, — сказал лейтенант, извлекая охотника из-под лавки.

Проводница постояла, повертела в растерянности головой и направилась к выходу:

— Пойду старшему доложу.

Она долго не возвращалась. Пассажиры устали волноваться. Голоса звучали реже, спокойнее. Лейтенант, двое ремесленников и еще несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка справлялись о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

— Что вы мне рассказываете о кобрах! Кобры на юге живут.

— ...перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь каленым железом.

— Спасибо вам! «Каленым железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою

свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дешево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегченно вздохнул и веселее застучал колесами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте ее скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры.

— Ага! В самый угол заползла.

— Как же ее достать?

— Трудненько!

— Ну, что вы стоите? Уйдет!

Явился старший, и с ним девушка-проводница. Старший нагнулся и, не отрывая глаз от темного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

— Кочережку!.. Кочережку! Кочережку неси!

Проводница ушла. Вагон притих в ожидании развязки. Старичок в панаме, сидя на третьей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрели на Боря, словно только сейчас вспомнили о нем. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тер друг о дружку испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твои труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец допек, а сейчас этот дядя возьмет да и ухлопает кочергой твое наглядное пособие.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с нее грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем месте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что — нехорошо? — обернулся старший.

— Не для баловства малый ее везет. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете делать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Что делать»! — ответил ремесленник. — Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у нее был воинственный.

— Тут еще? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у нее кочергу:

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший воззрился на лейтенанта и покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

— А убьете гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьезно сказал ремесленник.

— «Привлекут»... — протянула проводница. — За что это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, спорили. Одни говорили, что в школе все равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит ее в трамвае или в метро!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затынула она жалостливо. — Чай, теперь ученый! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребятки в каникулы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мытарился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — произнес старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете. А проводили бы его до дому?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

— Ну ладно! Я провожу... Где живешь?

— На улице Чернышевского живу.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помиловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвел глазами «охотников»:

— Дети малые! — Он обернулся к проводнице: — Совок неси. Совок под нее подсуем, а кочережкой прижмем. Неси!

— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на коленях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

1947 г.

Как я был самостоятельным

День, когда я впервые почувствовал себя самостоятельным, врезался мне в память на всю жизнь. Я до сих пор вспоминаю о нем с содроганием.

Накануне вечером мама и папа сидели на лавочке у подъезда нашего большого нового дома и спорили.

— Парню десятый год! — сердито говорил папа. — Неужели он дня не может прожить самостоятельно? До коих же пор ему нянька будет нужна!

— Говори что хочешь, Михаил, а я знаю одно, — твердила мама, — если мы Лешку оставим здесь, для меня вся поездка будет испорчена. Здесь даже соседей нет знакомых, чтобы приглядеть за ребенком. Я просто вся изведусь от беспокойства.

Решалась моя судьба на весь завтрашний день. Папин товарищ по работе, полковник Харитонов, пригласил родителей провести воскресенье у него на даче, но меня туда брать было нельзя, потому что сынишка Харитонова болел корью. Мама никогда не оставляла меня надолго одного — ей все казалось, что я еще маленький ребенок. В новом доме мы поселились несколько дней тому назад, ни с кем из соседей еще не познакомились, поэтому мама хотела «подбросить» меня на воскресенье к своей приятельнице, жившей на другом конце города.

Папа возражал, говоря, что неудобно беспокоить приятельницу и что пора приучать меня к самостоятельности.

Я стоял и слушал этот спор, от волнения выкручивая себе пальцы за спиной. Провести хотя бы один день без присмотра взрослых и так было моей давнишней мечтой, а теперь, когда мы переехали в новый дом, мне этого хотелось с удвоенной силой. Причиной тому была Аглая — смуглая темноглазая девочка, известная как заводила среди здешних ребят. Эта Аглая мне очень нравилась, но я чувствовал, что она относится ко мне с пренебрежением, считая меня маленьким мальчиком, да к тому же маменькиным сыночком. Мне казалось, что день, проведенный самостоятельным человеком, позволит мне возвыситься в ее глазах. К моему огорчению, Аглая находилась тут же, во дворе. Она прыгала на одной ноге, толкая перед собой камешек, слышала весь унижительный для меня разговор папы с мамой и время от времени вставляла, ни к кому не обращаясь:

— У! Я с шести лет одна дома оставалась, и то ничего! — Или: — У! Я сколько раз себе сама обед готовила, не то что разогревала.

Я косился на Аглаю и тихонько, но вкладывая в слова всю душу, убеждал:

— Ну мама! Ну мама же! Ну что со мной может случиться? Ну ты только послушай, как я буду жить: вы уедете, я пойду немножко погуляю...

— Дверь захлопнешь, а ключ оставишь дома...

— И вовсе нет! Я ключ еще вечером положу в карман... Значит, пойду погуляю...

— Тебе домашнюю работу надо делать, а не гулять. Скоро первое сентября, а ты и половины примеров не решил.

— Ой, мама, ну ладно! Я гулять не буду. Значит, вы уезжаете, я сажусь делать примеры, потом захотел есть — включаю газ...

— Еще с газом что-нибудь натворит, — пробормотала мама.

— У! Я давно уже газ... — начала было Аглая, но в этот момент прибежал Антошка Дудкин с большим листом бумаги в руках.

— Готово! Куда вешать? — сказал он Аглае, и они вдвоем прикрепили к парадному написанную чернилами афишу.

Она гласила, что завтра в пять часов вечера в клубе имени Полины Кожемякиной состоится спектакль пионерского драматического кружка.

Наконец нам с папой удалось уговорить маму. Было решено, что родители уедут с шестичасовым поездом, а я встану, как обычно, в восемь, сам уберу квартиру, сам приготовлю себе чай, сам накормлю и выведу погулять таксу Шумку, сам (то есть без понуканий) решу десять примеров и сам разогрею себе обед. Я был на седьмом небе. Для меня все это было так ново, так радостно, как иному мальчишке возможность пожить на необитаемом острове.

Весь вечер мама мне давала наставления. Ночью я долго не мог уснуть, а когда проснулся солнечным утром, в квартире стояла необычная тишина. Только Шумка, чесавшая себя за ухом, мягко постукивала лапой по полу. Я был один! Я был полным хозяином квартиры. Я мог как угодно распоряжаться самим собой. Я вскочил с постели и в одних трусах, уперев кулаками в бока, громко насвистывая какой-то марш, отправился обозревать свои владения. Я тут же наметил себе огромную программу действий. Убирая квартиру, я не просто подмету паркетный пол, а заново натру его воском; я даже вычищу и повешу в шкаф папин старый мундир, оставленный им на спинке стула. Примеров я решу не десять, как мы с мамой уговорились, а все двадцать штук. Вечером, если папа с мамой задержатся, я разогрею для них ужин, заверну его в старое одеяло, как это иногда делала мама, а сам лягу спать, оставив на столе записку: «Котлеты и картошка горячие, в кухне, на табурете». Словом, теперь мама узнает, как глупо было с ее стороны бояться оставить меня одного.

Я быстро оделся, умылся и собрался было вывести Шумку, которая уже скулила у двери, но тут меня осенила такая мысль: а что, если заодно пойти в магазин и купить чего-нибудь себе к завтраку? Ведь одно дело, когда в магазин тебя посылает мама, и совсем другое, когда ты сам захотел чего-нибудь, пошел и купил. Ради такого удовольствия не жалко было истратить трешку из пятнадцати рублей, скопленных на аквариум.

Хлеб, масло и колбаса у меня к чаю были. Подумав немного, я решил, что мне хочется сыру.

Через минуту, держа Шумку на поводке, я шел по двору, шел неторопливо, степенно, поглядывая на окна квартиры в первом этаже, где жила Аглая. Вдруг как раз из ее окна вылетела и шмякнулась к моим ногам дохлая ворона. Шумка тявкнула от неожиданности.

— А ну, чтоб духу вашего здесь больше не было! — послышался из окна сердитый женский голос. — Ишь напесли всякой дряни! Репетировать им надо! На то клуб есть, чтобы репетировать, там и ходите на головах, а людям покой надо дать. Ну! Сколько раз мне говорить? Марш отсюда!

Вслед за этим из подъезда выскочил и подхватил на бегу ворону рыжий мальчишка с лицом, казалось, состоявшим из одних веснушек. За плечами у него в виде мантии болталось синее одеяло, на котором были нашиты узоры из серебряной бумаги от чая, на голове сидела корона, обклеенная той же бумагой. За ним, прижимая к груди ворох цветных тряпок, выскочила такая же рыжая девчонка, за девчонкой — Антошка Дудкин, одетый как обычно, а за Антошкой выбежала Аглая. Я взглянул на нее, да так и застыл.

Аглая мне нравилась даже в самой затрапезной своей одежде, даже тогда, когда она выбегала во двор в старом материнском жакете, доходившем ей до колен, и в драных валенках на тонких ногах. А тут... тут она предстала предо мной в наряде сказочной принцессы. На ней было платье из марли, раскрашенной голубой, розовой и желтой красками; на шее блестело ожерелье из разноцветных стеклянных бус, какими украшают елки; два крупных шарика от этих бус болтались на ниточках под ушами, надо лбом в темных волосах блестела мохнатая елочная звезда, а две такие звезды, но поменьше, украшали стоптанные тапочки.

Заглядевшись на всю эту красоту, я даже палец сунул в рот от восхищения. Пробегая мимо, Аглая едва кивнула мне, но вдруг остановилась и спросила через плечо:

— Ну что, уехали твои?

Я быстро вынул палец изо рта и сказал как можно небрежно:

— Конечно, уехали.

— И тебя одного оставили?

— Конечно, одного. Вот еще!.. Не знаешь, магазин открыт? Хочу сыру купить себе к завтраку.

— Открыт, — сказала Аглая, о чем-то думая. — Ты потом домой придешь?

— Ага. Вот только сыру куплю. Сыру чего-то захотелось.

— Эй! Идите-ка! — крикнула Аглая своим приятелям и, когда те подошли, обратилась ко мне: — Тебя Лешей зовут, да? Леша, можно мы к тебе придем? А то нам репетировать надо, а нас отовсюду гонят и клуб закрыт... а ты один в квартире. Ладно?

— Пожалуйста, конечно! — обрадовался я. — Я вот только квартиру уберу, примеры сделаю, и приходите.

Лицо Аглаи стало каким-то скучным.

— У-у! Примеры! А тебя что, заставляют с утра заниматься? Меня, например, никто не заставляет. Когда хочу, тогда и занимаюсь.

— А меня разве заставляют? Меня вовсе никто и не заставляет, это я сам хотел, — заторопился я. — Пожалуйста! Хоть сейчас пойдете! Я и квартиру могу не убирать... Когда захочу, тогда и уберу. Пожалуйста! Шумка, домой!

Большими уверенными шагами я зашагал впереди артистов к своему подъезду, поднялся вместе с ними на второй этаж, открыл ключом дверь и широко распахнул ее.

— Пожалуйста! Вы в какой комнате хотите? В этой или в той? В какой хотите, в той и репетируйте. Пожалуйста!

Артисты прошли в большую комнату, служившую столовой и одновременно моей спальней. Я из кожи лез, чтобы показать, какой я независимый человек и гостеприимный хозяин.

— Аглая, ты не стесняйся, говори, что нужно. Стол мешает? Стол можно отодвинуть, и очень даже просто. Шумка, на место! Не путаться под ногами! Как пужно, так и сделаем, как захотим, так и устроим. Да, Аглая?

Принцесса разглядывала себя в большом зеркале, стоявшем у стены.

— У тебя губная помада есть? — спросила она.

— Помада? У! — воскликнул я, совсем как Аглая. — Я тебе не только помаду могу дать, я и пудру могу, и краску для бровей, и одеколон даже...

Удалившись в другую комнату, я взял там большую коробку с парфюмерным набором «Белая сирень», захватил еще коробочку с краской для бровей и притащил все это Аглае.

— Вот! Пожалуйста! Выбирай что хочешь. Очень даже просто!

Аглая напудрила себе лоб и нос, накрасила губы и подрумянила щеки. То же самое проделала Зина — рыжая девчонка, игравшая пожилую королеву. Кроме того, ей густо напудрили волосы, чтобы она казалась седой.

— Антошка! — сказала Аглая. — Давай теперь ты загрими-

руйся. Знаешь, как артисты делают, чтобы красивей быть? На носу белую черту проводят, а под бровями розовой краской мажут. И губы тоже.

Но Дудкин, скрестив руки на груди, повесив голову, с угрюмым видом бродил по комнате.

— А ну тебя! «Загримируйся»! Мне козел покоя не дает, а ты — «загримируйся»...

— Какой козел? — спросил я.

Мне объяснили, что Дудкин играет Иванушку-дурачка и по ходу пьесы должен приехать к принцессе верхом на козле и сдохлой вороной в руках. Вот этим козлом, наскоро выпиленным из фанеры, Антошка был очень недоволен.

— Дохлую ворону и ту настоящую достали, а козла курам на смех сделали. Надо, чтобы он на четырех ногах был, чтобы я мог сесть на него и меня бы на нем за веревочку и втащили. А на фанерного разве сядешь! Волочи его между ног, а сам топай на своих на двоих. Публика только смеяться будет.

Король уныло кивнул:

— Ага. Я говорил Наталье Петровне, что надо другого козла, а она свое: «Мы, говорит, сказку ставим, а в сказке и фанерный сойдет».

Артисты замолчали в раздумье. Я тоже молчал и все поглядывал на Аглаю. Мне очень хотелось узнать, что она думает обо мне, убедилась ли наконец, что я человек, достойный ее уважения. Но Аглая не смотрела на меня. Как назло, она обратила внимание на стоявшего у кровати большого коня из папье-маше, на котором я еще недавно ездил верхом по квартире, гоняясь за Шумкой и стреляя в нее из жестяного пистолета.

— Это твой конь? — спросила она.

Я очень любил своего скакуна, относился к нему как к живому существу, но теперь я отрекся от него:

— Нет, не мой... То есть мой, но я в него давно не играю. Он просто так стоит. Что я, маленький, что ли!

Ковыряя в носу, принцесса задумчиво смотрела на коня.

— Антон! Вот бы из этой лошади козла сделать... У нее даже колесики есть. Леша, одолжи нам этого коня. А?

— Конечно, одолжу! Пожалуйста! Что мне, жалко? Я в него вовсе и не играю... Он просто так стоит...

Присев на корточки, Дудкин внимательно осмотрел коня.

— Этот, факт, лучше фанерного, — сказал он. — А хвост куда девать?.. Ты козлов с такими хвостами видела?

И тут я окончательно предал своего старого друга.

— А хвост... а хвост можно отрезать! — звенящим голосом выпалил я и завертел головой, глядя, какое это произведет на всех впечатление.

— Тебе от матери попадет, — пробасила Зинаида.

— Что? Попадет? Вот еще!.. «Попадет»! Это моя лошадь: что хочу, то и делаю. Сейчасотрежем, и все! И очень даже просто!

Я снова сбегал в другую комнату, вернулся оттуда с ножницами и присел перед конем. Через минуту пышный мочальный хвост лежал на полу, а я поднялся, мокрый от испарины.

— Вот и все! Вот и пожалуйста! И ничего тут такого нет...

Сделать из лошади козла оказалось работой сложной и трудной. Мне пришлось искать, где у папы лежат плитки сухого столярного клея, потом толочь его, чтобы он быстрее размок, потом варить его в маленькой кастрюльке (подходящей банки в доме не оказалось). Потом мы принялись делать рога. Сначала Аглая свернула из бумаги узенькие фунтики, и мы приклеили их к лошадиной голове, но Антошка сказал, что таких прямых рогов у козлов не бывает. Тогда мы стали делать их плоскими, вырезая из картона, и извели кучу всяких коробок от настольных игр, прежде чем Дудкину понравилась форма рогов.

Для бороды мы, конечно, использовали часть отрезанного мной хвоста, но и тут пришлось помучиться, потому что руки у нас были все в клею и мочалка больше прилипала к пальцам, чем к лошадиной морде. Когда борода была наконец готова, Дудкин заявил, что лошадь надо перекрасить из светло-коричневого в другой какой-нибудь цвет, хотя бы в белый. Зубной пасты оказалось мало, и Зина предложила покрасить мукой. Я достал муки, и мы разболтали ее в тазике, так что получилось нечто вроде теста для блинов. Чем дольше мы работали, тем больше у меня скребли кошки на сердце, когда я смотрел на паркетный пол, заляпанный клеем, жидким тестом и облепленный кусочками мочалки.

Пробило два часа. Королева заторопилась:

— Васька, пойдем, обедать пора. Антон, кончай скорей. В пять часов спектакль, а мы и не репетировали сегодня из-за твоего козла.

Только теперь я вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера. В животе у меня бурчало, в голове неприятно шумело.

Держа в левой руке тазик с тестом, а в правой — старую кисточку для бритья, Дудкин мазнул по коню еще разок, отошел шага на два и склонил голову набок. Потом он бросил кисточку в таз, а таз поставил на стол и вздохнул:

— Зря только коня испортили.

Аглая передернула плечами:

— У, какой-то!.. Тебе все плохо! Фанерный ему плох, этот плох...

— А по-твоему, хорош, да, хорош? — закричал Дудкин. —

Ты посмотри на него: у тебя мурашки по спине не бегают? Ведь он на черта похож, с которого содрали шкуру, а ты — хорош!

Я не представлял себе, как выглядит черт без шкуры, но то существо, которое у нас получилось, и правда имело вид жутковатый.

Непросохшее тесто блестело скользким блеском, один картонный рог надломился и свесился набок, куцый хвост, испачканный клеем, превратился в какую-то сосульку, а рыжая борода, наоборот, была слишком пышна и топорщилась во все стороны.

Как видно, и Аглае стало не по себе, потому что она больше не возражала Антону. На некоторое время в комнате воцарилось унылое молчание.

— Аглая! — закричали вдруг за окном сразу несколько голосов. — Эй, Аглая! Дудкин!

— Мы здесь! — отозвалась Аглая, подбежав к окну.

— «Здесь! Здесь!»! Мы вас два часа ищем. Ушли куда-то и не предупредили. Хотите спектакль сорвать?

— Идите сюда. Мы здесь репетируем, в двадцать второй. — Аглая отошла от окна. — Леша, поди открой, это ещё артисты идут... Антошка, мы Сене Ласточкину козла покажем. Он староста кружка: пусть как хочет, так и решает.

Я открыл входную дверь, и в квартиру ввалились ещё человек шесть ребят. Среди них выделялся плечистый мальчишка с самоуверенной физиономией.

— Сеня, гляди! — сказала ему Аглая. — Мы вот какого козла вместо фанерного сделали, а Дудкину и этот не нравится.

Мальчишка посмотрел на наше страшилище маленькими, узкими глазками.

— Халтура! — проворчал он и добавил: — Я вам получше козла достану. Живого. Настоящего.

— Вот! Настоящего! — обрадовались артисты. — Конечно, хорошо бы настоящего, только где ты его возьмешь?

— У моего дяди есть козел. В сарайчике живет. Только бодливый, черт!

— Это ничего, что бодливый, — сказал Дудкин. — Лишь бы дядя позволил взять.

— А мы его и спрашивать не будем. Потихоньку возьмем, а потом обратно... Вот где бы его спрятать до спектакля? А то дядя скоро вернется, тогда ничего не получится.

Все помолчали, обдумывая этот вопрос.

— В закоулке каком-нибудь привязать, и все.

— В закоулке украсть могут.

— Сторожить по очереди будем.

Сеня качнул головой:

— Не годится. Дядя увидит, что козла нет, и пойдет его искать по дворам да закоулкам. — Он помолчал. — У Юрки спрячем. Юра, у тебя отец с матерью по воскресеньям работают и квартира отдельная. В квартирах козлов не ищут.

Мальчик, которого звали Юрой, попятился от него:

— Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что мне за это будет!

На Юру напали со всех сторон:

— Не хочешь помочь товарищам, да?

— Вот Сеня наверняка знает, что от дяди попадет, а и то не боится для общего дела.

— Ругайтесь себе сколько хотите, — ответил Юра. — Я лучше из кружка совсем уйду, а козла в квартиру пускать не буду. У меня голова на плечах еще есть.

— А я знаю, где козла спрятать! — воскликнула Аглая. — Леша, мы к тебе его приведем. Хорошо?

Тут уж я оторопел. Я почувствовал, что козел в квартире, да еще почти что краденый, — это уж слишком.

— Я... ко мне козла...

У меня пересохло в горле, я поперхнулся. Аглая этим воспользовалась. Быстро поглядывая на меня, она заговорила с воодушевлением:

— К Леше поставим. Леша не такой нюня, как Юрка. Правда, Леша? Он мальчишка самостоятельный, не какой-нибудь маленький сынок — да, Леша? Мы к нему поставим козла в прихожую и все пойдем обедать. Он часочка два всего постоит, а перед спектаклем заберем. И никто даже ничего и не узнает. Леша, верно я говорю? Ты не забоишься, как Юрка, да, Леша?

— Я... мне...

Я снова зашнулся. Все ждали моего ответа, ждала и Аглая. Она покраснелась, маленькие черные глаза ее блестели, цветные зеркальные шарики покачивались под розовыми ушами. И я не смог отказаться. Я посмотрел на Юру, которому Аглая ставила меня в пример, и слегка расправил плечи:

— Я... Пожалуйста, конечно... Мне, конечно, ничего не стоит... Только... только он, наверное, будет кричать, а соседи...

— У! Кричать? Зачем ему кричать? А соседям ты не открывай. Это твоя квартира, ты хозяин, и пусть они не суются. — И, как видно испугавшись, что я пойду на попятный, Аглая снова принялась меня хвалить: — Ну, что я говорила? Говорила, что Леша не забойся, — он и не забоялся. Он не то что Юрка, он знаете какой отчаянный!

— Ладно! Пошли тогда, — сказал Сеня и кивнул мне: — Ты жди, значит. Мы скоро...

Артисты повалили к выходу. В передней королева сказала, что ей с Васькой давно пора обедать.

— После пообедаешь, — отрезал староста. — Нам рабочая сила пужна. Он знаешь какой здоровый? Вот такую собаку на смерть забодал.

Услышав эту фразу, я совсем расстроился, но было уже поздно: артисты ушли.

Я принялся слоняться по квартире. Я понимал, что следует привести в порядок комнату, попытаться хотя бы соскрести тесто с коня, а в первую очередь чего-нибудь перекусить, но от тревоги у меня ни к чему не лежали руки. То и дело я забирался на подоконник.

Наш дом был первым многоэтажным зданием, построенным в этом районе. Его со всех сторон обступили деревянные дома и домишки, в свою очередь окруженные многочисленными сарайчиками и клетушками. В одной из таких клетушек, наверное, и жил этот проклятый козел.

Прошло двадцать минут, потом полчаса. Артисты не возвращались. Я стал подумывать, что, пожалуй, не так уж легко протащить чужого козла в летний воскресный день по проходным дворам. Может, на мое счастье, артистов еще и застукают на месте преступления. Когда часы пробили три, у меня совсем отлегло от сердца, и я направился на кухню разогревать себе обед.

— Леша! Леша! Открывай! — донесся в этот момент всполошенный Аглаин голос.

Остановившись на полдороге, я подбежал к окну, но во дворе уже никого не было. В отвратительном настроении побрел я в переднюю и открыл дверь. Артистов я не увидел. Я только услышал, что под моей площадкой идет приглушенная, но, как видно, отчаянная борьба. Там сопели, пыхтели, кряхтели и шаркали ногами. Временами кто-то яростно фыркал. Иногда что-то шмякалось не то об стену, не то о ступеньки.

— Рога! Рога держите! Рога не отпускайте! — хрипло шептали внизу.

— Ыть!.. Еще немного! Ыть! Еще разок!..

— Ой! У-юй!

— Тише! Услышат!

— Подымай ему ногу! Подымай ему ногу! Подымай ногу... Уп!.. Есть!

— Чего — есть?

— По губе копытом!

— Ыть! Еще разок! Ыть!.. Мне за штаны влетит. Ыть!.. Не починаешь теперь.

Но вот на лестнице, ведущей к площадке, показалась куча рук, ног, стриженных затылков и растрепанных кос. Она шевелилась, судорожно дергалась и постепенно приближалась ко мне.

Полумертвый от страха, я отступил в переднюю, однако двери не закрыл. Вот куча артистов показалась на площадке. С минуты они трепыхались перед дверью, потом что-то случилось, и в переднюю разом влетели Дудкин с окровавленной губой, еще два артиста и козел. Он был черный с белыми пятнами. Одного глаза на белой половине морды у него не было, а глаз на черной половине был открыт и смотрел безумным взглядом, каким смотрит с картины Иван Грозный, убивший своего сына. На правом роге его, как чек в магазине, был наколот квадратный кусочек синей материи.

— Двери! — кричал мне Дудкин, устремляясь к выходу. — Закрывай все двери! А то пропадешь!

Козел повернулся, красиво встал на дыбы, Дудкин ойкнул и захлопнул за собой дверь. В следующий момент рога так треснули по ней, что сверху побелка посыпалась.

Я оцепенел. Секунд пять я не двигал ни рукой, ни ногой. Как сквозь вату, я услышал, что в дверь слабо застучали кулаком.

— Мальчик! Мальчик! — запищал тонкий девчачий голосок. — У него на роге мой карман от передника остался. Мальчик, а мальчик, у него на роге мой карман...

Мне, конечно, было не до кармана. Козел снова повернулся, опустил рога и мелкими шажками потопал ко мне. Я шмыгнул в комнату и запер дверь на крючок.

— Черта с два я на такого сяду! — донесся со двора голос Дудкина. — Я уж лучше на фанерном. Что мне, жизнь не дорога?

Я не расслышал, что ему ответили. Шумка, которая до сих пор лишь нервно таякала в соседней комнате, вдруг закатилась отчаянным лаем. Я сунулся было туда и отскочил назад. Козел был уже в комнате родителей. Он проник туда через другую дверь, которую я не догадался закрыть. Он медленно вертелся, подставляя Шумке рога, а та, захлебываясь от ярости, прижимаясь грудью к полу, в свою очередь, вертелась вокруг козла и норовила схватить его за пятку. Крючка на двери в эту комнату не было. Я забаррикадировал ее тяжелым плюшевым креслом.

И началась катавасия! Лай, топот, фыркание постепенно удалились в кухню, причем там загремело что-то железное, потом шум битвы снова переместился в соседнюю комнату. Я был отрезан от всей квартиры. Я не мог взять из кухни продукты. Мне была недоступна даже уборная, куда я стремился всей душой. Ломая себе пальцы в тоске, я слонялся по комнате и думал о том, как же я открою артистам, когда они придут за козлом, и придут ли они вообще до спектакля, если Дудкин отказался на нем ездить.

Шумка была из тех собачонок, которых называют «заводными». Обычно стоило кому-нибудь пройти по лестнице мимо нашей квартиры, как она впадала в истерику минут на пять. Козел появился у нас примерно в четверть четвертого. Ровно в четыре в квартире продолжался все тот же тарарам, и Шумка даже не охрипла. Со двора уже давно доносились голоса:

— Безобразие какое!

— Это в двадцать второй!

И Шумка, как говорится, допрыгалась. Лай ее вдруг прервался, она громко икнула, а в следующий момент заверещала таким дурным, таким страшным голосом, что я подумал: «Все! Шумке конец».

— Эй! Двадцать вторая! Что вы там, с ума посходили? — закричали во дворе.

— Прекратите это хулиганство, слышите?

Сам не зная зачем, я подошел к окну. По ту сторону двора стоял двухэтажный бревенчатый дом. Из многих окон его выглядывали жильцы. Несколько мужчин и женщин стояли на крыльце и возле него, подняв головы к окнам нашей квартиры. Стоило мне показаться, как они накинулись на меня:

— Эй, малый! Это ты там безобразничаешь?

— У тебя совесть есть так собаку мучить?

— Мать с отцом уехали, он и распоясался!

В голове у меня звенело от Шумкиного визга, сердце измученно колотилось, но все же я еще разок попробовал показать свою самостоятельность. Печально глядя в окно, голосом слабым, как у тяжелобольного, я пролепетал:

— Вас... вас не касается. Я... я сам... я сам знаю, что делаю. Это наша квартира. И... и вас не касается.

Я отошел от окна. Шумка вдруг перестала верещать и затявкала где-то на кухне, визгливо, обиженно.

«Хам! Грубиян! — как бы говорила она, лежа, очевидно, под газовой плитой. — С тобой и дела-то иметь нельзя». Потявжав немного, она успокоилась. В квартире наступила тишина. Я забрался с ногами на кровать, прижался спиной к стене и тоже

затих. На противоположной стене висело зеркало, в котором маячило мое отражение. Никогда еще я не казался себе таким бледным, таким тощим. Я смотрел в зеркало и грустно думал о том, что у меня, паверпое, будет рак. Я слышал, как взрослые говорили, что рак развивается на нервной почве и первым признаком его бывает исхудание.

Пробило половину пятого, но я уже не ждал артистов. Я понимал, что они не смогут взять у меня козла, когда во дворе столько народа.

В соседней комнате что-то полилось, потом из-под двери ко мне потекла лужа. Меня это уже не взволновало. Мне уже было все равно.

Потом то ли козел проголодался, то ли ему захотелось домой, но только он пачал блять. Он блял настойчиво, требовательно, хриплым басом.

— Ишь какой зловредный мальчишка! — слышался со двора старушечий голос. — То собаку мучил, теперь козлом кричит. Все назло!

— Нет, тут что-то не то, — отозвался мужчина. — Разве мальчишка сможет так реветь? У него и голоса не хватит. Странное дело!

— Дядь Терентий! Дядь Терентий! — вдруг взволнованно крикнула какая-то девушка.

— А-я! — донеслось издалека.

— Ты козла ищешь? Поди-ка сюда! Это не твой орет?

Прошло несколько секунд молчания, потом со двора послышалось:

— Ага! Он и есть! Ах люди! Ну что за люди! Срежь бела дня!

Дядя Терентий принялся кричать нам в окна, чтобы ему немедленно вернули козла и что он нам покажет, как скотину воровать. Я не отвечал. Собравшиеся во дворе успокаивали дядю Терентия, говорили, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, что квартира принадлежит солидному человеку, подполковнику, который едва ли станет заниматься такими делами. Говорили также, что подполковника сейчас нет и что дома только его сынишка, то есть я.

— А мне шут с ним, кто там дома, кого нет. Мой козел — стало быть, отдай! — сказал дядя Терентий. — Верка! Стой здесь! Пойду участкового приведу.

Козел притих, словно понял, что освобождение близко. Я не боялся прихода милиционера, я был даже рад, что он придет, и думал только о том, как он попадет в квартиру. И вдруг у меня мелькнула такая мысль: козел сейчас в комнате родителей. Что, если я в одну секунду проскочу переднюю, открою

входную дверь... А там лестница, а там двор, а там люди, от которых мне попадет, по которым избавят меня от козла...

Я прислушался. В квартире было тихо. Я и не подозревал, что козел уже перебрался в переднюю и стоит у самой двери моей комнаты. Я на цыпочках подкрался к этой двери, тихонько снял с нее крючок, затем сразу распахнул ее и... чуть не напоролся на козлиные рога.

В следующий момент я был на середине комнаты. Козел направился ко мне. Я вскочил с ногами на подоконник. Козел подошел к подоконнику и, мотая головой, глядя на меня своим страшным глазом, хрипло заблеял. И тут я окончательно забыл про свою самостоятельность. Я отодвинулся почти к самому карнизу, свесил ноги наружу, поднял лицо к небу и заревел на весь двор, где уже собралось очень много народу. Однако я недолго ревел. Вскоре еще больший ужас потряс меня так, что я и голос потерял.

Во двор вошли папа и мама. Они шли не под руку, как обычно, а на расстоянии метра друг от друга. Лицо у папы было красное и очень сердитое. Уже потом я узнал, что мама испортила папе все удовольствие от поездки, потому что все время беспокоилась за меня и говорила, что у нее какое-то тяжелое предчувствие. Они уехали от полковника Харитонов, даже не пообедав, и всю дорогу ссорились.

Папа был так рассержен, что даже не заметил толпы, которая глазела на мое окно. Увидев меня, он остановился и почти закричал маме:

— На! Смотри! Целехонько твое сокровище, здоровехонько! И что вообще с ним могло случиться?

Не слушая папы, мама закричала мне, чтобы я лез обратно в комнату, что я могу свалиться. Но я не послушался.

— Дядя Терентий! Дядя Терентий! — сказали в это время в толпе. — Вот как раз товарищ подполковник. Вернулся!

Во двор вошел низенький, грязно одетый дядька с полуседой щетиной на лице, а с ним круглолицый, розовощекий милиционер. Тут папа впервые обратил внимание на толпу и как-то притих. Милиционер подошел к нему и отдал честь:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

— Пожалуйста! Слушаю!

Милиционер смущенно улыбнулся:

— Не знаешь, как и начать... Короче, вот от гражданина поступило заявление, что у вас в квартире... ну, домашнее животное.

— Что за чушь? Какое животное?

— Козел, — пояснил милиционер, зачем-то понизив голос.

— Что-о?

— Козел, товарищ подполковник.

Папа вскинул голову. Глаза его сверкали.

— Алексей! В чем дело? Что там такое у тебя?

«Ме-е-е!» — закричал козел за моей спиной.

Что было дальше, рассказывать незачем, об этом каждый догадается. Скажу лишь одно: я много вынес в тот день, но самый тяжелый удар, удар в самое сердце, постиг меня на следующее утро.

Папа был на службе, мама ушла в магазин. Мне запретили выходить. Я лежал на подоконнике и смотрел во двор. Подо мной на лавочке сидели Аглая и другие театральные деятели. Вчерашний спектакль прошел у них успешно, несмотря на то что пришлось удовольствоваться фанерным козлом. За живого козла им, конечно, тоже нагорело, но они уже забыли об этом и обдумывали новую постановку.

— Валенки для партизан достанем, полушубки найдутся, — говорил Сеня Ласточкин. — А вот портупю, кобуру и полевую сумку — это надо поискать.

— Лешка достанет, — сказала Аглая. — У него отец военный.

— Какой Лешка! Из двадцать второй? — вмешался Дудкин. — Нет! Не достанет. Теперь ему отец ничего не даст.

— Лешка-то? У! Я ему скажу, что он самостоятельный, — он и без спроса возьмет. Я им как хочу, так и верчу.

1957 г.

„На тебя вся надежда..“

Из-за переезда в новый дом мы не сняли дачу. Я, правда, побывал в пионерском лагере, но родители мои почти все лето провели в городе. Только два раза они выезжали на природу, и каждый раз со мной в это время что-нибудь случалось.

Про историю с козлом я уже рассказывал. Вторая история случилась уже в середине августа, когда папа только что получил отпуск. Знакомые предложили родителям отправиться дней на десять в байдарочный поход. Папа с мамой никогда на байдарках не ходили, им очень хотелось узнать, что это за удовольствие, но взять меня с собой они отказались.

— Дай мы сами научимся весла держать, — сказал папа. — Тогда купим на следующий год байдарку — будешь с нами плавать.

Снова родители стали советоваться, на кого меня оставить. В этот раз такой человек нашелся быстро. Мама посхала зачем-то в центр города и вернулась очень довольная.

— Все устроилось! Тетя Соня у нас поживет.

— Тетя Соня? Тихомирова? — слегка удивился папа.

— Ну да! Я ее в автобусе встретила. Она сказала, что с восторгом переберется к нам и присмотрит за Лешкой.

— С восторгом? — тем же тоном переспросил папа.

Я тоже был несколько удивлен, что за мной будет присматривать именно тетя Соня и что она будет делать это с восторгом. Она была замужем за приятелем моего покойного дедушки. Папа знал его с детства, мама — тоже очень давно, но после смерти дедушки родители бывали у Тихомировых редко, а я последний раз виделся с тетей Соней, когда мне было лет шесть или семь.

Мама объяснила, почему тетя Соня пришла в такой восторг. К ее мужу приехала куча родственников из Хабаровска, и она вынуждена была готовить на них, да мыть посуду, да водить их по магазинам. Теперь она скажет, что у нее заболел кто-то из близких, что она должна уехать, и пусть эти родственники сами моют посуду.

— Она уверена, что поладит с Лешей, — добавила мама. — Она говорит, что у нее врожденный педагогический талант.

— А у самой детей не было, — заметил папа.

— Хорошо! — рассердилась мама. — Что тебе, собственно, не нравится? Ну, пусть она преувеличивает и у нее нет педагогического таланта. А у кого из наших близких он есть?

Папа не ответил, а мне было все равно, кто за мной будет присматривать и есть ли у него педагогический талант. Я слишком был огорчен, что меня не берут в поход.

Всю вторую половину дня накануне отъезда папа с мамой ползали на четвереньках среди разложенных по полу вещей, все время что-то теряли, то и дело ссорились. Я тогда не читал еще «Трое в одной лодке» и не знал, что все туристы так собираются в путь.

Часов в восемь раздался звонок.

— Тетя Соня, — сказала мама, и мы все пошли в переднюю.

Я слышал, что тете Соне около шестидесяти, но выглядела она моложе. У нее были светло-желтые, кудряшками, волосы и короткое пестрое платье. Молча сжав красные губы бантиком, она подставила маме для поцелуя одну щеку, папе — другую. Затем она наклонилась ко мне и ткнула себя пальцем куда-то рядом с узким напудренным носом.

— Целуй сюда! — сказала она и снова сжала красные губы бантиком.

Я вяло чмокнул ее. Тетя Соня прошлась по передней, заглянула в одну комнату, в другую.

— Блаженство! — сказала она без всякого выражения.

— Что? — не понял папа.

— После того кошмара, который у нас в доме, здесь рай.

Мы вошли в комнату. Тетя Соня села на стул, вынула из сумочки плитку шоколада.

— Алеха!.. Это тебе.

Я взял шоколад, поблагодарил. Тетя подняла указательный палец.

— Но только, Леха, уговор: пока я здесь, ты будешь получать сладкое только после обеда и после ужина. — Склонив голову набок, она посмотрела на меня круглыми светло-серыми глазами. — Ну как, лады?

— Угу, — промычал я. Что-то не понравилось мне это «лады» и вообще манера тети Сони разговаривать со мной.

А она протянула руку и сказала:

— Молодец! Давай лапу на уговор!

Это мне тоже не понравилось, но я пожал руку. Покосившись на папу с мамой, я заметил, что они переглянулись.

Больше в тот вечер тетя Соня со мной не разговаривала. Меня послали гулять с Шумкой, а потом уложили спать.

На следующее утро тете Соне было не до меня. Она спрашивала маму, где лежит мое белье, как варить кашу «геркулес» (ей никогда не приходилось этого делать), по какому адресу сообщить, если со мной случится что-нибудь особенное. На это мама сказала, что она сама будет звонить из каждого поселка, где есть переговорный пункт.

Папа сходил за такси и приехал в нем к нашему подъезду. Антошка Дудкин, Аглая и рыжие Зинка и Васька Брыкины подошли к машине и стали смотреть, как в нее засовывают рюкзаки, авоськи, удочки и таксу Шумку (родители решили взять ее с собой).

— Лешк! Куда едешь? — спросил Дудкин.

— Никуда, — ответил я.

— Опять один остаешься? — спросила Аглая.

— Нет, голубчики, — сказала мама. — Теперь мы ученые, больше вы нам в квартиру козла не притащите.

— А мы и не собираемся, — буркнула Аглая, и все четверо отошли от машины.

Родители поцеловали меня, тетю Соню... Такси двинулось и скоро исчезло за воротами.

Вот тут тетя Соня за меня и принялась.

— Лешка! Пошли к Антону, — сказала Аглая. — Ему белых крыс подарили.

Я двинулся к ребятам, но тут услышал за спиной очень негромкий голос тети Соны:

— Алеша, можно тебя на минуточку?

Я вернулся, подошел к ней.

— Понимаешь, какое дело, Алеха, — почти шепотом проговорила она. — Нам нужно очень серьезно потолковать. Идем, а? Я сказал ребятам, что скоро вернусь, и пошел за тетей Соней наверх. В кухне она села спиной к окну, положила ногу на ногу, чиркнула спичкой, затянулась сигаретой и заговорила:

— Слушай, Леха... Ты парень взрослый, голова у тебя работает — во! — Она показала большой палец. — Значит, мы можем говорить, как человек с человеком. Ага?

— Ага, — пробормотал я.

— Так вот, я хотела тебя спросить: как ты расцениваешь свой поступок?

— Какой поступок?..

— А вот сейчас, во дворе...

Я молчал, обалдело глядя на эту странную тетку. А тетка отвела руку с сигаретой далеко в сторону, и тоже молчала, и тоже смотрела на меня круглыми светлыми глазами со слипшимися от краски ресницами.

— Я... я не помню никакого поступка, — пробормотал я.

— Очень жаль! — молвила тетя Соня и снова застыла, сжав губы бантиком.

Я взмок от напряжения, но так и не понял, что ей от меня надо.

— Хорошо. Я тебе подскажу, — смилостивилась наконец тетя Соня. — Вот тебя ребята позвали смотреть белых крыс. Я понимаю, крысы, конечно, дело важное, но я-то все-таки не пустое место. А?

Тут я молча кивнул.

— А как же ты поступил? Тебя позвали, и ты, не оглянувшись на меня, не спросив, как я к этому отнесусь, взял да и пошел к ребятам. Словно и нет меня. По-товарищески это, как ты полагаешь?

Я совершенно не понимал, что в моем поступке могло быть нетоварищеского, но на всякий случай качнул головой.

Тетя Соня затянулась сигаретой, выпустила дым.

— Так что же, по-твоему, теперь надо сделать?

— Попросить прощения, — в страшной тоске промямлил я.

— Умница! — воскликнула тетя Соня. — Давай лапу! Я была уверена, что мы с тобой душа в душу заживем.

— Лешка! Ну, скоро ты? — донеслось со двора.

Я уже знал, как надо себя вести.

— Тетя Соня, можно я пойду?

— К этим самым... крысам? — Тетя Соня помолчала. — Крысы, я понимаю, — это очень интересно, только знаешь, что я тебе скажу!.. Давай такой уговор: сначала дело, а потом развлечения. Ага?

Я спросил, какое дело она имеет в виду.

— А дело оч-чень, оч-чень важное. Мы сейчас займемся составлением распорядка дня.

Я не стал возражать. Я пошел в комнату, лег на подоконник и сказал ребятам, что к Антону не пойду.

— Эта... длинноногая не пускает? — приглушенно спросила Аглая.

Я молча кивнул.

Тетя Соня так увлеклась составлением распорядка дня, что забыла приготовить обед, и мы пообедали «геркулесом», сваренным, правда, на молоке. Теперь, согласно «распорядку», я мог гулять только два часа перед обедом и столько же перед ужином, а остальную часть дня мне предстояло заниматься «осмысленным времяпрепровождением». Под этим тетя Соня подразумевала утреннюю гимнастику (я ее и так делал), уборку своей комнаты, мытье чайной посуды (столовую посуду тетя Соня взяла на себя), повторение пройденного в школе, чтение художественной литературы (два часа), послеобеденный отдых (один час). Где-то между этим отдыхом и вечерней прогулкой тетя Соня написала: «Свободное время». Но потом она спросила меня, чем я люблю в свободное время заниматься. Я сдуру ответил, что люблю мастерить, что сейчас клею из картона фрегат. Тут тетя Соня зачеркнула «свободное время», а сверху написала: «Труд».

Я попытался объяснить, что уже сделал всю домашнюю работу, которую получил на лето, пытался втолковать тете Сонсе, что я люблю читать, но привык это делать, когда мне захочется, пытался я возразить и против пункта о прогулках... Тетя Соня долго смотрела на меня, склонив голову набок, потом проговорила:

— Лешка!.. Ты слышал когда-нибудь о знаменитом русском ученом Павлове?

— Слышал, — сказал я.

— Что же ты слышал?

— Он делал опыты с собаками... и еще там... эти... рефлексы всякие.

— Правильно! — сказала тетя Соня. — Так вот, этот академик в журнале «Здоровье» недавно написал, что для человека имеет колоссальное значение размеренный ритм жизни. — Тетя Соня закурила очередную сигарету. — Леха! Ты же совершенно

взрослый парень! Ты же не можешь не понимать, что папа с мамой тебя немного разболтали. Верно ведь? Да?

Я промолчал.

— Так вот, давай устроим папе с мамой сюрприз. Они вернутся и не узнают своего сына: подтянутый, дисциплинированный — словом, во человек!

Я спорить не стал. Я не додумался, а просто почувствовал, что это бесполезно.

Из-за составления распорядка дня мне перед обедом погулять не пришлось. Не удалось и почитать: это положено было делать перед дневной прогулкой. Зато сразу же после обеда я начал жить в строго размеренном ритме: мне пришлось достать подушку, плед и лечь на диван. Читать в это время не разрешилось.

Я лежал, смотрел в потолок и думал об академике Павлове. Почему-то мне казалось, что он давно умер, а он, выходит, жив и пишет в журнале «Здоровье». Я удивлялся: неужели и он читает художественную литературу только в строго определенные часы, даже тогда, когда читать ему совсем не хочется? Что-то, казалось мне, здесь не так.

Через час в комнату вошла тетя Соня и, вскинув голые руки к потолку, весело закричала:

— Подъе-с-см! — И тут же спросила: — Итак, чем сейчас будем заниматься?

— Трудом, — вздохнул я.

— Умница! — сказала тетя Соня и исчезла.

Убрав подушку и плед, я сел за маленький столик, над которым висели кое-какие инструменты и на котором стоял остов моего фрегата.

Как сделать его, меня паучил папа. Я уже вырезал из картона киль и приклеил к нему округлые картонные шпангоуты. Края шпангоутов были часто надрезаны и загнуты так, чтобы к ним можно было приклеивать обшивку, состоящую из множества узких, тоже картонных полосок. Часть обшивки была уже готова, оставалось доделать примерно две трети.

Безо всякого удовольствия наклеил я одну полоску, другую, но потом я вспомнил, что мне надо еще сделать в бортах люки для пушек. Мне стало вдруг интересно, и я принялся за работу уже с увлечением.

Дверь открылась, вошла тетя Соня.

— Молодец малый! — сказала она и, придвинув стул, под села к столику. — До чего приятно смотреть на человека, который не собак гоняет, а что-то такое создает, соображает что-то такое...

Я скрючился над своим столиком. Тетя Соня долго расска-

зывала, какие ценные качества развивают в человеке занятия трудом, а я все макал да макал кисточку в клей и все водил да водил этой кисточкой по одной и той же картонной полоске, лежащей на старой газете.

Вдруг тетя Соня переменяла тон:

— Между прочим, Леха, я подместила в тебе одну слабую черточку.

— Какую? — не поднимая головы, спросил я.

— Ты работаешь старательно, но очень медленно. Ты подумай: я уж сколько здесь сижу, а ты все мажешь, мажешь эту штучку... А когда же приклеивать? Надо так: намазал — приклеил, намазал — приклеил!.. Ну? Ты согласен со мной?

Я перестал мазать и начал приклеивать полоску картона к этому распроклятому кораблю.

...Когда я вышел гулять, во дворе на лавочке сидели Аглая и Антошка Дудкин. Дудкин спросил меня, почему я все время торчу дома.

— Небось эта тетка не пускает, — сказала Аглая. — Кто она тебе?

Как я ни сдерживался, а все-таки начал всхлипывать. Аглая и Дудкин встревожились:

— Чего это с ним?

— Лешка!.. Ты чего?

— Из-за вас все это... — проплакал я.

— Что из-за нас?

Я напомнил им, как родители попробовали оставить меня на целый день одного и что из этого получилось. И вот теперь мне не доверяют. Я поведал, как «эта тетка» мне вздохнуть не дает, рассказал про распорядок дня, про занятия трудом. Увлечшись, я даже приврал, что тетя Соня ходит за мной по пятам, подглядывает и все время читает нотации.

— Чокнутая какая-то, — сказала Аглая.

— А у тебя что, языка нет? — спросил Дудкин.

— Какого языка?

— А вот такого! Чтобы сказать: «Я вам не маленький, и нечего вам командовать. Буду жить, как при родителях жил, и все! И не привязывайтесь!»

Этот совет засел у меня в голове, но ни в тот день, ни на следующий я не решился его выполнить. Я взбунтовался лишь на третий день после отъезда родителей.

Утро началось как обычно. Тетя Соня усадила меня за повторение пройденного. Я положил перед собой учебник географии, которую знал назубок, и как только тетя Соня ушла в продуктовый магазин, взялся читать «Приключения Тома Сойера». Тетя Соня вернулась, проверила меня по учебнику, по-

хвалила и ушла в кухню, напомнив, что теперь я должен заняться чтением художественной литературы.

Я не возражал. Я как раз дочитал до того места, где Том и Гек решают отправиться ночью на кладбище сводить бороздки. До сих пор «чтение художественной литературы» было для меня самым приятным пунктом в «распорядке дня». Тетя Соня готовила в это время обед и ко мне не заходила. Однако на этот раз все получилось иначе.

...По спине у меня ползали мурашки, в животе было холодно. Я читал, как на кладбище, где притаились мальчишки, явились гробокопатели: индеец Джо, Мефф Поттер и доктор Робинсон. «Теми же лопатами они подняли крышку, выволокли мертвеца и бесцеремонно бросили его на землю», — прочел я.

— Умница! — послышался голос тети Соны. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди. — Я вот уже минут пять наблюдаю за тобой и вижу, что ты читаешь не абы как, а внимательно, с интересом... Вот так всегда читай! Чтение только ради чтения никакой пользы не приносит. — Она под села к столу (совсем как тогда, с фрегатом) и взяла книгу. — «Приключения Тома Сойера». Должно быть, очень интересно. Да?

Я понял, что тетя Соня «Тома Сойера» не читала; а она полистала книгу и спросила:

— Ну, кто тебе из героев больше нравится: Бекки Тэчер или этот. Как его? — Она снова полистала книгу. — Или индеец Джо?

— Бекки Тэчер, — прохрипел я, начиная дрожать.

Тетя Соня положила книгу, поставила локти на стол и подперла подбородок тыльной стороной ладоней.

— Ну, давай расскажи мне содержание. Мне хочется знать, как ты усваиваешь прочитанное.

Я молчал. Я слова не мог вымолвить.

— погоди! Не рассказывай! — вдруг воскликнула тетя Соня. Ее осенила новая идея.

Она велела мне взять чистую тетрадку и надписать: «Дневник чтения». Когда я выполнил это, она поднялась.

— Теперь я пойду готовить обед, а ты продолжай читать. Когда дочитаешь, запиши фамилию автора, название и краткое содержание. Идет?

Я слез со стула и тихо сказал:

— Не буду я записывать.

— Что? — переспросила тетя Соня.

— Ничего я не буду записывать, — повторил я уже громче. — И... и вообще я сейчас пойду гулять.

Тетя Соня слегка попятилась, сцепила пальцы перед грудью и уставилась на меня.

— Алексей!.. Я хотела бы знать, что это за тон и что это значит: «Я пойду гулять»?

— А то и значит: пойду гулять, и все! — Крикнув это, я выбежал в переднюю и там обернулся: — И вообще... и вообще буду делать что хочу. Вот! И не привязывайтесь!.. Вот!

Тетя Соня повернулась в сторону передней, но ничего не ответила.

Ребята во дворе одобрили мой бунт. Всю первую половину дня я проболтался вместе с ними, но так и не запомнил, во что мы играли, о чем говорили. Я думал о том, как вести себя, когда вернусь домой.

Во время игры Аглая вдруг зашептала:

— Лешк! Смотрит!.. На тебя смотрит!

Оглянувшись, я увидел в окне тетю Соню. Она вытирала тарелку и смотрела на меня с каменным лицом. Я поспешил отвернуться. Когда я снова покосился на окно, тети Сони уже не было.

Но вот ребята разошлись: настало время обедать. Поплелся домой и я. Открыл дверь своим ключом, вошел в переднюю на цыпочках, надеясь проскользнуть к себе в комнату бесшумно. Только ничего не получилось.

— Можешь идти обедать, — сказала тетя Соня из кухни.

Вымыв руки, я вошел в кухню и сел перед тарелкой с красным борщом. Тетя Соня сидела напротив. Перед ней тоже стоял прибор, но в тарелке у нее ничего не было.

Ел я без аппетита. Прошло, наверное, минут десять, пока я одолел полтарелки. Все это время тетя Соня сидела, подперев подбородок руками, и не шевелилась. Но вот она негромко спросила:

— Ты ничего не замечаешь?

Я посмотрел на нее, на ее пустую тарелку и ответил:

— Замечаю.

— Что же именно ты замечаешь?

— Что вы ничего не едите.

После этого тетя Соня молчала еще минуты две, потом заговорила:

— Так вот, Алексей: я никогда детей не наказывала и наказывать не стану. Таков мой принцип. Но имей в виду: я до тех пор ничего не буду есть, пока ты не извинишься передо мной и не начнешь вести себя, как мы уговорились. Дошло?

Я так и застыл с полной ложкой во рту. Уж казалось, я испытал на себе все приемы, к которым прибегают взрослые, воспитывая детей: мне делали ласковые замечания, читали строгие нотации, со мной часами не разговаривали, меня наказывали

по-всякому. Папа раза два даже угостил ремнем... Но чтобы из-за меня объявляли голодовку — такого я еще не знал.

Я проглотил наконец ложку борща и стал думать, как быть. Не извиняться, согласиться на то, чтобы тетя Соня продолжала голодать, — что-то в этом было нехорошее. Но если я попрошу прощения, мне сегодня же придется в обязательном порядке клесить фрегат. И вдруг меня осенило. Я вылез из-за стола и сказал:

— Я тоже не буду есть.

Тетя Соня выпрямилась и приоткрыла рот. Такого хода с моей стороны она не ожидала. Но она очень скоро пришла в себя и холодно отчеканила:

— Не ешь.

У себя в комнате я лег на диван и натянул плед на голову. Это я проделал на тот случай, если тетя Соня вздумает войти и завести разговор. Но она не вошла.

Я лежал и подсчитывал, сколько же мне еще осталось терпеть. Выходило — не меньше недели. Я представил себе три байдарки, скользящие вдоль зеленых берегов, а в одной из них — папу с мамой. Они плывут себе, переговариваясь с друзьями, по вечерам ставят палатки и, наверно, подолгу болтают у костра... И небось они воображают, что мне очень даже хорошо с этой теткой, вообразившей себя великим педагогом. Они там развлекаются в свое удовольствие, а мне вот мучайся из-за них.

Я всхлипнул. Я почувствовал, что сердце мое ожесточилось. Мне захотелось выкинуть что-нибудь такое, что мама с папой надолго бы запомнили. Одним словом, мне захотелось проучить своих родителей и эту самую тетю Соню.

Я откинул плед, посмотрел на часы. Прошло минут тридцать, как я лег. В квартире не было слышно ни звука. Нет!.. Какой-то звук все-таки доносился из соседней комнаты: вроде бы похрапывание... Я встал, прошел в одних носках в переднюю. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта...

Так и есть! Тетя Соня лежала на тахте и спала. Рядом с ней на полу валялась книга и стояла пепельница, в которой еще дымился окурочек.

Примерно еще через полчаса я вышел из подъезда. На мне было драповое пальто, зеленая вязаная шапка и шерстяные брюки. Под мышкой я держал школьный портфель. В нем навалом лежали шесть котлет, граммов триста колбасы, «Приключения Тома Сойера», полбатона, полпачки сахара и куча сухарей, которые мама сушила в духовке на котлеты. Сухарей было так много, что портфель из-за них не закрывался.

Под аркой ворот я встретил Аглаю. Она несла в авоське пакеты с молоком. Увидев меня, она застыла, поставив исцарапанные ноги носками внутрь.

— Чего это ты? Как на Северный полюс...

Я всегда чувствовал, что Аглая относится ко мне свысока, считая меня размазней или маменькиным сынком. Вот теперь она поймет, с кем имеет дело! Я остановился и, понизив голос, сказал загадочно:

— Ничего! Зато вот ночью мне не будет холодно.

— Как это... ночью?

— А вот так! Никому не скажешь?

— Чего не скажу? Вот тебе честное — никому! А что такое?..

— Я из дома убежал.

Аглая неподвижно смотрела на меня черными глазками. Одна растрепанная коса свисала ей на грудь, а другая была за спиной.

— Вот... да-а-а! — протянула она тихо. — Насовсем?

— Насовсем. То есть... пока родители не вернутся.

— Тебя эта тетка довела?

Я кивнул.

Аглая разглядывала меня так, словно мы только что познакомились.

— Вот... да-а-а! — снова протянула она в раздумье. — А где ты жить будешь?

Я сказал, что днем буду скитаться по улицам, а ночевать — в парке на лавочке. Не зря я так тепло оделся.

— Тебя в милицию заберут.

— Ну и пусть. Так ей и надо. — Я имел в виду не милицию, а тетю Сою.

— А если простудишься и помрешь?

— И пожалуйста! В другой раз они будут знать.

— Кто «они»?

— Родители.

— Во дурной! Да ведь другого раза тогда уже не будет: ты ведь помрешь!

Я промолчал. Я почувствовал, что тут не всё до конца мной продумано.

Аглая замотала головой:

— Лешка, не! В парке на лавочке — это все глупости... Гляди, какая туча, и еще по радио говорили — сегодня похолодание и дождь. Лешка, знаешь что? Иди пока в «ущелье» и там жди. Я молоко отнесу, ребят позову, и мы что-нибудь придумаем. Мы над тобой шефство возьмем: спрячем где-нибудь и будем тебе пищу носить и все такое.

Аглая убежала, а я остался под аркой слегка ошеломленный.

Уходя из дома, я рисовал перед собой такую картину: вечер, людная, освещенная фонарями улица... Куда-то спешат веселые, беззаботные прохожие... А недалеко в пустом и темном парке лежит на скамейке бесприютный мальчик. У меня даже в горле першило от очень приятной жалости к себе. Теперь все получилось не так трогательно, зато куда интересней. Вся Аглаина компания узнает, какой я отчаянный. Все они будут волноваться из-за меня, хлопотать, шушукаться, и сама Аглая будет заботиться о моем пропитании.

«Ущельем» назывался узкий тупичок между бетонным забором нашего двора и большой трансформаторной будкой. Я пробирался в него через весь двор, держась под самой стеной дома, чтобы тетя Соня не увидела из окна. Во дворе сидели на лавочках старушки, перед ними играли малыши, но никто не обратил на меня внимания.

В «ущелье» стоял какой-то старый ящик. Я положил на него портфель, снял пальто, шапку и стал прохаживаться, ожидая ребят. Я решил держаться перед ними очень хладнокровно, как будто побег из дома для меня самое плевое дело.

Прошло минут двадцать. Я забеспокоился, вдруг Аглаю почему-либо задержали родители? Но только я об этом подумал, как в мой тупичок вбежали четверо: Зина и Васька Брыкины, Аглая и Антошка.

— Лешка, порядок! — объявил Дудкин. — Аглая мне сказала, у меня сразу мозги завертелись, и я в момент все придумал.

— У тебя квартира будет шикарная, — пояснила Аглая. — Четыре комнаты, кухня и два телефона.

— Только ты смотри ничего не трогай, — сказала Зинаида.

— Ага! — кивнул Васька. — А то нам знаешь как попадет!

Он и его сестра были двойняшки и очень походили друг на друга: оба рыжие, круглолицые, оба в веснушках и почти без бровей. Но характеры у них были разные: Зина — властная, деловитая, а Ваську ребята часто называли «лопухом» — он только поддакивал сестре да во всем подчинялся ей.

Я ничего не понял. Какая квартира? Какие комнаты? Какие там еще телефоны?.. Но постепенно мне все объяснили. На одной площадке с Брыкиными была квартира профессора Грабова. Сейчас профессор с семьей жил на даче, а ключи от его квартиры были оставлены Брыкиным, которые взялись поливать цветы в горшках на подоконниках. Вот в этой квартире мне и предлагали поселиться. Поливкой цветов занимались Зина и Вася. Два ключа, связанные тесемочкой, болтались сейчас на указательном пальце Зинаиды. Она сказала:

— Я бы ни в жизнь не согласилась, если бы не Антон. Он говорит, что ты из-за нас страдаешь.

— Ага,— кивнул Вася.— Из-за козла.

Я как-то скис. Ночевать в пустой чужой квартире показалось мне страшнее, чем ночевать в парке. Но признаться я в этом не захотел и попытался выкрутиться другим способом. Я поблагодарил и сказал, что не хочу подводить Зину и Васю: ведь им может попасть из-за меня.

— Да откуда им попадет! — воскликнула Аглая.— Ты, главное, сиди тихо, свет не включай и ничего не трогай. Тогда никто ничего и не узнает.

Услышав «свет не включай», я еще больше скис. Я сказал, что тетя Соня может обратиться в милицию, оттуда пришлют собаку-ищейку, и она найдет меня по следам. Зинаида помрачнела.

— Тогда отец с меня шкуру сдерет.

— И с меня тоже,— сказал Вася.

— Придумал! — вскричал Антон.— Ни одна собака его не найдет. Мы с Васькой его на руках отнесем, и он никаких следов не оставит.

— На четвертый этаж? — усомнилась Аглая.

— А чего? Мы только до лифта. А там чуток подержать его на руках, и лифт нас подымет.

Всем понравилась эта идея, и я понял, что мне уже не отвертеться. Девочки взяли мой портфель и пальто, Вася с Антоном скрестили руки, и я сел на них, обхватив мальчишек за шею. Они двинулись по двору мелкими шажками. Девочки шли рядом, загораживая меня от малышек и старушек.

— Как бы в подъезде... как бы в подъезде на кого не нарваться! — прокричал Дудкин.

Дверь подъезда, как всегда, была открыта только на одну створку. Антону с Васькой пришлось попрыгать, втаскивая меня боком. Нам повезло: в подъезде мы никого не встретили и кабина лифта оказалась внизу. Зина побежала наверх пешком, Антошка с Васькой внесли меня в лифт, за нами вошла Аглая. Она закрыла двери и нажала кнопку. Зина взбежала на четвертый этаж почти одновременно с нами. Тяжело дыша, она открыла сначала внутренний замок, потом английский.

— Тащите! — прошептала она.

Дудкин с Васькой снова запыхтели, протаскивая меня в дверь. Войдя в переднюю, Антон споткнулся о резиновый коврик для ног, и мы все трое грохнулись на пол. Девчонки юркнули за нами и бесшумно закрыли дверь.

— Вроде тощий, а какой тяжелый! — заметил Дудкин, подымаясь и потирая голову над ухом.

Отдышавшись, мы пошли осматривать мое новое жилище. Тут действительно было четыре комнаты: кабинет профессора, спальня профессора и его жены, комната их взрослой дочери и ее мужа и еще большая общая комната вроде гостиной. Мебель везде была новая, низкая, и только в спальне стояли две старомодные кровати никелированными спинками к двери. На них Зинаида обратила мое особое внимание.

— Ты, если услышишь три звонка, не бойся: это значит — я пришла или Вася. А если услышишь, кто-то без звонка входит, — сразу под кровать ныряй: это значит — мама пришла или, еще хуже, отец.

Получил я и другие инструкции. Мне велено было держать пальцы и провизию под кроватью, чтобы в случае тревоги не оставить где-нибудь на виду. Меня предупредили, чтобы я не зажигал электричества даже в передний и в коридоре, потому что двери в комнатах застекленные и свет будет замечен со двора. Потом все собрались уходить.

— Я тебе сегодня горячий ужин принесу, — сказала Аглая. — Я сразу пять звонков позвоню, и ты открой. А то для желудка вредно без горячей пищи.

Оставшись один, я присел на тахту в большой комнате. Конечно, это очень здорово, что Аглая принесет мне горячий ужин, но сидеть одному было скучновато, и вообще меня смущала мысль о том, что я буду тут делать, когда стемнеет. Когда же я подумал о ночи, которую мне придется провести, не зажигая света, в этой огромной квартире, мне совсем стало тошно.

Я решил еще раз осмотреть квартиру. Заглянул в кухню, в комнату дочки профессора, зашел в его кабинет. Там две боковые стены от пола до потолка были заняты пестрыми полками с книгами. Я прошел вдоль левой стены, читая названия на корешках. Тут все было что-то научное, как я понял, медицинское. Я перешел к полкам на противоположной стене и начал двигаться от окна к двери. Здесь попадались книги, которые были и у нас: Достоевский, Чехов, Паустовский... Я стал высматривать, не попадется ли что-нибудь приключенческое. Прошел почти вдоль всей стены, но ничего не попалось.

Двери из гостиной были распахнуты внутрь кабинета. Одна из створок закрывала от меня самые крайние книги. Я потянул к себе створку и... тут же скакнул назад. В углу на полке вровень с моей физиономией стоял грязно-желтый человеческий череп. Нескольких зубов у него не хватало, а во лбу над черной глазницей чернела неровная дыра.

Даже когда я был маленьким, меня нельзя было напугать ни Бабой-Ягой, ни Коцеем Бессмертным, ни другими сказоч-

ными страшилищами. Но всего, что связано с мертвыми, я боялся до судороги.

Я выскочил в большую комнату. Я знал теперь одно: надо сматываться отсюда! Но только я об этом подумал, как услышал, что кто-то открывает входную дверь без всяких предварительных звонков. Я влетел в спальню и так стремительно бросился на паркет, что на полтуловища въехал под кровать юзом. Едва я заполз туда целиком, послышались шаги и знакомый голос:

— Лешка! Эй! Это мы пришли.

Я вылез и увидел Зину с Васькой. Они объяснили, что не позвонили нарочно: хотели проверить, как я умею прятаться.

— Топашь очень, — сказала Зина. — Ты ботинки сними. — Она присмотрелась ко мне. — Во, бледный какой! Испугался, да?

— Ага! — кивнул Васька. — Он испугался, когда мы вошли.

— Нет, я не испугался, — заговорил я быстро, осененный прекрасной идеей. — Я знаете... Мне что-то очень нездоровится... У меня, наверное... — Я помолчал, стараясь придумать такую болезнь, чтобы ребята сами поняли: мне надо немедленно вернуться домой и лечь в постель. Но придумать я ничего не успел: один за другим прозвенели пять звонков.

— Наши! — сказала Зина.

Брат и сестра побежали открывать.

Я за ними не последовал, а только вышел в большую комнату.

Это пришли Аглая, Дудкин и еще один мальчишка — Юра Кузнецов. Взрослые говорили, что это самый интеллигентный мальчик в нашем доме. Он был чуть постарше меня, всегда спокойный, вежливый, аккуратно одетый. Когда наши решили похитить козла для своего спектакля, он единственный отказался участвовать в этом мероприятии.

— Лешка! — возбужденно заговорила Аглая. — Мы рассказали все Юре... и он такое придумал!.. Ты, может быть, уже сегодня вернешься домой, а тетка эта самая будет перед тобой на задних лапках ходить.

— Ультиматум ей надо послать, — вставил Дудкин.

— Что? — не понял я.

— Ультиматум, — повторила Аглая. — Юр! Объясни ему!

Юра стал передо мной и заговорил как можно убедительней:

— Слушай! Чего ради тебе торчать в этой квартире целую неделю?

У меня сразу стало очень хорошо на душе. Две минуты назад я ломал голову, под каким предлогом унести отсюда ноги, а тут меня самого убеждают, что торчать мне здесь вовсе не нужно. Но я промолчал, а Юра продолжал меня уговаривать:

— Во-первых, ты здесь умрешь от скуки. Да еще без свежего воздуха. Во-вторых, что, если профессор возьмет да и приедет с дачи?.. Ты прогноз слушал? Похолодание и дожди до последней пятidineвки месяца.

— Ой, граждане! — заговорила Зина. — Профессор наверняка приедет, если дожди... Лешка! Ты уж, так и быть, эту ночь переночуй, а завтра иди еще куда-нибудь. А то нам такое будет!..

— Да он сегодня еще уйдет. Не мешай! — сказал Антон, и Юра продолжал:

— Ну вот! А с другой стороны, твоя тетка тоже не заинтересована, чтобы ты пропадал. Ты пойми ее положение: ей поручили присматривать за ребенком, а ребенок взял да смылся!

Короче говоря, когда Юра объяснил мне, что такое ультиматум, я понял, что передо мной могучего ума человек. Зина сказала, что у нее просто гора с плеч свалилась, а Васька поддакнул:

— Ага. И у меня тоже... гора.

У Юры уже все было готово для написания этого важного документа. Он дал мне листок бумаги и ручку. Я присел за низкий круглый столик, на котором стоял телефон.

— Заглавие написать — «Ультиматум»? — спросил я.

Юра сказал, что не надо. Как видно, он и содержание ультиматума уже обдумал, потому что продиктовал его мне почти без запинки:

— «Уважаемая тетя Сося!

Я категорически не согласен с Вашим педагогическим методом, которым Вы меня воспитываете. Я привык жить, как меня приучили мои родители, а Вы только и знаете, что нарушаете мою свободу и вмешиваетесь в мои дела. Вы думаете, что все это очень педагогично, а на самом деле Вы только потеряли для меня всякий авторитет. И вот результат! Мне пришлось бежать из дому, потому что лучше быть бесприютным бродягой, чем жить в Ваших невыносимых условиях.

Но для Вас еще не все потеряно. Если Вы дадите честное слово, что я получу свободу, как при маме с папой, я готов вернуться домой.

Если Вы согласны на мой ультиматум, вывесите в форточке белое полотенце.

С уважением — *Л е ш а Т у ч к о в*.

Несколько минут мы только и делали, что расхваливали Юру. Особенно поразила всех великолепная фраза: «Но для Вас не все потеряно». Решено было, что Аглая бросит ультиматум

в щель для почты на двери нашей квартиры, а Юра позвонит тете Соне по телефону и скажет измененным голосом: «Возьми письмо от Леши».

Я был уверен, что тетя Соня вывесит полотенце еще до наступления вечера. Я так приободрился, что мне захотелось пофорсить перед ребятами.

— Хотите посмотреть одну забавную штучку? — сказал я небрежным голосом и повел ребят в кабинет профессора.

Увидев череп, Аглая вся передернулась:

— Вввввв!..

Антошка Дудкин и Брыкины молча попятились. Один Юра ничуть не испугался.

— Пуля, наверное, круглую дыру бы сделала, — сказал он. — А это... возможно, его холодным оружием убили: копьем каким-нибудь или чем-нибудь еще.

— Вввввв!.. — снова сказала Аглая и пошла из комнаты. — И как Лешке не страшно с ним в одной квартире!

— Я бы ни в жизнь не осталась, — сказала Зинаида.

Я промолчал. Форсить мне что-то больше не хотелось. Я понял, что сейчас все уйдут, а мне-то придется «с ним» остаться еще на несколько часов.

— Мы, как увидим полотенце, сразу тебе сообщим, — сказал на прощание Дудкин.

Я поплелся провожать своих гостей. В переднюю я за ними не пошел, а остался за углом длинного коридора. И хорошо сделал. Когда ребята выходили на площадку, я услышал, как распахнулась дверь квартиры Брыкиных и сердитый мужской голос громко спросил:

— А это еще что за визитеры?

Секунды три длилась полная тишина. Потом Зинаида залепетала:

— Папа... я... мы... мы им только цветы... Я им только цветы хотела показать...

— Они... цветы... — пропищал Васька.

— «Цветы»! Тебе ключи да того дали, чтобы ты весь двор водила? (Голос папаша Брыкина донесся уже из передней, и я на цыпочках пустился в спальню.) Давай сюда ключи! А с матерью я еще поговорю. Ее люди об одолжении попросили, а она это дело соплякам перепоручила!

Я слышал, как отец Зины и Васьки обошел всю квартиру, как зашел в спальню, постоял там немного.

— Черт их носит! — сказал он негромко и удалился.

Хлопнула входная дверь, потом чуть слышно дважды щелкнул ключ в замке. Страшная догадка потрясла меня. Подождав немного, убедившись, что настала полная тишина, я вылез из-

под кровати и пошел в переднюю. Там я повернул ручку английского замка и потрогал дверь. Так я и знал: папаша Брыкин запер меня на внутренний замок.

Вернувшись в комнату, я машинально остановился перед большим зеркалом. Тогда я не обратил внимания, как выглядит мое отражение, а сейчас припоминаю: что-то вроде близкого к обмороку небольшого червячка с взъерошенной челкой над белым лицом.

Прошло некоторое время, прежде чем я начал что-то сообщать. Может, Зина проследит, куда отец положил ключи, а потом утащит их?..

Я прикрыл дверь кабинета и сел подальше от нее на уголке тахты. Не знаю, сколько времени я так просидел. Послышалось пять звонков. Я пошел в переднюю и прошептал:

— Кто там?

Металлическая крышка над щелью для почты приподнялась, и за дверью зашелестело:

— Лешка! Это я, Антон... Тебя на внутренний замок заперли.

— Знаю, — прошептал я.

— Лешк! Мы твой телефон развели. Будем по-особому звонить: сначала один звонок дадим и сразу положим трубку... А когда снова позвоним, ты подходи. А если просто будут звонить, ты не подходи. Понял?

— Понял, — прошептал я и услышал, как Дудкин понесся по ступенькам вниз.

Минут через десять зазвонил телефон и умолк. Когда он снова зазвонил, я взял трубку.

— Леш! Это я говорю, Аглая. Во какая ужасная вещь получилась! Зинкин отец ключи забрал к себе и в ящик запер... А ключ от ящика всегда у него.

— А... а как же я?

— А ты... ты, Лешка, пока потерпи... Мы потом что-нибудь придумаем... Сообразим что-нибудь...

— А... а сколько мне терпеть?

— Леша! Мы пока еще ничего не знаем. Если бы Зинкин папа на работе был, он бы ключи матери оставил, и тогда мы уже как-нибудь... Но только Зинкин папа отгул взял на четыре дня: стены обоями оклеивать.

— А я? Вы меня, значит, не выпустите?

— Не, Леш... выпустим. Только не сегодня.

— Завтра? — с ужасом в сердце спросил я.

— Не, Леш... не завтра и не послезавтра... — Аглая объяснила мне, что цветы поливают через два дня на третий, а сегодня их уже поливали. Значит, только через два дня Зинин папа

отдаст Зининой маме ключи, и тогда их можно будет попытаться стащить.

Я молчал. Я просто не знал, что мне сказать на все это.

— Леша, ты слушаешь? — спросила Аглая.

— Слушаю.

— Леш, ты только не подведи, в окна не выглядывай и свет не зажигай. А то знаешь, что Зинке с Васькой от отца будет! Они сейчас сидят у нас в подъезде и ревут оба... Леша, и нам всем попадет, на тебя вся надежда... Не подведешь? Леша, пока!.. Мама из гастронома вернулась...

Послышались частые гудки.

В другой раз я лопнул бы от гордости, услышав, как Аглая сказала: «На тебя вся надежда». Но сейчас я никакой гордости не испытывал. Я вернулся на уголок тахты. Мне хотелось плакать, но я почему-то сдерживался и только тихонечко кряхтел, не замечая, что у меня течет из носа.

За окном что-то стало тихо постукивать. Это пошел дождь.

Через какое-то время телефон снова зазвонил, умолк и зазвонил опять. На сей раз это был Дудкин.

— Лешка! Твоя тетка ходит по квартирам и спрашивает, куда ты мог деваться.

— А про ультиматум она говорит?

Дудкин ответил, что про ультиматум тетя Соня ничего не говорит, хотя он наверняка ею получен: Аглая отнесла его, как было условлено, а Юра позвонил и лично разговаривал с тетей Соней.

— А полотенце она вывесила?

— Не, не вывесила. Она говорит, что, если до вечера тебя не найдет, в милицию заявит.— Антошка помолчал.— Леш! А вдруг такое дело получится: ультиматум дадут понюхать ищейке и она Аглаю найдет... А та с перепугу и признается...

Антошка не подозревал, как меня обрадовали эти слова. Не то чтобы я верил в ищейку, но я верил в милицию вообще. Ее работники не такие тайны раскрывали, уж наверное, они сумеют быстро узнать, куда меня запрятали.

После разговора с Дудкиным у меня даже аппетит появился. Я съел три котлеты, запил их водой из крана и стал ждать дальнейших сообщений.

Но телефон молчал, а на дворе быстро темнело. Скоро сделалось так темно, что я смог подойти к окну, не боясь, что меня увидят. Уже светились окна в двухэтажных бревенчатых домишках напротив нашего нового дома... Вот зажглись яркие фонари в нашем большом дворе. Я придвинул к подоконнику стул, забрался на него коленями и припался смотреть вниз: не появится ли там милиция. Я смотрел так внимательно, так

напряженно, что даже забыл на некоторое время про череп. Но съжившиеся фигуры, которые иногда пробегали под дождем, на милиционеров не походили.

И вот опять зазвонил телефон.

— Лешка! — почему-то встревоженно проговорил Дудкин. — Твоя тетка полотенце вывесила. Уже часа два как висит.

— А как же в милицию?.. Не заявила? — разочарованно спросил я.

— Не... Похоже, не заявила. А чего ей заявлять? Она знает, что ты живой и здоровый... Где-то поблизости прячешься. — Голос Антона снова звучал тревожно: — Лешка, слушай! Меня и Глашку уже родители допрашивали... «По лицам, говорят, видим, что вы в этом деле замешаны. Если, говорят, узнаем, что это так...» Лешка, одним словом, сам понимаешь: мы из-за тебя можем все пропасть. Ты, главное, свет не зажигай. Лешка, ну, пока! Я из автомата... Тут очередь... — Я уже собрался положить трубку, как из нее послышалось: — Лешка! Эй!

— Ну? — спросил я грустно.

— Лешка, Аглая велела тебе передать, чтобы ты этого не боялся... Ну, который у профессора на полке... Чего его бояться? Ну, кость и кость... Ты что, костей не видел? Лешка, пока! До завтра! Тут стучат...

Я остался в темноте и в тишине. Теперь я уже не мог не думать о «кости», как назвал эту штуку Дудкин. Я потоптался возле столика, потом снова сел в кресло и почти ошупью набрал номер нашей квартиры. Я не знал, о чем буду говорить. Мне просто хотелось услышать человеческий голос.

— Да! Слушаю!

— Тетя Соня, это вы?

— Лешка! Ты... ты жестокий, бесчувственный мальчишка! У меня большое сердце! Я из-за тебя «неотложку» собиралась вызывать. Где ты находишься?

Мне представилась светлая, такая уютная комната, моя полка с книгами, мой недостроенный фрегат... Но тут же я вспомнил о Зинке с Васькой, которые ревели от страха в подъезде у Дудкина, вспомнил слова Аглаи: «На тебя вся надежда». И я почувствовал, что в этот момент решается вся моя судьба: или я промолчу, или навсегда сделаюсь самым последним человеком. И я промолчал.

— Где ты находишься, тебя спрашивают!

— В одном месте, — почти плача ответил я.

Тетя Соня не заметила моего жалобного тона.

— Впрочем, мне наплевать, где ты находишься. Кончай свои глупости и немедленно являйся домой.

— Тетя Соня... я сейчас не могу...

— Что «не могу»?

— Домой прийти не могу.

— Почему это «не могу»?

— По... по одной причине.

— По какой еще причине? Алексей! Я, кажется, полотенце вывесила. Когда ты явишься наконец?

— Тетя Соня... Я... явлюсь. Только не сегодня и не завтра...

— Будь я трижды проклята, что связалась с этим кретином. Алексей! Ты понимаешь, что я отвечаю за тебя перед родителями? Ты хочешь меня до сердечного приступа довести?

Мы разговаривали очень долго. Я был бы рад, если бы наша беседа продлилась до утра, но голос тети Сони с каждой минутой становился спокойней. Наконец она сказала:

— В общем, спасибо за то, что позвонил! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, а ты попросту хулиганишь. Скорее всего, сидишь у какого-нибудь своего дружка. Интересно, где только его родители?

Поговорив с тетей Соней, я пробрался по коридору и нащупал выключатель рядом с дверью ванной. Уж здесь-то я мог зажечь свет. В ванной было очень хорошо: яркая лампа, белые кафельные стены, белый ящик для белья, белая табуретка рядом с ним. Я сел на эту табуретку, однако спокойней себя не почувствовал. Здесь-то было хорошо, светло, но я знал, что недалеко, в темной комнате профессора, стоит на полке череп с пробитым лбом. Я старался не думать о нем, но у меня ничего не получалось.

И вдруг я понял, что мне поможет отвлечься. Ведь у меня в портфеле лежит «Том Сойер»! Очень долго я собирался с духом, чтобы выйти из светлой ванной. Наконец вышел, оставив дверь чуть приоткрытой, пробрался, весь дрожа, в спальню, нащупал под кроватью портфель и, схватив его, сломя голову бросился обратно, рассыпая по дороге сухари.

В ванной я запер дверь на задвижку, отдышался, извлек «Том Сойера» из кучи съестных припасов, открыл книгу на заложенной бумажкой странице и тут же прочитал: «В этот момент луна выплыла из-за туч и осветила бледное лицо мертвеца». Я захлопнул книгу, положил ее на ящик для белья и остался сидеть почти не дыша.

Не знаю, сколько я просидел: может быть, двадцать минут, а может быть, час. Меня била дрожь. Неожиданно я услышал, что где-то за стеной шумно льется вода. И тут же мужской голос отчетливо произнес:

— Я тебя потом крикну. Спину потрешь.

Я понял, что моя ванная примыкает к ванной другой квар-

тиры, дверь которой выходит в соседний подъезд, понял, что там, совсем близко от меня, люди, живые люди...

Меня осенила такая идея: я тоже наполню свою ванну и залезу в нее. Лежа в теплой воде, зная, что за стеной — совсем близко от меня — человек, я прочитаю самое страшное место в книге, а потом смогу читать «Тома Сойера» хоть целую ночь.

Я отвернул краны как можно сильнее, чтобы моя ванна успела наполниться, пока в соседней квартире шумит вода, и стал раздеваться.

Удивительная вещь — теплая вода! Погрузившись в нее, я почувствовал, как из меня выгнало весь мой страх. Я даже стал «назло» думать о черепахе и нисколько не боялся. Я встал, вытер о полотенце руки, взял книгу, раскрыл ее на самой страшной странице и снова погрузился в воду. Я прочел всю историю с гробокопателями и тоже ничуть не испугался.

Человек за стеной плескался, то снова пускал воду, то закрывал ее и с кем-то громко переговаривался.

— А? Что? Да не похоже. Он, наверное, в кино пошел. Чего? В кино, говорю, пошел.

И вдруг я услышал другой голос. Он звучал уже не за стеной, а за дверью ванной. Это был густой спокойный бас:

— Я думаю, тут метеоспутники свою роль сыграли в прогнозировании: за это лето было очень мало ошибок. — Человек за дверью помолчал, потом заметил: — Интересно, какой дурак оставил свет в ванной?

Я замер. Дверь дернули снаружи. Тот же бас произнес:

— Черт! Почему-то она еще и заперта.

Женский голос сказал:

— Что заперто?

— Да дверь вот заперта. По-видимому, кто-то хлопнул ею и задвижка сама собой закрылась.

Я встал в ванне, вода с меня полилась, и это услышали.

— Кто там? — тревожно крикнул бас, и дверь снова дернули, на этот раз очень сильно.

Я понял, что надо заговорить.

— Одну минутку... Я сейчас...

За дверью воцарилось такое молчание, словно там никого и не было. Потом женский голос произнес, на этот раз совсем тихо:

— Ираклий!.. Что все это значит?

— Шут его знает! — так же тихо произнес Ираклий и снова повысил голос: — Кто там?!

Я открыл дверь. Перед ней, сунув руки в карманы брюк, стоял гражданин лет шестидесяти, в светлом костюме. Он был весь какой-то квадратный: невысокого роста, по очень широкий в плечах. И голова его мне показалась квадратной: широкий угловатый подбородок и седые волосы, стриженные бобриком... И стекла очков у него были не круглые, а прямоугольной формы.

За спиной профессора (я, конечно, понял, что это он) стояла дородная пожилая женщина. Она попятилась, сцепив руки на груди, и тихо произнесла:

— Господи ты боже мой!

— М-да! — промычал профессор. Он дал мне застегнуть последнюю пуговицу и спросил: — Каким образом ты очутился в нашей квартире?

Я ничего не ответил.

— Ну что ж!.. Пойдемте в комнату, — сказал профессор.

Все трое мы пошли в большую комнату. Профессор включил свет, уселся в низкое кресло, закурил. Я стал напротив него. Его жена тоже не села. Она стояла рядом со мной и все время смотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь? — спокойно спросил профессор.

— Живу, — ответил я.

— А почему именно здесь?

— Так... — сказал я.

— Господи! Ираклий! — воскликнула жена профессора. — Да это же из двадцать второй квартиры. Ну, помнишь, он козла к себе в дом пустил?

— А-а! — сказал профессор и затянулся сигаретой, продолжая смотреть на меня. — Так кто же тебя сюда поселил? Зинаида? Или Василий?

— Никто не поселил... Я сам...

— Что — сам?

— Поселился... — с трудом выдавил я.

— Так! Значит, сам. А каким же образом ты попал в квартиру, кто тебе открыл дверь?

Я хотел было сказать, что случайно увидел дверь открытой и вошел, но тут же подумал, что Зинке с Васькой и за это может попасть.

— Я... я сам дверь открыл...

— Сам, значит. Отмычкой? Или подобрал ключи?

— Подобрал, — сказал я чуть слышно.

— Господи ты боже мой! — снова прошептала жена профессора, но сам он остался невозмутимым.

— Так! Подобрал сразу два ключа. И где же они?

Я огляделся по сторонам.

— Тут где-то... Я, кажется... кажется, я их где-то потерял.

— Так! Потерял.— Профессор придвинулся вместе с креслом поближе ко мне.— Слушай! Но что все-таки тебя заставило обосноваться в нашей квартире да еще принимать тут ванну?

Тут я заплакал.

— Ну довольно тебе его мучить! — вскрикнула профессорша.— Не видишь — он весь трясется! Ему валерьянки надо дать!

Она ушла из комнаты. Профессор побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Так-так, старый взломщик! Ну, а дома у тебя кто-нибудь есть?

— Есть...— ответил я.

Профессорша принесла мне рюмку с валерьяновыми каплями, заставила подобрать рассыпанные по коридору сухари, и мы все трое пошли ко мне домой. Я сразу юркнул к себе в комнату и не слышал толком, о чем разговаривали взрослые.

Тетя Соня говорила приглушенно, но очень взволнованно, а профессор и его жена то и дело смеялись, причем профессор смеялся не басом, а, наоборот, тоненьким голоском.

И ночью (я вернулся в одиннадцать), и на следующее утро тетя Соня со мной не разговаривала. Но в конце завтрака она все-таки обратилась ко мне:

— Алексей! Так уж и быть, я о твоих художествах отцу с матерью не скажу, но в таком случае и ты не проговоришься. А то получится, будто я тебя покрываю.

Я кивнул, а сам понял: тете Соне не хочется, чтобы родители узнали о ее педагогических «успехах».

Дождь на некоторое время перестал. Выглянув в окно, я увидел, что возле мокрой скамейки стоят Аглая, Дудкин и оба Брыкины. Они взволнованно о чем-то говорили, указывая то на окна профессорской квартиры, то на мои. Я решил выйти и объяснить им, что я никого не выдал.

Когда я появился во дворе, все они повернулись в одну сторону и уставились на меня. У Аглаи было примерно такое выражение: «Ой! Что-то он сейчас скажет?!» У Дудкина — такое: «Сейчас я ему морду набью!» Лица Брыкиных ничего не выражали: рты у них были полуоткрытые, а глаза мутные.

Я не чувствовал за собой никакой вины, но все-таки приближался к ним с опаской, не торопясь. Но прежде чем я к ним подошел, все они стали смотреть куда-то в другую сторону. По-

смотрел туда же и я. Из подъезда вышел профессор. Он был в плаще и в берете, с сумкой для продуктов в руке. Увидев меня и ребят, он направился к нам.

— Василий и Зинаида! — сказал он строгим голосом. — За то, что вы добросовестно поливали цветы, вам полагается по плитке шоколада. Если подождете с полчаса, я их принесу.

Он подмигнул мне и пошел к воротам.

Вот и все!

Тетя Соня перестала меня воспитывать, зато и утратила ко мне всякий интерес. Наскоро приготовив обед, она исчезала до вечера, а раза два и ночевать не пришла, сказав по телефону, что плохо себя чувствует. В такие вечера Аглая, Брыкины, Дудкин и Юра собирались у меня и пили чай.

Дождь теперь лил почти не переставая, и папа с мамой вернулись из своей поездки на четыре дня раньше срока.

На этот раз в квартире у меня был полный порядок.

1970 г.

Дудкин острит

Аглая, Дудкин, Брыкины и я были крупными знатоками по части мебелировки. Наши семьи одними из первых вселились в новый дом, а после этого мы успели, наверное, раз семьдесят посмотреть, как вселяются другие. Мне кажется, нам были знакомы все фасоны диван-кроватей, шкафов и сервантов, которые выпускает наша промышленность.

Но к осени в нашем доме достроили последнюю секцию, стали въезжать новые жильцы, и однажды во двор приехала машина с такой мебелью, какой мы раньше не видели.

Почти вся она была сделана из какого-то особого, очень красивого дерева, пожки столов, мягких стульев с овальными спинками были изогнуты и все в резьбе, а на овальной раме большого зеркала лежали два «пацаненка с крылышками» — так Вася Брыкин назвал амуров. Только пианино да шкафы были обыкновенные.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на нее подошли несколько взрослых, даже профессор Грабов подошел.

— Старина! — вздохнула какая-то женщина.

— Старина... а вот не старье, — заметил Дудкин.

Действительно, шелковая малиновая обивка на стульях и на диване была новая, а все деревянные завитушки блестели приятным матовым блеском.

Профессор Грабов взъерошил Антошкины волосы и сказал:

— Молодец! Продолжай в том же духе!

Никто из нас не понял, чем понравились профессору Антошкины слова, но мы обратили на это внимание.

Нам показалось странным, что хозяева старинных вещей очень уж обыкновенные: бледная востроносенькая женщина в джинсах и здоровенный дяденька в старой майке.

Но вот последние вещи втащили на третий этаж, и грузовик с рабочими уехал. Буквально через минуту во двор вкатило такси, и тут нам стало ясно, кому принадлежит старинная мебель. Из машины вышла дородная прямая женщина, с очень пышными седыми волосами и розовым лицом, почти без морщин. Платье на ней было длинное.

— Во! Екатерина Вторая! — шепнул Дудкин.

Аглая и Зина хихикнули. Женщина и в самом деле походила на Екатерину Вторую, которую мы недавно видели в кино. Вслед за женщиной появилась девочка нашего возраста.

— Мама! Мы идем! — крикнул сверху мужчина.

— Сами управимся! — ответила «Екатерина Вторая».

Она расплатилась с шофером, нагрузила девочку какими-то свертками, сама взяла два больших чемодана и легко пошла с ними к подъезду.

— Спасибо, дорогой! — сказала она, когда Дудкин открыл перед нею дверь.

Девчонки пошли к управдому раздобывать сведения о новых жильцах и примчались обратно с вытаращенными глазами. Оказалось, что «Екатерина Вторая» — не кто иная, как заслуженная артистка республики Вера Федоровна Двинская.

На следующее утро Дудкин уехал с отцом по грибы. Аглая, Зина, Васька и я весь день слонялись по двору, ожидая, что внучка знаменитой артистки выйдет погулять и нам удастся познакомиться с ней. Но она все не выходила.

Под вечер начались обычные мучения Сени Ласточкина и его старшего брата Бориса. Дело в том, что они построили кордовую авиамodelь и вот уже неделю маялись, стараясь заставить ее взлететь.

Сегодня у них тоже что-то не ладилось. Модель трещала бензиновым моторчиком, носилась большими кругами по асфальту, но отрываться от земли не хотела.

Вот тут-то и появились не только внучка Двинской, но и сама Двинская. «Екатерина Вторая» сразу очень заинтересовалась моделью. Она остановилась рядом с нами, сцепила руки перед грудью и стала смотреть во все глаза.

— Ты посмотри, как интересно! Ну просто копия самолета! Оля! Да ты только взгляни!

А Оля, довольно хорошенькая девочка, смотрела на модель

внимательно, однако без всякого выражения на продолговатом бледном лице.

— Занятый самолетик, — согласилась она.

— Бегаешь, бегаешь, а не взлетает! — переживала Двинская. — А почему он не взлетает? Или он не должен взлетать? Вот! Теперь совсем остановился!

Моторчик у модели заглох, и конструкторы принялись колдовать над ним. Тут появился Дудкин с кошелкой, полной грибов.

— Рожденный ползать — летать не может, — сказал он громко и пошел дальше в свой подъезд.

Двинскую он, кажется, не заметил, а та уставилась ему вслед.

— Ишь ты какой остряк! Оля, слышала?

— Остроумно сказано, — медленно и серьезно проговорила Оля.

Двинская посмотрела на нас.

— Молодец какой! Он здесь живет? В этом доме?

— Здесь, — ответила Зинаида. — Он еще про вашу мебель сказал... Аглая, помнишь? Тогда еще Антона профессор похвалил!..

Аглая кивнула:

— Ага. Он про вашу мебель сказал, что она «старина, а не старье».

Это Вере Федоровне тоже очень понравилось.

— Смотри, Оля, это уже не цитата, это он уже собственную мысль выразил... И как точно!

Тут Аглая сообщила Двинской, что Дудкин назвал ее «Екатериной Второй». И это ей понравилось.

— Слушай, Оля! Да ведь это просто интересный человек!

— Остроумный человек, — согласилась Оля.

— Обязательно познакомьте нас с ним, — сказала Вера Федоровна. — Оля! Да ведь с такими острословами ты просто можешь светский салон открыть!

— Интересно будет познакомиться, — без всякого выражения проговорила Оля.

На следующее утро, сидя за завтраком, я услышал, как Аглая и Зинаида надрываются во дворе:

— Антошка! Дудкин! Антошка, выйди скорей!

Я появился во дворе в ту минуту, когда туда вышел Антон. Девчонки так и налетели на него. Приплясывая от возбуждения, они рассказывали, какой вчера получился разговор и как понравились Вере Федоровне и ее внучке все Антошкины изречения.

— Она знаешь что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек! — сообщила Зинаида. — Во как!

— Кто сказал? — вертел головой Антон.

— Да ну Двинская! — кипятилась Аглая. — Так прямо и говорит: «Это, говорит, наверное, исключительно интересный человек! Мне прямо, говорит, оч-чень, оч-чень хочется с ним познакомиться!»

✓ — С кем познакомиться?

— Тьфу! Да у тебя в голове мозги или что? С тобой ей хочется познакомиться! С тобой!

— Кому?

— Господи!.. Ну Двинской! Артистке! Заслуженной!

— Глашк! Погоди! — перебила Зинаида. — И Оля эта... она тоже хочет с ним познакомиться. Она так и сказала: «Это очень интересный человек!»

— Нет, Зинка, ну что ты путаешь! Она «интересный» не говорила!

— Ага! Верно, не говорила! Она сказала, что ты очень... этот... остроумный человек, и потом говорит: «Я тоже... это... я ужасно, с большим удовольствием с ним познакомлюсь». Они из-за тебя какой-то салон даже открывать собираются!

— Выставку, что ли?..

— Не... какой-то другой... светский какой-то.

— Да ну вас! Дуры психованные! — вдруг обозлился Дудкин и ушел домой.

Как видно, он подумал, что его разыгрывают.

После этого девочки, наверное, полчаса завывали у него под окном: «Анто-о-ошка! Ну на мину-у-у-уточку! Ну вы-ы-ыйди!»

Но Дудкин так и не вышел к ним.

Зато после обеда он явился ко мне. Вид у него был серьезный, озабоченный.

— Ты чего делаешь? Ты один?

— Один. А что?

— Так...

Мы прошли в комнату. Насупив брови, Антон заложил руки за спину и уставился на меня исподлобья.

— Слушай!.. Это правда, чего девочки говорили?

— Правда, — ответил я.

Антошка еще больше насупился.

— И значит, эта Двинская так и сказала, что я... ну, это... ну... остроумный?

— Нет, Двинская сказала, что ты интересный человек.

— Двинская?

— Ага. А Оля сказала, что ты остроумный.

Антошка присел на край дивана, подпер подбородок рукой.

— Черт! А я думал, я просто так болтаю, безо всякого остро-

умия... — Он помолчал, потом взглянул на меня снизу вверх. — А по-твоему, я остроумный? Только честно!

Я никогда над этим вопросом не задумывался, но из деликатности ответил:

— По-моему, остроумный.

— И значит, они познакомиться хотят?

— Да. Я сам слышал.

— Вот черт! — Дудкин вздохнул так сокрушенно, что я спросил, почему его это огорчает.

— По-моему, для тебя только лестно, что с тобой хотят познакомиться Двинская и ее внучка.

Он поднялся и заходил взад-вперед.

— Тебе хорошо говорить — «лестно»! А мне... Они же познакомятся и все время будут думать: вот, мол, интересный пришел, остроумный! Вот, мол, сейчас чего-нибудь такое сострит! А чего я им буду острить, если я сам не знаю, что остроумно, а что нет!

Я понял, что положение у Антошки действительно трудноватое, но ничего дельного посоветовать не мог. Антон побыл у меня еще немного, повздыхал и ушел в подавленном настроении. Однако минуты через две снова раздался звонок. Это вернулся Дудкин.

— Лешк... — сказал он, стоя в дверях. — А если я им так скажу: «Вы живете на третьем, а я как раз под этим». Это остроумно будет?

Я слегка оторопел.

— А что это такое: «Я как раз под этим»?

— Ну, в том смысле, что я на втором этаже живу. Правда, в другом подъезде... Но ведь все равно же можно сказать, что «как раз под этим»?

— По-моему, это все-таки не очень остроумно, — деликатно ответил я.

Дудкин помолчал, вздохнул:

— Вот я тоже думаю, что не очень... Ладно! Пока!

Прошло дня три. Аглая и Зинаида познакомились с Олей, и она прыгала вместе с ними через скакалку и играла в мяч. Антошкой Оля, как видно, не очень интересовалась, зато Аглас с Зинкой ужасно хотелось их познакомиться.

А Дудкин как раз этого и боялся. Он даже не выходил во двор, когда видел там наших девочек в обществе Оли. Если же родители посылали его в магазин, он сначала затаивался в подъезде, выбирая подходящий момент, затем выскакивал и летел к воротам с такой скоростью, что не видно было ни пяток его, ни локтей.

Глашка с Зинкой все-таки засекали Дудкина и бросались

ему наперерез. Погоня каждый раз была упорной, большой двор оглашался воплями:

— Антошка, погоди-и-и!

— Антошка, чего скажу-у-у!

— Да ну ладно вам! — хрипел на бегу Дудкин. — Ну некогда мне! Да ну отстаньте вы!

Однажды, когда девчонки вернулись после очередной погони, Оля тихо заметила:

— Все-таки он какой-то странный, этот Антон.

— Чего — странный? Почему? — насторожилась Зинаида.

— Дикий какой-то.

— И ничего он не дикий! Просто стеснительный немножко!

— Ой, Зинка, ну что ты врешь! — возмутилась Аглая. — Во-все он не стеснительный, просто в нем гордости очень много!

А между собой наши девчонки решили: «Влюбился он в эту Ольку. Вот чего!»

Они были недалеко от истины. Антону очень хотелось познакомиться с Олей. Но девчонки не знали, что он дни и ночи мучается, стараясь придумать для этого что-нибудь остроумное. В эту Антошкину тайну был посвящен только я. По несколько раз в день у нас звонил телефон и в трубке слышался усталый голос:

— Лешк!.. А вот так остроумно будет: «Эх, Оля, Оля, какая у тебя тяжелая доля»?

— А почему «тяжелая доля»?

— Ну... ну, может быть, она на что-нибудь пожалуется. Может, скажет, что, мол, в школу скоро идти... еще что-нибудь... Вот я ей и скажу.

— По-моему, не остроумно, — отвечал я и советовал: — Ты зря стихами начал острить. Ведь раньше ты прозой острил, и у тебя получалось.

— Знаю, что прозой... А вот сейчас все почему-то в рифму... Ну ладно! Пока!

На четвертый день вместе с Олей во двор вышла Вера Федоровна и объявила:

— Ну-с, уважаемые!.. С устройством квартиры у нас покончено, на носу начало учебного года, посему приглашаем вас в воскресенье к Оле на новоселье. Шампанского не обещаем, по чай со сладким будет.

Я первым догадался сказать «спасибо». Девчонки тоже поблагодарили, сказали, что обязательно придут, потом Аглая спросила:

— А Дудкину можно прийти?

— Это остроумцу-то вашему? Разумеется! Он будет украшением нашего раута! — Вера Федоровна вдруг подняла указа-

тельный палец: — Но одно условие, дорогие: все вы тут люди талантливые, театральной деятельностью занимаетесь... Олины друзья тоже не без дарований. Так что давайте устроим маленький концерт. Пусть каждый выступит хотя бы с одним номером, но уж с таким, чтобы им можно было блеснуть.

Это было в четверг. С того же вечера началась подготовка к концерту. Все мы почему-то считали, что Олины друзья должны быть такие же необыкновенные, как мебель ее бабушки, что все они по-настоящему талантливы, не в пример нам грешным. Ударить в грязь лицом никому не хотелось.

Моя мама принялась разучивать со мной стихи Барто «Лешенька, Лешенька...». Аглайна мама призвала на помощь соседку, и та стала обучать Глашку с Зинкой танцу «летка-енка». Проходя мимо раскрытого окна Аглаи, я слышал звуки хриплого магнитофона и видел две подпрыгивающие головы: одну — рыжую, другую — темную.

Всех удивил Васька. Он вдруг написал стихи. Никогда в жизни стихов не писал, а тут вдруг взял и выдал. О чем были стихи, Зина дала Ваське слово никому не говорить, но сказала, что стихи — «мировецкие».

А вот Антошка ходил как потерянный, и с каким номером выступать в концерте, он не знал. Девчонки ему, конечно, сказали, что он будет «украшением раута». Он так маялся, словно ему не в гости надо было идти, а к зубному врачу. Я однажды ему посоветовал:

— Ну что тебе мучиться! Выучи какое-нибудь стихотворение — и все!

Он набросился на меня:

— «Выучи! Выучи!» Васька Брыкин такой лопух, а и тот собственные стихи прочтет. А я... Они знаешь что скажут? «Тогда мне украшение! Только чужие стихи учить умеет. Это каждый дурак сможет!»

На следующее утро, когда я еще лежал в постели, раздался звонок. Через минуту мама заглянула в мою комнату:

— Леша! Антон к тебе!

Мама скрылась, и вошел Дудкин. Давно я не видел его таким веселым. В руке он почему-то держал бутылку.

— Лист бумаги есть? — спросил он. — Давай скорей!

— Какой бумаги?

— Какой хочешь. Хоть газетной!

Я вырвал лист из какого-то старого журнала. Антошка положил лист на стол, поставил на него бутылку и сказал:

— Если я дерну за эту бумажку, что будет?

— Разобьется бутылка, — сказал я.

— Ладно! Теперь гляди! Только внимательно гляди!

Заложив руки за спину, Антон стал прохаживаться перед столом, делая вид, что разглядывает потолок моей комнаты и стены. Внезапно он схватил край бумаги, на которой стояла бутылка, и резко дернул за него. Бумага выскочила из-под бутылки, а сама бутылка осталась на столе, даже не шелохнулась.

— Видал! Это папин знакомый вчера к нам пришел, меня научил. Тут главное — быстро дернуть. Если забоишься и тихо потянешь — хана! А если пошире какую-нибудь посудину и потяжелей, так можно не то что бумагу, а салфетку выдернуть!

С некоторой тревогой в душе я принес небольшой горшок с алоэ, стоящий на тарелочке, подстелил под него носовой платок, и Дудкин этот платок великолепно выдернул.

Мы показали этот фокус Зинаиде и Аглае, и они пришли от него в восторг. Зинаида напомнила, что мы приглашены на новоселье, а новоселам полагается делать подарки. Она предложила купить в складчину керамическую вазу для цветов, которая продавалась неподалеку, в художественном салоне, и стоила два рубля. Вазу тут же купили. Аглая принесла салфетку, белую хлопчатобумажную, на которой красными нитками был вышит страховидный котенок. Дудкин несколько раз подряд выдернул салфетку из-под вазы, и все обошлось великолепно.

У Антошки словно гора с плеч свалилась.

— Мне теперь и остричь не нужно! — радовался он, когда мы остались одни. — Я буду молчать, вроде бы совсем дурачок, а потом как подойду и как спрошу: «Что это за салфеточка?» Потом как дерну, и сразу все поймут: «Это он только прикидывался дурачком! А на самом деле он — во какой!»

И весь остаток дня он тренировался. Тренировался и у меня дома и у себя. Когда ему надоело выдергивать салфетку из-под вазы, он стал выдергивать ее из-под стакана с водой... Он даже выдернул ее из-под круглого пенала, поставленного на попа.

И вот настало воскресенье. В половине пятого мы уже стояли на площадке лестницы перед квартирой Двинских. Васька держал в руках вазу, Аглая — свою салфетку, завернутую в бумагу.

Некоторое время мы подталкивали друг друга и шепотом спорили, кому первому входить. Наконец решилась Аглая. Она позвонила. Ей открыла нарядная и очень хорошенькая Оля, и мы все вслед за Аглаей втянулись в переднюю. Из комнаты вышла Вера Федоровна, а из кухни, которая виднелась в конце узкого коридорчика, появились Олины мама и папа и еще несколько взрослых.

Вера Федоровна поклонилась нам:

— Милости просим, дорогие гости! — И повернулась ко взрослым: — Разрешите вам представить: это — Аглая, это —

Зина, это — ее брат Вася, это — Леша, а это, если я не ошибаюсь, сам Антон Дудкин. Пекоторые его мо я вам цитировала.

При слове «мо» мы все переглянулись, а Дудкин почему-то скривил рот и часто заморгал.

Васька и Аглая вручили Оле подарки (взрослых привел в восторг вышитый Аглаей кот). Потом Вера Федоровна объявила:

— Ну! Пусть взрослые идут к себе в кухню и нам не мешают. Взрослые очень скучный народ.

Из комнаты уже давно выглядывали Олины друзья. Их оказалось только двое: толстый черномазый мальчишка в круглых очках с темной оправой и такая же черномазая девчонка, но тощая и востроносая. Нас познакомили. Мы вошли в комнату, куда Вера Федоровна внесла и нашу вазу.

— Куда же его поставить, ваш подарок? Пока сюда поставим.

Она поставила вазу на подоконник. Аглая подошла к ней и сказала:

— Нет, Вера Федоровна, вот так надо.

Она постелила свою салфетку на подоконник, а на нее поставила вазу.

— Понятно! — кивнула Вера Федоровна. — Салфетка, оказывается, в комплекте с вазой.

Она пригласила нас в смежную комнату и усадила на свои старинные стулья за овальный, накрытый для чая стол.

Сначала все, конечно, немного стеснялись, но Вера Федоровна сумела нас распеvelить. Она стала расспрашивать о школе, в которой нам предстояло учиться. Олины друзья стали рассказывать истории о своей школе... Словом, минут через пятнадцать все так перезнакомились, что Аглая с Лялей (черномазой девчонкой) принялись щипать друг друга за бока и очень при этом хохотали, а очкарик, рассмеявшись, так фыркнул чаем на скатерть, что Вера Федоровна похлопала наконец в ладоши и сказала:

— Леди и джентльмены! Убедительно прошу вас держаться в рамках элементарных приличий!

Молчали только двое. Молчала Оля — просто потому, что она всегда предпочитала слушать, а не говорить. Молчал Антон. Но молчал он не просто так, а, я бы сказал, со значением. Он сидел на своем стуле прямой как жердь, чай отхлебывал из ложечки и поглядывал на разговаривающих так высокомерно, словно за столом сидели не его сверстники, а воспитанники детского сада.

Вера Федоровна даже обратила внимание на него:

— Слушай! Что это ты такой молчаливый? Быть может, у тебя какая-нибудь печаль на душе?

Антошка и тут ничего не сказал. Он только прикрыл глаза и молча пожал плечами.

Вера Федоровна посмотрела на него.

— Ну, я вижу, ты у нас загадочная натура, — сказала она.

Мне показалось, что она шутит, но Дудкин принял это всерьез. Физиономия у него сделалась довольной, щеки порозовели, а уши стали совсем красными.

Чай кончился. Вера Федоровна велела перенести стулья в первую комнату. Затем она вышла в коридор и позвала:

— Товарищи взрослые, просим на концерт!

Взрослые уселись на диване и на трех стульях, поставленных в ряд перед ним. Мы разместились на стульях, расставленных вдоль стен.

— Ну! — обратилась к нам Вера Федоровна. — Кто самый храбрый? Кто начнет концерт?

Вышел очкарик, расставил пошире ноги, заложил руки за спину и объявил:

— Маяковский, отрывок. — И, сердито уставившись на взрослых, начал: — «Я земной шар чуть не весь обошел, и ж-ж-жизнь хор-р-роша и жжжжить хор-р-рошо».

Взрослые сидели ко мне боком, и я видел, как они сдерживаются, чтобы не расхохотаться, но когда очкарик кончил, они хлопали и кричали «браво».

Затем набрался храбрости Васька. Перед этим Зинаида сообщила, что он будет читать собственное стихотворение. Он вышел, покраснел как рак и выпалил:

С новосельем поздравляю
я вас всех,
И желаю всем здоровья
и успех.

Ему хлопали не меньше, чем очкарику.

Вера Федоровна спросила:

— Ну, кто следующий хочет выступить? Антоша, может быть, ты?

Антон и на этот раз ничего не сказал: только плечи приподнял и опустил. Аглая хихикнула, покосилась на вазу и потеряла ладошки.

Вера Федоровна не упрасивала Антона. Под ее аккомпанемент Аглая с Зиной благополучно отпрыгали свою «летку-енку». Наступила моя очередь. Пока я читал «Лешенька, Лешенька...», Ляля поднялась и куда-то вышла. Когда я кончил, Вера Федоровна снова села к пианино.

— А теперь — кабардинская лезгинка!

Она заиграла, и в комнату влетела переодетая Ляля. На ней был красный бешмет, красные сапожки и что-то похожее на белую папаху. На поясе болтался маленький кинжал.

Это уж был по-настоящему хороший номер. Ляля плясала так, что редкий мальчишка с ней сравнится. То она шла по кругу, вытянувшись в струнку, на одних только носках, то вдруг неслась широким шагом, зыркая черными глазищами и оскалив белые зубы. Видно, Вере Федоровне очень нравился танец. Она играла, глядя на Лялю через плечо, и все время улыбалась. Взрослые хлопали в такт и кричали «асса!».

И вдруг случилось такое: Ляля снова прошла по кругу, приблизилась к окну, на котором стояла Антошкина ваза, раскинула руки, вскрикнула «асса!», поскользнулась и смахнула вазу с подоконника... Ваза разбилась, а Ляля хлопнулась затылком об пол.

Взрослые повскакали, стали спрашивать, как она себя чувствует, но танцовщица сказала, что с ней все в порядке, что ее голову защитила папаха.

Вера Федоровна принесла щетку и стала замечать осколки.

— Ну, Ольга, тебе повезло! Битая посуда — это к счастью.

Аглая, Брыкины и я сидели в одном углу комнаты, а Дудкин — в противоположном по диагонали от нас. Мы не издали ни звука. Мы только переглядывались между собой да смотрели на Дудкина.

А он сидел весь какой-то серый, сидел согнувшись, вцепившись пальцами в колени и глядя в пол.

— Домолчался! — прошептала наконец Зинаида, и все поняли, что она хотела этим сказать: ведь Антошка не только никак не сострил, он весь вечер молчал дурак дураком, чтобы потом ошеломить всех фокусом с вазой.

— Ну, в заключение небольшой вокальный номер, — сказала Вера Федоровна, садясь за пианино. — Гурилев. «Однозвучно звенит колокольчик»! Оля, прошу!

Оля стала к пианино, и тут мы впервые узнали, что она хорошо поет, что у нее очень приятный голос. При первых же словах песни взрослые притихли. Даже я заслушался, на несколько секунд забыв про Антошку.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...

В этот момент Аглая стукнула меня кулаком в бок.

— Лешк! Гляди! — шепнула она и кивнула в сторону Дудкина.

Я взглянул. Недалеко от стула, на котором сидел Антон, стояла тумбочка. Единственная ножка ее была вырезана в виде трех змей, которые переплелись между собой. Три хвоста этих змей

служили тумбочке опорой, а на трех змеиных головах с раздвоенными языками покоился круглый верх тумбочки. На нем лежала шелковая желтая салфетка, на салфетке стоял тяжелый стеклянный поднос, а на подносе — графин резного хрустали и три таких же резных стакана.

Пока Оля пропела первые строчки песни, Антошка успел подняться и теперь стоял рядом с тумбочкой, разглядывая графин, поднос и особенно салфетку.

Васька и Зина тоже заметили это и заерзали.

Столько чувства в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном... —

пела Оля, а в нашем уголке тревожно шушукались.

— Глядите! Приглядывается! Приглядывается! — зашептала Зинаида.

— Дернет! Вот гад буду, дернет! — шепотом заволновался Васька. — Как только она кончит петь, так он... это самое!..

И припомнил я ночи другие,
И родные поля, и леса...

Дудкин неслышно подошел к тумбочке с другой стороны и потрогал уголок салфетки.

...и на очи давно уж сухие
Набежала, как искра, слеза.

— Дудкин! — громко зашептала Зина. — Дудкин, слышишь? Ты не вздумай...

Но Антон был далеко. Он не слышал. Он вернулся на свой стул и сидел теперь прямо, скрестив руки на груди. Лицо у него было решительное. Даже, я бы сказал, вдохновенное.

Аглая приподнялась и забубнила вполголоса:

— Антон! Дудкин! Ты давай не дури! Антон, слышишь?

Дудкин взглянул на нее и ничего не ответил. Вера Федоровна обернулась через плечо:

— Дорогая! Надо все-таки уважать исполнительницу!

После этого мы перестали шептаться. Мы сидели съежившись и ждали, что будет.

И умолк мой ящик, а дорога
Предо мной далека, далека.

Замолк ящик, замолкла и Оля. Ей долго хлопали, потом Вера Федоровна объявила, что взрослые могут снова удалиться в кухню, что сейчас начнутся танцы. И тут Дудкин вскочил.

— Одну минуточку! — воскликнул он каким-то особенно

резким голосом и подошел к тумбочке. — Какая интересная салфеточка!..

— Антошка! Не смей! — взвизгнула Аглая.

Но было поздно: Антон рванул салфетку. Может, он и выдернул бы ее, но тумбочка оказалась слишком шаткой. Она грохнулась на пол. Разбился поднос, графин и два стакана. Только третий почему-то уцелел.

Мертвая тишина стояла в комнате секунд десять. Побледневшая «Екатерина Вторая» во все глаза смотрела на неподвижного Дудкина.

— Ну, знаешь, уважаемый... — выдавила она наконец дрожащими губами. — После такого... после таких штук... Ты, надеюсь, сам догадаешься, что надо сделать.

Она протянула указательный палец в сторону двери.

Приподняв плечи, держа руки по швам, Антон молча прошагал в переднюю. Мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Вера Федоровна снова сходила за щеткой, снова принялась подметать. Взрослые о чем-то негромко говорили, но я не слушал их. Я думал о том, сколько теперь придется заплатить Антошкиным родителям за этот графин и каково теперь будет Антошке дома.

— Он что у вас — всегда такой? — сердито спросила Вера Федоровна Аглаю.

— Он не хотел разбить. Он хотел только фокус показать...

Вера Федоровна перестала подметать.

— Фокус?! Ничего себе фокус!

— Он хотел вот эту салфетку из-под нашей вазы выдернуть... — пояснила Зинаида. — А Ляля ее разбила. Вот он, значит, и... ну... вашу...

Словом, мы рассказали, как готовил Антон свой номер, как мы покупали вазу... А Васька закончил наш рассказ:

— Он хотел неожиданно фокус показать. Чтобы остроумно получилось.

Вера Федоровна посмотрела на взрослых:

— Слыхали?

Те негромко засмеялись. Вера Федоровна повернулась к Аглае:

— А куда он убежал? Небось плачет где-нибудь...

Аглая только плечами пожала: мол, само собой разумеется.

— Подите приведите его!

Мы не двинулись с места, только переглядывались.

— Идите, идите! Скажите, что я не сержусь. Мне никогда не нравился этот графин: безвкусица!

Мы побежали искать Антона, но нигде его не нашли. Потом выяснилось, что он до позднего вечера прошатался по улицам,

боясь явиться домой. Но родители его так ничего и не узнали о разбитом графине.

Несколько дней подряд Антошка бегал от Двинских, а Вера Федоровна, встречая его, всякий раз звала:

— Эй, фокусник! Ну иди же сюда! Давай мириться!

Наконец Антон подошел однажды к ней, и они подружились.

Дудкин скоро забыл, что он остроумный, и его временное поглупение прошло.

1971 г.

М а с к а

Мы были в красном уголке. Сеня Ласточкин и Антошка Дудкин играли в пинг-понг, Аглая листала старые журналы, а я просто так околачивался, без всякого дела. Вдруг Аглая спросила:

— Сень! Что такое маска?

— А ты чего, не знаешь?

— Я знаю маски, которые на маскараде, а тут написано: «Маска с лица Пушкина».

Сеня поймал шарик, подошел к Аглае и взглянул на страницу растрепанного журнала. Мы с Дудкиным тоже подошли и посмотрели.

— Маска как маска. С лица покойника.

— Сень... А для чего их делают?

— Ну, для памяти, «для чего»! Для музеев всяких.

— А трудно их делать?

— Ерунда: налил гипса на лицо, снял форму, а по форме отлил маску.

— А с живого человека можно? — спросил Дудкин.

Сеня только плечами пожал:

— Ничего сложного: вставил трубочки в нос, чтобы дышать, и отливай!

Все мы очень уважали Сеню, и не только потому, что он был старше нас: он все решительно знал. Если мы говорили о том, что хорошо бы научиться управлять автомобилем, Сеня даже зевал от скуки.

— Тоже мне премудрость! Включил зажигание, выжал сцепление, потом — носком на стартер, а пяткой — на газ.

Заходила речь о рыбной ловле, и Сеня нам целую лекцию прочитывал: щуку можно ловить на донную удочку, на дорожку, на кружки, а жерех днем ловится внахлест и впроводку, а ночью со дна...

Управление машиной да рыбная ловля — дела все-таки обычные. Но отливка масок с живых людей... Мы до сих пор даже не подозревали, что такое занятие вообще существует. Узнав, что Ласточкин и в этом деле «собаку съел», мы только молча переглянулись между собой: вот, мол, человек!

— Пошли! — сказал Сеня и направился обратно к столу для пинг-понга. Дудкин пошел было за ним, как вдруг Аглая вскрикнула:

— Ой! Антон! Для выставки маску сделаем!

Антошка сразу забыл про игру.

— В-во! — сказал он и оглядел всех нас, подняв большой палец.

Каждый год к первому сентября в нашей школе советом дружины устраивался смотр юных умельцев. Ребята приносили на выставку самодельные приборы, модели, рисунки, вышивки. Специальное жюри оценивало эти работы, и лучшие из них оставались навеки в школьном музее. Аглая с Дудкиным все лето мечтали сделать что-нибудь такое удивительное, чтобы их творение обязательно попало в музей. Это было не так-то просто: на выставку ежегодно представлялось больше сотни вещей, а в музей попадали две-три.

— В-во! — повторил Дудкин. — А гипс в «Стройматериалах» продается. Я сам видел. Сень! Покажешь нам, как отлить?

— Ага, Сень... — подхватила Аглая. — Ты только руководи. Мы все сами будем делать, ты только руководи.

Сеня у нас никогда не отказывался руководить. В свое время он был старостой нашего драмкружка (это когда ко мне в квартиру притащили живого козла), руководил оборудованием красного уголка (тогда еще Дудкин перебил шлямбуром внутреннюю электропроводку). Теперь он тоже согласился:

— Ладно уж. Только быстрее давайте: мне в кино идти на пять тридцать.

Стали думать, с кого отлить маску. Ласточкин сказал, что хорошо бы найти какого-нибудь знаменитого человека: тогда уж маску наверняка примут в музей. Дудкин вспомнил было, что в нашем доме живет профессор Грабов, лауреат Ленинской премии, но тут же сам добавил, что профессор едва ли позволит лить себе на лицо гипс. И вдруг меня осенило.

— Гога Люкин! — сказал я.

Аглая с Дудкиным сразу повеселели.

Гога Люкин жил в нашем доме. Он учился во втором классе, но его знала вся школа. Дело в том, что он был замечательный музыкант. Во всех концертах школьной самодеятельности он играл нам произведения Шуберта, Моцарта и других великих композиторов. Он был курчавый, большеглазый и очень щуп-

ленький, с большой головой на тонкой шее. Когда мы слушали его, нас всегда удивляло, как это он, такой крохотуля, может выбивать из рояля такие звуки. Но еще больше нас удивляло, что он в свои восемь лет сам сочиняет вальсы и польки и они получаются у него совсем как настоящие. Я сам слышал, как педагоги называли его «удивительно одаренным ребенком», и все мы были уверены, что Гога станет композитором.

— У него башка варит, — сказал Дудкин, кивнув на меня.

— «Варит»! — вскричала Аглая. — Да нам с тобой такого в жизни не придумать! Когда Гошка станет знаменитым, маску не то что в школьном — в настоящем музее с руками оторвут.

Мы надели плащи (на улице шел дождь) и побежали искать композитора.

На ловца, как говорится, и зверь бежит: мы встретили Гошку во дворе. Он был в зеленом дождевике из пластика, доходившем ему до пят, в таком же капюшоне, спускавшемся почти до носа.

Мы окружили Гошу. Аглая, Дудкин и я, перебивая друг друга, объяснили, зачем он нам нужен. Нам не терпелось, мы хотели заняться отливкой маски немедленно. Композитор выслушал нас и остался совершенно равнодушным.

— Я сейчас не могу, — сказал он из-под капюшона.

Мы заговорили о том, что он своего счастья не понимает, что это большая честь для него, если его маска будет висеть в школьном музее. Но и это не произвело на него никакого впечатления. Похоже было, что ему наплевать на то, что он композитор и что его ожидает слава.

— Мне некогда, — сказал он. — Я в галантерею иду.

— А чего тебе делать в галантерее? — спросил Дудкин.

— У мамы завтра день рождения, и мне надо ей подарок купить.

— А чего ты ей хочешь подарить?

— Пудреницу. За рубль пятнадцать. — Композитор разжал ладонь и показал несколько двугривенных и пятиалтынных.

— Тю-ю! «Пудреницу»! — передразнила Аглая и обратилась к Ласточкину: — Сень, а две маски можно сделать?

Да хоть десять. Была бы форма.

И тут мы все накинулись на композитора. Мы хором кричали о том, что глупо покупать грошовую пудреницу, когда можно сделать маме ценнейший подарок: ведь гипсовую маску можно повесить на стенку, она провисит там десятки лет, и мама будет любоваться ею, когда ее сын станет совсем большим.

Это на Гошу подействовало. Он сдвинул капюшон и, подняв голову, посмотрел на нас. У него были черные, густые, как у взрослого, брови, и они всё время шевелились, пока он раздумывал.

— А это долго? — спросил он наконец.

— Полчаса хватит, — ответил Сеня.

Композитор опять подвигал бровями.

— А со мной ничего не будет?

— Ну, чего с тобой может быть?! — воскликнул Антошка. — Полежишь чуток неподвижно — и готово!

Аглая добавила, что мы даже денег на гипс с Гоши не возьмем и он может купить на них, что ему вздумается.

Композитор наконец согласился. Магазин «Стройматериалы» помещался в нашем доме. Минут через десять мы вошли в квартиру Антона. Папа и мама его были на работе.

— Ну, Сень, руководи, — сказал Дудкин. — С чего начнем?

Ласточкин прижал широкий подбородок к груди, потерял толстую нижнюю губу.

— Халат давай. Или фартук. Мне! — приказал он низким голосом.

Мы поняли, что на этот раз он собирается не только руководить. Мы не возражали. Уж очень это было необычное дело — отливать маску.

Антошка принес старый материнский халат, в котором он занимался фотографией. Ласточкин облачился в него и подпоясался матерчатым пояском. Халат был не белый, а пестрый, весь в каких-то пятнах, но Сеня все равно походил в нем на профессора, который готовится к операции.

— Теперь чего? — спросил Антон.

Ласточкин велел нам устлать старыми газетами диван с высокой спинкой и пол возле него. Мы быстро исполнили приказание и молча уставились на Сеню. Он кивнул на композитора.

— Кладите его!

— Давай, Гоша, ложись, — сказал Дудкин. — Пластом ложись, на спину.

Все это время композитор стоял поодаль, сдвинув ноги носками внутрь, склонив курчавую голову набок и ковыряя в носу. Вид у него был такой, словно все наши хлопоты его не касаются. Пошуршав газетами, он улегся на диван и принялся что-то разглядывать на потолке.

— Сень! — сказала Аглая. — А разве гипс у него на лице удержится? Он же весь стечет!

Наш руководитель почему-то задумался. Он присел и посмотрел на Гошу сбоку, потом подошел к его ногам и стал смотреть композитору в лицо. Смотрел он долго, почесывая у себя за правым ухом. Наконец он обернулся к Дудкину:

— Кусок картона есть? Вот такой.

Антон достал из-за шкафа пыльную крышку от какой-то настольной игры. Сеня вырезал в ней ножницами овальную дыру

и надел эту рамку композитору на голову так, чтобы из отверстия высовывалось только лицо. Затем Антон принес отцовские папиросы «Беломор». Ласточкин отрезал от них два мундштука и сунул их Гоше в ноздри.

Теперь композитор стал проявлять некоторый интерес к тому, что мы с ним делаем. С лицом, обрамленным грязным картоном, с белыми трубочками, торчащими из носа, он уже не смотрел на потолок, а, скосив глаза, следил за нами. Удивительные брови его то сходились на переносице, то ползли вверх, то как-то дико перекашивались.

А работа у нас кипела вовсю. Сунув ладони за пояс на халате, Сеня прохаживался по комнате и командовал:

— Таз!.. Воды кувшин!.. Ложку столовую!.. Вазелин!.. Нету? Тогда масло подсолнечное. Шевелитесь давайте, мне в кино скоро идти.

Мы и без того шевелились. В какие-нибудь три минуты и таз, и вода, и подсолнечное масло оказались на столе.

— Все! — сказал Дудкин. — Валяй, Сеня, действуй!

Наступил самый ответственный момент. Сеня смазал Гошино лицо постным маслом, потом засучил рукава по локти и принялся разводить гипс. Он работал, не произнося ни слова, только сопел. Он то подливал в таз воды, то добавлял гипса и быстро размешивал его ложкой. Аглая, Дудкин и я стояли тихо-тихо. Мне захотелось чихнуть, но я побоялся это сделать и стал тереть переносицу.

Скосив глаза на Сеню, композитор следил за его работой. Он тоже молчал, но брови его прямо ходуном ходили. Кроме того, он зачем-то высунул язык и зажал его в уголке рта.

— Готово! — тяжело вздохнул Ласточкин. Он сел на край дивана рядом с Гошей, поставив таз себе на колени. — Закрой рот. И глаза закрой.

Композитор спрятал язык и так зажмурился, что вся физиономия его сморщилась.

— Спокойно! Начинаю, — сказал Сеня. Он горстью зачерп-

нул из таза сметанообразную массу и ляпнул ее композитору на лоб.

Лишь в последнюю секунду я заметил, что на лбу у Гоши темнеют выбившиеся из-под картона кудряшки. Я подумал, что не мешало бы их убрать, но как-то не решился делать замечания Сене.

Очень скоро Гошино лицо скрылось под толстым слоем гипса. Кончики мундштуков от папирос торчали из него не больше чем на сантиметр. Ласточкин поставил таз на стол.

— Дышать не трудно? — спросил он.

— Осторожно! Прольешь! — вскрикнули Дудкин и Аглая. Дело в том, что Гоша качнул головой, и гипс стал растекаться по картону.

Сеня подправил гипс, а Дудкин дал Гоше карандаш и большой альбом для рисования.

— Ты пиши нам, если нужно. На ощупь пиши.

После этого мы сели на стулья и стали ждать.

— Гош! Ну как ты себя чувствуешь? — спросила через минуту Аглая.

Композитор подогнул коленки, прислонил к ним альбом и вывел огромными каракулями «Х А Р А Ш О».

Через некоторое время Сеня потрогал гипс. Тот уже не прилипал к рукам.

— Порядок! — сказал руководитель. — Теперь скоро.

В этот момент композитор снова принялся писать. «Ж М Е Т И Ж А Р К О», — прочли мы.

— Нормальное явление, — успокоил его Сеня. — При застывании гипс расширяется и выделяет тепло.

Еще минуты через три он постукал пальцами по затвердевшему гипсу и обратился к нам:

— Значит, так: самое трудное сделано. Я форму сейчас сниму, а маску вы сами отольете. Мне в кино пора. — Он уперся коленом в диван и схватился за край картона. — Гошка, внимание! Держи голову крепче. Крепче голову!

Сеня потянул за картон, но форма не отделялась. Ласточкин дернул сильнее... Композитор вцепился ему в руки и так взбрыкнул ногами, что альбом полетел на пол.

— Ты чего? — спросил руководитель.

— Гош, на, держи, пиши! — Аглая подала композитору упавший альбом.

«В О Л О С Ы», — написал тот каракулями и, подумав, добавил: «Н А Л Б У И О К О Л О У Х». Потом он еще немного подумал и начертил поверх написанного: «И Б Р О В И».

— Чего? Какие брови? — спросил Ласточкин.

«П Р И Л И П Л О», — написал композитор.

После этого мы очень долго молчали.

— Вот это да-а! — прошептал наконец Дудкин.

— Ладно! Без папики! — сипло сказал Сеня, а сам покраснел как рак.

Он кусками оборвал картонную рамку и снова потянул, но композитор опять забрыкался.

— Не учли немножко, — пробормотал руководитель.

Он подступался и так и этак... Он хватался за гипсовый ком и со стороны подбородка, и сбоку, и сверху... Он то сажал Гошу, то снова укладывал его. Ничего не помогало! Всякий раз, как Сеня дергал за форму, композитор отчаянно лягался и размахивал руками.

Аглая, Дудкин и я почти с ужасом следили за этой возней. Смуглое лицо Аглаи стало каким-то зеленоватым, темная прядка волос повисла вдоль носа, и она ее не убирала. Антошка стоял, подняв плечи до самых ушей, свесив руки по швам... Самым страшным было то, что Гоша не издавал ни звука. Он только со свистом дышал через папиросные мундштуки.

— Небось даже плакать не может, — прошептала Аглая.

— Как в могиле, — кивнул Дудкин.

Зазвонил телефон.

— Лешк, подойди, — сказал Антон, не спуская глаз с композитора.

Я взял трубку. В ней послышался женский голос:

— Это квартира Дудкиных?

— Да.

— Гога Люкин у вас?

— У нас, — машинально ответил я.

— Скажите, чтобы он немедленно шел домой! — раздраженно заговорила женщина. — Я его по всему дому ищу. Скажите, что, если он через минуту не вернется, я сама за ним приду и ему уши надеру.

Когда я передал ребятам этот разговор, Дудкин чуть не заплакал от злости.

— У тебя в голове мозги или что? Не мог сказать, что его у нас нет!

— Недоразвитый какой-то! — прошипела Аглая.

Сеня поднялся с дивана. Он сделался вдруг каким-то очень спокойным.

— Так, значит... Где у вас руки вымыть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, сам направился в ванную. Там он стал перед умывальником, а мы — за его спиной.

— Сень... Как же теперь? — спросила Аглая.

— Что — как? — буркнул тот и открыл кран.

— Как же с Гошей-то?

— К родителям его отведете, и все. Тут без взрослых не обойдешься.

Несколько секунд мы оторопело молчали.

— Сеня, а ты? — спросил наконец Дудкин.

— Мне в кино пора. Меня Боря ждет.

И снова наступило молчание. Руководитель скреб ладони под струей, а Дудкин и Аглая смотрели на его короткую шею, на толстые уши. И шея и уши были сейчас красные.

Потом Сеня быстро вытер руки полотенцем, потом он бочком, отвернувшись к стене, выбрался в переднюю... Там, стоя лицом к вешалке, он принялся надевать плащ. Он делал вид, будто совсем не торопится, но долго не мог попасть рукой в рукав.

— Значит... пока! — буркнул он, шмыгнул к двери, мгновенно открыл ее и затарахтел подметками по лестнице.

Только тут Аглая перестала молчать. Она выскочила на площадку.

— Трус паршивый! — крикнула она плачущим голосом и затопала правой ногой. — Трус паршивый! Трус паршивый! Трус паршивый!

Дудкин молча втащил ее за локоть в переднюю.

— Хватит тебе! — сказал он сердито. — Давай жребий тянуть.

— Какой еще жребий? — всхлинула Аглая.

— Ну, кто его домой поведет... Уж лучше пусть кто-нибудь один страдает, чем сразу все.

Но Аглая замотала головой и закричала, что не надо никакого жребия, что она скорее умрет, чем одна поведет Гошу к родителям.

Решили вести его все вместе.

Наше счастье, что дождь усилился и во дворе никого не было, когда мы вели Гошу к подъезду. Собственно, вели его Аглая с Дудкиным, а я шел сзади. В своем зеленом дождевике до пят композитор семенил мелкими-мелкими шажками. От этого казалось, что он не идет, а будто плывет, совсем как танцовщица из ансамбля «Березка». Капюшон был натянута ему на голову, вместо лица белела гипсовая блямба. Гоша поддеживал ее ладонями, чтобы она не тянула за волосы, а его, в свою очередь, держали под руки Дудкин и Аглая. Они тоже семенили, чтобы идти в ногу с композитором.

Наконец мы добрались до квартиры Люкиных. Аглая и Дудкин взглянули на кнопку звонка, но никто из них не подошел к ней. Дудкин вынул скомканный платок и принялся вытирать им лицо и светлые вихры на темени. Покончив с этим, он снова взглянул на кнопку и стал откусывать заусеницу на большом пальце. Аглая его не торопила.

— Противный мальчишка! Ну и нападдам я ему сейчас! — послышался сердитый голос.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина, похожая на испанку, в красном шелковом плаще. Она застыла в красивой позе, положив левую руку на бедро, а правой держась за дверь чуть повыше головы.

— Что это еще у тебя? А ну-каними!

Композитор не шевельнулся.

— Я кому говорю? Сними сию минуту!

— Оно не снимается, — чуть слышно сказал Антон.

— Это гипс... Он... он прилип... — пролепетала Аглая.

Гошина мама оглядела нас большими глазами и бросилась в переднюю.

— Аркадий! Аркадий! Иди сюда! — крикнула она.

Появился папа композитора, очень высокий и толстый. Над ушами у него курчавились волосы, а на темени поблескивала лысина. Брови у него были такие же густые, как у Гоши. Он мне понравился гораздо больше, чем мама. Он вышел вместе с ней на площадку, посмотрел на Гошу и сказал только одно слово:

— Любопытно!

Мама гневно зыркнула на него глазами, но промолчала.

— Он не отлипает, этот гипс... — снова залопотала Аглая и повернулась к маме: — Мы хотели маску сделать... чтобы вам... ко дню рождения...

— А как он дышит? — спросил папа.

— Вот... трубочка, — показал Антон.

Папа нагнулся, посмотрел на трубочки и, взяв своего сына за плечи, повел его в квартиру.

— Заходите, пожалуйста, — сказал он нам.

В комнате Аглая с Дудкиным невнятно объяснили ему, что у Гоши прилипли волосы на лбу и возле ушей, что брови тоже, может быть, прилипли... Папа сел на стул и, поставив Гошу между колен, слегка подергал маску.

— Неплохо тебя уаковали!

— Тебе все шуточки! — сказала Гошина мама. Скрестив руки на груди, она сидела на краешке письменного стола.

Папа встал, вынул из ящика стола лезвие от безопасной бритвы и снова вернулся к Гоше.

— Теперь не вертись, а то порежу. — Осторожно сунув лезвие под край формы, он стал подрезать прилипшие к ней волосы.

— Я не могу на это смотреть, — сказала мама и ушла из комнаты.

Минут пять папа занимался своей работой. Наконец он вынул лезвие и передал Дудкину.

— Ну, а брови, наверное, пострадают. Держись! — Он дер-

нул за форму, и та осталась у него в руках. В ней темнели волосы из Гошинных бровей, но их было немного.

Все мы смотрели на Гошу. Он стоял, крепко зажмурившись. Лицо его, сначала бледное, постепенно розовело. Вот он приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился (как видно, он отвык от света). Но вот он снова их открыл и больше не закрывал. Мы думали, что он набросится на нас с кулаками или, по крайней мере, заплачет, но он ничего этого не сделал. Он посмотрел на форму, на всех нас, на папу и тихо спросил:

— Получится?

— Несомненно, — сказал папа и позвал, разглядывая форму: — Томочка! Операция окончена.

Мама быстро вошла в комнату.

— Мама, получится! — сообщил ей композитор.

Она присела перед своим сыном, разглядывая, повертела его в разные стороны.

— Выкиньте эту гадость! — сказала она, кивнув на форму.

— Что ты, голубушка! Твой сын такие муки перенес, и теперь, когда главное сделано... Нет, это дудки!

Антон принес гипс к Люкиным, и мы отлили две маски. Гошина мама очень смеялась: с каждой маски на нас смотрела такая сморщенная, такая перекошенная физиономия с зажмуренными глазами, что в школу ее пеловко было нести.

С Сеней мы долго не разговаривали. Повстречавшись с нами, он обычно круто сворачивал и обходил нас, делая большую дугу.

1961 г.

Внучка артиллериста

Кончился урок. Зоя Галкина первой выскочила из-за парты и закричала:

— Второе звено, никуда не уходить! Обсуждаем вопрос о Леше Тучкове!

Затем она стала спиной к двери и приготовилась отпихивать от нее тех из нашего звена, кто попытается улизнуть. Впрочем, никто и не пытался: Зоя была маленькая, худощавая, но очень сильная.

Меня еще никогда не обсуждали, и с непривычки у меня было довольно скверно на душе.

Когда посторонние ушли, звеньева стала за учительский стол и обратилась ко мне:

— Ну, вот объясни теперь, почему ты до такого дошел? Третьего дня арифметику не приготовил, вчера тоже столбом стоял, и сегодня... Вот объясни: какие у тебя причины?

В глубине души я чувствовал, что причина у меня только одна: мама давно не просматривала мой дневник и я позволил себе немного отдохнуть в середине учебного года.

Но говорить об этой причине мне как-то не хотелось, поэтому я сидел, водил указательным пальцем по парте и молчал.

— Даже ответить не может! — сказала Зоя. — А двенадцать человек из-за него сидят после уроков. У кого есть предложения? Нету предложений? Тогда у меня есть: мы должны пойти и подействовать на Лёшкиных родителей. Вот!

Я помертвел. «Действовать на родителей» было самым любимым занятием Зои и еще трех девочек из нашего звена. Все мальчишки в звене уклонялись от этого дела. Аглая и Зина Брыкина тоже не принимали в нем участия, но я по слабости характера однажды не смог отвертеться и отправился с четырьмя девчонками «действовать» на родителей Петьки Будильникова.

Мы явились, конечно, вечером, когда Петины отец с матерью были дома. Нас пригласили в комнату, предложили сесть, но мы не сели. Стоя перед Петькиными родителями, Зоя вытянула руки по швам, склонила голову набок и заговорила тоненьким, не то чтобы вежливым, а даже каким-то жалобным голоском:

— Здравствуйте! Вы извините нас, пожалуйста, но мы пришли вас просить, чтобы вы поговорили с вашими Петей.

— Понима-а-аете, — простонала Тоня Машукина, — у Пети уже целых две дво-о-ойки по чтению и три по истории, и он каждый день нарушает дисциплину.

— Он все-е-е звено-о тянет назад, — запела третья.

Так они высказывались поочередно все четверо. Петькин папа стоял перед ними со стаканом чая в руке, постепенно краснел и свирепо поглядывал то на Петьку, то на его маму. Сам Петька, тоже красный и злой, смотрел, набывчившись, куда-то в угол.

Когда девчонки закончили свое выступление, Петькина мама закричала, указывая пальцем на сына:

— Вот! Вот до чего докатился! Свои же товарищи потеряли от него терпение. И не стыдно тебе в глаза-то им смотреть? Олух несчастный!

На следующее утро Будильников снова нарушил дисциплину. Хотя я во время нашего визита молчал как рыба, он девчонки почему-то не тронул, а меня поймал на улице и отлупил. Но я на него даже не обиделся.

Теперь я представил себе, как эти четверо стоят у нас в

квартире и «действуют» на мою маму и на моего папу. Меня такая тоска взяла, такое отчаяние, что я стал дергать носом, готовый расплакаться.

И вот тут поднялась Аглая.

— Зойка! — сказала она. — Ты, может быть, очень даже сознательная, а вот чуткости в тебе ни на столечко! Ты сначала спроси человека, почему он стал плохо учиться, а потом уж...

Зоя вытаращила глаза:

— Что-о-о? Я не спрашивала?! Я не спрашивала? Граждане, вы слышали?! Я его не спрашивала!!!

— Не кричи, — пробасила Зинаида. — Спросить спросила, а ответить человеку не дала.

— «Не дала»! Его спрашивали, а он молчал...

— Он очень стеснительный, вот и молчал, — сказала Аглая. — И вообще, Зоя, мы с ним в одном дворе живем, и уж нам лучше знать: Тучков не такой человек, чтобы без причины двойку получить.

— Ну факт! — подтвердил Антошка Дудкин.

Теперь даже Топя из Зоиной четверки вступилась за меня:

— Зой! А может, и правда, тут нужно чуткость проявить! Может, у него условия какие-нибудь тяжелые или что-нибудь еще...

Зоя помолчала, глядя на меня, потом спросила уже другим тоном:

— Правда это? У тебя что, условия плохие?

Я молча кивнул и стал напряженно думать, какие у меня могут быть плохие условия.

Зоя тоже кивнула.

— Ну, так! А что тебе мешает заниматься?

— Шу... Шумка, — прошептал я.

— Что? Шум?..

— Шумка, — повторил я громче.

— Какая Шумка?

— Ну, собаку ихнюю так зовут, — пояснила Аглая, а Зина добавила:

— Ес небось за то и прозвали Шумкой, что от нее шум ужасный!

— Лаает очень? — спросила меня Зоя.

Я снова кивнул. Шумка действительно временами тявкала.

— Чего же твои родители смотрят?.. — начала было Зоя, но ее перебила Таня Высокова — очень ехидная девчонка:

— Между прочим, как-то странно! У нас целых две собаки и кошка, а я, между прочим, двоек не получаю.

На нее накинулась Зинаида:

— Да ты что, совсем некультурная, да? Ты что, не знаешь —

у разных людей нервы разные бывают! Мы вон с Васькой как запустим радиолу на полную силу — и нам хоть бы хны, а сосед сверху прибегает и весь трясется: у него от радиолы давление подпрыгивает.

Вот тут Антошка вскочил, выбежал вперед и закричал:

— А я знаю, почему у Лешки такие нервы никудышные! Вспомните! Вы только вспомните, чего он за лето пережил! С козлом — раз!

— Ой! Правда же! — вскрикнула Аглая. — С Бармалеем — два!

— А с черепом! — подхватила Брыкина. — Зойка, если бы ты такое пережила, ты бы до сих пор в психиатричке сидела.

Все, кто не знал о моих приключениях, попросили рассказать о них. Мои защитники принялись за дело с большим жаром.

— Откуда мы знали, что козел такой злющий! — закончил Дудкин. — Мы-то все пошли обедать, а Лешка полтора часа от него по квартире бегал.

На других этот рассказ тоже произвел сильное впечатление. Наверное, не меньше минуты ребята молчали.

Я не смотрел на них, но чувствовал, что они поглядывают на меня.

— Бледный какой! — тихо заметил кто-то.

Мне стало очень жалко себя. О других приключениях Аглая, Зина и Дудкин не успели рассказать. В класс вошла наша учительница Дина Федоровна, высокая, полная, седая.

— Долго заседаете, — сказала она. — Так что же вы решили относительно Лешки Тучкова?

Звеньевая отошла от стола, и учительница села за него.

— Дина Федоровна, мы все выяснили, — взволнованно заговорила Зоя. — У Лешки очень тяжелые условия дома.

— А-а-а! — протянула учительница и медленно кивнула.

— И еще знаете что, Дина Федоровна... У Тучкова очень плохая нервная система. Просто ужасная нервная система!

— Ах вот оно что! — Учительница снова медленно кивнула.

Тут звеньевая заявила, что мне не строгость нужна, а товарищеская помощь, и несколько человек вызвались со мной заниматься.

— Ну зачем же! — сказала учительница. — Мы уж попросим Климову. Она, правда, не из вашего звена, зато у нее круглые пятерки по арифметике.

Хотя Зоя и стала под конец на мою сторону, Аглая, Зина и Дудкин бранили ее всю дорогу от школы до дома.

— Зойка всегда так, — говорила Аглая, — сначала накинется на человека, а потом разбирается.

— Ну факт! — сказал Дудкин. — А завтра будет удивляться, почему он опять уроков не сделал. А разве он сможет заниматься после сегодняшнего! Глядите — весь скрюченный! Лешка, ну разве ты сегодня заниматься сможешь?

Я еще больше скрючился и отрицательно помотал головой.

— Выбрали звеньевую на свою голову! — вздохнула Зинаида.

Уж не помню, как я доплелся до своей квартиры. У меня еле хватило сил дотянуться до звонка. Мама открыла дверь, и я предстал перед ней, подогнув коленки, свесив голову. Лямки ранца сползли у меня по рукам до локтей.

— Что с тобой? — спросила мама.

Я молчал.

— Побил кто-нибудь?

Мне хотелось поделиться с мамой, рассказать, как плохие условия и расшатанные нервы привели к тому, что я заработал три двойки. Но, даже находясь на грани безумия, я смекнул, что этого делать не стоит. Я шепнул только:

— Нездоровится.

Мама ввела меня в переднюю, сняла ранец, шубу, шапку, пощупала лоб, забралась рукой мне за пазуху.

— Температуры вроде нет. Может, желудок? Не тошнит? Что ты вообще чувствуешь?

— Что-то с нервами, — тихо ответил я.

Мама рассмеялась и шлепнула меня пониже спины.

— Иди! Полежи немного, отдохни и — обедать!

На какое-то время я забыл о своем недуге. С аппетитом поел, потом гонял с ребятами во дворе. Дудкин и прочие тоже не вспоминали, что перед ними несчастный человек. Они так вываляли меня в снегу, что мама устроила мне нагоняй.

— Пей молоко и садись делать уроки, — сказала она, надевая шубу. — Я по магазинам пойду.

Вот тут-то и началось!

Только я открыл арифметику, как в комнату явилась Шумка. Заметив, что я смотрю на нее, она села и стала, в свою очередь, смотреть на меня. Я знал, что, если на нее пристально глядеть, она обязательно тявкнет. И она тявкнула. Я отвернулся, уставился в задачу, которую надо было решить, и стал думать о том, как трудно жить в одной квартире с собакой.

Шумка удалилась. Но заниматься я не мог. Я подозревал, что Шумка ушла в переднюю. А находясь там, она может в любой момент залаять, если услышит, что кто-то идет по лестнице. Я просидел минут пятнадцать затаив дыхание, так и не дождался Шумкиного лая и пошел узнать, где она находится. Она дремала под столом в кухне.

Вернувшись к себе в комнату, я снова сел за учебник и прислушался. Теперь в квартире стояла полная тишина. Хотя нет! Слышно было, как вода капает из крана в умывальнике. Я ужаснулся: вот до чего у меня сдали нервы! Ведь раньше я никогда не замечал таких пустяков.

Я до отказа завернул кран, закрыл дверь ванной и, снова сев за стол, попытался вникнуть в содержание задачи. Но наверху кто-то стал ходить и двигать стулья...

А потом пришла мама и вернулся с работы папа, и мама стала кормить его в кухне. Невнятные голоса родителей доносились оттуда, и не было никакой возможности сосредоточиться.

Я сказал маме, что сделал уроки, а сам решил положиться на помощь Даши Климовой.

Так как в дневнике моем еще не было маминых подписей, я «забыл» его утром дома. Но Дина Федоровна в тот день не вызвала меня. Только в конце дня она взглянула в мою сторону, потом посмотрела на Климову:

— Где там Матрена у нас?

Дашка встала. Она и в самом деле походила на Матрешку: круглолицая, румяная, со светлыми косами. У нее была одна особенность: всякий раз, когда ее вызывали, она шла к доске с таким сияющим видом, словно ее приглашали не урок отвечать, а получать премию.

Вот и теперь она стояла, смотрела на учительницу и улыбалась во весь рот.

— Ну, как там у вас, — спросила Дина Федоровна, — порядок в доме?

— Гы-гы! — засмеялась Климова. — Порядок.

За моей спиной сидели Нюся и Тоня.

— Гогочет да гогочет! — шепнула Нюся.

— Как дурочка! Ей палец покажи... — зашептала Тоня.

Дина Федоровна покосилась на них, и они умолкли.

— Так вот, Матрена, довольно тебе только для себя отметки зарабатывать. Пора и другим помочь. Я попрошу тебя подзаниматься с Лешей Тучковым. У человека очень тяжелые условия дома. Поможешь ему?

— Гы-гы! Помогу, — ответила Дашка, и девчонки за моей спиной снова зашипели.

Это было на предпоследнем уроке. В перемену Даша подошла ко мне. Она уже не улыбалась.

— Если хочешь сегодня заниматься, так пошли ко мне сразу после уроков. У нас нельзя вечером: родители с работы вернутся, брат придет...

Когда уроки кончились, она тут же бросилась вон из класса.

— Эй, Тучков! Ты поскорей, у меня ни минуты...

Выйдя из школы, Климова зашагала так быстро, что мне скоро стало жарко. Некоторое время она молча поглядывала на меня, потом вдруг сказала:

— Тучков! Хочешь, правду скажу?

— Какую правду?

— Дина Федоровна тебя на пушку взяла.

— Что? — не понял я.

— Понимашь, Дина Федоровна знает, что у меня условия сейчас хуже всех в классе. Она с нами на одной площадке живет.

Я невольно стал замедлять шаги, но Дашка повысила голос:

— Только ты, если хочешь идти, давай не останавливайся. У меня времени — во! — Она провела рукой по горлу. — В общем, понимаешь, Дина Федоровна мне еще вчера сказала: «Пусть, говорит, этот Тучков увидит, в каких условиях люди живут и умудряются хорошо учиться». А вообще-то она знает, что мне с тобой некогда возиться: дай бог самой не отстать.

— А... зачем же мне тогда идти?.. — наконец проговорил я.

— Ну, посмотришь, как мы живем. Если захочешь — потренируешься немножко.

— Потренируюсь?

— Ну да. Решать задачки в трудных условиях. Мы с братом тоже не сразу привыкли. Нас дедушка натренировал.

— Дедушка?!

— Ага. Он артиллерист бывший. В войну батареями командовал.

Я хотел было спросить Дашу, какая связь между решением задачек и командованием артиллерийской батареи, но она стала рассказывать, почему у них дома тяжелые условия. От быстрой ходьбы она запыхалась не меньше меня и говорила отрывисто:

— К нам тетя приехала... мамина сестра... А с нею — три сынишки... Маленькие. Тетя дня на два остановилась... Проездом... И сломала ногу... Скоро месяц в больнице... А сынишки у нас. Бандиты законченные... Ходят на головах... Хоть что им ни говори!

— А... а при чем тут дедушка-артиллерист?

— А при том, что он объяснил нам с братом. Ему знаешь какие задачки приходилось решать?.. Чтобы цель накрыть... Тригонометрические! Мы их еще когда проходить будем! А тут бой идет, грохот кругом... Убьют, того и гляди... Попробуй сосредоточиться! Один раз дедушку ранило, а он всё равно расчеты производил...

— И вы натренировались?

— Живенько! Тут главное — не обращать внимания.

Некоторое время я шагал молча. Я чувствовал, что мне следует обидеться на Дину Федоровну, которая не захотела понять, как у меня плохо с нервами. И в то же время было интересно ощутить себя в положении командира батареи и попробовать решить задачу, не обращая внимания на Дашкиных «бандитов».

Улица, куда мы свернули, состояла из ветхих домишек в один или два этажа. Мы шли вдоль правой стороны улицы, а всю левую ее сторону сносили. Одни строения стояли там без стекол в окнах, без крыш, от других остались груды мусора, перемешанного со снегом. Зубастые экскаваторы захватывали этот мусор и с грохотом вываливали его в кузова самосвалов. В иных местах даже мусора не осталось, и там ползали, утюжа землю, бульдозеры. Рычание моторов, лязг, грохот наполняли улицу. Где-то, как пулеметы, тарахтели отбойные молотки.

— Летом и нас переселят! — прокричала Даша. — Сюда! Пришли!

Дом, в котором она жила, был двухэтажный, деревянный. Когда мы поднялись на второй этаж, дверь, обитая старой клеенкой, открылась, и из нее выскочил мальчишка лет тринадцати, похожий на Дашу. Пальто на нем было распахнуто, фуражка сидела криво. В руке он держал портфель.

— Я пошел... Тебя в окно увидел... Мне еще тетради надо купить, — сказал он и помчался вниз.

Прямо с площадки мы попали в просторную кухню с дощатым полом и с маленькими окнами. Газовая плита здесь была, а водопровода я не заметил.

— Раздевайся! Вешалка тут!

Снимая шубу, я поглядывал на открытую дверь в соседнюю комнату. Там что-то тяжело шаркало и скребло по полу, и несколько голосов кричало хором:

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!..

Иногда кто-то выкрикивал:

— Жжжжадний ход!.. Передний ход!..

Звуки эти приближались, и вот я увидел, как из двери в кухню въехал стул. Его толкало в ножки оцинкованное корыто. В корыте сидел мальчишка лет трех, с совершенно круглой головой и оттопыренными ушами. Сзади, елозя по полу на коленках, толкали корыто еще двое мальчишек, такие же круглогловые и лопоухие. Только одному было лет пять, а другому, наоборот, шел седьмой.

— Дашк! Во! Бульдозер! — сказал старший, и все закричали с удвоенной силой:

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!..

Стул наехал на мусорное ведро и уперся в стену.

— Жжжжжадний ход! — прокричал «водитель», и его поволокли обратно в комнату.

— Видал? Хочешь потренироваться? — спросила Даша.

Я молча кивнул.

— Тогда садись и доставай задачник. А то мне их кормить минут через двадцать. За столом места не хватит.

Я сел за стол, накрытый клеенкой, вынул из ранца учебник и нашел задачу, которую не смог решить вчера. Даша поставила на плиту большую кастрюлю и зажгла газ.

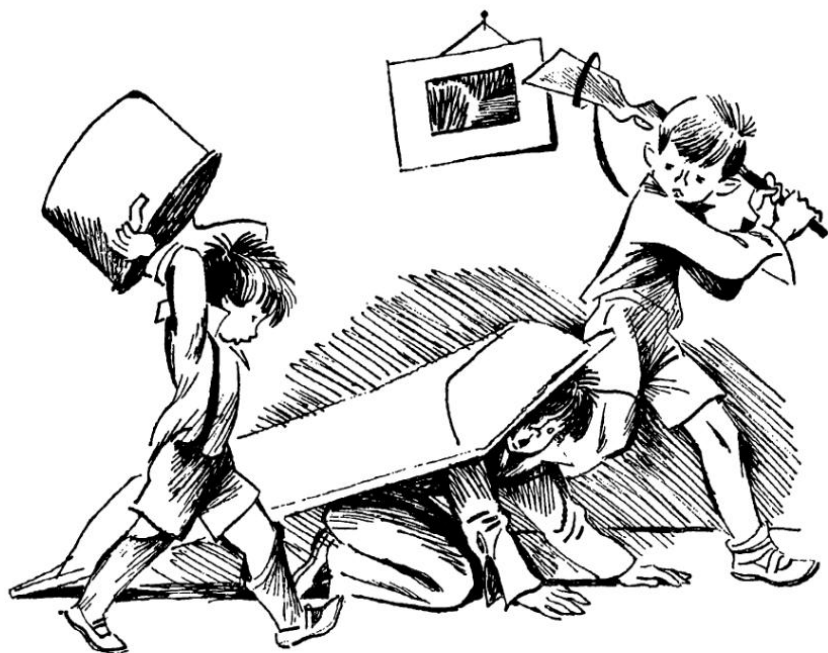
— Читай условие! — приказала она.

— «Два поезда вышли из двух городов навстречу друг другу в одиннадцать часов утра...»

Снаружи дома что-то зарычало, и через секунду там так бухнуло, что посуда на полках зазвенела.

— Опять начала! — заметила Даша, пробуя с ложки суп.

— Кто начала? — спросил я.

— Блямба.

— Кто?..

— Ну, блямбой мы ее зовем. Вон она за окном.

Через дорогу стоял полуразрушенный кирпичный домишко, а возле него подъемный кран на гусеницах. К стреле его была подвешена огромная чугунная гиля, ростом с меня, но только потолще. Я понял, что это и есть «блямба». Рыча, кран повернулся, отвел стрелу с блямбой от дома, затем мотор его взревел, и кран стал быстро поворачиваться в обратную сторону. Блямба ухнула со всего размаха в кирпичную стену, посыпались обломки, взметнулось облако красной пыли, и посуда зазвенела снова.

— Ну, читай давай, не отвлекайся!

— «Два поезда вышли навстречу друг другу в одиннадцать часов утра и встретились в четырнадцать часов того же дня...»

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр! Жжжжадный ход!

— «Первый поезд проходил в час по сорок пять километров, а второй — пятьдесят километров...»

Бух!

- «Найти расстояние между городами».
- Передний ход! Дыр-дыр-дыр-дыр!..
- Ну, что сначала надо узнать? Сообрази!

Я принялся было соображать, но невольно покосился на открытую дверь слева от меня. Комната за дверью была большая. В глубине ее, боком к двери, стояли две раскладушки, накрытые одеялами. Они как-то странно дергались. Скоро я увидел, как, проталкиваясь между раскладушками, ползет спинка еще одного стула, за нею движется голова «водителя», а за ней — приподнятые зады его братьев.

- Жадный ход!
- Не! Сюда поворачивай! Сюда же, ну! Дыр-дыр-дыр-дыр!..
- Сообразил? — спросила Климова.

Я не только не сообразил. Я начисто забыл условие задачи.

— Ты все-таки думай! А то этак никогда не натренируешься.

Я-то думал... Только не о задачах, а о своих нервах.

- Сообразил?
- Дыр-дыр-дыр-дыр!..

Дашка подошла ко мне, заглянула в мое опущенное лицо.

— Ты что, совсем слабенький, да? Они же в той комнате играют! В таких условиях что хочешь можно решить.

Бух! Этот звук напомнил мне о Дашкином дедушке-артиллеристе, который даже раненный командовал батареей. И мне стало досадно: неужели я не такой человек? Неужели я никогда не смогу командовать батареей?

— Ну, вот чего! — рассердилась Дашка. — Или говори, что первым делом надо узнать, или уматывай отсюда! Некогда мне с тобой...

Я вцепился руками в края стула и, стиснув зубы, уставился в задачник. Даша отошла к плите.

— Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!.. В кухню ехай!

«Никакого мне дела нет до вашего «дыр-дыр-дыр»! — говорил я себе. — Я знаю одно: поезда вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Ну! — крикнула Даша.

— Сейчас! — ответил я. — «Вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Дыр-дыр-дыр-дыр!.. (Стул, толкаемый «бульдозером», появился в кухне.) Поворачивай! К столу поворачивай!

Краешком глаза я заметил, что стул теперь движется прямо на меня. Я вскочил, передвинул свой стул к другой стороне стола и притянул к себе учебник... «Вышли в одиннадцать часов, а встретились в четырнадцать...»

— Жадный ход! — завопил «водитель».

Бух! — раздалось за окном.

— Есть! — закричал я. — Первый вопрос: «Сколько часов пробыли в пути два поезда».

— Во! А ты говоришь! — обрадовалась Дашка. — Решай теперь!

Стул, толкаемый «бульдозером», уперся спинкой в край стола.

— Жжжжадный ход! — снова крикнул «водитель», но братья почему-то продолжали толкать.

Ножки стула подъехали под стол, и стул свалился, треснув «водителя» по голове. Тот заревел, но я не обратил на это никакого внимания. Я был в полном восторге от себя.

— От четырнадцати отнять одиннадцать равняется три! — закричал я так, словно вокруг и в самом деле гремела канонада.

— Правильно! — одобрила Даша, вытаскивая «водителя» из-под стула. — Дальше давай!

Я решил задачу, когда три Дашкиных «бандита» играли уже в другую игру: старший ползал по кухне на четвереньках с перевернутым корытом на спине.

— Дашк! Я черепаха, во панцирь у меня! Гав! Гав! Рррр!

Два других братца лупили по корыту старой кастрюлькой и игрушечным ружьем. «Черепаха» бросалась на них и почему-то лаяла, а я в это время кричал:

— Ррррасстояние между городами равняется двести восемьдесят пять километрров!

«Черепаха» налетела на меня и стукнула ребром корыта под коленку. Я чуть не взвыл, но вспомнил, что Дашкин дедушка тоже был ранен.

Я ушел от Климовой, хромая на одну ногу, зато со здоровой нервной системой.

1970 г.

Как меня спасали

Дело было ранней весной. Мы с Аглаей пришли на речку, чтобы полюбоваться ледоходом, но он почти уже кончился. Вспухшая вода тащила теперь ледяную мелочь да всякий сор, а крупные льдины проплывали редко.

Мы сели на бревна, сваленные на берегу, и стали грызть подсолнухи. Аглая щелкала их лихо, бросая семечки в рот и выплевывая шелуху метра на три от себя. Я с завистью поглядывал на нее и старался ей подражать, но у меня ничего не получалось. Каждое семечко я мусолил по целой минуте, подбо-

родок и руки мои стали мокрыми от слюны, и к ним прилипала шелуха.

— Сегодня и глядеть-то не на что, — сказала Аглая. — Вот вчера — это да! Вчера такие льдины плыли — весь мост дрожал. А на одной льдине мы кошку видели. Бегает, мяукает!.. Мне так жалко ее было... Просто ужас!

— Бывает, что и людей уносит, не то что кошек, — ответил я. — На Днепре вот двоих девчонок унесло, а пятиклассник их спас.

Аглая покосилась на меня:

— Кто-о?.. Пятиклассник? Выдумываешь!

— Не веришь? Почитай вчерашнюю «Пионерку». Девчонки маленькие были, лет по шести... Их на льдине стало уносить, а они попрыгали в воду, думали — мелко, и начали тонуть. А пятиклассник схватил большую доску, подплыл к ним на ней и спас.

— У!.. На доске! На доске и я бы спасла. А что ему было за то, что он спас?

— Какой-то грамотой его наградили и ценным подарком еще. А в «Пионерке» даже портрет его напечатали. Погоди, у меня, кажется, с собой эта газета: я в нее бутерброд заворачивал.

Газета действительно оказалась у меня. Я передал Аглае скомканный листок. Шепча себе под нос, она прочла заметку «Отважный поступок Коли Гапоненко» и принялась разглядывать помещенный тут же Колин портрет.

— Во, Лешка! Небось этот Колька не думал и не гадал, что про него в газете напечатают! Вчера был мальчишка как мальчишка, никто на него и внимания не обращал, а сегодня — нате вам! — на весь Союз прославился. — Она вернула газету мне. — Вот бы нам кого-нибудь спасти!

Я промолчал: не хотелось признаваться, что я сам плаваю как топор.

— И чтобы наши портреты тоже напечатали, — продолжала Аглая. — Ты бы в чем сфотографировался? Я бы знаешь в чем? Я бы в новом берете, что мне тетя Луша подарила. Мы бы с тобой шли по улице, а нас бы все узнавали: «Глядите! Глядите! Вот те самые идут... которые спасли». Во было бы! Да, Лешка?

Я пробормотал, что это, конечно, было бы неплохо. Аглая совсем размялась:

— Лешк! А в школе?.. Вот бы ребята на нас глаза таращили! А мы бы ходили себе, будто ничего такого и не случилось, будто мы и не понимаем, чего это все на нас так смотрят. Мы бы не стали воображать, как некоторые. Да, Лешка? Ну чего,

мол, такого особенного! Ну спасли человека и спасли — подумаешь какое дело! Верно, Лешка, я говорю?

Я молча кивнул. Аглая вскочила на ноги.

— А что, думаешь, мы не могли бы спасти? — почти закричала она. — Вот если бы сейчас тут на льдине кого-нибудь понесло, думаешь, мы не смогли бы спасти?

— Смогли бы, наверное... Если бы на доске.

Аглая сжала худенькие кулаки, топнула сапожком по бревну, на котором стояла, и, подняв лицо к небу, замотала головой:

— Эх! Ну вот все бы отдала, только бы сейчас здесь кого-нибудь на льдине понесло!

Я сказал, что надеяться на это не стоит, что такие счастливые случаи выпадают редко.

Аглая притихла. Она зажала указательный палец зубами и с минуту думала о чем-то, глядя на речку. Вдруг она села на бревно и повернулась ко мне:

— Лешк! А давай друг друга спасем.

— Как это — друг друга? — не понял я.

— По очереди: сначала я тебя, потом ты меня.

— Как это — по очереди?

— А так! Видишь льдину? Ее чуток от того бревна отпихнуть, она и поплывет...

— Ну и что? — спросил я.

— А вот и то! Неужели не понял? Ты стань на эту льдину, а я буду гулять по берегу, будто тебя не замечаю. А потом ты воп тем шестом оттолкнись и кричи: «Спасите!» Только громче кричи, чтобы люди с моста услышали. Они побегут тебя спасать, а я первая брошусь в речку, и ты тоже бросайся, и я тебя вытащу. И получится, вроде я тебя спасла.

Я даже отодвинулся от этой сумасшедшей и молча замотал головой.

— Во! Струсил уже! — воскликнула Аглая.

— Вовсе я не струсил, а просто... просто я не хочу лезть в холодную воду. Тут знаешь, как можно простудиться!..

— «Простудиться»! Эх, ты!.. «Простудиться»! Люди в проруби зимой купаются и то не простужаются, а ты несколько секунд помокнуть боишься. Ведь сбежится народ, так тебя сразу десятью шубами с ног до головы укутают.

— И еще... и потом, я плавать... Одним словом, я плаваю не очень хорошо, — пробормотал я.

Аглая вскочила.

— Да зачем тебе плавать? — закричала она. — Ты погляди, тут воды по пояс! Мы только для виду побарахтаемся, и я тебя вытащу.

Я тоже приподнялся и посмотрел на воду. Берег в этом месте спускался очень полого. Даже в двух метрах от него можно было разглядеть консервную банку, белевшую под мутной водой. Похоже, что и правда утонуть здесь было нельзя, но я продолжал сопротивляться. Я сказал, что это вообще очень нехорошо и нечестно — обманывать людей.

— Вот чудак! «Обманывать»! — передразнила Аглая. — Какой же тут обман, если мы и в самом деле могли бы спасти, да нам случай не выпадет! Чем мы виноваты, что здесь никто не тонет? А хочешь совсем без обмана, так давай отплывай на льдине подальше, и я тебя взаправду спасу... А денечка через два ты меня спасешь, и тоже без обмана... Хочешь, я с моста сигану? На самой середке! А ты заранее доску приготовишь и меня спасешь.

От такого предложения меня затряс озноб. Я промямлил, что слава меня вообще не так уж интересует.

— Тебя не интересует, ну и не надо, — согласилась Аглая. — Давай я одна тебя спасу.

Я и на это не согласился. Мы долго спорили. Аглая то ругала меня трусом, то говорила, что я самый отчаянный мальчишка во всем дворе, что только я могу отважиться на такое дело. Я не попался на эту удочку. Тогда она обозвала меня эгоистом паршивым. Я сказал, что эгоистка, наоборот, она: ей хочется славы, а я мокни из-за этого в ледяной воде. Мы совсем уже поссорились, как вдруг Аглае пришла в голову новая мысль:

— Ладно! Не хочешь мокнуть — не надо. Мы давай вот чего — ты становись на льдину, плыви и кричи: «Спасите!» А я брошусь в воду, протяну тебе шест и притащу тебя к берегу. Вместе со льдиной притащу, ты даже ноги не промочишь. Идет?

Я почувствовал, что деваться мне больше некуда, что, если я и теперь откажусь, Аглая в самом деле примет меня за труса. С большой неохотой я согласился. Я только сказал Аглае, что-бы она не вздумала спасать меня без обмана, и еще раз напомнил ей, что плаваю неважно.

Аглая сразу повеселела.

— Не! Мы тут, у бережка, — сказала она и, отбежав к тропинке, тянувшейся вдоль реки, приглушенным, взволнованным голосом стала меня торопить: — Иди! Я здесь буду гулять, а ты иди. Ты вон тем шестом оттолкнись и бросай его на берег. Иди! Ну, иди!

Однако я не двинулся. Переходить на льдину мне ужас как не хотелось. Все еще стоя на бревнах, я посмотрел на мост, видневшийся метров за пятьдесят от нас. Там шли люди, тащились подводы, с глухим гулом катились грузовики... Я повернулся и оглядел наш берег. Здесь не было домов. От самого моста тяну-

лись дощатые заборы каких-то складов да фабрик, а дальше начинался луг. И на всем протяжении от моста до луга я не увидел ни одной человеческой фигуры. Только Аглая торчала на тропинке.

— Ну чего стоишь! Опять струсил? Иди! — сказала она сердито.

Я вздохнул и сошел с бревна. Медленно скользя и увязая в раскисшей глине, добрался я до шеста и поднял его, испачкав руки. Льдина только самым краешком касалась берега, и мне пришлось сделать шаг по воде, прежде чем стать на нее.

Утвердившись на льдине, я взглянул на Аглаю. Она прогуливалась по тропинке, заложив руки за спину, разглядывая что-то в небе, и фальшиво распевала пискливым голоском:

Куда, куда вы удалились...

Вот она зыркнула на меня одним глазом, на секунду приостановилась, тихонько сказала: «Толкайся! Отталкивайся!» — и снова заверещала:

Весны моей золотые дни...

Я мысленно говорил себе, что здесь мелко, что никакой опасности нет, что через минуту я снова буду на берегу. Но мне это не помогло. Тяжелое предчувствие так угнетало меня, что колени стали совсем слабыми, как после долгой болезни.

— Толкайся, дурак! — послышалось с берега. — Трусись, да? Толкайся!

Что-о-о день грядущий мне гото-о-вит...

Машинально я уперся шестом в камень, лежавший на берегу. Льдина не подалась. Так же машинально я попытался назад. Край льдины, касавшийся дна, теперь приподнялся, и она стала медленно поворачиваться вокруг свай, торчащей из воды. Пение на берегу прекратилось.

— От столба... от столба оттолкнись! — приглушенно донеслось оттуда.

Я оттолкнулся шестом от свай и увидел, как берег, дощатый забор на невысоком косогорчике и стоящая у забора Аглая поплыли куда-то влево.

— Бросай шест! Махай руками! Кричи! — скомандовала Аглая, следя за мной краешком глаза.

Я бросил шест на берег, помахал немножко руками и сказал «спасите» так тихо, что сам себя не услышал.

— Э-эй! На помощь! — крикнула что было сил Аглая и по-

неслась с косогора к брошенному мной шесту. Скачок, другой, третий... Шлеп! Ноги Аглаи увязли, и она растянулась в грязи.

Мне бы нужно было спрыгнуть в воду да идти к берегу, но я этого не сделал. Я смотрел на Аглаю. Она вскочила, рванулась и снова упала. Когда она добралась наконец до шеста, я уплыл уже метров на пятнадцать вперед. Подняв шест, Аглая побежала, с трудом выдирая ноги из грязи. Тут я увидел, что пологий берег кончился. Теперь в трех метрах от меня тянулся невысокий глинистый обрыв с пучками старого дерна наверху. Вплотную к обрыву бежала темно-бурая вода, бежала быстро, закручиваясь водоворотиками, неся соломинки и щепочки.

«Все! Так я и знал! Теперь все!..» — пронеслось у меня в голове.

О чем я еще тогда думал, я не помню. Кажется, ни о чем. Я стоял лицом к мосту, стоял согнувшись, широко расставив ноги, растопырив руки. Я даже не кричал, а только смотрел.

Вот я увидел, как Аглая появилась над краем обрыва и, волоча по дерну шест, пустилась меня догонять. Вот она поравнялась со мной. Ее пальто, коленки и даже подбородок были заляпаны грязью; бледное лицо было обращено ко мне, и маленькие темные глаза смотрели на меня так пристально, что казалось, она вот-вот оступится и полетит с обрыва. Несколько секунд она бежала молча вровень со мной, потом слегка обогнала льдину, остановилась и опустила с обрыва шест.

— Прыгай! Прыгай! Тут близко!

Как она ни тянулась, но от конца шеста до меня было не меньше двух метров. Я молча проехал мимо.

Аглая снова обогнала льдину, снова остановилась и снова опустила шест.

— Прыгай! Тут близко. Плыви!

— Не умею. Совсем! — сказал я вдруг очень отчетливо и громко.

Аглая ничего не ответила. Она опять затрусила рысцей вдоль обрыва. По лицу ее было видно, что она теперь уже не знает, за чем бежит.

— Ма-ма-а! — позвал я громко, тоже не зная зачем.

Аглая бежала, молчала и смотрела на меня.

— Ма-ма-а-а! — крикнул я еще протяжней.

Вдруг Аглая взглянула куда-то вперед, приостановилась, о чем-то думая, а потом рванулась и побежала так быстро, что конец шеста, который она волочила, запрыгал по бурой траве.

Очень медленно, осторожно я повернулся, чтобы посмотреть вперед. Льдина колыхалась при каждом моем движении, ноги у меня тряслись.

Аглаю я увидел метров за десять впереди. Она уже не бежа-

ла. Она сидела на берегу, свесив ноги вниз. Возле нее под обрывом топорщился одинокий ивовый куст, нижние ветки которого мокли в воде.

Еще не поняв, что хочет делать Аглая, я машинально нагнулся и вытянул руки вперед. Дальше все произошло очень быстро. Лыдина почти поравнялась с Аглаей. Аглая, как была — в сапожках и в пальто, скользнула с обрыва. Всплеснулась вода, полетели брызги... Конец шеста, выброшенного Аглаей, заскреб по краю моей лыдины. Я сел на корточки и что было сил вцепился в мокрое дерево.

— Прыгай! — услышал я голос Аглаи.

Но я не прыгнул. Я только цеплялся за шест. Сначала меня потащило со лыдины, потом ноги мои уперлись в какой-то бугорок. Я увидел голову Аглаи в воде под кустом, увидел ее красную руку с побелевшими косточками, цеплявшуюся за ветку, увидел другую руку, державшую противоположный конец шеста...

— Прыгай! Прыгай! — снова закричала она, но прыгать уже было не нужно: подтянутая шестом лыдина причалила к берегу

по другую сторону куста, да так удачно, что рядом с ней на обрыве оказался выступ.

Я перешагнул на него и даже ног не замочил.

Как я выбрался наверх, как вскарабкалась туда Аглая, я не запомнил. Я только помню, как она предстала передо мной в потемневшем от воды коричневом пальто, с забрызганным лицом. Некоторое время мы молчали и только смотрели друг на друга. Приоткрыв рот, Аглая дышала, как паровоз. Нижняя челюсть у нее дрожала крупной дрожью.

— Живой, — шепнула она тихо.

Тут я немного пришел в себя и заплакал:

— Дура противная! Из-за тебя все это!..

Я замахнулся на свою спасительницу, но она не заметила этого. Она смотрела через мое плечо куда-то вдаль.

— Бежим! Вот люди! Бежим! — закричала она и пустилась к ближайшему проулку между фабричными заборами.

Я оглянулся. От моста по тропинке вдоль берега, растянувшись неровной цепочкой, к нам бежали люди. Бежали мужчины, бежали женщины, бежали ребяташки... Впереди всех, уже метрах в пятидесяти от нас, переваливаясь с боку на бок, бежала толстая тетенька в черном пальто, с красной кошелкой в руке.

Я повернулся и пустился к проулку вслед за Аглаей. Всю дорогу мы молчали, и лишь в воротах дома Аглая проговорила:

— Смотри никому не болтай, слышишь? Скажи, что я нечаянно в воду упала: стала на льдину, поскользнулась и упала... Слышишь? Заболею, наверное, теперь.

Аглая не заболела. На следующий день она вышла во двор как ни в чем не бывало. Я молчал о своей поездке на льдине, молчала об этом и Аглая.

О славе она больше не вспоминала.

Только теперь, через много лет, она позволила мне рассказать эту историю.

1962 г.

Ищущий «Троекурова»

Я очень рано полюбил Пушкина. «Капитанскую дочку» и «Дубровского» я прочитал еще до того, как мы начали проходить их в школе. Я не боялся получить за них двойку, и, наверное, поэтому они так и остались для меня очень увлекательными приключенческими повестями. Из-за «Дубровского» я попал в историю, о которой стоит рассказать.

Начало этой повести я одолел с трудом: весь вечер пришлось бегать к маме и спрашивать, что такое «генерал-аншеф», «отъезжее поле», «штаб-лекарь», «стремянной»... К тому времени, когда я усвоил почти все эти непонятные слова, старик Дубровский умер, разоренный своим другом — богатым самодуром Троекуровым. Молодой сын Дубровского Владимир сделался благородным разбойником — грозой всех богатеев округи. Тут мне уже стало трудно оторваться от книги. Мама раз пять прикрикнула на меня, прежде чем заставила улечься в постель. Но и здесь я продолжал читать, накрывшись с головой одеялом и света на страницы карманным фонариком. Мама разоблачила этот маневр, призвала на помощь папу, и он так рывкнул на меня: «А ну, прекращай дурить!» — что пришлось расстаться с книгой до утра.

На следующий день было воскресенье, и я смог вернуться к «Дубровскому» сразу после завтрака. Чем больше я читал, тем больше мне хотелось походить на этого романтического героя. Иногда я даже отрывался от книги, подходил к зеркалу и взирал на свое отражение, сдвинув брови и оттопырив нижнюю губу, чтобы придать себе вид мрачный и решительный.

Вот молодой разбойник явился в усадьбу Троекурова под видом скромного француза-учителя... Вот Троекуров решил сыграть с мнимым французом свою любимую шутку: Дубровского втолкнули в комнату, где на длинной цепи расхаживал голодный медведь. Я прочел: «Француз не смутился, не побегал и ждал нападения. Медведь приблизился. Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки».

Я опять оторвался от книги. Я вынул из ящика стола жестяной пистолет, зарядил его бумажным пистоном и, снова оттопырив губу, стал прохаживаться по комнате. Я высматривал, какой предмет из обстановки смог бы сойти за медведя. Пожалуй, лучше всего подходила для этой роли этажерка с книгами. Твердыми шагами я направился к ней, остановился и мысленно прикинул, где у моего «медведя» могло быть ухо, выстрелил в крайнюю книжку на верхней полке. Пистон попался сильный, бахнул громко. Мама вбежала в комнату:

— Алексей! Сколько раз тебя надо просить, чтобы ты не устраивал пальбу в квартире?! Надо же понимать, что у людей нервы есть!

А дальше в книге пошли эпизоды еще более восхитительные. Трусливый Антон Пафнутьевич, боясь разбойников, напроился спать в одной комнате с отважным «французом», а про-

снувшись под утро, увидел, что француз стоит над ним с пистолетом в руке:

«Молчать, или вы пропали. Я — Дубровский».

А вот еще лучше: «...Карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите».

И конечно, человек этот тоже был Дубровский.

Дочитав книгу, я прямо-таки забежал по комнате от возбуждения. В ту минуту я все бы отдал, только бы очутиться на месте Дубровского. И уж конечно, я не свалил бы такого дурака, как он: я не стал бы цацкаться с Троекуровым лишь потому, что он Машин отец. Я бы в первую очередь разделался с ним — затем с князем, а потом... а потом...

Тут я вспомнил, что я, увы, не Дубровский, и мне стало грустно. Однако в следующую секунду я подумал: хорошо, я не Дубровский, но разве я сам не могу совершить какой-нибудь благородный разбойничий подвиг? И у меня тут же созрел план: пойду на улицу, отыщу там какого-нибудь «Троекурова» примерно моего возраста и проучу его как следует.

После обеда я стал готовиться к своему опасному предприятию. Мне хотелось совершить свой подвиг инкогнито, ведь я представлял себе примерно такую картину: гнусного вида толстый мальчишка пристает к красавице девочке, может быть, отнимает у нее сумку с продуктами, может быть, срывает с нее берет... И тут появляется неизвестный в черной полумаске. Одним ударом он сокрушает негодяя, возвращает красавице похищенное и произносит всего три слова: «Вы свободны, идите». А потом все ребята во дворе только и говорят, что о незнакомце в маске, и никому даже в голову не приходит, что отважный незнакомец стоит тут же среди них, что это не кто иной, как с виду тихий и скромный Леша Тучков.

Я выпросил у папы черный конверт от фотобумаги, у мамы — кусок резинки и довольно быстро сделал полумаску. Затем встал вопрос о костюме. Мне бы хотелось вернуться в черный плащ, но его у меня, конечно, не было. Мои куртки, джемпер и штаны были знакомы всем ребятам квартала. Оставалось одно: школьная форма. Попробуй узнай меня, если я буду в ней и в маске...

Мама ушла к соседям, а папа, я знал, не догадается спросить, зачем я надел школьную форму в воскресный день. Так оно и получилось.

Я вышел на улицу. В одном кармане у меня лежал пистолет, в другом — коробочка с пистонами. Маску я свернул и держал в руке, чтобы сразу надеть, когда понадобится.

Скоро я понял, как это трудно — найти подходящий случай для разбойничьего подвига, особенно для благородного. Дело было в середине мая, часов в пять вечера, да еще в воскресенье. Погода стояла совсем летняя, и все улочки и переулки нашей окраины были полны народа. Люди постарше сидели на лавочках у дверей и ворот, а там, где лавочек не хватало, вынесли на тротуар стулья и табуретки. Парни и девушки прогуливались большими компаниями с гитарами и транзисторными приемниками, мальчишки гоняли футбольные мячи, девчонки прыгали через веревочку или играли в классы. На каждом шагу меня окликали знакомые ребята из школы. Затем я попал в район, где маленькие старые дома были сломаны и на их месте строились новые. Здесь по случаю воскресенья было, наоборот, слишком пусто: словно уснули, положив клыкастые головы на землю, экскаваторы, застыли за дощатыми заборами башенные краны. На недостроенных кирпичных стенах не было видно ни души.

Я ушел отсюда и очутился на очень тихой, совсем деревенской улочке с земляными тротуарами, отделенными от мостовой заросшими травой канавами. Дома здесь попрятались за кустами сирени, и вдоль тротуаров тянулись лишь заборы из штакетника. Людей почти не было: только две женщины маячили вдали.

И вдруг из калитки, метров за десять от меня, вышел какой-то мальчишка и пошел в том же направлении, что и я.

Стараясь шагать неслышно, я стал приглядываться к нему. В левой руке он держал белую булку, от которой временами откусывал, в правой — бумажный китайский мячик на тоненькой резинке. Иногда он бросал мячик просто в воздух перед собой и тут же ловил, когда резинка оттягивала его назад; иногда ударял в столб для проводов... Но вот я увидел такую картину: по заостренным концам зеленых штакетин, балансируя словно в цирке, пробиралась рыжая кошка. Почти не целясь, мальчишка попал ей розовым мячиком в голову. Кошка коротко мяукнула и свалилась по ту сторону забора, скребнув когтями по дереву.

«Вот он, Троекуров! — пронеслось у меня в голове. — Негодяй какой: животных мучает!» Сердце у меня заколотилось, я весь напрягся... Я колебался: надевать мне маску или подождать? Мальчишка пульнул мячиком в белого петуха, но тот увернулся. Сердце мое заколотилось еще сильнее, но отпущь не из-за петуха. Похоже было, что все складывалось именно так, как я мечтал: навстречу нам шла девочка с алюминиевым бидоном. Красавицей она, правда, не была — круглолицая, круглоглазая и курчавая, как баран, — но дело не в этом: я почему-то был уверен, что мальчишка и ее стукнет своим мячом. Вот тут-то я и совершу свой подвиг! Я торопливо надел маску и

сжал кулаки. Мальчишка поравнялся с девчонкой и очень точно влепил ей мячиком в лоб.

— Дурак ненормальный! — сказала девочка, а проходя мимо меня, добавила: — Нарядились и воображают!..

Как видно, она подумала, что мы с мальчишкой заодно. Ничего! Сейчас она поймет свою ошибку..

Неслышной рысцой я пустился догонять мальчишку. Но, приблизившись к нему метра на три, снова пошел шагом. Ростом он был только немного выше меня, но уж больно мне не понравилась его спина: широкая, с округлыми плечами, которые плотно облегал коричневый свитер.

Я остановился, продолжая смотреть на «Троекурова». И походка его мне не понравилась: он шагал вперевалячку, слегка согнув руки в локтях. Что я с таким буду делать?.. Он, наверное, как треснет!.. А у меня по части драк опыт был не очень богатый: последний раз я дрался во втором классе с некой Инкой Мозель из-за сломанной авторучки, которую мы одновременно нашли. Ручка так и осталась у Инки.

Я оглянулся на девочку. Та была уже далеко. Сняв маску, я свернул в переулок и пошел искать более подходящего «Троекурова».

Переулок привел меня к Семеновской роще. Это был как бы кусочек леса, окруженный городом. Тут росли старые березы и высокие, с прямыми стволами сосны, а за ними виднелись многоэтажные дома. Слева от меня деревья были реже, и под ними не было кустарника. Там прохаживались мамы с разноцветными колясочками и возилась всякая малышня. Зато правая часть леска густо поросла кустами, среди которых вились глухие тропинки. Здесь мне очень понравилось: для разбойника лучшего места не найти. Я надел маску, вынул и зарядил пистолет и, прячась в кустах, стал поджидать свою жертву. Прохожих было мало, и сначала попадались только взрослые, но я все равно не скучал. Метров сто, перебегая от куста к кусту, я следовал за пожилым гражданином в высокой соломенной шляпе, потом выстрелил и пустился удирать. Как гражданин реагировал на это, я не увидел, потому что летел от него со всех ног. То же самое я проделал с двумя гражданками. Тут уже я услышал, как они вскрикнули после выстрела и одна из них что-то сказала о «проклятых хулиганах».

Удирая от гражданок, я чуть не налетел на мальчишку примерно моего возраста. Я вовремя дернулся назад, и он прошел мимо, не заметив меня. Пробираясь за кустами, я стал следить за ним. Ростом он был с меня и довольно щуплый. Одет в куцый серенький пиджачок и синие тренировочные брюки. В руке он держал гибкий прут и со свистом хлестал им, сбивая желтые

головки одуванчиков. Я подумал, что мне следует выскочить и сказать: «Ты чего природу портишь? Отдавай прут!» Но тут же меня взяло сомнение: а что, если он не захочет отдать прут? А что, если он этим прутом меня? Да еще с таким же свистом, как по одуванчикам!

Как видно, мальчишка услышал, что я за ним крадусь: он вдруг остановился, повернулся и стал всматриваться в кусты. Я присел. Мальчишка меня почему-то не увидел, зато уж я его разглядел. У него было узкое смуглое лицо. Темные глаза сидели очень близко к носу, и один из них еще косил. И вообще выражение у него было такое, что мне стало ясно: этого медом не корми, только дай кого-нибудь отлупить.

Мальчишка так и не заметил меня. Он двинулся дальше, продолжая нахлестывать прутом, и у меня отлегло от сердца. Но скоро я разозлился на себя: ведь этак я подвига не совершу, если буду раздумывать, кто меня отлупит, а кто — нет. Небось Дубровский не раздумывал, он просто нападал — и все! И я дал себе слово: больше не буду играть как маленький, пугая выстрелами взрослых. Дождусь еще одного «Троекурова» и без всяких колебаний нападу на него, чем бы мне это ни грозило.

Минут пять на тропинке никто не появлялся. Но вот где-то слева послышалось какое-то беспорядочное постукивание. Оно приближалось. Притаившись за кустом, я напряженно смотрел в ту сторону. Появился еще один «Троекуров». Он был розовощекий, с золотистыми волосиками, на которых криво сидела матросская бескозырка, в темно-синем матросском костюмчике. «Троекуров» без всякого разбора колотил палочками по игрушечному барабану. Никогда я не видел подобного барабана! Он был ярко-красный, с золотыми ободками по краям, и с нижнего края его свисало множество золотых кистей. Палочки тоже были не просто деревянные, а золотистые.

Вот «Троекуров» почти поравнялся со мной. Я посмотрел направо, потом налево. По тропинке вроде никто больше не шел. Немножко смутило меня, что этот «Троекуров» слишком уж маловат, наверно, в первом классе учится. Но раздумывать было некогда. Я высочил и загородил ему дорогу:

— Стой!

Он замер и, не мигая, снизу вверх уставился голубыми глазами на мою маску. При этом он почему-то сжал губы и надул щеки. Я торопливо старался придумать, что мне с ним делать дальше. Я даже не знал, какие обвинения ему можно было предъявить, а ведь на тропинке вот-вот кто-нибудь мог показаться. Я выпятил посильнее нижнюю губу и показал рукой на узкий закоулочек среди кустов:

— Иди туда!

«Троекуров» не шелохнулся и смотрел по-прежнему не мигая. Он только перестал надувать щеки и, наоборот, до отказа втянул в рот обе губы. Я взял его за ворот матроски и потащил за собой. Он не сопротивлялся. В кустах он снова застыл передо мной. Он был уже не розовый, а бледный, рот его начал как-то кривиться, а большие ресницы — моргать. Бить его мне совсем не хотелось, и я решительно не знал, что мне с ним делать. Лишь бы только не стоять перед ним дураком, я нацелил ему в нос дуло пистолета и сказал басом:

— Отдавай барабан!

И тут произошло такое, чего я никак не ожидал: «Троекуров» поспешно снял со своей шеи ремешок, сунул мне барабан в

руки и бросился в кусты. Через несколько секунд я услышал, как он, захлебываясь, кричит:

— Ма-ама! Ой, ма-а-ама! Ма-а-ама!..

Я бросил барабан и пустился удирать в противоположную сторону. Я летел через кусты, не разбирая дороги (до сих пор удивляюсь, как глаза себе не выколол), маска порвалась и слетела с меня, пистолет я где-то уронил и не стал поднимать...

Только прилетев на свою улицу, я пошел шагом, то и дело оглядываясь, чувствуя, что у меня вот-вот разорвется сердце.

Так закончилась моя карьера благородного разбойника.

Мама вернулась домой раньше меня, и она, конечно, стала расспрашивать, зачем я надел школьную форму. Я уже не помню, что тогда ответил. Мама расспрашивала, что со мной случилось, почему я какой-то сам не свой. Я бурчал себе под нос, что со мной ничего не случилось.

Я слонялся из угла в угол и думал о своем «Троекурове». Чем больше я вспоминал его розовую физиономию, его большие голубые глаза, тем яснее мне становилось, что он даже не первоклашка, а самый настоящий дошколенок. И весь вечер я пребывал в каком-то грустном недоумении: как же это меня угораздило напасть на вот такого да еще грабить его?

Уже лежа в постели, я стал думать о великольном барабане. Неужели он так и пропадет в кустах? А может быть, поблизости оказалась мама «Троекурова», и он привел ее туда, где я на него напал, и они нашли барабан? Ведь место глухое, барабан едва ли кто-нибудь найдет, кроме самого «Троекурова». Я решил, что завтра же после школы отправлюсь в рощу и посмотрю: лежит в кустах барабан или не лежит. Если я не увижу там его, у меня станет легче на душе.

Но чтобы выполнить этот план, у меня на следующий день пороку не хватило. Я и в школу-то шел, озираясь по сторонам. Мне все казалось, что я вот-вот наскочу на своего ограбленного, а он окажется со взрослыми, и каким-нибудь образом узнает меня, и подымет крик, и меня заберут в милицию. Не пошел я в рощу и через три дня, и через пять, хотя все эти дни стоял у меня перед глазами красный барабан с золотыми кистями.

Лишь через неделю, когда с утра стал моросить мелкий дождик, я сообразил, что в рощу сходить можно, что там сегодня наверняка никто не гуляет. После уроков я первым выбежал из класса, накинул в раздевалке плащ с капюшоном, спрятал под него ранец и отправился к месту своего преступления.

Грустный это был для меня день. Семеновская роща оказалась совсем пустынной. Ни души не было видно под опустившими ветви березами, под высокими потемневшими соснами. Я пошел по тропинке направо, через кусты. Было трудно идти,

потому что глинистая дорожка раскисла и ноги мои то и дело разъезжались. Я прошел почти весь кустарник и понял, что не могу узнать то место, где я совершил свой разбойничий подвиг.

И все-таки я нашел барабан. Интересно, что я нашел его по звуку. Возвращаясь назад, я остановился на тропинке, чтобы еще раз оглядеться и поразмыслить, где же все это произошло. Дождик сыпал частый, но очень мелкий. Он негромко шипел, падая на кусты. И вдруг я услышал, что к этому шипению примешивается какой-то другой звук — неровное постукивание. Я сошел с тропинки влево, сделал три или четыре шага и увидел красный барабан. Он лежал под кустом чуть наклонившись. Дождик шел мелкий, но капли, стекавшие с листьев на кусте, были крупные. Они-то и барабанили по туго натянутой перепонке. Барабанили беспорядочно, как барабанил когда-то своими палочками «Троекуров», шагая по тропинке. Только гораздо тише.

Я постоял над барабаном и пошел прочь. Больше я в Семеновскую рощу в тот год не заходил.

И все же должен сказать, что эта история принесла мне некоторую пользу.

Когда ко мне приставал какой-нибудь оболтус на голову выше меня, я относился к этому, как говорится, философски. Наполучив от него подзатыльников, я отправлялся дальше, раздумывая дорогой: каким благородным героем этот верзила себя воображает?

1970 г.

Машка Самбо и Заноза

Приключенческая
научно-фантастическая
детективная
повесть

Шепот в телефонной трубке

Часов около пяти вечера, не доделав уроки, Петя прилег с книжкой на диване и неожиданно задремал. Сквозь сон он слышал телефонные звонки в передней, потом приглушенный голос мамы. Но вот скрипнула дверь: мама заглянула в комнату.

— Петь! Петр Васильевич! Тебя Ира к телефону.

— Ну ее! — промычал Петя.

— Она просила тебя разбудить, говорит — срочное дело.

— Ой, мама, да ну ее! — Петя взбрыкнул ногой и повернулся на другой бок.

Голос мамы снова послышался из-за двери:

— Ира, ты слушаешь? Он просит примерно через часок позвонить... Как! Ах, вот оно что!

Дверь с треском распахнулась.

— Ну-ка, сыщик, вставай! — на этот раз в полный голос сказала мама. — Работа для тебя есть: расследовать что-то надо.

Петя сел на диване:

— Мам... а ты не врешь?

Мама тут же вскипела:

— Петр, ты с кем разговариваешь? Что это значит — «ты не врешь»...

— Мам... это я... это я так, спросонья. Я хотел сказать: Ирка не врет?

Мама уже не слушала. Она ушла в кухню.

Петя подбежал к телефону:

— Да!

Сначала ему показалось, что в трубке просто что-то зашуршало, потом он понял, что это Ирин голос — она говорила шепотом:

— Петька, чего ты так долго! В комнату вот-вот войдут, и я не смогу говорить!

— Ладно! В чем дело?

— Петька, скорее приходи! Только не ко мне, а к Маше Пролеткиной. Слышишь? Очень таинственное дело!

— К кому?

— К Пролеткиной, к Маше. Которая в седьмом «А» учится. Это моя подруга. Петька, через пятнадцать минут я должна уйти: мы с мамой в гости идем.

— А что произошло?

— Петька, мне некогда рассказывать, что произошло: в комнату вот-вот войдут. Только все очень загадочно! Петька, ты придешь?

Шепот в трубке звучал так взволнованно, что Петя невольно сам понизил голос:

— Ладно, говори адрес.

— Она в том же подъезде, что и я, только этажом ниже, квартира двести. Придешь?

— Приду. Минут через пятнадцать приду.

Петя повесил трубку. После этого мама минуты три приговаривала:

— Петр, спокойней! Петька, я тебя никуда не пущу, если ты будешь так бесноваться.

Петя помчался было в ванную, чтобы сполоснуть лицо, но тут он вспомнил, что на нем старые брюки, и бросился переодеваться. Впопыхах он долго не мог попасть ногой в штанину и, прыгая по комнате, уронил стул.

— Мам, я, значит, пошел. Пока!

— Беги! Сумасшедший!

Петя выскочил на площадку, захлопнул дверь, но тут же раздался продолжительный звонок, и мама пошла открывать.

— Забыл! — сказал детектив, пробегая к себе в комнату. — Самое главное забыл.

Он открыл ящик своего стола, вынул оттуда большую лупу, круглую пластмассовую коробочку и прямоугольный магнитик от микроэлектромотора.

— Теперь все! Мамуль, пока! — сказал он и чмокнул на ходу маму в щеку.

Пожалуй, у каждого мальчишки бывает в жизни период, когда он мечтает сделаться сыщиком, следователем, контрразведчиком... (Точное название профессии зависит от того, каких книжек он больше читался.) У Пети это увлечение оказалось особенно стойким.

Началось оно еще летом, на даче. Петя тогда впервые читал Шерлока Холмса, и тут с соседней дачи таинственно исчезли два третьеклассника — Дима и Миша, с которыми он иногда играл. Пока взрослые разыскивали их по улицам поселка, сообщали в милицию, бегали на железнодорожную станцию, Петя вел свое расследование. Он припомнил разговоры, которые вели мальчишки, и объявил взрослым, что Миша и Дима решили бежать на Кубу. Он предложил взрослым посмотреть, какие вещи пропали из дому. Выяснилось, что исчезли ключи от московской квартиры, в которой жил один из беглецов. После этого нетрудно было догадаться, что беглецы перед путешествием на Кубу собирались заехать к Диме домой. Так оно и получилось. Вскоре соседка по московской квартире привезла мальчишек обратно на дачу. Из допроса беглецов выяснилось, что они действительно хотели присоединиться к сподвижникам Фиделя Кастро.

Взрослые были удивлены Петиной проницательностью, но больше всех она поразила самого Петю. Он решил, что нашел свое призвание, и все свободное время стал посвящать тренировке качеств, необходимых следователю.

Когда начались занятия в школе, он по содержанию карманов своих одноклассников, по состоянию их обуви, по пятнам на руках пытался угадать, кто чем занимался накануне вечером. В девяти случаях из десяти он попадал впрок, но эти его неудачи быстро забывались. Зато, когда Петя угадывал верно, все приходило в дикий восторг.

Еще в самом начале своей сыскной деятельности Петя обзавелся большой лупой, а в конце сентября сделал очень ценное приобретение. Ему давно было известно, что отпечатки пальцев на различных предметах проявляются магнитной кисточкой. Потом он узнал, что для магнитной кисточки простые железные опилки не годятся, а нужен какой-то особый порошок, именуемый восстановленным железом. Где его взять, Петя не знал.

И вдруг однажды, покупая в аптеке пирамидон для мамы, он увидел под стеклом на прилавке коробку с этикеткой: «Восстановленное железо. 20 порошков». Стоила она всего пятнадцать копеек. Купив коробку, Петя примчался домой, разломал электромоторчик, вынул из него маленький постоянный магнит и ткнул один из концов магнитика в порошок. Порошок повис на магнитике темно-серой кисточкой. Петя прижал большой палец к чистому листу бумаги, потом стал водить по этому месту магнитной кисточкой. Через несколько секунд проявился серый отпечаток пальца с отчетливым рисунком папиллярных линий. Петя, конечно, притащил магнитную кисточку в школу. Нечего и говорить, какое впечатление произвела она на шестиклассников. Что там шестиклассники! Однажды Петю остановил в коридоре высокий толстый учитель физики Митрофан Фомич. Он сказал своим гудящим басом:

— А ты у нас, оказывается, вроде восходящего светила на поприще криминалистики. Мне в девятом «В» о твоих чудесах рассказывали.

Петя понимал, что школьная молва сильно преувеличила его успехи. Тем сильнее ему хотелось оправдать свою замечательную репутацию. Но никто больше никуда не убежал, ничего загадочного ни в школе, ни дома не случилось. Уже два месяца «восходящее светило» пребывало без работы.

И вот теперь это светило несло по залитым осенним солнцем улицам, чуть не сбивая прохожих с ног.

М а ш к а С а м б о

Лишь прибежав во двор большого дома, в котором жила Пролеткина, Петя сообразил, что не солидно будет врываться к незнакомой девочке, пыхтя как паровоз. Он сдержал себя и, вместо того чтобы войти в подъезд, стал прохаживаться перед ним, ожидая, пока успокоится сердце.

Петя знал далеко не всех девочек в параллельных классах, и фамилия Пролеткина ему ничего не говорила. Пете представлялось, как он, спокойный, невозмутимый, входит в квартиру номер двести, как его встречает бледная от переживаний и бессонницы красавица, как эта красавица приглашает его в комнату, обстановку которой он тут же окидывает проищательным, все подмечающим взглядом, как эта красавица, с надеждой глядя на Петю, посвящает его в свою трагическую и таинственную историю.

Петя начал было придумывать эту таинственную историю,

но вовремя вспомнил, что его ждет тайна не выдуманная, а настоящая. Он поднялся на третий этаж, нашел квартиру помер двести и позвонил.

Ему открыла девочка в черных шерстяных брюках и в синем свитере. Петины мечты о бледной красавице сразу рухнули. Перед ним была известная всей школе Машка, по кличке «Самбо». Говорили, что ее двоюродный брат увлекается этим видом борьбы и Машка научилась от него всем приемам. Она славилась не только ловкостью и силой, но и вспыльчивостью. Даже самые отчаянные мальчишки боялись ее задевать, потому что она бросала их через голову.

Ни красотой, ни бледностью Машка не отличалась. Лицо у нее было скуластое, розовощекое, нос вздернутый. Золотистые всклокоченные волосы были заплетены в две коротенькие, но толстые косички. Одна из них загибалась кренделем над ухом, а другая торчала в сторону параллельно плечу.

— Здравствуй! — сказала она деловито. — Вытирай ноги, а то бабушка никому житья не дает со своим паркетом... Вытер? Туда иди! — Самбо дернула подбородком вправо от себя.

Петя был человеком застенчивым. Властный тон Машки смутил его. Войдя в комнату, он совсем забыл «окинуть проникательным взглядом» обстановку. Он только заметил, что мебель в комнате «модернистая», а паркет сильно блестит.

— Садись! — приказала Самбо.

Петя на что-то сел.

— Ирина не дождалась тебя, — сообщила Маша. — Она с родителями на именины идет.

Самбо замолчала. Она прохаживалась взад-вперед, сунув пальцы в маленькие карманчики на брюках. Молчал и Петя. Он лишь теперь вспомнил, что забыл не только умыться, но и причесаться, и, когда Маша поворачивалась к нему спиной, торопливо приглаживал ладонями бледно-русые вихры.

Но вот хозяйка остановилась перед ним:

— Ирка правду говорит? Это в самом деле у тебя способности такие: всякие тайны расследовать?

— Конечно... смотря какие тайны, — пробормотал Петя.

— О тебе невесть что говорят. Послушаешь — так Шерлок Холмс перед тобой младенец.

— Это, конечно... гм!.. Преувеличено, конечно.

— В том-то и дело, что преувеличено. Я наших знаю: убьешь муху, а они растрезвоят, что слона убил.

Петю это замечание задело.

— Ну вот, например, насчет мальчишек, которые бежали на Кубу, — это правда.

— Значит, это ты их поймал?

— Не поймал, а только определил, что они решили бежать на Кубу и что они собирались сначала заехать с дачи в Москву домой.

Самбо стояла над Петей, серьезно глядя на него. Глаза у нее были большие, длинные, темно-серые.

— И то хлеб,— сказала она.

Петя чутьем угадал, что перед такой девчонкой не следует изображать хладнокровного и опытного сыщика. От этого он сразу почувствовал себя свободней.

— Ну, так что у тебя за история?

Маша подошла к двери, бесшумно приоткрыла ее и прислушалась. Кругом было тихо, но по той осторожности, с которой Маша снова закрыла дверь, Петя догадался, что они в квартире не одни.

Самбо опять заходила по комнате.

— С чего бы это начать? Только ты не думай, что тут какое-нибудь преступление. Просто глупость какая-то, а вместе с тем все нервы мне истрепала.

— Так! Слушаю.

— Если в двух словах, то вот в чем дело: уже несколько раз пол в нашей кухне оказывается чисто вымытым, а его никто не мыл.

Чего-чего, а этого Петя не ожидал!

— Как это так — никто не мыл? — пробормотал он. Петя даже заподозрил, что Самбо издевается над ним.

Но она пояснила совершенно серьезно:

— Понимаешь, пол на самом деле кто-то моет, но все говорят, что никто не мыл.

— погоди! Кто это «все»?

— Ну, наши семейные. Кого ни спросишь, каждый говорит, что он пола не мыл.

— А он вымыт?

— Ага. В понедельник бабушка даже специально на линолеум чернилами капнула. В среду пятно исчезло.

— Чудно! — сказал Петя. Он задумался, потирая ладонями коленки, потом поднял голову. — Слушай, а чего ты так волнуешься из-за этого?

Самбо широко расставила ноги и уперлась кулаками в бока. Глаза ее стали злыми.

— А потому, что в этом обвиняют меня. Вот почему! Понял?

Машка смотрела на него так, что детектив заерзал на месте.

— Ладно! Ты только знаешь... не нервничай. Ты мне вот что объясни: мытье полов — дело полезное... Почему же ты говоришь, что тебя обвиняют в таком хорошем деле?

— А потому, что все они рассуждают так: если пол регу-

лярно кто-то моет, значит, его кто-то регулярно и пачкает. А если он регулярно пачкает, значит, он занимается в кухне каким-то тайным делом.

— Ну, дальше!

— И все, как обычно, подозревают меня.

— Кто «все»?

— Ну конечно, папа, мама и бабушка.

— А почему «как обычно»?

— Потому что меня всегда во всем подозревают. Это уж так принято в семье: если что-нибудь случилось, значит, обязательно я виновата. Сначала было еще ничего, сначала они только посмеивались надо мной, а потом...

Самбо вдруг умолкла, скосив большие глаза на дверь. В следующий момент она бросилась к двери и распахнула ее. Петя заметил, что кто-то в передней быстро отскочил от двери.

— Ну? — грозно спросила Самбо.

— Мне авторучку взять, — послышался тихий голосок.

В дверь мимо Маши бочком проскользнула щуплая девчонка лет одиннадцати, в куце темном платице, с тонкими, как червяки, ногами в коричневых чулках. На Машку она походила лишь золотистыми волосами. Косички ее были аккуратно связаны под затылком, а лицо у нее было нежное, продолговатое и глаза не серые, а темно-карие.

— Бери свою авторучку и уматывай, — проворчала Самбо.

— Комната не твоя, а общая, и ты, пожалуйста, потише, — негромко ответила девчонка.

Тут только Петя заметил два столика, размещенные у противоположных стен. Они были сделаны из чертежных досок. Каждая доска была одним концом привинчена к стене, а другим концом опиралась на единственную ножку. Как видно, оба столика можно было опускать, как столики в железнодорожных вагонах. Над каждым столиком висели полки из неокрашенного дерева. На столике и на полке у левой стены царил образцовый порядок. С правого столика свисал чулок, среди разбросанных как попало книг и тетрадок топорщился ком железной проволоки. На полке рядом с книгами стояли банки с синей и зеленой жидкостью, а от них тянулись провода к какому-то ребристому прибору.

Самбо следила напряженным взглядом за вошедшей девчонкой. Та бочком подобралась к столику, на котором царил порядок, и пошевелила пальцем карандаши в пластмассовом стакане.

— Ну! Где твоя авторучка? — процедила сквозь зубы Машка.

— Значит, она у бабушки в комнате, — ответила девчонка и бочком вышла из комнаты, не поворачиваясь к Машке спиной: так выходит укротитель из клетки с тиграми.

— Видал? — сказала Самбо, прикрывая дверь. — Подслушивала!

— Это твоя сестра?

— Ага. Заноза. Ты думаешь, ей авторучка нужна? Ха-ха! Она на тебя взглянуть приходила. — Самбо снова принялась ходить по комнате. — Теперь у нее ушки на макушке. Она знает, какая о тебе в школе слава идет, она понимает, что я не чай пить тебя пригласила. Теперь хвост подожмет. — Самбо вдруг резко остановилась перед Петей. — Спорим, что это она моет в кухне полы!

Некоторое время Петя оторопело смотрел на свою странную клиентку.

— Ладно! А почему ты так думаешь?

— Во-первых, потому, что больше некому, а во-вторых, потому, что она всякий раз испаряется, как только об этом заходит разговор.

Петя вдруг вскочил и тоже прошелся по комнате. Он весь подтянулся, тонкая загадочная улыбка появилась на его губах.

— Так! — сказал он звонким голосом. — Разреши мне задать тебе несколько вопросов.

— Задавай! Только потише.

— Не можешь ли ты перечислить книги, которые в последнее время читала твоя сестра?

— Могу. Ей недавно несколько штук подарили на день рождения.

— Прекрасно! А какие именно?

— «Дети капитана Гранта» — раз! «Лесную газету» Бианки — два! Повести Гайдара — три!..

— Стоп! Какие именно повести?

— Ну, «Школа», «Тимур и его команда», «Голубая чашка»...

— Так! Еще вопрос. Кто у вас в семье занимается хозяйством?

— Бабушка.

— Сколько бабушке лет?

— Шестьдесят один.

— Все! Вопросов больше не имею. — Петя сел, откинувшись на спинку дивана и заложив ногу за ногу.

Самбо внимательно смотрела на него.

— Все ясно как день! — проговорил детектив и загнул большой палец на левой руке. — Первое: ты права, пол в кухне действительно моет твоя сестра. Кстати, как ее зовут?

— Занозу? Люськой.

Петя загнул указательный палец.

— Теперь второе. Ваши домашние утверждают, что, если кто-то моет пол, значит, он его и пачкает. На самом деле все

гораздо проще. Твоя Люська начиталась Гайдара и теперь подражает Тимуру, тайно помогает бабушке. Понятно?

Петя умолк, ожидая, что Машка начнет восторгаться его проникательностью, но она стояла неподвижно, скрестив руки на груди, склонив голову набок.

— Лопух ты, а не сыщик,— грустно сказала она.

Детектив сразу скис. Он выпрямился, поджал ноги под диван.

— А что? Почему лопух?

— Я самого главного не договорила: Люська вошла и помешала.— Машка на секунду задумалась.— Знаешь что? Лучше ты сам посмотри. Идем на кухню!

Загадка электрополотера

Самбо вышла в переднюю, Петя — за ней. Здесь Петя увидел пожилую, довольно полную женщину в пестром переднике с оборочками. Она что-то доставала из стенного шкафа. Шкаф был до отказа набит всякими хозяйственными вещами. Женщина потянула к себе какой-то предмет с длинной ручкой, а на нее сверху из шкафа вывалилась раскладушка.

— Господи! — жалобно воскликнула женщина.— Ничего никогда как следует не уложат! Маша, да помоги же ты, наконец! Тумба какая-то!

Самбо подбежала к женщине, помогла ей запихнуть обратно раскладушку и вытащить из шкафа электрополотер. Женщина сразу повеселела.

— А это что-то новое лицо,— сказала она, глядя на Петю.— Может быть, ты меня все-таки познакомишь?

— Это Петя Калач из шестого «А». А это моя бабушка,— сказала Самбо.

— Здравствуйте! — заулыбалась бабушка.— Извини, у меня руки грязные.— Она обратилась к Маше: — А вообще, когда знакомишь, надо имя-отчество пазывать: «Познакомься, это моя бабушка Ксения Ивановна», а не просто «бабушка», и все тут. Ужас, до чего у нас Машка невоспитанна! Она знает...

Ксения Ивановна, как видно, любила поговорить. Петя подумал, что они надолго застрянут в передней, но тут дверь одной из комнат приоткрылась, и из нее выглянула Заноза. Она как-то странно посмотрела на электрополотер, выскользнула в переднюю и сняла с вешалки пыльник.

— Бабушка, я пошла... Я прогуляюсь немного... Я пошла.

— И прекрасно! Чем меньше вас в квартире останется, тем лучше будет: мне сегодня полы натирать.

Петя почувствовал в этих словах намек: мол, ему тоже следует убраться из квартиры. Но Самбо мотнула головой, и он пошел за ней дальше.

Кухня у Пролеткиных была вся белая: белые кафельные стены, белый холодильник, покрытый белым пластиком стол, два белых шкафа — один на стене, другой под широкой мойкой для посуды... Только линолеум на полу был обычный, коричневый.

Самбо нагнулась и, держась руками за колени, принялась оглядывать стены возле самого пола.

— Похоже, что бабушка все уже отмыла, — тихо проговорила она. — Хотя нет, погоди! — Она присела, глядя на стену рядом с газовой плитой. — Смотри! Видишь?

Петя тоже присел.

— Брызги? — спросил он.

— Ага! — кивнула Машка.

Кафельные плитки в этом месте были усеяны грязными брызгами. Петя посмотрел на них и ничего не понял.

— Ну и что?

— А то, что вот таким образом все было забрызгано: все стены сантиметров на тридцать от пола, низ холодильника, ножки стола... — Обхватив колени руками, Самбо посмотрела на детектива. — Ну? Может, и теперь ты скажешь, что это тимурская работа? По-моему, за такую работу надо смертным боем бить.

— Да! Тимур, пожалуй, тут ни при чем.

— То-то и оно! А приписывают все это мне.

Оба помолчали, разглядывая серые крапинки.

— Часто это повторялось?

— Два раза. Первый раз набрызгали да так и оставили, а второй раз вытерли, но абы как.

Самбо хотела еще что-то сказать, но тут оба вздрогнули. В комнате за стеной раздался вой, похожий на вой сирены, через секунду к нему примешался отвратительный скрежет, потом все стихло.

— Дрянная, противная, возмутительная девчонка! — донесся в кухню голос бабушки, в котором слышались слезы. — Негодная, лживая, зловредная девчонка! — добавила она с еще большим накалом и вдруг крикнула что было сил: — К тебе, кажется, обращаются! Иди сюда!

Самбо вскочила, бросила на Петю значительный взгляд и, вся напружившись, пошла из кухни. Петя — за ней.

Оба остановились в дверях большой комнаты, служившей, как видно, кабинетом и гостиной. Ксения Ивановна стояла, опираясь на ручку полотера. Широкое лицо ее дрожало.

— Ну... ну вот, что мне с тобой теперь делать? Ну... ну что это такое? — воскликнула она и ладонью показала на пол.

Ребята увидели на блестящем паркете большое матовое пятно.

— Целый день, целый день как проклятая кручусь, — снова заговорила бабушка, глядя на внуку круглыми карими глазами. — Целый день то готовлю, то кормлю, то убираю, целый день даже почитать не могу, и вот вам благодарность! Ну ты скажи: разве это не хамство? Ну ты ответь мне: кто тебе позволил полотер в воде мочить?

— Полотер? — растерянно переспросила Самбо.

— Вон, гляди: все щетки мокрые, хоть выжимай! — Ксения Ивановна наклонила полотер, показывая ребятам щетки, и даже потрогала одну из них. — Ну зачем тебе это нужно? Ну, ты мне ответь!..

Секунд десять Самбо молчала, прикусив нижнюю губу. Она дышала все сильнее и сильнее.

— Ах, значит, и полотер я тоже намочила! — сказала она наконец очень низким, грудным голосом.

— А кто же еще? Неужели я? Неужели мама или папа?

— Значит, и тут я виновата, да? Значит, и тут Заноза ни при чем! Значит, и тут я плохая, а вы все хорошие, да?

— Ты... ты, Машка, пожалуйста, истерики не пачинай.

— Не начинать истерики? — уже в голос кричала Самбо, заливаясь слезами. — Хорошо, я не буду начинать истерики, но... но... мне эта травля надоела... С меня довольно!.. Теперь все! Теперь все! Все!..

Тоненько завыв, Машка убежала в кухню. Затем пролетела через переднюю в свою комнату, затем опять мелькнула в передней и хлопнула выходной дверью. На лестнице она снова тоненько взвыла и затарахтела подметками по ступенькам. Эти звуки быстро затихли.

Свое «теперь все» Машка выкрикнула так трагически, что Петя подумал, не собирается ли она броситься под троллейбус. Но Ксению Ивановну, как видно, такие мысли не тревожили. Она оставила полотер и поправила пеструю косынку на рыжеватых крашенных волосах.

— Вот так мы и живем, — обратилась она к Пете. — Тебе же напакостят, и ты же виновата.

В этот момент следователя поразила такая замечательная догадка, что он приоткрыл рот и уставился на бабушку с самым идиотским видом.

— Я говорю, вот так мы и живем, — повторила Ксения Ивановна, думая, что Петя не расслышал.

— Да. Конечно, — пробормотал следователь, пятясь в переднюю. — Конечно! Всего хорошего!

Д а к т и л о с к о п и я

Почти кубарем скатился Петя вниз по лестнице, как пробка вылетел он из подъезда во двор. Двор был очень просторный, благоустроенный. Петя повертел головой, и перед глазами заметались зеленые газоны, желтые тополя, красно-белые клумбы, разноцветные скамейки и коляски для малышей. Ребят по двору бегало много. Петя оглядел самые дальние уголки двора, но Самбо там не увидел.

Он обнаружил ее совсем близко. Заложив руки за спину, она прохаживалась в своих черных брюках перед самым подъездом. В одном месте на асфальтовой дорожке лежала абрикосовая косточка. Всякий раз, проходя мимо, Самбо пыталась наподдать косточку ногой, но это ей не удавалось: то ли косточка лежала в углублении, то ли она прилипла к асфальту.

В глазах у Самбо уже не было ни слезинки. В другой раз Петю удивила бы такая быстрая перемена, но сейчас ему было не до того.

— Эй, ты! — крикнул он. Застенчивость уже не мучила его.

Самбо оглянулась. Следователь стоял на крыльце, красный от волнения и сердито вытянув из грубого пиджака тонкую шею. На голове его топорщилось множество прямых вихров.

— Чего ты сбежала?! Самый решительный момент, а она исчезла куда-то!

— Ну... психанула немножко. Ты не обращай внимания. А почему «решительный момент»?

Петя страшно вытаращил на нее глаза:

— Почему решительный момент? А ты что, не понимаешь? Ты не понимаешь, что между брызгами на стене и мокрым полотером есть... эта... как ее... прямая связь!

— Связь?

— И теперь не понимаешь? Ведь это п о л о т е р о м полы в кухне мыли и забрызгали стены! Щетки вращались и брызгали!

Самбо сцедила руки на животе и втянула голову в плечи.

— Ой, слушай!.. Верно ведь!.. — как-то испуганно проговорила она.

Следователь по-прежнему стоял на крыльце. Он уперся кулаками в бока.

— Если мы сумеем завладеть полотером, твоя сестра завтра же будет разоблачена. Если, конечно, это она моет пол.

Самбо по-прежнему смотрела на него.

— Дак-ти-ло-ско-пи-я! — отчеканил следователь. — Знаешь, что это такое?

Самбо молча покачала головой.

— Одним словом, надо исследовать отпечатки пальцев на электрополотере.

— Гм! А ты умешь?

— Не умел бы — не говорил. Пошли!

У Маши был свой ключ от квартиры. Вернувшись, они за-
стали Ксению Ивановну в передней. Она надевала перед зерка-
лом шляпу.

— Успокоилась, красавица? — уже добродушно сказала
она. — Вот и прекрасно! Но все-таки относительно полотера
мы еще поговорим. Вечерком, когда все соберутся. Одной мне
как-то не под силу с тобой разговаривать.

Лицо у Маши покраснело, глаза расширились, но Петя уже
совсем освоился с ней. Он взял ее за руку и увел в комнату.

— Спокойно! — сказал он, прикрывая дверь. — Пусть ба-
бушка уйдет, тогда начнем действовать.

Ждать пришлось долго. Слышно было, как бабушка прохо-
дит из передней в комнату и обратно, щелкает замком сумочки,
позвякивает ключами. Петя вспомнил, что давно хотел задать
Маше один вопрос.

— Слушай, почему все так дружно подозревают в разных
проделках именно тебя? Только ты по-честному скажи: это что,
несправедливость или у них есть какие-нибудь причины?

Самбо подумала и сказала, что причины, пожалуй, все-таки
есть.

— Во-первых, у меня, как папа говорит, преобладают муж-
ские интересы.

— А именно?

— Например, я увлекаюсь техникой... Потом, моих родите-
лей за драку в школу вызывали. Особенно неприятно было, ко-
гда я Морозову плечо вывихнула.

— Так! Дальше!

— Ну... еще у меня есть такая черта... Я, например, запусти-
ла в комнате ракету из пленки и спалила ею занавесь. Все
утверждали, что это я сделала, а я твердила, что ничего по-
добного.

— Боялась, что попадет?

— Ну да еще! Ничего я не боялась. Просто разозлилась, что
все сразу подумали на меня.

— А потом как же?

— А через неделю сознаясь. Когда всем надоела эта ис-
тория.

И Самбо добавила, что так повторялось несколько раз, что
такой уж у нее особенный характер.

— Если меня по-хорошему спросят, кто это натворил, я тут
же честно признаюсь. А если сразу скажут: «Ну конечно, это

Машкиных рук дело», я назло всё буду отрицать, а через несколько дней все равно расскажу правду.

Петя хмыкнул. Он сказал, что при таком характере старшей сестры Люся и правда может безнаказанно вытворять все, что угодно.

— А то нет! — дернула плечами Самбо. — Тут вся моя трагедия и заключается. Заноза пользуется, что мне никто не верит, и преспокойно брызгает грязью на стены.

Петя опять взъерошил свои вихры.

— Маша! Давай вот прикинем: зачем ей это нужно?

— Я сама все мозги над этим вопросом свихнула.

— А может быть, это не она?

Самбо широко развела руки.

— Ну, а тогда кто же, в самом деле? Ну ведь не мама же, не папа, не...

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула бабушка.

— Я пошла. — Она, улыбаясь, обратилась к Пете: — Благодаря внучке я могу хоть прогуляться, а потом уж в кино. Начала было полы натирать, а теперь, оказывается, и отдохнуть можно. До свиданья, молодой человек! Заходите к нам!

Как только бабушка ушла, ребята бросились в комнату, где она натирала полы, но электрополотера не оказалось. В стенном шкафу они его тоже не нашли. Они обнаружили полотер на подоконнике в кухне: Ксения Ивановна положила его туда сушиться.

Маша посмотрела на полотер, на Петю... В ее голосе снова появились недоверчивые нотки.

— Ну и как же ты будешь их исследовать, отпечатки пальцев?

Петю ее тон не смутил. Машка еще не слышала о его магнитной кисточке, и это только обрадовало его.

— Ты вот что, — проговорил он негромко, но твердо, — ты смотреть смотри, но не вздумай и пальцем прикасаться к полотеру. Понятно?

Самбо кивнула и притихла.

«Спокойно! Главное, не суетись!» — сказал он уже не вслух, а мысленно. Он извлек из кармана пластмассовую коробочку, магнетик, лупу и разложил все это на подоконнике; он снял пиджак и повесил его на спинку стула; он засучил рукава клетчатой рубашки.

— Так! Приступим!

Детектив открыл коробочку, сунул в нее магнетик и тотчас вынул его с повисшей на нем темно-серой кисточкой. Петя понимал, что сама ручка полотера уже захватана Ксенией Ивановной и ею заниматься не следует. Он принялся осторожно водить

кисточкой по дюралевой трубе, на которой держалась ручка. Самбо стояла за его спиной и дышала ему на правое ухо.

— Смотри! Смотри! — прошептала она через минуту. — Ой!.. А я ведь не верила... Думала, что все это врут про тебя.

Под магнитной кисточкой на блестящем металле появлялись темно-серые пятна. Петя не слышал, что прошептала Маша: он был слишком озабочен. Труба под самой ручкой была очень захватана, множество отпечатков пальцев накладывались друг на друга, сливались в одно большое неровное пятно. Может быть, опытный человек и разобрался бы в этой путанице, но Пете она ничего не говорила.

Вдруг Петя сообразил, что Машина сестра — девочка маленького роста. Вынимая полотер из стенного шкафа, она должна брать за трубу не под самой ручкой, а где-то значительно ниже. Петя стал водить кисточкой по всей трубе. Почти всюду появлялись овальные пятна, но это уже был не тот сумбур, что получился возле ручки. Среди отпечатков смазанных, наложенных друг на друга можно было видеть отпечатки отчетливые, ничем не испорченные. Петя прервал свое занятие.

— Помогите-ка! — сказал он.

И Маша сразу поняла, что надо делать. Она взялась за ручку, Петя взялся за самый полотер, и оба перевернули его так, чтобы можно было обработать трубу с другой стороны. После этого Петя снова взялся за кисточку.

— Смотри: маленькие! — сказала Самбо.

Среди отпечатков пальцев взрослого человека стали появляться отпечатки значительно меньших размеров. Петя перевел кисточку в другое место, и тут... тут и он и Маша перестали дышать.

На совершенно чистом металле появился один маленький отпечаток, рядом с ним — другой, затем третий и четвертый. Это был прекрасный след не только кончиков пальцев, но и всех фаланг и выпуклых частей ладони.

— Видала! — тихо сказал детектив.

Самбо кивнула.

— Попалась, Заноза! — так же тихо сказала она.

Петя поднес к отпечаткам лупу.

— Наклонись! Видишь — узоры? Это папиллярные линии. Теперь тебе надо получить отпечатки пальцев своей сестры, и, если узоры совпадут, тогда всё — она разоблачена!

— А как их получить, эти отпечатки?

— Чернила для авторучки есть? Только синие надо, а не черные. Намажь ей чернилами пальцы, не очень густо, подожди, чтобы чернила высохли, потом слегка смочи лист гладкой бумаги и прижми к нему ее пальцы.

— Ничего себе работка! — воскликнула Самбо. — «Намажь ее пальцы, дай высохнуть, намочи бумагу, прижми ее пальцы...» Так она мне и позволит все это над ней проделать. Она такой визг подымет — держись!

— А ты на хитрость ее возьми, скажи, что хочешь фокус показать...

Самбо осторожно приподняла трубу и стала разглядывать след руки.

— Вот это — мизинец, как видно, — сказала она. — Вот это — безымянный, это — средний, а это — указательный... А где же большой палец?

Петя тоже со всех сторон осмотрел трубу. Потом он снова взялся за кисточку и долго работал ею, но отпечаток большого пальца так и не проявился.

— Вот это да! — сказал следователь и погладил затылок. Оба долго смотрели друг на друга.

— Что же это такое? — спросила Маша.

— А то, — отчеканил следователь, — что у твоей сестры есть сообщник и у этого сообщника не хватает на руке большого пальца.

— Четырехпалый сообщник! — прошептала Самбо. — Ты гляди! Как в книжке!

Она снова умолкла. И, пока она молчала, Петя проделал следующее: он не спеша вынул из внутреннего кармана пиджака записную книжку, а из книжки — листок целлофана с наклеенным на него куском широкого лейкопластыря. Он отделил целлофан от лейкопластыря, наклеил лейкопластырь на дюралевую трубу в том месте, где темнели четыре маленьких отпечатка, и тут же снова отклеил его. Отпечатки исчезли с трубы: они перешли на лейкопластырь. Так же молча, неторопливо Петя снова заклеил лейкопластырь целлофаном, спрятал его в записную книжку, а книжку — в карман.

Самбо очень внимательно следила за всеми этими манипуляциями.

— Слушай! А ты ведь и в самом деле специалист, — сказала она, глядя на Петю исподлобья.

Петя порозовел от удовольствия, но сделал вид, что не слышал этого замечания.

— Ну вот! Теперь дело за тобой, — сказал он.

— Что — за мной?

— Тебе надо припомнить, кто из Люськиных знакомых не имеет большого пальца.

Несколько минут Самбо ходила по кухне и шептала чьи-то имена. Ни одного четырехпалого она не припомнила.

— Что ж! — сказал Петя. — Придется сделать так: сегодня

осмотреть всех ребят в вашем дворе, а завтра приняться за школу.

— Смотреть, у кого пальца нет?

— Ну да.

— На это две недели уйдет.

— Бывает, что какое-нибудь дело и за год не расследуешь.

Самбо как-то скисла. Она сунула в рот кончик косы и пожевала его, глядя куда-то в окошко. Потом она прошла по кухне, задевая боками то плиту, то стол, то угол шкафа. Потом остановилась перед Петсей.

— Ты «Гекльберри Финна» читал?

— Читал, конечно.

— Помнишь, как они с Томом Сойером негру Джиму готовили побег? И подкоп рыли, и веревочную лестницу в пирог запекали, а нужно было только открыть замок у чулана.

Детектив обиделся:

— Короче, ты хочешь сказать, что я говорю глупости.

— Не глупости, а просто зачем искать четырехпалого среди сотен людей, если мы их сегодня можем сцапать... И Люську и твоего четырехпалого.

— Гм! А как?

— Я для этого тебя и звала.

— Для этого и звала?

— Ага. Я думала, тебе интересно будет в засаде посидеть.

З а с а д а

План у Маши был очень простой. По ее словам, Люська занималась своей преступной деятельностью лишь в те дни, когда она твердо знала, что все домашние уйдут и никто не вернется в течение нескольких часов. Сегодня был именно такой день. Папа и мама сразу после работы собирались встретиться с бабушкой и пойти втроем в кино на какую-то двухсерийную картину, а Маша должна была идти на занятия школьного кружка юных техников. Люська знает, что сегодня с шести вечера и по крайней мере до половины девятого в квартиру никто не войдет. Вот тут бы и застукать Занозу на месте преступления! Для этого надо освободить шкаф под мойкой от всякого хлама, посидеть там часок, наблюдая, что делает Заноза и ее Четырехпалый, потом выскочить и схватить их за руки.

Петя выслушал этот проект без всякого восторга. Одно дело — исследовать отпечатки пальцев, сопоставлять улики, строить сложные умозаключения, а другое дело — сидеть в чужой квартире, согнувшись в три погибели в низеньком шкафу

среди пауков, и ждать: то ли приступит Люська к своим таинственным занятиям, то ли нет.

Петя молчал.

— Ну, говори: согласен или отказываешься? — сказала Самбо. — Времени не так уж много осталось.

— А почему тебе самой в шкаф не залезть? — спросил Петя.

Самбо ответила, что она не может пропустить сегодня занятия кружка.

— То есть сегодня у нас, собственно, и занятий нет. Просто мы делаем генеральную уборку помещения. Если я пропущу, могут подумать, что я от черной работы отлыниваю. А потом, мне хочется, чтобы их кто-нибудь посторонний застукал, чтобы у меня свидетель был.

Петя колебался. Чтобы оттянуть время, он спросил Самбо, как она думает осуществить свой замысел практически. Самбо ответила, что у нее все продумано. Если Петя согласен, они быстренько освобождают шкаф от всякого барахла. Как только они услышат, что Люська открывает дверь своим ключом, Петя забирается под мойку, а Маша говорит Занозе, что уходит на занятия кружка.

— Ну хорошо, — сказал Петя. — А если твоя Заноза никакого сообщника не позовет, будет просто книжки читать — что ж, мне под мойкой так все время и сидеть? А когда придут твои родители, что мне прикажешь делать: вылезать при них и раскланиваться или сидеть скрючившись, пока все спать не лягут?

Все продумала Самбо, но такой возможности она, как видно, не предугадала. Она снова враскачку заходила по кухне, глядя себе на ноги, постукивая ногтем большого пальца по нижним зубам. Ходила она на этот раз очень долго. Ходила и молчала.

— Ладно! Иди! — сказала наконец она. — Я думала, с тобой и правда можно дело иметь.

И Петя вдруг почувствовал, что ему жалко расставаться с этим таинственным делом о забрызганных стенах, и с самой Машей, и даже со шкафом под мойкой, в котором он еще не сидел, но внутренность которого ему уже отчетливо представлялась. По сравнению с сильной, энергичной Самбо он показался сам себе хлипким, каким-то комнатным, даже немного смешным со своей магнитной кисточкой и логическими рассуждениями.

— Ладно! — сказал он. — Разгружай мойку, а я пойду маме позвоню, что задержусь надолго. Где у вас телефон?

Самбо просияла, потащила Петю в комнату родителей, где находился телефон. По дороге она наговорила много чего-то очень приятного для Пети — чего именно, он так и не запомнил, потому что был слишком горд в эту минуту самим собой.

Он позвонил маме, сказал, что вернется часам к восьми, и

выслушал от мамы замечания о том, что уроки еще не сделаны, что новая тетрадь по алгебре еще не надписана, что в дневнике обнаружена двойка по русскому, которую он позавчера утаил. После телефонного разговора Самбо и детектив приступили к подготовке места для засады.

Это оказалось делом трудоемким. Пете пришлось вытаскивать из-под мойки пустые банки и бутылки, порванные авоськи, склянки со старым проявителем и фиксажем (Машин отец занимался фотографией), дерматиновые сумки для продуктов с оставшейся в них землей от картошки... Самбо рассовывала весь этот хлам куда только можно было: к себе и к маме под диван, за трюмо, стоявшее в углу, в промежуток между отцовским письменным столом и стеной.

Наконец шкаф был освобожден. Детектив нагнулся, еще раз осмотрел свое будущее убежище. В нем можно было сидеть, если держать подбородок между коленями.

— Я сейчас тряпку принесу, а то там паутины полно и пыли всякой, — сказала Маша, но тут оба замерли.

Из передней послышалось какое-то царапанье: кто-то ковырял ключом в замке и поворачивал дверную ручку. Детектив оглянулся через плечо на Самбо и на карачках уполз под мойку, Самбо захлопнула дверцу. Едва Петя уселся в шкафу более или менее удобно, в кухне послышались легкие, чуть шаркающие шаги и тоненький голосок:

— А где бабушка?

— Ушла прогуляться, потом пойдет прямо в клуб. Ты сегодня ужинать будешь одна. Мама с папой тоже в кино пойдут, а мне в кружок надо.

— Я знаю, — тихо ответила Заноза.

— Курица в холодильнике, картошка на сковородке. Я переоденусь пойду.

Самбо ушла из кухни. Люся прошаркала куда-то в сторону окна. Несколько секунд стояла полная тишина. Вдруг что-то негромко брякнуло. Похоже было, что Люська обратила внимание на мокрый полотер и теперь разглядывает дюралевую трубку с отпечатками пальцев. Детектив сидел скрючившись и проклинал себя и Машку за то, что они не убрали полотер.

— Людмила! Я, значит, пошла, — донесся из передней голос Маши. — Ты дома будешь?

Петя услышал, как Заноза шмыгнула прочь от подоконника.

— Не знаю... Может, прогуляться пойду, — ответила Люся таким безразличным тоном, что детектив подумал: «Может, пронесло. Может, она не обратила внимания на полотер».

Хлопнула входная дверь. Люся ушла в комнаты. Тут Петя

смог сориентироваться в своем убежище и разместиться в нем поудобней. До сих пор он сидел скорчившись, упираясь спиной в боковую стенку шкафа, а затылком — в нержавеющей сталь, из которой была сделана мойка. Он сидел не под раковиной, выштампованной в этой стали, а под тем местом, куда ставили вымытую посуду, то есть в самом высоком месте шкафа. Теперь он сообразил, что если протянуть ноги под раковину, то можно сесть поудобней: бочком, полулежа. Петя так и поступил и тут же сделал новое открытие: между дверцей и верхней частью мойки тянулась довольно широкая щель, в которую была видна значительная часть кухни.

Приняв удобную позу, детектив стал прислушиваться к тому, что делается в квартире. Некоторое время он не слышал ровно ничего. Но вот из комнаты, что напротив кухни, донеслось потрескивание телефонного диска: Заноза кому-то звонила. Детектив перестал дышать. Телефонный разговор, который он услышал, оказался удивительно коротким. Люся произнесла всего два слова.

— Митька? — спросила она негромко и так же негромко добавила: — Иди!

Петя от волнения заерзал в своем шкафу.

«Четырехпалый! Сейчас придет Четырехпалый! Интересно, когда он явится? Через пять минут? Через полчаса?»

Четырехпалый явился гораздо быстрее. Сразу после разговора по телефону Заноза прошла в переднюю и открыла входную дверь. Петя услышал, как запахнулась и хлопнула дверь соседней квартиры, затем в передней раздался торжествующий мальчишеский голос:

— Всё! Считай, что теперь всё! Считай, что готова машина!

— Митька, ты с машиной сейчас подожди! Митька, у нас очень серьезное положение, — сказала Заноза.

— Чего? Какое серьезное?

Детектив с такой силой припал к щели, что лбу и носу стало больно. И вот в кухню вошла Заноза, а за ней — Четырехпалый.

Ростом он был даже поменьше Люси. Голова и глаза у него были совершенно круглые, нос — кнопкой, уши торчали, а брови отсутствовали.

— Где серьезное? Чего серьезное? — повторил пришелец.

Как видно, это был человек горячий, энергичный. Говорил он быстро и громко, а когда оглядывался, резко дергал головой. На какой руке у него не хватало пальца, Петя разглядеть не смог.

— Митька, нас выследили, — почти шепотом сказала Заноза. — Иди сюда! Гляди!

Она увела своего сообщника к окну, и оба исчезли из поля зрения детектива. Теперь он слышал только их разговор.

— Ну? — спросил Четырехпалый.
— Во-первых, бабушка обнаружила мокрый полотер. Она им паркет у себя в комнате испортила.

— Попало?

— Пока не попало. Потому что меня дома не было. Но, конечно, попадет... Митька, но это не самое главное... Вот, смотри! Видишь?

— Ну кто-то хватал трубу грязными руками.

— А чьи это «грязные руки»? Чьи это отпечатки пальцев? Ты знаешь? — тихо, но взволнованно произнесла Заноза. — Это же наши отпечатки пальцев!

— Во! «Наши»! — усмехнулся Четырехпалый. — Что мы, в сажу сначала руки пачкали, прежде чем полотер брать?

Тут Заноза объявила Митьке, что он ничего не понимает, что он полный дурак, что он совсем как маленький ребенок. Она рассказала ему, что Самбо пригласила на помощь Петю Калача, а тот, как Митька сам знает, известен всей школе своей страстью к расследованиям и своей магнитной кисточкой, с помощью которой он проявляет отпечатки пальцев.

Четырехпалый понял все, но нисколько не испугался.

— Вот это да! Это, значит, наши отпечатки пальцев, Люськ! Вот бы узнать, из чего делают эту магнитную кисточку!

— Митька! Ну... ну, ты совсем глупенький! Ты понимаешь, что мне от Машки теперь жизни не будет, а тебя Машка так отлупит, что ты неделю больной пролежишь!

В голосе Четырехпалого снова появились торжествующие нотки.

— Отлупит? А на что спорим, что не отлупит? Хочешь, нас завтра... нет, послезавтра в школе на руках будут носить, а еще через неделю наши портреты в «Пионерской правде» появятся? Хочешь?

— Ну, хочу, конечно... — уже другим тоном сказала Заноза. — Только ты говори яснее: в чем дело?

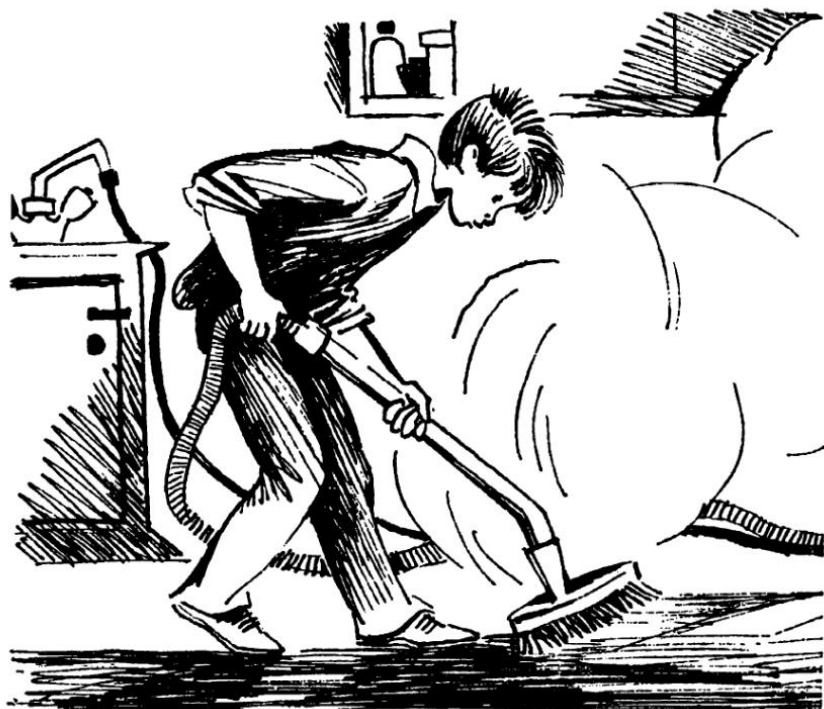
— В чем дело? Пы л е с о с, вот в чем дело! Понимаешь? Как видно, Люся ничего не понимала. Она молчала.

— Полотер моет, а пылесос воду отсасывает, — торжественно и медленно отчеканил Четырехпалый. — Теперь понимаешь? Наступила долгая пауза.

— Митька, ты, кажется, гений, — тихо произнесла Заноза.

— Песи пылесос! — приказал «гений». — Завтра твоя Самбо гордиться будет, что у нее есть такая сестра.

В шкафу под мойкой стояла жара: где-то поблизости проходила труба с горячей водой. Пете было душно, у него затекла правая рука, на которую он опирался, болела шея, потому что голову нужно было держать прижатой к плечу. Но детективу

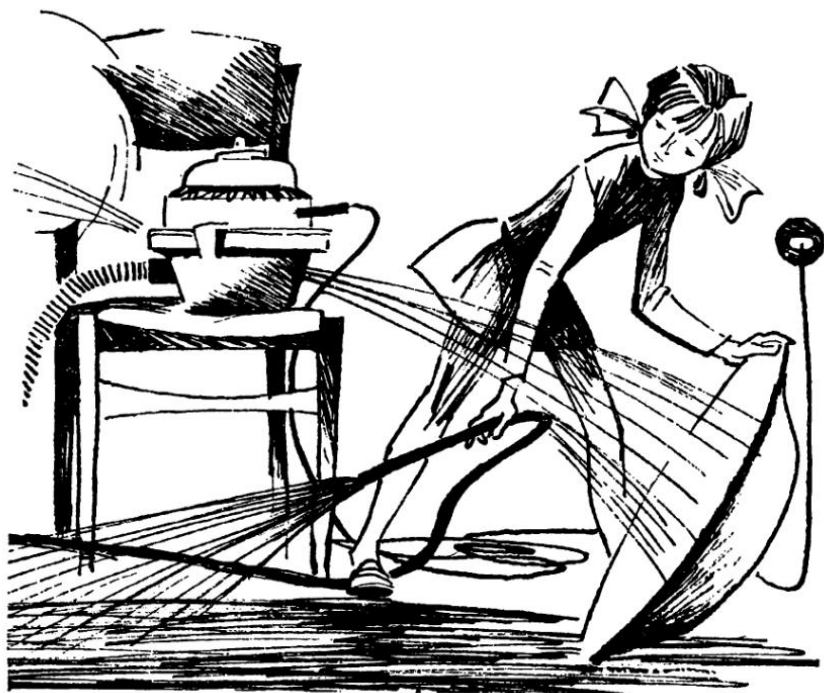
казалось, что он готов просидеть в таком положении хоть до поздней ночи, лишь бы только узнать, что значит вся эта возня с пылесосом и чем она кончится.

Теперь он снова мог видеть заговорщиков. Они то уходили из кухни, то возвращались. С изумлением детектив убедился, что Четырехпалый вовсе не четырехпалый, что на обеих Митькиных руках все пальцы целы. Заноза принесла откуда-то красивый, обтекаемой формы пылесос. Митька извлек из него фильтр для пыли, сказав, что он будет только мешать. Затем пылесос поставили на стул, да в таком месте, словно нарочно позаботились о том, чтобы Пете было удобнее на него смотреть.

— Ведро тащи или таз какой-нибудь, — сказал Митька, прикрепляя к пылесосу гофрированный шланг с лапачиком.

Люся притащила из ванной большой эмалированный таз и поставила его на пол под пылесосом в противоположном конце от шланга.

— Из кружки будем или кишку принести? — спросила она Митьку.

— Кишку давай. Чтоб все, как полагается, было.

Заноза ушла и вернулась с кишкой такой же толщины, как для клизмы, но только раза в три длинней. Она подошла вплотную к мойке, и Пете на некоторое время ничего не стало видно. Он только по звукам мог догадаться, что Люся насаживает конец кишки на водопроводный кран.

— У меня все,— тихо произнесла Заноза.

И Петя снова увидел перед собой красивый пылесос.

— И у меня все,— отозвался Митька, втыкая вилку от пылесоса в штепсель у двери. Он отошел от штепселя и взялся за гофрированный шланг.

— Митька, ты волнуешься? — чуть слышно спросила Заноза.

— Малость есть, конечно... Все-таки судьба решается: или нам жизни не будет, или...

Заноза не дала ему договорить:

— Митька... пускать воду?

— Пускай! — немного хрипло ответил Митька.

Над головой у детектива зашумела по трубе вода. В следующее мгновение взвыл мотор пылесоса.

Петя увидел, как по линолеуму растекается большая лужа.

Митька схватил наконечник пылесоса и стал водить им по этой луже.

— Качает! Качает! — закричала Люся. — Ой, ты смотри, даже перебрызгивает через таз!

Из заднего отверстия пылесоса хлестали мелкие брызги. Они проносились над тазом и улетали куда-то в коридор. Держа в одной руке кишку, Заноза другой рукой приподняла таз так, чтобы брызги попадали в него. Хорошенькое лицо ее сияло.

— Митька! Ты гений! Нет, Митька, ты просто гений!

Митька не слушал ее.

— Эту штуку надо резиной обклеить, — говорил он, орудуя наконечником. — Тогда еще лучше к полу прижиматься будет. Еще сильнее будет тянуть.

Детектив заметил, что лицо Занозы как-то вдруг изменилось, она с тревогой смотрела на пылесос. Из него теперь летели не только брызги, из него еще валил и пар. Изменился и звук, с которым работал мотор. Сначала он был очень тонким голосом, а теперь был натужно и прерывисто.

Заноза поморгала длинными ресницами. Она хотела что-то сказать своему сообщнику, но тот и сам заметил, что с пылесосом дело обстоит неладно, и, прекратив работу, уставился на машину.

Пылесос зашипел, потом в нем что-то треснуло. Шум мотора утих. Несколько секунд изобретатели молчали.

— Перегорел, — сказал наконец «гений».

— Митька! Что же теперь будет? — прошептала Заноза.

— Теперь... это... теперь попадет...

И тут детектив решил, что пора наконец произнести фразу, которую он очень долго смаковал, которую он много раз прорепетировал в уме.

— Так! — сказал он металлическим голосом. — Ваша игра окончена.

Он увидел, как Заноза и «гений» подскочили, словно их хлестнули плеткой по ногам. Он толкнул дверцу шкафа, но та не поддавалась: Самбо захлопнула ее, не сообразив, что защелка открывается только снаружи.

— А ну откройте! — властно приказал детектив.

Ни Люська, ни Митька не шевельнулись.

— Откройте! Я Петр Калач, слышите! — отчеканил «сыщик».

Он увидел, как Митька направился было к мойке, но Зано-

за схватила «гения» за рукав и, прижав пальцы к губам, тихонько увела его из кухни. Дверь бесшумно закрылась.

Никогда еще Петька не попадал в такое глупое положение. Кричать, требуя, чтобы его выпустили, ему казалось делом безнадёжным и унижительным. Он мог бы поднатужиться и сломать или защелку, или дверцу шкафа. Но ему было ясно, что, сделав это, он будет чувствовать себя очень неловко перед Самбо и перед ее родителями.

Авторы приключенческих романов любят прерывать повествование на самом интересном месте, как раз в тот момент, когда герои их попадают в отчаянное положение. Так поступлю и я: оставлю детектива сидеть под мойкой и расскажу, с чего началась вся эта история с пылесосом и полотером.

Сердечная тайна Занозы

Неделю тому пазад звено Люси Пролеткиной осталось после уроков. Была его очередь мыть в классе пол.

Уборка класса, мытье пола — дело не очень-то приятное. Но раньше эту работу еще можно было терпеть. Она производилась под наблюдением Киры Леонидовны, женщины энергичной, веселой, любившей пошутить. В конце сентября Кира Леонидовна тяжело заболела, и у класса появилась новая руководительница — Вера Прокофьевна. Ни Люся, ни другие ребята, оставшиеся сегодня в классе, еще не занимались мытьем полов под надзором Веры Прокофьевны. Но за эти три недели они хорошо познакомились с ней и теперь твердо знали: тоска будет смертная.

Так оно и получилось. Вера Прокофьевна явилась в класс сразу же после звонка. Она была высокая, сухая, жилистая.

— Кажется, все в сборе, — отчеканила она резким голосом. — Это отрадно, что вы такие сознательные. А то на прошлой неделе половина уборщиков разбежалась.

Вера Прокофьевна даже с одним человеком говорила так громко и отчетливо, словно перед ней был шумный класс. Похвалив ребят за сознательность, она взяла стул, поставила его в угол рядом с дверью и села на него, не облокачиваясь о спинку, скрестив руки на груди.

Ребята не первый раз занимались уборкой. Каждый знал свои обязанности. Мальчики принесли ведра с водой, сдвинули парты в одну сторону и принялись протирать их мокрыми тряпками. Девочки посыпали пол содой, плеснули на него воды и стали тереть половицы щетками. Минуты две Вера Прокофьевна молчала, а потом вдруг громко проговорила:

— Так, так! Я вот с вами еще мало знакома. Вот теперь я погляжу, кто из вас белоручка, а кто настоящий труженик. Вот на таких-то делах и познаются люди.

Вера Прокофьевна хотела подбодрить ребят, а прозвучала эта фраза угрожающе. Все продолжали работать молча. Лишь изредка кто-нибудь коротко произносил:

— А ну-ка, помоги!

Это когда нужно было передвинуть парту.

— Ребята, воду!

Двое мальчиков забирали ведра с грязной водой и уходили.

— Не сходит. Потри еще.

Мокрая щетка начинала ерзать в одном месте, где на полу синело чернильное пятно.

Люся намочила в воде большую тряпку и принялась начисто вытирать ею надраенный щетками пол. Выжимая тряпку над ведром, она незаметно для себя вздохнула.

— Вдыхаешь, Пролеткина,— заметила Вера Прокофьевна.— Как видно, тяжела для тебя такая работа. Не приучили тебя дома к простому физическому труду.

— Не тяжелая эта работа, а просто скучная,— сдержанно сказала Люся.

— А по-твоему, значит, человек должен заниматься только тем, что ему интересно? Напрасно ты так думаешь, Пролеткина. Интересным делом заниматься легко... это каждый захочет сделать то, что ему интересно. А вот ты приучи себя терпеливо выполнять работу скучную, неприятную... Вот тогда ты станешь настоящим человеком.

Ребята прекрасно знали, что в жизни приходится заниматься делами скучными, неприятными, но Вера Прокофьевна заговорила об этом в поучительном тоне, и Люсе сразу захотелось ей возразить.

— А мой папа говорит совсем другое,— сказала она негромко, водя тряпкой по полу.

От неожиданности учительница замолчала.

— Так что же говорит твой папа?

— Мой папа говорит, что любую, даже самую скучную работу можно сделать интересной, если к ней подойти творчески.— Эту фразу Люся произнесла уже погромче. Затем она повернулась спиной к учительнице и принялась полоскать тряпку в ведре.

Кто-то из ребят хихикнул.

— Интересно,— раздался голос Веры Прокофьевны.— Интересно, как же твой папа станет творчески мыть полы? Ты не скажешь мне, а, Пролеткина?

Ребята захихикали еще громче.

Люся злилась на себя. Она и сама не знала, как это творчески мыть полы. Она просто повторила услышанную от отца фразу, лишь бы возразить раздражавшей ее учительнице.

— Что ж ты молчишь, Пролеткина? Мы ждем.

И вдруг Люсю словно осенило. Она выпрямилась и посмотрела на учительницу в упор, склонив голову набок.

— Можно, например, какую-нибудь механизацию провести.

Вера Прокофьевна уставилась на нее во все глаза:

— Что?

— Можно, например, какую-нибудь машину изобрести, чтобы она мыла полы.

— Ух ты! — хохотнул один из мальчишек.

— Люська, ну довольно тебе глупости болтать! — с раздражением сказала Соня Тетеркина.

— Да, Пролеткина! — поддержала ее Вера Прокофьевна. — Прежде чем изобретать, надо вооружиться знаниями, дорогая моя. А пока ты вот стоишь да разглагольствуешь, а твои товарищи трудятся.

Больше Заноза ничего не возражала. Ей уже было не до споров с учительницей. Мысль о поломоечной машине привела ее к такой идее, что сердце у Люси заколотилось от радости, как барабан.

Дело в том, что в школе был клуб — Клуб юных конструкторов, — а в клубе был староста, девятиклассник Эдик Лазовский. Он был высокий и стройный. Он ходил всегда с гордо поднятой головой. У него были черные насмешливые глаза и крошечные темные усики. Не только во всей школе, но и во всем мире не было для Люси человека красивее и обаятельнее, чем Эдик. Он казался ей также и самым умным, самым благородным человеком на свете, хотя она ни разу двух слов с Эдиком не сказала. Чего бы только не отдала Заноза, лишь бы ее приняли в Клуб юных конструкторов! Но правила приема в этот клуб были строгие. Туда принимали ребят начиная с шестого класса, да и то с разбором. Туда нужно было явиться с определенной технической идеей, нужно было твердо знать, над чем ты хочешь работать, как ты эту идею собираешься осуществить. Люся считала Машу Самбо бесчувственной колодой, не понимающей своего счастья. У Машки были способности к технике, она придумала какое-то там «изготовление мелких деталей способом гальванопластики». Она дважды в неделю посещала клуб, виделась с Эдиком, разговаривала с ним и даже ссорилась с ним, как будто это был не сам Эдик Лазовский, а просто так, обыкновенный мальчишка. Сколько вечеров проворочалась Люся без сна в постели, сколько двоек получила она, пытаясь придумать во время уроков эту самую «техническую идею»! Ничего ей в голо-

ву не приходило. И вот теперь эта идея явилась сама собой! Да еще какая идея! Только тупицы вроде членов Люсиного звена могли ее не оценить.

Заноза была самой тихой девочкой в классе, она говорила, не повышая голоса, она даже двигалась бесшумно. Но внутри нее часто klokотали страсти. И вот теперь она молча вытирала тряпкой пол, молча полоскала тряпку в ведре с водой, молча отжимала ее, и никто из ребят не догадывался, что произошло с ней за эти несколько секунд. Сегодняшний день, такой будничный, такой обычный, теперь казался ей самым замечательным днем ее жизни. Она уже представляла себе, как Эдик читает газету, а в этой газете написано о ней, о Люсе Пролеткиной, изобретательнице чудесной поломоечной машины, освободившей миллионы школьников от скучной и неприятной работы.

Вместе с другими ребятами Люся поставила на место парты, вернула пяночке щетки, ведра и тряпки, вместе с другими ребятами она умылась. Потом она незаметно отделилась от ребят и побежала на третий этаж, туда, где в двух комнатах размещался клуб.

Люся знала, что по расписанию сегодня занятий в клубе нет, но она знала также, что там в любой день после уроков можно застать или руководителя клуба — преподавателя физики Митрофана Фомича, или преподавателя по труду Ивана Егорыча, или кого-нибудь из активистов.

Еще издали, идя по пустому коридору, она заметила, что дверь клуба чуть приоткрыта. Подойдя к двери, Заноза распахнула ее и остановилась на пороге.

Она увидела большую комнату, пустые столы с приделанными к ним тисками, какие-то станки и станочки, модели ракет и самолетов, подвешенные к потолку, множество каких-то приборов в шкафах, на шкафах и на полках вдоль стен. В комнате находился всего лишь один человек...

Этим человеком был Эдик Лазовский!

Он стоял перед столом, держа зажженную лампу на длинном шнуре. По столу двигалась известная всей школе электрическая черепаха. Она двигалась в сторону лампы. Если Эдик внезапно переносил лампу куда-нибудь вбок, черепаха начинала вертеть своей круглой головой — фотосопротивлением и, «увидев» лампу, снова направлялась к ней.

Люся надеялась застать Эдика в клубе, но она никак не рассчитывала столкнуться с ним один на один. Оттого, что ей придется разговаривать именно с Лазовским, Заноза совсем растерялась.

Когда она вошла, Эдик оглянулся, но он смотрел на Люсю не больше двух секунд.

— Откуда ты, прелестное дитя? — спросил он без всякого любопытства и снова занялся своей черепахой.

Люся молчала.

Эдик выключил лампу и стал сматывать длинный электрический шнур. Тут он снова посмотрел на Люсю:

— Ты кого-нибудь ищешь?

Люся отрицательно покачала головой. Она и не подозревала, что у нее сейчас довольно глупый вид: ступни поставлены носками внутрь, растопыренные ладошки прижаты к ногам, голова склонилась набок, а рот слегка приоткрыт.

Эдик взял черепаху и понес ее в шкаф.

— Так в чем же дело? — безучастно спросил он.

— У меня идея, — с трудом выдавила Люся.

Наконец-то Эдик проявил некоторое любопытство. Он даже приостановился:

— Гм! Идея? Какая идея?

— Техническая, — тихо ответила Люся.

Эдик уже совсем пристально смотрел на свою обалдевшую посетительницу. Губы его как-то странно подрагивали.

— Ну, давай излагай свою идею.

— Поломочная машина...

— Что?

— Такая машина, чтобы полы мыть. Я хочу ее изобрести. Чтобы ребятам не мыть полы.

Эдик громко и очень весело захохотал. Он хохотал, идя к шкафу, отгирая его, ставя черепаху в шкаф... А заперев шкаф, он, продолжая смеяться, закричал:

— Митрофан Фомич, идите сюда! Нет, вы только посмотрите, какой экземпляр!

Из соседней комнаты вышел очень высокий, очень полный человек — учитель физики Митрофан Фомич. Ребята прозвали его «Дер Элефант», но не только за то, что он был тучен и высок. Дело в том, что у него была привычка покачиваться. Он ходил, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Когда он разговаривал с кем-нибудь стоя, он тоже ритмично покачивался, переносил тяжесть своего тела с одной ноги на другую.

— Какой, ты говоришь, экземпляр? — спросил он очень низким, гудящим басом.

Эдик упал на стул, бессильно свесив руки, и захохотал еще громче. Вдруг он вскочил.

— Извините, Митрофан Фомич, — сказал он, сдерживаясь. — Но... но пусть она вам сама объяснит... Вам... вам обязательно самому надо послушать.

Дер Элефант подошел своей качающейся походкой к Люсе. Руки у него были заложены за спину.

— Так что же ты должна мне объяснить?

С появлением учителя все смятение Люси куда-то исчезло.

— По-моему, тут ничего смешного нет,— негромко, но отчетливо сказала она.— Я хочу работать в клубе. Я хоть в пятом классе, но у меня есть техническая идея: я хочу изобрести такую машину, чтобы она мыла полы. Чтобы ребятам не приходилось мыть.

Дер Элефант внимательно посмотрел на Люсю, потом оглянулся на Эдика.

— По-моему, тоже тут ничего смешного нет,— сказал он.

Эдик снова хохотнул, но смех его был какой-то неуверенный.

— Митрофан Фомич! Ну вы только подумайте: в нашем клубе... поломочная машина!

— И все-таки не вижу тут ничего смешного. Мы увлекаемся моделями космических кораблей, моделями космических ракет, моделями кибернетических машин, но все это лишь модели... а тут нам предлагают построить машину, которая реально облегчала бы труд. По-моему, задача интересная.— Учитель снова обратился к Занозе: — И как же ты собираешься эту задачу решить?

Люся молчала.

— У тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— У меня мысли еще нет, но я хочу работать в клубе, чтобы ее изобрести.

Эдик снова заулыбался.

— А вот это уже хуже, дорогая,— сказал, помолчав, Митрофан Фомич.— Одного желания что-нибудь изобрести мало. Нужно хотя бы в общих чертах представлять себе, как ты осуществишь свой замысел. Нужно, понимаешь ли, не только хотеть изобрести, но хотя бы наполовину уже изобрести. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. До свиданья! — тихо сказала Люся.

Она повернулась и быстро пошла, прижимая ладошки к ногам. Ей хотелось плакать, но даже сейчас, идя по пустому коридору, она сдерживалась. От стыда, от досады на себя ушам было жарко. Только теперь, поговорив с учителем, Люся поняла, какую она разыграла дуру перед Эдиком Лазовским.

— Идиотка безмозглая! Кретинка паршивая! — шептала она, сбегая по лестнице.

Но вот она выбежала на оживленную, светлую улицу, и настроение у нее вдруг изменилось.

Ладно! Пусть Эдик Лазовский над ней смеялся, но Митрофан-то Фомич сказал, что такая машина нужна! Значит, надо

изобрести такую машину и утереть нос этому противному типу с усиками, показать этому зазнавшемуся пижону, кто такая Людмила Пролеткина!

И Люся начала изобретать. Она не пошла домой, она стала петлять по улицам, по переулкам... Прохожие недоуменно поглядывали на странную девочку с длинными, как червяки, ногами и хорошеньким овальным личиком. Она шла носками внутрь, заложив руки за спину. Она шла, широко открыв глаза, но ничего не видя. Людям приходилось сторониться, чтобы не столкнуться с ней: когда она переходила улицы, машины скрежетали тормозами, а шоферы ругались.

Но ничего у Люси не вышло. Никогда в жизни она не изобретала. Она просто не знала, с чего начать. Побродив так минут тридцать, Заноза направилась домой.

Разговор у подъезда

— Эй! — окликнул кто-то ее, когда она вошла во двор. Люся увидела Митю Клюквина, который учился в параллельном классе, а жил на одной площадке с ней.

Заноза остановилась. Клюквин подошел к ней.

— Слушай! — заговорил он быстро, отрывисто и деловито. — Мне Тетеркина сейчас рассказала... как над тобой в классе надсмехались... А я сразу понял, что это дело, и сразу пошел к тебе. Я тебя здесь уже целый час жду. — Заметив, что Заноза ничего не понимает, Клюквин приостановился на секунду и продолжал: — Одним словом, так: хочешь вместе поломочную машину изобретать?

Люся не сразу ответила. Она долго и внимательно разглядывала своего лопоухого соседа.

— А ты умеешь изобретать? — тихо спросила она.

— Ты что, про мой автомат не слыхала? — с удивлением спросил Клюквин.

Люся молча покачала головой.

— Понимаешь, такой ящик, а на нем надпись: «Автомат для продажи спичек». Опускаешь копейку, а в окошечке появляется еще надпись: «Автомат не работает». О нем весь дом знает. Я, наверно, копсек тридцать заработал... Все опускают, и никто не обижается: смеются только.

Тут Люся вспомнила, что она действительно что-то слышала об автоматическом мошеннике Мити Клюквина. А Клюквин, не дав ей слова вымолвить, продолжал:

— Я и поломочную машину почти изобрел.

Люся смотрела на Митьку. Врет он или не врет? Только сей-

час она убедилась, что не может даже подступиться к такому делу, как изобретательство, а этот лопоухий уже говорит, «почти изобрел»!

— Ну, дальше! — сказала Заноза.

— Электрополотер! Понимаешь? — проговорил Клюквин.

Люся отрицательно помотала головой.

— Мне Тетеркина рассказала, как ты предложила полочную машину изобрести... Я сразу понял, что это дело, и пошел к тебе... Прихожу — а твоя бабушка электрическим полотером пол натирает. Я как посмотрел на этот полотер, так у меня шарики и завертелись: ведь можно же этим полотером полы мыть! Полил пол водой, а полотер надраивает. И можно даже сделать знаешь как? Можно сделать так, что и воду ведрами не надо таскать... Можно купить кишку, вроде как у клизмы, только длинную-длинную... Кишку надеть на кран в умывальной, провести в класс и из нее поливать... Понимаешь? А?

Никогда в жизни Люся не испытывала столько переживаний, как за один сегодняшний день. То она ликовала, возомнив, что сделала изобретение; потом она ушла из клуба как оплеванная, поняв, что ее «изобретение» еще вовсе не изобретение; потом она решила, что изобретать могут только люди какие-то совсем особенные. И вот теперь перед ней стоял круглоголовый, с торчащими ушами Митька и предлагал удивительно простую вещь: мыть полы не щеткой, а полотером. Что это, изобретение?

Люся прикинула в уме: натирать пол гораздо легче электрополотером, чем обычной щеткой. Значит, и мыть его будет легче, если только водить по нему полотером, а драить его будут щетки.

Заноза очень пристально смотрела в круглые Митькины глаза.

— Слушай, а почему ты говоришь, что почти изобрел?

Клюквин ответил:

— Потому, что я придумал, как мыть пол, а как его насухо вытирать, еще не придумал. А это самая грязная работа. Только сначала полотер испытать надо: будет он мыть или нет? А то, может, я чего-нибудь не учел.

— А как... испытать? Кишку надо купить?

— Сначала можно без кишки... Просто из чайника будем пол поливать. Главное — проверить, хватит у него силы, чтоб мыть, или нет.

Заноза очень близко придвинула свой нос к носу Клюквина. Между носами она поставила торчком указательный палец.

— Митька, слушай меня: никуда сегодня из квартиры не

выходи. Как только наши уйдут, я тебе позвоню. Митька, ты будешь сидеть дома?

— Ага. Буду, — понизив голос, ответил Ключвин, и они разошлись.

«М и т ь к а? И д и!»

В тот день Люся похудела, наверно, не меньше чем на килограмм, так она изнервничалась.

Когда она пришла домой, Маши не было, а бабушка сказала, что собирается схать в ГУМ. Люся проглотила свой обед за пять минут, лишь бы не задерживать бабушку. Бабушка уже надела пальто, как вдруг заметила, что рукав его испачкан масляной краской (как видно, она задела где-то за свежеевыкрашенную дверь). Бабушка сняла пальто и стала очищать краску тряпочкой, смоченной в бензине, потом она сходила к соседке и попросила у нее пятновыводитель. Когда пальто было вычищено, бабушка сказала, что к обеду она не успеет (она обедала с папой и мамой), и решила пообедать сейчас. Потом позвонила телефон, и бабушка с полчаса разговаривала по каким-то делам совета пенсионеров. Когда она наконец ушла, звать Митьку было уже поздно: вот-вот должны были явиться родители.

За обедом папа с мамой заговорили о том, что надо сегодня же навестить тетю Веру, что это безобразие так долго не навещать больную старуху. Люся возликовала: тетя Вера жила очень далеко, за Новыми Черемушками. Но пока папа с мамой собирались, вернулась из ГУМа бабушка, а за ней явилась Машка.

Поговорить с Ключвиным по телефону Люся не могла. Она то и дело выходила на площадку, звонила у квартиры Ключвиных и, вызвав Митьку, шептала:

— Еще совсем немножко подожди. Минут через пятнадцать уйдут!

Так оба и протомились, пока их не уложили спать. Зато на следующий день изобретателям повезло. Когда сестры вернулись из школы, на столе в кухне они нашли записку: «Вернись не скоро. Обедайте сами. Бабушка». После обеда Маша сразу уехала покупать медный купорос для своей гальванопластики. Когда Самбо ушла, Люся почему-то на цыпочках подбежала к телефону, быстро набрала номер и впервые произнесла два слова, которые потом повторяла много раз:

— Митька? Иди!

Ключвин тотчас явился, дожевывая котлету. Они достали

из стенного шкафа полотер (на них, как всегда, упала раскладушка). Полотер втащили в кухню.

— Тесновато тут, — сказал Клюквин. — Давай вынесем этот стол и эти стулья! Чтоб уж испытания так испытания!

И они, пыхтя и надрываясь, выволокли из кухни обеденный стол, вынесли все стулья.

Испытания начались. Клюквин поставил электрополотер среди кухни. Он еще не отстегнул защелку, державшую ручку, и та стояла торчком.

— В чайнике вода есть? — спросил он, разматывая шнур.

Заноза приподняла с плиты чайник и молча кивнула головой. От волнения ей трудно было говорить.

— Когда я скажу, ты лей. Только потихоньку лей... а я буду орудовать.

— Куда лить? — тихо спросила Заноза.

— Ну, на пол, конечно. Не мне же на голову! — Клюквин вставил вилку в штепсель, и тут же оба вытаращили глаза: полотер взвыл и волчком завертелся на одном месте, наматывая на ручку длинный провод.

Митька быстро выдернул вилку, подбежал к полотеру и схватил его. Оказалось, что выключатель на ручке был поставлен в положение «включено».

Клюквин прижал ладонь к груди и посмотрел на Люсю.

— Фу-ты!.. — вздохнул он. — У меня даже сердце заколотилось.

— Он... он прямо, как живой, затанцевал, — пролепетала Люся.

Отдышавшись немного, Митя опять вставил вилку в розетку. На этот раз полотер не пустился в пляс. У Клюквинных электрополотера не было, но Митя хорошо изучил эту машину, потому что часто помогал натирать полы своей соседке по квартире. Он нажал ногой на защелку и, взявшись за ручку, поставил ее в наклонное положение.

— Ну... начнем? — сказал он, взглянув на Люсю круглыми голубыми глазами. Он был очень серьезен. Даже бледен.

Заноза молча кивнула.

— Лей! — очень тихо скомапдовал Митька.

Люся наклонила чайник, и тоненькая струйка воды полилась на пол. По линолеуму потекли два ручейка: один направился в сторону холодильника, другой — к двери.

— Зигзагами лей, — сказал Клюквин, все еще не включая полотера.

Люся стала покачивать чайник. На полу теперь появились зигзагообразные полосы. Они постепенно растекались, сливаясь в ровную лужу.

— Хватит! — скомандовал Клюквин.

Люся отошла в сторону. Митька включил полотер, тот завыл. Изобретатель вдвинул его в лужу, площадь которой достигала уже квадратного метра.

Не отрывая глаз от лужи, Заноза медленно пятилась к подоконнику.

— Моет! — воскликнула она. — Митька! Ведь он же моет!

— Во! Моет! — расплывшись в улыбке, подтвердил Клюквин.

Полотер действительно мыл. Вода, которую баламутили щетки и которая брызгами летела во все стороны, стала совсем мутной.

Вой полотера изменился. Он стал низким, прерывистым. Ручка полотера отчаянно дергалась и дрожала в ладонях у Клюквина. Но изобретатели не обращали на это внимания. Митька вошел в азарт.

— Давай лей еще! Сюда лей! Уж испытывать так испытывать! — закричал он под рев полотера.

Люся стала поливать из чайника уже полной струей, а Клюквин принялся водить машину по всей кухне. Наконец он выключил полотер. Наступила удивительно приятная тишина. В кухне пахло горячим машинным маслом. Заноза и Клюквин смотрели друг на друга и счастливо улыбались.

— Митька! — наконец сказала Люся. — Я сколько лет учусь с тобой в одной школе и даже не знала, что у тебя такая голова!

Клюквин пропустил эту похвалу мимо ушей. Он снова заговорил, что сделана только половина дела, что надо механизировать удаление с пола воды.

— Ты вот чего, — сказал он, — ты достань тряпку и вытирай пол, а я посмотрю, что тут можно придумать.

Заноза извлекла из-под мойки тряпку и стала вытирать ею мокрый пол. Изобретатель следил за каждым ее движением: он наклонялся, держась руками за колени; он садился на корточки, глядя, как Люся возит тряпкой по полу; он подымался на цыпочки и вытягивал шею, когда Люся выжимала тряпку над мойкой. Однако на сей раз он ничего придумать не смог. Он попрощался с Занозой, сказав, что позвонит, как только у него появится какая-нибудь идея. А вечером для Люси началась жизнь, которую в книжках зовут жизнью на вулкане.

Неприятности

Сначала все было очень хорошо. Папа, который работал начальником геодезической партии и которому до смерти надоели командировки, сегодня узнал, что ему уезжать не через неделю, а через два месяца; мама, работавшая юрисконсультком, сегодня отсудила в пользу своего завода двенадцать тысяч рублей с какого-то другого предприятия; бабушка была очень довольна, что наконец-то выгнали из совета пенсионеров некоего Крынкина, клеветника и склочника. Кроме того, у нее отлично получилось новое блюдо — треска с майонезом, запеченная в духовке. Когда у взрослых в семье настроение хорошее, тогда и детям не на что жаловаться.

После ужина все остались сидеть за кухонным столом. Папа, облаченный в теплую пижаму, читал журнал «Наука и жизнь», мама вязала себе джемпер. Папа прочел вслух несколько анекдотов из отдела юмора, мама рассказала о том, как глупо себя вел юрисконсульт Кожгалантереи. Все очень смеялись.

Тут бабушка решила внести свою лепту в общее веселье. Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на полной груди и сказала, хитро улыбаясь:

— Ну, а теперь, граждане, интересно было бы узнать, что это вытворяла наша Мария сегодня на кухне.

Маша выпрямилась и широко открыла глаза:

— На кухне?

— Да, именно здесь, на кухне.

— Когда?

— А вот тогда, когда никого в доме не было. И ты, милая, не прикидывайся, у меня тоже наблюдательность есть.

Маша замотала головой:

— Ничего не понимаю!

— Не понимаешь? Ах, ты, значит, не понимаешь? А кто сегодня в кухне пол мыл? — с торжеством спросила бабушка и, прищурив левый глаз, уставилась на Машу правым.

Только теперь Заноза смекнула, в чем дело. Ей стало не по себе. Маша тупо смотрела на бабушку.

— Пол?... — машинально переспросила она.

Папа с мамой переглянулись.

— По правде сказать, я тоже ничего не понимаю, — пробормотала мама. — Михаил, ты что-нибудь понимаешь?

— Гм! Я тоже что-то не очень...

И тут бабушка рассказала, как она вернулась домой, как вошла на кухню и как ей бросился в глаза чисто вымытый пол, который она только собиралась сегодня вечером вымыть.

— Да не мыла я никакого вашего пола! — уже громко воскликнула Маша. — Понимаете, не мыла!

Мама склонила голову набок и опустила вязанье себе на колени.

— Машка! — укоризненно сказала она. — Ну до чего же ты все-таки тяжелый человек! Ну чего ты злишься? Ведь бабушка тебя ни в чем не обвиняет. Бабушка прекрасно понимает, что ты могла нечаянно разлить или рассыпать какие-нибудь химикалии... Пойми ты, что ничего тут дурного нет. Наоборот, это хорошо, что ты догадалась убрать за собой. Какая ты...

Мама не договорила, а Заноза съсжилась. Сидевшая с ней рядом Самбо поднялась со стула. Серые глаза ее сузились, скуластое лицо порозовело.

— А я говорю, что я вашего пола не мыла, — сказала она глухим басом, затем она уперлась кулаками в бока, посопела немного и закричала сквозь слезы уже во весь голос: — Я вашего пола не мыла! Ясно вам? Не мыла! Не мыла!

Треснула дверь, ведущая из кухни в переднюю, хлопнула дверь, ведущая из передней на лестницу. Оставшиеся в кухне молчали по крайней мере минуту.

— Что за характер все-таки! — вздохнула мама.

Папа посмотрел на Люсю:

— Люська, а ты, случайно, не того... пол не мыла?

Едва только бабушка завела разговор о поле, Люся стала напряженно думать, как ей поступить. Сказать, что это она вымыла пол? Но тогда ее спросят, зачем она это сделала. Сказать, что ей захотелось помочь бабушке? Но в такую добродетельность едва ли кто-нибудь поверит. Значит, честно рассказать про поломочную машину? Но тогда придется поведать и о том, как мочили в воде электрополотер, а Люся не была уверена, что бабушка это одобрит.

Пока Заноза раздумывала обо всем этом, Маша уже раскричалась, захлопала дверьми, и Люся поняла, что признаваться в чем-нибудь уже поздно. Она слегка пожала плечами и взглянула на папу с грустным удивлением.

— Ну папа... ну ты скажи: зачем мне это нужно?

Бабушка вздохнула и покачала головой.

— Что я люблю в своих внучках, так это откровенность, — сказала она. — Пол кто-то из них вымыл из каких-то своих тайных побуждений... Хотя бы из вежливости могли бы сообразить, что хотели сделать приятное бабушке. Так нет: «зачем мне это нужно», и всё тут!

Заноза пожелала взрослым спокойной ночи и удалилась к себе в комнату. Там она быстренько разделась и юркнула под одеяло. Она еще не спала, когда явилась Маша. Люся притво-

рилась спящей, но потом ей захотелось посмотреть, что поделывает ее сестра. Она открыла один глаз как раз в тот момент, когда Маша, держа в руках чулок, пристально смотрела прямо ей в лицо. Самбо дернула подбородком и погрозила Занозе кулаком, а та быстро закрыла глаз.

Утром Самбо проснулась в прекрасном настроении и даже не вспомнила о вчерашнем разговоре. После обеда Люсе позвонил Клюквин и шепотом сказал, чтобы она вышла во двор.

— У тебя двадцать копеек есть? — спросил он, когда они встретились.

— Есть.

— Тогда давай, а то у меня не хватает. Мы сейчас кишку купим.

— Какую кишку?

— От клизмы... ну, для полomoйки нашей. У нас в аптеке такую кишку продают — во всей Москве не найдешь!

И он объяснил, что трубки для клизмы обычно продаются уже нарезанными метра по полтора, а тут он увидел в аптеке огромный моток, от которого продавец может отрезать хоть три метра, хоть пять. Словом, сколько попросишь.

— А как вытирать пол, ты придумал? — спросила Люся.

— Нет, пока не придумал. Мы сегодня знаешь что сделаем? Прицепим кишку к полотеру, а другой конец — к водопроводному крану. Поглядим, как полотер с кишкой работает.

Сначала Люсе показалось, что нетрудно без всяких испытаний представить себе, как будет работать полотер с кишкой. Потом она вспомнила, что ничего не понимает в технике, и решила не перечить Клюквину. Она только спросила, нельзя ли на этот раз произвести испытания у него в квартире, но Клюквин сказал, что у них квартира коммунальная: там на кухне всегда торчит кто-нибудь из соседей.

И снова, оставшись одна, Заноза позвонила по телефону и тихо сказала: «Митька? Иди!» Клюквин явился с кишкой длиной в пять метров, один конец которой они привязали к ручке полотера, а другой с большим трудом надели на водопроводный кран. Снова они водили полотером по мокрому полу, пока от машины не запахло горелым. Клюквин сказал, что вполне удовлетворен испытаниями и что теперь он вплотную приступит к вопросу об откачке воды.

Папа и мама вернулись поздно ночью, а бабушка и Самбо пришли домой еще засветло. Люся была уверена, что бабушка на этот раз не обратит внимания на пол: к ее приходу он уже высох, к тому же он утром был еще совсем чистый. Но вот бабушка ушла на кухню, провела там не больше минуты и вышла оттуда с поджатыми губами и неподвижным лицом. Так она и

проходила весь день с поджатыми губами. На внучек она не смотрела, а когда они к ней обращались с чем-нибудь, еле отвечала. Заноза сразу смекнула, в чем дело, и помалкивала, с тревогой поглядывая на старушку.

— Бабушка, чего это с тобой? — наконец спросила она. — Чем ты расстроена?

— Оставь меня в покое, — скорбно и сухо ответила бабушка и удалилась из комнаты.

— Что это с ней? — спросила Маша сестру.

— Ничего не понимаю! — пожала плечами Люся.

И только вечером, когда сестры улеглись спать и потушили свет, бабушка внезапно появилась на пороге.

— Весь день, Машка, ждала, когда ты скажешь правду. И так не дождалась! Ну, не стыдно тебе, Машка, а?

Самбо села на постели:

— Ну где я не сказала правду? Где?

— А помнишь, когда мы встретились во дворе, я тебя спросила: «Ну как, надеюсь, ты сегодня пол не мыла?»

— Ну, я ответила: «Не мыла». И еще я сказала: «Чего вы все пристали ко мне с вашим полом!»

Бабушка покачала головой и подняла указательный палец:

— Вот именно! А я, между прочим, сегодня утром на пол специально чернилами накапала, и именно там, где никто не ходит. А к вечеру все пятна исчезли. Стыдно, Мария!

Бабушка тихонько прикрыла дверь, оставив сестер в полумраке.

Заноза очень быстро сообразила, что сейчас произойдет, и успела подготовиться к обороне. Пока Самбо вставала с постели, пока она, сжав кулаки, шла в одной ночной сорочке к Люсе, та быстро вскочила на кровати, прижалась спиной к стене и широко-широко открыла рот. Самбо поняла, что сейчас раздастся такой визг, что не только домашние сбегутся, но и соседи в стену застучат.

А еще через день Клюквин подошел к Люсе и сказал, что у него есть новая идея: надо сзади привязать к электрополотеру тряпку. Полотер будет мыть пол, а тряпка — вытирать его. Люся уже не рада была, что связалась с изобретателем, но она все-таки впустила его, когда все из дому ушли.

С тряпкой ничего не получилось. Ее то и дело приходилось отцеплять от полотера, чтобы выжать воду. Вечером дела в семье приняли совсем скверный оборот. Бабушка впервые заметила грязные брызги на кафельных стенах и показала их маме. Тут мама, помогавшая бабушке мыть посуду, не выдержала: она брякнула ножи и вилки в мойку и закричала, что это, в конце концов, просто безобразие, что надо быть полной идиот-

кой, чтобы в тринадцать лет загаживать новую квартиру, которую с таким трудом получили.

В кухню вошел папа. Он только что принял ванну и был одет в пижаму, которая к нему очень шла. Небольшого роста, худощавый, он был сейчас как-то особенно хладнокровен.

— Значит, таким образом, — сказал он сестрам, постукивая мундштуком папиросы по крышке портсигара, — я не хочу оскорблять Марию необоснованными подозрениями: может быть, виновата она, а может быть, Людмила. Так что разбейтесь между собой сами. Но предупреждаю: если это еще раз повторится, будете наказаны обе. Пусть ту, из-за которой пострадала невиновная, мучает совесть.

Больше папа ничего не сказал. Ничего не сказали ни мама, ни бабушка. И даже Мария на этот раз не устроила истерики. Весь вечер она не промолвила ни слова, только громко сопела. Занозе было ужас как не по себе: ведь затишье перед бурей всегда страшнее самой бури.

Бури так и не последовало, но Занозе от этого не стало легче. Дома, пока сестры одевались и завтракали, Самбо как-то очень странно на Люсю поглядывала. В школе на переменах Машка шепталась со своей подругой Ирой, и, встречая Люсю, они тоже как-то странно поглядывали на нее.

Однажды мимо нее по коридору пробежал Клюквин. Он на две секунды задержался возле Люси.

— Люська! Все! Готово изобретение! — сказал он, торжественно улыбаясь. — Сегодня звони!

— Пошел ты знаешь куда?.. — начала было Заноза.

Но изобретатель уже не слышал ее: он спешил куда-то с компанией других мальчишек.

А после уроков случилось такое, что Люся решила не ссориться с Клюквиным. Сбегая по лестнице в раздевалку, она столкнулась с Эдиком Лазовским и Митрофаном Фомичом. Эдик заулыбался и преувеличенно вежливо поклонился ей, а Митрофан Фомич положил ей на темя большую мягкую ладонь.

— Ну-с... не придумала еще, как осуществить свою идею?

— Еще... я... еще не придумала, — тихо ответила Люся.

— Ну, думай, думай! А то я, знаешь ли, хочу предложить работать над этой темой своим конструкторам. Вот, например, товарищ Лазовский наконец понял, что над такой задачей стоит поломать голову. Я не ошибаюсь, товарищ Лазовский?

Высокий, очень стройный Лазовский опять улыбнулся.

— Нет. Совершенно верно, — сказал он, обращаясь к Люсе, и опять ей поклонился.

Заноза даже не сообразила, что надо что-нибудь ответить. Она пошла прочь, так осторожно ступая, словно боялась разбу-

дить спящего. Сам Митрофан Фомич торопит ее с изобретением! Сам Эдик Лазовский собирается ломать себе голову над задачей, которую предложила она, Людмила Пролеткина! Нет! Она еще помнит, как он издевательски хохотал над ней. Нет! Нельзя допустить, чтобы этот воображала сам изобрел поломочную машину! Надо утереть ему нос! Надо опередить его!

Люся бросилась искать Митю Клюквина, но он уже из школы ушел.

А дома она застала у Маши ту же Иру, и они всё так же шептались и всё так же странно поглядывали на нее. А потом они удалились в комнату родителей, где был телефон. Закрыли дверь и кому-то звонили, и при этом Ирка говорила так тихо, что Заноза, как ни прислушивалась, ничего не могла разобрать.

А потом Ирка ушла, но вскоре к Маше пришел кто-то другой.

А потом Заноза заглянула в комнату к Машке и увидела там знаменитого на всю школу сыщика Петю Калача...

А потом... бабушка вынула из стенного шкафа мокрый полтер...

А потом... потом вы сами знаете, что произошло.

Заноза находит выход

Итак, значит, изобретатели тихонько удалились из кухни, оставив детектива взаперти под мойкой. Они вошли в комнату к Люсе и там долго стояли в молчании, хлопая глазами друг перед другом. Сыщик покричал, покричал, чтобы его выпустили, но скоро затих.

— Пылесос спалили... полтер, наверное, то же это самое... — вполголоса подвел итоги Клюквин.

Люся трагически смотрела на него большими карими глазами.

— Митька, а ты знаешь, что мне теперь будет? Мне теперь в семье лучше не жить!

Изобретатель дернул носом и вытер его рукавом.

— «Что мне будет, что мне будет»! — передразнил он. — У тебя отец хотя бы культурный... а у меня знаешь какой? Чуть что — и за ремень.

Клюквин скривил рот, часто задышал и стал вытирать рукавом уже не нос, а глаза.

— Мальчишка, а еще ревет! — прошипела Заноза. — Как будто меня Маша не отколотит. Придумать надо что-нибудь, а не реветь.

— Попробуй придумай! — всхлипнул изобретатель.

Заложив руки за спину, Люся деловито зашагала по комнате.

Изобретатель все еще всхлипывал. Из кухни слышался стук и голос детектива:

— Эй! Откройте, слышите! Все равно вам никуда не уйти.

Заноза остановилась. Когда детектив перестал кричать, она приблизилась к Клюквину и сказала:

— А вот я и придумала: нам из дому надо уйти.

Митя перестал плакать.

— Куда уйти? — спросил он.

Люся не сразу ответила. Она на цыпочках вышла в переднюю и прислушалась к тому, что делается в кухне. Оттуда не доносилось ни звука. Тогда она вернулась в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Понимаешь, мы должны уйти из дому и оставить записку: дорогие, там, папа, мама и все такое... Мы понимаем, что вы нас никогда не простите, и поэтому навсегда уходим из дому и будем сами зарабатывать себе на жизнь, и вы нас никогда не увидите. Понимаешь?

Клюквин обалдело смотрел на невозмутимую Занозу. В глазах у него уже не было ни одной слезинки.

— Как это — «навсегда ушли из дому»? Ты чего?.. А где мы будем жить?

Заноза смерила его таким взглядом, что он почувствовал себя круглым дураком.

— Знаешь, Клюквин... ты хоть и изобретатель, но все-таки ты какой-то недоразвитый. Нигде нам не надо жить... покатаемся в метро, и все.

— А... а... — начал было Клюквин и умолк.

— «А, а!» — передразнила Заноза. — Ты что, не понимаешь? Мы только напишем в записке, что убежали навсегда, а ночью вернемся.

— Да ведь еще больше попадет! — почти во весь голос вскрикнул Клюквин.

— Ой! С тобой говорить — ну прямо... Ведь в том-то и дело, что вовсе не попадет! Ты что, родителей не знаешь? Они так рады будут, что мы наконец нашли, что даже не вспомнят о каком-то там пылесосе.

Люсе еще долго пришлось уговаривать Митьку, прежде чем он понял наконец, что другого выхода нет.

— Ладно, — сказал он. — Схожу пальто надену.

— И вещи какие-нибудь захвати, — приказала Заноза. — Рубашку там, штаны... Хлеба кусок... Как будто мы взаправду навсегда уходим.

Клюквин ушел. Люся быстро натолкала в дерматиновую хозяйственную сумку всяких носильных вещей и продуктов, потом вырвала из тетрадки листок и нацарапала послание родителям.

Митька задержался. От нечего делать Заноза направилась в кухню, прихватив с собой сумку.

— Эй ты, сыщик! — сказала она вполголоса. — Сидишь?

Детектив под мойкой заворочался. Как видно, ему было уже совсем невмоготу: голос его прерывался, и в нем слышались жалобные нотки:

— Послушай!.. Ну... ну давай по-хорошему... Ведь я сломаю же дверь, и всё!

— И будешь отвечать, если сломает. Знаешь, такая мойка сколько стоит?

— Слушай! Выпусти, говорю! Чего ты этим добьешься?

— Машка тебя посадила, пусть она тебя и выпускает. — Люся помолчала. — А ты знаешь вообще, что ты наделал? Мы с Митькой теперь должны из дому убежать. Навсегда! И нас родные никогда больше не увидят. Ни мама, ни бабушка, ни папа, ни твоя Машка! — Заноза так ясно представила себе вечную разлуку с близкими, что голос ее слегка задрожал. — И все из-за тебя! В другой раз будешь знать, как соваться в чужие дела!

— Убежите? — прохрипело под мойкой. — Нет, это дудки!

Дверца мойки содрогнулась. Но то ли замок оказался прочнее, чем рассчитывал Петя, то ли сам он ослабел, так долго просидев скрючившись, — дверца не поддавалась. Увидев, однако, как она вздрагивает, Заноза отступила в переднюю.

— Скажи Машке, что я записку в комнате оставила! — крикнула она и вышла на площадку лестницы.

Там она встретила Митю, выходявшего из своей квартиры. Он показал ей авоську, набитую каким-то тряпьем.

— Еле выбрался с этой штукой. Мать дома: то в кухню уйдет, то в комнату войдет, то в кухню уйдет, то в комнату войдет...

События разворачиваются

Каждый месяц в Клубе юных конструкторов производилась генеральная уборка. В такие дни все инструменты и приборы тщательно протирались, а если пужно, то и смазывались. Устаревшие модели разбирались или просто выбрасывались. Из шкафов удаляли все ненужные детали, все обрезки материалов, которые уже не могли пойти в дело.

Конечно, не все члены клуба одновременно занимались убор-

кой. Для этого назначались дежурные, по одному от каждого кружка. Так как в клубе было девять кружков, то и уборщиков обычно было девять человек.

Маша навела порядок в шкафу кружка электрохимиков, потом вместе с авиамоделисткой Ниной Изюминой взялась за мытье полов.

Воду для девочек таскал сам Эдик Лазовский. Смелая, большеглазая Самбо ему очень нравилась. Он жалел, что не может пригласить ее в кино: все-таки неудобно — он в девятом классе, а она в седьмом. Кроме того, Эдик уважал Машу как большого специалиста по гальваностегии и гальванопластике. Маша умела никелировать различные детали: многие девочки в школе носили медные брошки, выращенные ею в растворе купороса, а потом посеребрённые с помощью ляписа, купленного в аптеке. Да что там брошки! С помощью своих одноклассников Маша изготавливала тончайшие медные трубочки для различных приборов, медные копии шестеренок, храповиков и других деталей, из которых она многие делала по заказам Эдика.

Во время уборки ребята, конечно, не только работали, но и много болтали. Охотно принимал участие в этих разговорах и Митрофан Фомич. То же самое происходило и сегодня, но Самбо не слышала, что говорят вокруг. Мысленно она была у себя на кухне. Что делает сейчас Петька? Привела ли Заноза своего четырехпалого сообщника? Удастся ли детективу поймать с полным заговорщиком? И тут ее словно что-то ударило в голову: да ведь она же захлопнула дверцу шкафа! Детективу теперь не выбраться из-под мойки!

Отчаянно торопясь, она протерла насухо свой участок пола, сбегала к умывальнику вымыть руки и, вернувшись в клуб, подошла к учителю, который разговаривал о чем-то с Эдиком Лазовским.

— Митрофан Фомич, разрешите мне уйти. Я очень спешу.

— Вот тебе раз! — прогудел Дер Элефант. — А мы как раз хотели тебе новую работу предложить. Ты что-нибудь слышала о печатных схемах?

— Ага. — Самбо кивнула и оглянулась на дверь.

— Вот мы и хотели, чтобы ты производство печатного монтажа наладила, — сказал Эдик. — Для карманных приемников и радиоуправляемых моделей. Для тебя это плевое дело. Согласна?

— Согласна... только... только я, право, очень спешу. Вы извините меня, Митрофан Фомич.

Эдик пригляделся к Машину лицу и, когда она повернулась, чтобы уходить, мягко взял ее за локоть.

— Поймай, Самбушка! Ты что-то расстроена. Митрофан Фомич, посмотрите на нее: лица нет!

— Какие-нибудь неприятности? — спросил Дер Элефант. Самбо не сочла нужным что-нибудь скрывать. Чтобы ее не задерживали, она решила все объяснить.

— Никаких особых неприятностей нет, а просто... ну, в общем, у меня под мойкой Петя Калач сидит.

— Что?.. — спросил Эдик.

— Где, ты говоришь, сидит? — спросил Митрофан Фомич.

— Ну, в кухне. В шкафу под мойкой. Петя Калач.

На несколько секунд воцарилось молчание.

— Гм! — сказал Митрофан Фомич. — А ты не объяснишь нам, на какой предмет оп... это самое...

Маша оглянулась и поняла, что ей без объяснений не уйти. Как только она сказала, что у нее под мойкой сидит Петя Калач, все уборщики, конечно, побросали работу. Теперь они стояли вокруг нее плотным кольцом. И Самбо торопливо рассказывала все про таинственную историю с вымытым полом, про то, как она заперла Петю под мойкой и про то, что лишь пять минут назад она сообразила, что дверца открывается только снаружи.

Затем снова на некоторое время воцарилось молчание. Уборщики недоуменно переглядывались между собой. Но вот долговязый Лазовский наклонился и заглянул Маше в глаза:

— Самбушка! Ты что, с Луны свалилась? Ты не знаешь, чем занимается твоя сестра? Да она же поломоечную машину изобретает!

Самбо тупо смотрела на Эдика.

— Как это — изобретает?

— Изобретает машину для мытья полов. Тебе что, не ясно?

— Люська? — спросила Самбо.

— Что — Люська? — в свою очередь, спросил Эдик.

— Люська изобретает?..

Юные конструкторы загалдели:

— Ну Люська, конечно!

— Она поломоечную машину изобретает!

— Ну, машину, чтобы полы мыть.

— Митрофан Фомич, ничего себе: половина клуба про это знает, а родной сестре ничего не известно!

— Да. Удивительно! — пробормотал Дер Элефант.

И Самбо узнала о том, как ее сестра явилась в клуб и заявила, что у нее есть идея, и как Эдик расхохотался над этой идеей, и как Митрофан Фомич счел идею заслуживающей внимания.

В помещении было очень шумно. Рассказывая обо всем этом, ребята ужасно галдели, перебивали друг друга. Молчал только щуплый, узколицый Юра Достоиннов, единственный шестиклассник в Клубе юных конструкторов. И вдруг, когда настала пауза, этот Юра тихо спросил:

— А он не задохнется?

— Кто не задохнется? — сказал Митрофан Фомич.

— Ну этот... сыщик, который в шкафу.

Настала мертвая тишина.

— Ой! — вскрикнула Самбо и бросилась вон из помещения. За ней пустилась Нина, за Ниной — другие конструкторы.

— Митрофан Фомич, мы потом доуберем!.. — быстро сказал Эдик. — Митрофан Фомич, разрешите?

Митрофан Фомич молча кивнул, и Лазовский выбежал вслед за остальными.

Учитель окинул взглядом помещение. Пол был уже вымыт, только посреди комнаты все еще стояло ведро с грязной водой, и на нем висела мокрая тряпка. Большой, грузный Дер Элефант посмотрел на это ведро, подошел к нему и уже собрался взять его, но вдруг раздумал. Он вышел в коридор, запер дверь на ключ и частыми, мелкими шажками заспешил к лестнице.

Детектив спасен

Вернемся к Пете. Услышав, как хлопнула дверь, поняв, что Заноза ушла, детектив чуть не разревелся от отчаяния. Он уперся спиной в заднюю стенку шкафа и, наверно, целую минуту толкал ладонями дверцу, стараясь сломать замок. Но в шкафу было душно и очень жарко от проходившей поблизости трубы с горячей водой. Кроме того, пылица поднялась такая, что у Пети першило в горле и свербило в носу.

Вдруг сыщик притих. Ему показалось, что кто-то ковыряет ключом в замке.

Так и есть! Дверь открылась. Петя собрался было закричать Маше, чтобы та быстрее вытащила его, но тут из передней слышался мужской голос:

— Ни на какую картину больше не пойду, пока не услышу отзвук от ней от нескольких знакомых.

— Ну хорошо, Михаил! — сказал женский голос. — Мы, кажется, ушли с картины. Чего же ты еще ворчишь?

— С картины ушли, а часа полтора все-таки потеряно. Тещенька, у вас не найдется что-нибудь поесть?

Тут Петя узнал голос Машиной бабушки, Ксении Ивановны:

— Найдется. Ничего, Вера! Сейчас накормим его — он и перестанет ворчать.

Как я уже сказал, Петя был человеком застенчивым. Услышав голоса взрослых, он пришел в ужас, что его могут обнаружить в чужой квартире, да еще в шкафу под мойкой. Он и не

думал теперь просить о помощи; он только припал глазами к щели.

В кухню вошла бабушка. Вошла и остановилась как вкопанная. Вертя пуговицу на вязаном жакете, часто помаргивая, она смотрела на залитый водою пол, на пылесос, стоящий на табурете, на таз с грязной водой...

— Миша! Вера! Идите сюда! — наконец крикнула она. — Да идите сюда скорее, говорю!

В дверях появилась крупная блондинка со скуластым русским лицом. Увидев, что творится в кухне, она сцепила пальцы рук перед грудью.

— Боже ты мой! — тихо сказала она.

Вслед за женщиной вошел небольшого роста, очень подтянутый гражданин. Он тоже окинул взглядом кухню, при этом его худощавое лицо ничуть не изменилось.

— Интересно, что она изобретает? — сказал он и провел рукой по седеющим, зачесанным назад волосам.

Лицо и шея у женщины вдруг стали малиновыми. Она, как Самбо, уперлась кулаками в бока.

— Мишка, ты ослеп? Что они сделали с пылесосом? Из него же вода капает! А ну, проверь пылесос!

Петя, конечно, догадался, что мужчина — это отец Самбо, а женщина — ее мать.

Позднее он узнал, что их зовут Михаил Андреевич и Вера Григорьевна.

Михаил Андреевич взял шнур от пылесоса и воткнул вилку в штепсель. Пылесос безмолвствовал. Тогда Машин папа пощелкал выключателем на самом пылесосе. Тоже никакого эффекта.

— Да. Как видно, спалили, — сказал Михаил Андреевич.

— Ну вот вам, пожалуйста! — заговорила бабушка. — И еще полотер испортили. Нет, граждане, если вы так будете воспитывать детей...

Вера Григорьевна сердито обернулась к бабушке:

— Только, мама, пожалуйста, без поучений! Очень тебя прошу: пожалуйста, без поучений! И без тебя...

Она не договорила. В кухне вдруг появилась красная, запыхавшаяся Самбо, за ней возник один юный конструктор, другой, третий... пятый... восьмой... Сзади всех маячила длинная фигура Эдика Лазовского. Самбо диким взглядом оглядывала кухню, а юные конструкторы, увидев взрослых, вежливо и негромко заговорили:

— Здравствуйте!..

— Разрешите войти?

— Извините, пожалуйста!

— Где Петька? — спросила Самбо.

— Во-первых, какой Петька, а во-вторых, что все это значит? — в свою очередь спросила Вера Григорьевна.

— Петя Калач. Он... он мог задохнуться! — крикнула Самбо и, бросившись к мойке, распахнула дверь.

— Ай! — взвизгнула бабушка, которая первой увидела сидящего под мойкой детектива.

Сыщик на карачках выполз из шкафа.

— Жив! — почти хором сказали юные конструкторы.

Взрослые ничего не сказали. Женщины стояли в полном оцепенении, а Михаил Андреевич вынул портсигар и стал закуривать.

Сыщик поднялся на ноги, но выпрямиться не смог: слишком долго просидел он в низеньком шкафу. Теперь он стоял, согнувшись под прямым углом.

— Ну ладно, — сказал Михаил Андреевич. — Может, кто-нибудь объяснит, что все это значит?

Петя задрал голову, чтобы посмотреть на него.

— Ваша дочь Люся убежала из дому... — прокряхтел он. — Вместе с Митей Клюквиным... Это они пережгли пылесос.

Мама с бабушкой только переглянулись между собой, а папа подавился табачным дымом и долго кашлял. Юные конструкторы сосредоточенно молчали.

— Так. А подробней? — сказал Михаил Андреевич.

— Здравствуйте! — послышался гудящий бас, и все, оглянувшись, увидели Митрофана Фомича. — Вы простите, что я врываюсь, не постучавшись. Вижу — дверь открыта, а тут... такие события...

Машин папа поздоровался с учителем, сказал: «Да, действительно события», и добавил, что сейчас «вот этот юноша все объяснит».

За это время Петя успел выпрямиться. Кроме того, он немного успокоился и мог говорить более или менее связно. Он рассказал о событиях сегодняшнего дня и о том, что ему говорила Заноза, перед тем как покинуть квартиру. Когда он сказал, что Люся упомянула о какой-то записке, бабушка бросилась вон из кухни, юные конструкторы поспешно расступились перед ней. Через полминуты бабушка вернулась, неся в руке тетрадный листок.

— Машка, это? Ничего не разберу: опять очки куда-то дела.

Самбо взяла у бабушки листок, взглянула на него.

— Слушайте! — взволнованно сказала она и стала громко читать: — «Дорогие мама, папа, бабушка, Маша, Федор Никанорович и Римма Тимофеевна! Мы признаемся во всем. Это мы испортили пылесос и полотер, и это мы все время мыли пол,

из-за которого невинно страдала Маша. Мы никому не хотели зла, мы хотели только изобрести полумоечную машину, чтобы облегчить труд человека, но мы знаем, что вы нас не простите. И поэтому мы решили уйти из дому и уехать подальше и добывать на хлеб своим трудом. Прощайте навсегда, навсегда! Ваши благодарные Людмила Пролеткина и Дмитрий Клюквин».

О том, что происходило в последующие минуты, трудно рассказать связно. Вера Григорьевна уставилась в одну точку, кусая губы, тиская пальцы. Бабушка побежала к Митиным родителям. Юные конструкторы говорили каждый свое. Самбо оглядывалась во все стороны и растерянно повторяла:

— Ну зачем же она скрывала!.. Ну, от мамы, от бабушки еще туда-сюда... а от меня? Ну, сказала бы откровенно, и я бы ей ничего не сделала... Я бы, наоборот, даже помогла... И тогда ничего бы не было... и ничего бы не случилось... Зачем она скрывала! — Все это Самбо говорила таким тоном, словно оправдывалась, и вид у нее был такой расстроенный, как будто она чувствовала себя во всем виноватой.

Вернулась бабушка, а с ней пришли супруги Клюквины — Федор Никанорович и Римма Тимофеевна. Худенькая, некрасивая Римма Тимофеевна плакала и сморкалась. Коренастый, с большой лысиной Федор Никанорович, как видно, чувствовал себя неловко. Он прижал небритый подбородок к груди, он то закладывал руки за спину, то прятал их в карманы брюк, то совал их в карманы пиджака.

— Из-за тебя все это, черт жестокий! — сказала, плача, Римма Тимофеевна. — Запугал мальчишку ремнем, вот теперь ищи его!..

— А я что? — смущенно бормотал Митькин отец. — «Ремнем, ремнем»! Как будто я... это... каждый день... Я его уже сколько... это... пальцем не трогал...

Спокойней всех держались Люсин папа да Митрофан Фомич. Учитель стоял у дверного косяка, скрестив руки на груди и задумчиво поглядывая маленькими глазками на всех собравшихся в кухне. Михаил Андреевич невозмутимо курил, прислонившись спиной к холодильнику. Однажды они переглянулись между собой, оба сразу заулыбались и тут же отвели друг от друга глаза. Вера Григорьевна заметила это.

— Ты, кажется, смеешься? — сказала она сердито.

Тут Михаил Андреевич и в самом деле рассмеялся; он закрыл лицо пятерней, и плечи его затряслись.

— Верочка! Уверю тебя, — еле выдавил он, — ты сама будешь хохотать, когда все это кончится. Хочешь, поспорим?

Дер Элефант сильно наклонил голову, быстро повернулся и стал пробираться сквозь толпу конструкторов в переднюю.

Вера Григорьевна сузила глаза и уперлась кулаками в бока. Только сейчас Пестя заметил, что она очень похожа на Самбо.

— Я не хочу спорить, — сказала она напряженным голосом. — Я хочу, чтобы ты позвонил в милицию и заявил, что у тебя пропала дочь. Тебе ясно?

Михаил Андреевич перестал смеяться. Он стал уверять жену, что волноваться и звонить в милицию еще рано, что Люсе и Мите наверняка скоро надоест разыгрывать из себя несчастных беглецов и они сами вернутся домой, как только проголодаются или устанут. В кухню вернулся Митрофан Фомич. Он уже был совершенно серьезен. Он сказал, что полностью согласен с Михаилом Андреевичем.

— Хорошо, — уже спокойнее сказала Вера Григорьевна. — Так что же ты предлагаешь? Вот так стоять да покуривать?

— Зачем покуривать! Попробуем их сами найти, — возразил Михаил Андреевич и добавил: — Товарищи, чего ради мы торчим в кухне? Тут душно и тесно... Пойдемте в комнату!

Розыски

Все перешли в самую большую комнату — комнату девочек.

— Присаживайтесь, граждане! — сказала Ксения Ивановна.

Конструкторы уселись рядышком на диван-кровать. Остальные разместились на другом диване и на стульях. Михаил Андреевич закурил новую папироску.

— Итак, наш военный совет считаю открытым, — провозгласил он шутливо, но, покосившись на жену, добавил уже серьезно: — В самом деле, товарищи, у кого из вас есть соображения по этому поводу?

Едва оправившись от сидения под мойкой, детектив понял, что для него снова настал момент проявить свои способности. Застенчивость помешала ему заговорить первым, он только шепнул Маше:

— Пусть посмотрят, какие вещи они взяли: может быть, это нам что-нибудь скажет.

Самбо огласила Петино предложение, и Ксения Ивановна ушла к себе в комнату. Скоро она вернулась.

— В общем, так, — сказала она и стала загибать пальцы на левой руке: — Люська захватила с собой один чулок, все свои трусики, порванное летнее платье и Машкину шерстяную юбку. У них эти юбки одного цвета, легко было спутать.

Бабушка повернулась к Вере Григорьевне:

— Ты мне хоть голову отруби, а Михаил прав: они где-то

поблизости шатаются. Чтобы Людмила задумала далеко убежать да стала хватать что попало — это ты уж меня прости, не такая она дура!

Теперь даже Вера Григорьевна рассмеялась. Однако она тут же сказала, что не может сидеть сложа руки, пока ее дочь шатается без взрослых по огромному городу.

Снова стали думать, как найти беглецов. Вдруг шестиклассник Юра Достионов что-то пробормотал, глядя на носки своих ботинок.

— Что? — спросил Михаил Андреевич.

Юра снова пробормотал, и снова никто ничего не понял.

— Что ты там бормочешь? — сказала Самбо. — Говори громче!

— Я говорю — в метро, наверно, катаются, — тихо сказал Юра. — Я, когда был поменьше и обижался на родителей, всегда уходил из дому и катался в метро.

Все рассмеялись, но Эдик Лазовский вскочил с дивана и горячо заговорил, что Достионов высказал очень дельную мысль, что все ребята, собравшиеся здесь, должны немедленно отправиться в метро и заняться розысками.

— Не забывай, дорогой, что в метро десятки станций, сотни поездов и многие тысячи людей, — прогудел Дер Элефант.

Эдик остановился перед ним, заложив руки за спину и чуть наклонившись вперед.

— А система, Митрофан Фомич? Вы системе никакого значения не придаете? Если мы будем просто ездить в поездах да осматривать станции, разумеется, мы никого не найдем... Но если мы будем действовать по четко разработанному плану...

— Ну погоди, погоди! А что это за план?

— А план... план хотя бы такой. Беглецы наверняка не станут ездить взад-вперед по одной и той же линии; они станут кататься и по кольцевой, и по всяким радиальным линиям. Например, отсюда до Сокольников, затем от Сокола до завода Лихачева и так далее. Следовательно, они будут пользоваться переходами. Переходов не так уж много, Митрофан Фомич. Мы поставим в переходах свои посты — по одному человеку на каждом, — и вот увидите: не больше чем через два часа беглецы попадутся.

В конце концов взрослые решили, что лучше хоть как-нибудь действовать, чем сидеть в комнате да разговаривать.

Предложение Юры Достинова, особенно план Эдика показали Пете верхом тактической мудрости. Детектив готов был локти кусать от досады, что не он первый все это придумал. Он попросил разрешения позвонить по телефону родителям, и Самбо отвела его в комнату, где стоял аппарат. Минут десять Петя

трепетным голосом разговаривал то с матерью, то с отцом, то снова с матерью. Он растолковывал каждому из них, в каких волнующих событиях ему приходится участвовать, он дал честное-распречестное слово, что встанет завтра в семь утра и выучит все уроки, он так умолял позволить ему задержаться часов до десяти, что родители, поворчав, согласились.

Когда Петя вернулся в комнату девочек, Митрофана Фомича уже не было: он ушел домой проверять контрольные работы.

Петя узнал, что взрослые за это время разработали свой план действий: сначала они позвонят по телефону всем родным и знакомым, к которым могли бы заглянуть беглецы, потом, в случае надобности, объединят тех родственников и знакомых, у которых телефона нет. Бабушка Маши, Ксения Ивановна, останется дома для связи.

Потом юные конструкторы по очереди звонили своим домашним, предупреждая их, что задержатся. Только без десяти восемь участники розысков вышли на улицу.

Дом, в котором жила Самбо, находился недалеко от станции метро «Аэропорт». Когда ребята ввалились в вагон, Эдик пересчитал их.

— Двенадцать человек, — сказал он. — Пошли посмотрим, сколько в метро переходов.

Все подошли к висевшей на стене вагона схеме московского метро и стали изучать переплетение синих, зеленых, красных и желтых линий. Пассажиры поглядывали на ребят, большинство — добродушно, с затаенной улыбкой, кое-кто — угрюмо и подозрительно. Юные конструкторы были в той самой одежде, в которой они явились убирать помещение клуба, а для таких дел, как известно, в роскошные туалеты не наряжаются. Маша могла бы переодеться, но она этого не сделала из солидарности с остальными; теперь на ней был красный шелковый плащ, а из-под него видны были грязные тренировочные брюки. На Нине Изюминой был довольно длинный мамин халат с полинявшими цветочками, сверху его прикрывало голубое пальто. Мальчики считали зазорным в середине октября надевать пальто. Они щеголяли в пиджаках с оборванными пуговицами, в старых форменных гимнастерках с протертыми локтями. На Эдике Лазовском был хороший пиджак и невероятно засаленный рабочий комбинезон, который он из своеобразного пижонства уже два года не отдавал в стирку. Приличней всех выглядел Петя, но и тот был изрядно помят после сидения под мойкой. Бесчисленные вихры на его голове поднялись дыбом, и к одному из них прилип темный шматок паутины.

Проехали «Динамо», «Белорусскую», «Маяковскую», а команда Эдика все еще толпилась перед схемой и отчаянно гал-

дела, стараясь сосчитать изогнутые стрелочки, которыми были обозначены переходы: эти стрелочки в некоторых местах так были переплетены, что ребята то и дело сбивались со счета.

Поезд снова стал замедлять ход.

— «Площадь Свердлова». Выходим! — скомандовал Эдик.

Когда все вышли, он отвел ребят в самый конец перрона, где было поменьше народу.

— Так все-таки сколько же переходов?

— Тринадцать!

— Восемнадцать!

— Шестнадцать!

Эдик помолчал, покусывая губу под темными усиками. Красивое лицо его выглядело озабоченным.

— По-моему, тоже шестнадцать. А впрочем, у меня у самого в голове каша с этими переходами. Только вот что мне ясно: чтобы отсюда попасть, предположим, на «Проспект Маркса», надо подняться по эскалатору и потом снова спуститься. А для того, чтобы попасть сюда со станции «Проспект Маркса», как надо поступить?

— Вниз... по тоннелю пройти, — упавшим голосом сказала Самбо.

— Вот в том-то и дело! И со многими пересадками так. Короче говоря, чтобы действовать наверняка, надо расставить не шестнадцать постов, а штук... минимум двадцать. А нас только двенадцать человек. Вот в чем ошибка!

Обескураженные ребята помолчали.

— Если хочешь знать, тут не двадцать человек нужно, а сто двадцать, — сказал Гриша Ломков; это был черноволосый лохматый парень с раскосыми глазами.

— Почему сто двадцать? — спросил Достинов.

Ломков стоял, сунув руки в карманы брюк, поднимая плечи. Он угрюмо смотрел вдоль перрона, по которому сновали пассажиры: одни входили в вагоны прибывшего поезда, другие выходили из них.

— По каждому переходу в минуту, наверно, тысяча человек проходит, — сказал Ломков, — и все главным образом взрослые. Попробуй заметь среди них двух вот таких шпингалетов! Станешь справа — не увидишь, кто идет левее, станешь слева... В общем, фиговый твой план, товарищ Лазовский!

— Согласен: фиговый. Предложи хороший, — сказал Эдик.

Никакого лучшего плана Гриша не смог предложить. Тогда решили для очистки совести подежурить на наиболее важных переходах и к десяти часам собраться здесь, на прежнем месте.

Петю и Машу Эдик направил на Киевский вокзал, предупредив, что это объект очень трудный: как на всех привокзальных

станциях, толкучка там страшная. К тому же там сходятся целых три линии метрополитена.

Детектив и Самбо двинулись в путь. Двинулись они не одни, а вместе с Юрой Достоиновым и Ниной Изюминой. Все четверо поднялись наверх по эскалатору. Здесь, в довольно мрачном зале, полном людей, идущих в разных направлениях, маленький Юра Достоинов занял свой пост, а остальные трое спустились по другому эскалатору. На станции «Площадь Революции» Петя и Маша простились с Ниной, которая побежала по лестнице вниз, в коридор, ведущий к станции «Площадь Свердлова». Самбо с детективом сели в поезд и поехали на Киевский вокзал.

Они плохо представляли себе, как расположены там переходы, поэтому, прибыв на место, решили сначала осмотреться.

От входа, ведущего с улицы, можно было попасть на одну из трех линий метро. Если, минуя эскалатор, пройти по верхнему коридору, то окажешься на калининско-кунцевской линии. Если спуститься по эскалатору на промежуточную площадку, а от нее свернуть направо, попадешь на линию, идущую через центр к станции «Щелковская». Если не сворачивать направо, а продолжать спускаться по эскалатору, окажешься на кольцевой.

Решено было, что Петя займет пост в верхнем коридоре, а Маша будет дежурить на площадке между эскалаторами.

Уже минут через десять детектив понял, что Гриша Ломков был совершенно прав. Каждую секунду перед ним проходил не один, а полтора-два десятка людей. И все куда-то спешили. Спешили пассажиры дальних поездов с увесистыми чемоданами, спешили пригородные пассажиры с авоськами и пластмассовыми сумками. Спешили и те, кому не нужно было на поезд. Спешили мужчины и женщины в рабочей одежде и люди нарядные. Спешили мамы, тащившие за руки маленьких детей, мелькали перед нашим сыщиком военные и ремесленники, старики и старухи, юноши и девушки, мальчишки и девчонки... Среди последних Петя замечал похожих то на Митю Клюквина, то на Занозу. Тогда он бросался в погоню, пробираясь сквозь движущуюся толпу, его толкали, и он толкал... Кончалось дело тем, что он терял из виду тех, кого преследовал, или же выяснялось, что это вовсе не Митя Клюквин и никакая не Заноза.

Детектив ничего не ел с двух часов дня; кроме того, он был измучен сидением под мойкой. В глазах у него рябило, в ушах звенело, под ложечкой сосало. Он все чаще и чаще останавливал прохожих, спрашивая у них, который час, но время, как всегда в таких случаях бывает, тянулось удивительно медленно.

Вдруг Петя вспомнил, что еще в кухне у Самбо, когда он только что вылез из-под мойки, у него мелькнула какая-то исключительно важная мысль. Петя отчетливо помнил, как ему

захотелось тут же высказать эту мысль, но в это время что-то ему помешало: то ли юные конструкторы явились, то ли Митрофан Фомич, то ли еще что-то произошло... Сейчас детектив с новой силой ощутил, что это была исключительно важная мысль, что от нее зависит успешная поимка беглецов. Ощущение важности мысли осталось, а сама мысль из памяти испарилась.

Детектив перестал следить за толпой. Он прислонился спиной к прохладной стене и стал вспоминать: о чем же он тогда подумал, в кухне у Маши? Он перебрал в памяти все события, начиная с того момента, как его извлекли из-под мойки, но ничего путного вспомнить так и не смог.

— Шагай, шагай! Уже девять сорок. Опоздаем! — пропыхтел какой-то гражданин, тащивший за полной женщиной два чемодана.

Без четверти десять Петя мог покинуть свой пост и спуститься к Самбо на площадку между эскалаторами.

Петя быстро нашел ее в толпе: помог яркий красный плащ.

Маше тоже нелегко далось дежурство. Скуластое лицо ее побледнело, глаза смотрели замороченно. Прежде чем сесть в поезд, ребята еще раз поднялись наверх, где стояли будки телефонов-автоматов. Маша позвонила домой. К телефону подошла бабушка. Она сказала, что беглецы еще не нашлись, что родители все еще ищут их по знакомым. Самбо еще больше помрачнела. Она молчала, пока спускались по эскалатору, долго молчала в поезде. Только один раз она обернулась к детективу и сказала ему в самое ухо под грохот колес:

— А вдруг Люська в самом деле решила удрать! А?

— Найдутся,— сказал Петя и снова принялся ломать себе голову: о чем же он подумал тогда, в кухне у Самбо?

Все конструкторы уже были в сборе на станции «Площадь Свердлова». Все заметили, что Самбо волнуется, и всем было немножко неловко, что они прекращают поиски, но пора было возвращаться домой. Кто-то бормотал, что у него родители волнуются, кто-то вздыхал, что домашних заданий на завтра много.

— Самбушка, поверь моему слову,— ласково сказал Эдик,— психовать еще рано: никуда она не денется, твоя Заноза.

— А я и не психую,— тихо ответила Самбо и отвернулась.

Сели в поезд, поехали назад, к «Аэропорту». Конструкторы нарочито громко уверяли друг друга, что беглецы наверняка сегодня же вернутся, что в крайнем случае их в два счета разыщет милиция. Самбо стояла у двери спиной ко всем и упорно смотрела сквозь стекло, за которым неслись черные полосы кабелей, проложенных на стене тоннеля, мелькали лампы, освещавшие путь. Когда вышли из метро на Ленинградский проспект,

Нина Изюмина предложила еще раз зайти к Маше, чтобы узнать, не нашлись ли беглецы.

— Мы даже в квартиру входить не будем, — сказала она. — Мы подождем на лестнице, а ты спросишь у бабушки и нам скажешь.

Так и сделали. Войдя в подъезд, Самбо открыла дверь квартиры своим ключом; ребята остались ждать на площадке. Через полминуты Маша выглянула из двери:

— Никаких новостей. Мама в милицию пошла. Заявлять.

Все попрощались с Машей, и те, у кого был телефон, сказали, что еще позвонят ей перед сном.

Минут через пять детектив был уже у себя в подъезде. Он уже не думал ни о Самбо, ни о беглецах. Он думал лишь о котлетах с картошкой, бутербродах, о сладком горячем чае.

Он вошел в кабину лифта, закрыл за собой дверки и большим пальцем нажал кнопку восьмого этажа. Машинально Петя взглянул на свой большой палец, и... в тот же миг котлеты и чай с бутербродами вылетели у него из головы. Сыщик вспомнил наконец, о чем он подумал в кухне у Маши!

А лифт все поднимался. За стеклом кабины уплыл вниз второй этаж, третий, четвертый, пятый... Сыщик нажал кнопку «стоп», и кабина повисла между шестым и седьмым этажами.

Надо было обдумать положение. Петя знал, что если он явится домой, то сегодня родители его уже никуда не отпустят. Конечно, он мог бы позвонить Самбо, по телефону навести ее на верный след беглецов, но, едва подумав об этом, Петя почувствовал, что не в силах пойти на такую жертву. Жалким и беспомощным казался ему теперь план Эдика расставить посты в метро по сравнению с его, Петиной, замечательной догадкой. Ведь эта догадка родилась в результате кропотливой следовательской работы, безукоризненных логических умозаключений. Сообщить о ней Самбо, а самому улечься спать детектив просто не мог. Он предвидел, что сегодня ночью ему будет страшный нагоняй, но он предвидел и другое: родители быстро смягчатся, узнав, каким блестящим ходом он разыскал пропавших изобретателей. Он нажал кнопку первого этажа, и кабина пошла вниз.

«Вот они!»

Пете открыла Ксения Ивановна. За ее спиной стояли Самбо и Митькина мама, Римма Тимофеевна. Детектив всю дорогу бежал и теперь еле мог говорить.

— Здравствуйте!.. Не нашлись?

— Ничего о них не слышно, — тихо ответила Ксения Ивановна.

— Мы думали, это они, — сказала Самбо и, приглядевшись к детективу, добавила: — Заходи! Ты что это... какой-то такой?

Ксения Ивановна пропустила Петю в маленькую переднюю. Взъерошенный детектив помолчал несколько секунд, глядя в упор на Самбо, несколько раз глотнул от волнения слюну...

— Я... я знаю, где они, — наконец выговорил он. — У них же... у них же третий сообщник! Ты что, не понимаешь?

— Не понимаю, — серьезно ответила Самбо.

— Четырехпалый! Забыла?

Секунд десять Самбо размышляла.

— Верно! — прошептала она, помолчала еще немного и энергично кивнула головой. — Петька, совершенно верно, Четырехпалый, — подтвердила она уже в полный голос. — И они к нему пошли, а не в метро!

— Машка! — взорвалась вдруг Ксения Ивановна. — Будете вы наконец по-человечески говорить или нет? И так все нервы истрепаны, а они всё какими-то загадками да обвиняками... Какой-то там Четырехпалый!.. Что это за Четырехпалый? Какой еще Четырехпалый? Говорите! Ну!

— Пойдемте! — сказал детектив. — В кухню пойдемте, я вам все объясню.

Все пошли за Петей в кухню. Он хотел показать Ксении Ивановне отпечатки пальцев на ручке электрополотера, но оказалось, что она уже вытерла тряпкой испачканную ручку и спрятала полотер в шкаф.

Пете и Маше пришлось на словах объяснять женщинам, как они проявляли отпечатки пальцев и каким образом установили, что у Люси есть сообщник, у которого на руке не хватает большого пальца. Самбо еще в передней с первого слова уловила ход мыслей детектива: на руках у Мити Клюквина все пальцы целы, следовательно, у Занозы есть еще третий сообщник — Четырехпалый. В сегодняшних экспериментах с полотером и пылесосом он почему-то участия не принимал, но ясно было одно: сбежав из дому, изобретатели, конечно, не стали кататься в метро, а поехали к Четырехпалому хотя бы для того, чтобы рассказать ему о своих приключениях.

Самбо это сразу поняла, но обе женщины никак не могли понять. Римма Тимофеевна только что вернулась после безуспешных поисков сына и зашла к Пролеткиным на минутку. Узкое лицо ее обрамлял светлый платок с яркими розами, концы платка были заправлены под воротник коричневого пальто. Она стояла, сложив на животе руки и глядя на ребят без всякого выраже-

ния. Ксения Ивановна сидела, тоже сложив руки на животе и тоже глядя на ребят, но она усиленно двигала бровями и часто моргала, тщетно пытаясь уразуметь, что ей втолковывает внука. Наконец она замотала головой:

— Какие-то там отпечатки... Какие-то там магнитные кисточки... При чем тут кисточки? При чем тут отпечатки? Ты, Машка, мелешь что-то, а сама не понимаешь что.

Детектив и Самбо беспомощно переглянулись. К счастью, на подоконнике осталась стоять пластмассовая коробочка с железным порошком и магнитиком. Петя попросил лист бумаги, прижал к нему большой палец и на глазах у женщин проявил отпечаток. Затем ребята повторили свой рассказ сначала.

— Ну, ясно! Ну, довольно! — нетерпеливо воскликнула Ксения Ивановна. — Машка, ну что ты кричишь, словно я глухая или дура какая-нибудь! Это же ясно как день: надо вспомнить, у кого из Люськиных приятелей не хватает большого пальца.

— Я таких не знаю, — сказала Самбо.

Ксения Ивановна обратилась к Римме Тимофеевне:

— Может, у Митьки есть такой друг? Припомните-ка! — Бабушка окинула взглядом Петю, потом Машу. — Удивительно прямо! На вид у них одни глупости в голове, а вот иногда возьмут да и додумаются до такого...

Римма Тимофеевна вслух перебирала Митькиных знакомых:

— Вовка Ершов — у него вроде все пальцы на руках... У Андрюшки Лисовского тоже как будто все... и у Володьки Мартынова все... У Коли Либровича тоже все... — Римма Тимофеевна помолчала. — Слушайте! Есть у Митьки еще один... Федька Ладушкин, только я его никогда в глаза не видела: он моему Дмитрию каждый день по телефону звонит, гуляют они вместе, а к нам в дом этот Федька ни разу не приходил. Может, и приходил, да когда нас с отцом не было. Митька с ним недавно познакомился, в пионерлагере.

— Ну, а телефон... телефон вы этого Федьки не знаете? — спросила Ксения Ивановна.

Римма Тимофеевна задумалась, покусывая тонкие губы.

— Мы ему записную книжку красивую подарили. Митьке, значит, на день рождения. А ну-ка, погляжу, не в столе она у него?

Митина мама ушла и скоро вернулась с маленькой записной книжкой в кожаной тисненой обложке.

— Телефона нет, только адрес, — сказала она и положила записную книжку на стол.

«Ладушкин Ф., — прочитали все. — Большая Грузинская, д. 37/1, кв. 22».

— Это до Белорусского надо ехать, а там пешком, — пояснила Ксения Ивановна.

— Что ж... поеду, — сказала Римма Тимофеевна и стала заправлять концы платка под отвороты пальто.

Тут Самбо заявила, что она обязательно поедет с Риммой Тимофеевной. Она сказала, что Римма Тимофеевна для Люси человек посторонний, что Заноза может не послушаться ее и сбежать куда-нибудь еще дальше. И еще она сказала, что Римма Тимофеевна человек взрослый, не понимает детской психологии, а потому не сможет воздействовать на четырехпалого Федьку, если тот откажется сообщить, где скрываются беглецы.

Ксения Ивановна сначала возражала, а потом всплеснула руками и сказала:

— Ну ладно, ладно! Поступай как хочешь. Я знаю, что ты всегда выступишь на своем.

Петя и думать не стал, чтобы расстаться с Самбо и вернуться домой. Ведь это он со своим искусством следователя установил тот факт, что у Занозы существует третий, четырехпалый сообщник. Разве мог он теперь спокойно лечь спать и не увидеть собственными глазами этого четырехпалого Федьку! Петя сказал, что он поедет вместе с Самбо и Риммой Тимофеевной.

Уже выйдя в переднюю, Римма Тимофеевна вдруг заколебалась:

— А сколько времени-то? Небось уже двенадцатый час.

Ксения Ивановна взглянула на ручные часы.

— Семнадцать минут двенадцатого, — сказала она.

— Неловко ночью людей беспокоить.

Ксения Ивановна возразила, что ничего тут неловкого нет, что по такому важному делу можно и в три часа ночи разбудить людей.

Экспедиция отправилась в путь.

Пока ехали в метро, пока шли переулками мимо древних деревянных развалюшек, мимо новых многоэтажных домов, пока искали на Большой Грузинской дом 37/1, прошло полчаса. Оказалось, что войти в этот дом можно не с улицы, а только с переулка, и, пока выясняли это обстоятельство, потеряли еще несколько минут.

Словом, только около двенадцати Римма Тимофеевна, Самбо и детектив вошли под мрачную арку ворот старого-престарого дома, отыскивали подъезд с грязной лестницей, освещенной слабенькой лампочкой.

Квартира двадцать два находилась на первом этаже.

— Господи! Неловко-то как! — сказала Римма Тимофеевна, глядя на кнопку звонка. Она так и не решилась позвонить.

Вместо нее позвонила Самбо. Все умолкли. Долго стояла полная тишина, потом кто-то спросил басом:

— Кто там?

— Гражданин, извините, пожалуйста,— неестественным голосом проговорила Римма Тимофеевна.— Ладушкины не здесь живут?

— Ну, я Ладушкин. А что?

— Товарищ Ладушкин... вы извините, конечно. Только как бы нам поговорить... Дело у нас очень важное.

— Какое дело?

Римма Тимофеевна с тоской смотрела на закрытую дверь и тискала худенькие пальцы.

— Товарищ Ладушкин, вы такого мальчика, Митю Клюкви-на, не знаете? Он вашему Феде приятель.

— Ну, знаю. Бывал.

— Так вот, гражданин Ладушкин, исчез мальчишка-то. Нам бы поговорить с вами, порасспросить кое о чем.

— Погодите, оденусь,— сказал гражданин Ладушкин, и за дверью послышались шаркающие шаги.

Через некоторое время дверь открылась. Римма Тимофеевна и ребята вошли в переднюю, так заставленную старыми шкафами, какими-то ящиками и сундуками, что повернуться было нелегко. Товарищ Ладушкин встретил экспедицию в майке и широких черных брюках. Он был такого же роста, как Дер Элефант, только жилистый и худощавый, с мясистым носом и резкими морщинами на лице. Скрестив на груди волосатые руки, он смотрел на пришедших подозрительно и недружелюбно.

— Гражданин Ладушкин, вы очень простите нас, что мы так поздно...— заговорила Римма Тимофеевна.— Вы, наверно, спали, а мы... Вы уж нас простите... Только, понимаете, какое дело, мальчишка мой пропал, Митька. С вашим сыном он в пионерлагере познакомился, а с ним еще девочка убежала, вот ее сестра.— Римма Тимофеевна кивнула на Самбо.— Вот мы и пришли... Может, о них ваш Федя чего-нибудь знает?

— А откуда ему знать? Он четвертый день корью болеет. Члены экспедиции переглянулись и стали пялиться к двери.

— Корью...— пробормотала Римма Тимофеевна.— Ну, тогда извините! Вы уж простите нас, что мы вас разбудили.

Римма Тимофеевна вышла на лестницу, Самбо хотела последовать за ней, но детектив удержал ее за локоть и обратился к гражданину Ладушкину:

— Скажите, это правда, что у вашего сына не хватает одного пальца на руке?

— Чего?..— не понял гражданин Ладушкин.

— Я хотел спросить... Ну... Нам казалось, что у вашего сына

нет большого пальца... Я только не знаю, на какой руке, на правой или на левой...

— А куда ему деться, большому пальцу? — сказал гражданин Ладушкин и с еще большей подозрительностью уставился на Петю.

Римма Тимофеевна, Самбо и детектив смущенно заизвинялись и поспешно удалились. Они услышали, как гражданин Ладушкин захлопнул дверь на английский замок, потом брякнул цепочкой, потом задвинул какой-то засов.

— Что же это такое? — сказала Самбо. — Значит, он не Четырехпалый?..

— Да, Четырехпалый где-то еще, — грустно ответил детектив.

Всю дорогу до метро Римма Тимофеевна гадала, который из Митькиных друзей может оказаться Четырехпалым.

Вагоны метро были уже на две трети пусты. Римма Тимофеевна и Петя сели, а Самбо не села. Правой рукой она ухватила за поручень над своей головой, а локтем левой руки закрыла глаза и заплакала.

— Маш, ну чего это ты? Маша, да ну, будет тебе! — стала успокаивать ее Римма Тимофеевна, а сама еле сдерживала слезы.

— Это я ее довела всякими там своими подозрениями. Это я ее все время отлупить хотела, вот она и... — Самбо еще плотнее уткнула лицо в локоть и зарыдала так громко, что пассажиры стали оглядываться.

Римма Тимофеевна успокаивала Машу, но у нее самой дрожал голос и вдоль остренького, внезапно покрасневшего носа скатилась слеза.

Детектив сидел совсем растерянный, не зная, что ему делать, что говорить. С облегчением он почувствовал, что поезд замедляет бег, приближаясь к станции «Аэропорт».

— Вставайте! Приехали! — сказал он своим спутницам и первым подошел к двери.

Самбо и Римма Тимофеевна стали за его спиной.

Кончился тоннель. Перед глазами замелькали редкие пассажиры на перроне станции.

— Вот они! — вдруг на весь вагон закричала Самбо. — Вот они! Вот они!

Петя увидел Занозу и Митьку, идущих вдоль перрона вместе с каким-то гражданином, который явно нетвердо держался на ногах.

Пока поезд останавливался, пока открывались двери, к противоположной стороне платформы подошел поезд, идущий в обратном направлении. Оба поезда остановились почти одновременно. Выйдя на перрон, наши герои увидели, что Люся, Митька

и неизвестный гражданин садятся в один из первых вагонов поезда, идущего к центру.

— Бежим! Скорей! — вскрикнула Самбо и понеслась через платформу к этому поезду.

Петя помчался за ней. Двери захлопнулись сразу, как только ребята ворвались в вагон. Растерявшаяся Римма Тимофеевна осталась стоять на платформе.

Сестры объясняются

Самбо и детектив оказались в предпоследнем вагоне, а Митька с Занозой — во втором. Вбежав в вагон, Самбо снова заплакала, но теперь она уже не прятала лицо в локоть.

— Ну куда она едет! Ну что ей там нужно? — сказала она, скривив рот и глядя полными слез глазами на детектива.

Петя понял, что сейчас он должен быть мужчиной, взять все руководство на себя.

— Слушай! — сказал он Самбо. — Перестань реветь! Действовать нужно. Во-первых, мы на каждой станции должны перебегать из вагона в вагон. Так мы приблизимся к ним. Во-вторых, во время этих перебежек мы должны следить, не вышли ли они из поезда.

Это деловое предложение очень благотворно подействовало на Самбо. Она сразу подтянулась, вытерла слезы и тут же предложила подойти к передней двери вагона, чтобы легче было перебежать на остановке в следующий вагон.

Ребятам повезло. Когда поезд подошел к станции «Динамо», платформа ее оказалась совсем пустой. Самбо и детектив рванулись и, миновав один вагон, заскочили в следующий за ним. То же самое проделали на «Белорусской», затем на станции «Площадь Маяковского». А когда они выскочили на платформу станции «Площадь Свердлова», то увидели следующую картину: из переднего вагона вышел неизвестный гражданин, за ним — Люся и Митя. Неизвестный, чуть покачивающийся гражданин очень уважительно, с поклоном пожал руку Занозе, затем так же распрощался с Митькой и ушел в центральный зал станции, к эскалаторам. Заноза и Клюквин к эскалатору не пошли. Они прошли в самый дальний конец платформы, туда, где стояла будка дежурного по станции, и стали смотреть на какую-то синюю машину, стоящую возле этой будки.

— Это же поломочная машина, — прошептала Самбо. — Это же они ее осматривают!

Изобретатели пошпепались о чем-то, глядя на машину, потом повернулись, чтобы уйти, но тут же остановились, разинув рты, увидев Машу и Петю.

Самбо рванулась к ним, детектив побегал за ней.

Обняв Занозу, Самбо снова разрыдалась.

— Люська! Ну дура! Ну зачем ты таилась!.. Разве я знала, что ты поломоечную машину... Ну что я тебе, не помогла бы? Разве... разве я не человек? — Самбо, заливаясь слезами, обняла Занозу за голову и стала целовать ее в макушку. — Люська! Глупая ты какая!.. Ну глупая!

Клюквин стоял неподвижно и оцепенело смотрел на своего соавтора по изобретению.

Заноза растрогалась. Она поцеловала сестру, похлопала носом и сказала прерывающимся голосом:

— Я сама хотела тебе обо всем рассказать... а потом... потом... подумала, что, может быть, не нужно...

Самбо перестала обнимать сестру и плакать над ней. Она наклонилась, опираясь руками о колени, и, глядя Занозе в лицо, спросила ее уже другим, более деловым тоном:

— Люська, а что вы тут делаете? Ведь скоро закроют метро!

Заноза поколебалась, посмотрела на Клюквина.

— Митька, сказать? — спросила она его.

Клюквин тоже поколебался, помолчал.

— Ну... валяй, — не очень-то охотно согласился он.

В ином случае Заноза раз десять заставила бы Машу поклясться, что та не выдаст ее, не будет ей мешать, но сейчас, после трогательной встречи, она прониклась таким доверием к сестре, что сразу, понизив голос, сказала:

— Мы хотим поломоечную машину разобрать.

— Что? Как это разобрать?.. — вытаращила глаза Самбо.

Люся еще больше понизила голос:

— Ну, разобрать, понимаешь? Чтобы узнать, как она устроена.

Самбо завертела головой.

— Подожди! Ты подожди!.. Петька, как ты думаешь: последний поезд еще не скоро уйдет?

— Минут через десять уйдет, — сказал детектив.

— Тогда, значит, есть время. Люська, скорее! Расскажи подробнее, что вы такое задумали.

— Клюквин, рассказать? — спросила Митю Заноза.

— Н-ну, валяй, — по-прежнему неохотно согласился Клюквин и даже отвернулся, сунув руки в карманы пальто.

Все четверо медленно пошли вдоль платформы, и Заноза повела свой рассказ.

В том, что они с Клюквиным собирались только поуга-
дывать

домашних, чтобы им не попало за полотер и пылесос, она так и не призналась. Заноза сказала, что они в самом деле собирались бежать, но не знали, куда им деться, и долго ездили в метро. Судя по всему, изобретатели неплохо провели время. Они захватили из дому все свои сбережения (один рубль девянносто копеек) и все время питались мороженым. Они сделали несколько кругов по кольцевой линии метро, побывали на станции «ВДНХ» и на станции «Новые Черемушки».

Потом они, в который раз уже, попали на «Площадь Свердлова».

— Тут, Маша, ты понимаешь... мы поняли свою ошибку и поняли, как волнуются, наверно, наши родители, и решили вернуться домой.

Я уж не буду излагать все, что врала сестре Заноза. Я уж лучше расскажу, как было на самом деле. Об этом я узнал лишь год спустя, когда Люсю даже перестали звать Занозой.

Короче говоря, изобретатели почувствовали усталость, почувствовали, что проголодались (на одном мороженом долго не проживешь), и пришли к заключению, что, пожалуй, уже пора возвращаться домой. Они прошли в конец платформы, чтобы сесть в передний вагон, и тут Клюквин обратил внимание на две машины, стоявшие у стены. Обе они были на колесиках, обе они были запряганы в синие капоты, обе имели ручки, чтобы их удобней было возить. Одна машина была поменьше, а другая — большая, с какой-то невысокой мачтой, на которую был намотан провод. Митя заинтересовался машинами, спросил у Люси, как, по ее мнению, для чего они служат. Люся не смогла ответить на этот вопрос. Недалеко от машин прохаживалась девушка — служащая метро, в светлом кителе и красной фуражке. Клюквин только потом заметил, что у нее лицо сердитое и заплаканное: то ли она поссорилась с кем-то, то ли ей от начальства попало. Он обратился к ней, указывая на машину поменьше:

— Тетенька, скажите, для чего вот эта машина?

— Пылесос, — сказала девушка и отвернулась.

— А вон та, которая побольше?

— Поломойка, — не глядя на Клюквина, ответила девушка в красной фуражке.

Изобретатели оцепенели. Они долго в полном обалдении смотрели друг другу в глаза. Потом Клюквин снова обратился к девушке:

— Тетенька, эта машина для того, чтобы полы мыть?

— Чтобы полы мыть, — ответила девушка.

— Тетенька, а скажите, как эта машина устроена?

— А я почему знаю! — сказала девушка и ушла к середине платформы встречать очередной поезд.

Митя стал на четвереньки и заглянул под машину. Но кузов машины стоял очень низко от пола, поэтому Клюквин ничего не разглядел. Он сунул руку под машину и стал ощупывать ее нутро.

— Ничего не понять... — пропыхтел он. — Вот... вот вроде резинки какой-то... вроде она винтом сделана... А к чему она, не понять.

Пока он елозил по мраморному полу перед машиной, девушка в красной фуражке проводила поезд и подошла к ребятам. Она все еще была чем-то расстроена, на ресницах у нее блестели слезы.

— А ну давай отсюда! Чего ты здесь щупаешь? — сказала она плачущим голосом.

Митька поднялся и ушел с Занозой под одну из арок, отделявшую платформу от центрального зала.

— Хочешь узнать, как она сделана? — почти шепотом спросил он.

— Ну? — сказала Заноза.

— Метро когда закрывается?

— Не знаю. Не то в полпервого, не то в час.

— Нам нужно гаечный ключ достать или хотя бы плоскогубцы. Потом снова пойдем в метро и будем скрываться, пока его не закроют. А когда его закроют, ночью подберемся к машине и... там, понимаешь, нужно только несколько гаек отвинтить и снять эту штуку... как она называется... капотом, кажется. Ну, словом, которая весь механизм закрывает. И все узнаем!

Люся была человеком отнюдь не трусливым, но все же и ее взяла оторопь.

— А ты... ты уверен, что нас не поймают?

— Ну и пусть поймают! Лишь бы после того, как мы машину осмотрим. За пылесос нам попадет, за полотер попадет, за то, что убежали из дому, попадет... Чего нам еще бояться?

Заноза в раздумье грызла ноготь на указательном пальце. Митькины слова ей показались очень убедительными. В самом деле: попадет им за многое, и неужели все зря? А вот если они узнают конструкцию поломоечной машины, тогда окажется не зря, что они испортили пылесос, испортили полотер, не зря пропадали в метро, не зря остались в метро на ночь. Люся представила себе, с каким уважением станет относиться к ней после этого Эдик Лазовский. Она перестала грызть ноготь и тихо спросила Ключвина:

— А где ты достанешь гаечный ключ или плоскогубцы? Домой ведь ты не пойдешь!

— У Мишки Бузыкина достанем, — ответил Ключвин. — Он в сороковой квартире у нас в доме живет.

— А почему у Бузыкина?

— Потому что его мать и отец оба в ресторане работают. Они только после двенадцати возвращаются. А у него инструменты есть. Я сам видел: целый ящик!

— Ладно. Поехали! — сказала Заноза.

Они приехали на станцию «Аэропорт». С большими предосторожностями, опасаясь встречи с родителями, проникли во двор своего дома, поднялись на лифте к сороковой квартире. Им пришлось долго звонить, потому что Мишка Бузыкин крепко спал. Минуты через две за дверью послышалось:

— Кто там?

— Мишка!.. Мишка, отвори! Это я, Ключвин!

Дверь открылась. Заноза увидела круглоголового, остриженного под машинку Мишку, на котором ничего не было, кроме трусов. Он сонно моргал глазами и даже не взглянул на нее.

— Мишка, гаечный ключ есть или хотя бы плоскогубцы? Мишка даже не поинтересовался, зачем в такой поздний час пужны инструменты. Он широко зевнул и ответил:

— Плоскогубцы... они в ящике у меня.

Мишка, шлепая босыми ногами, направился в комнату. Клюквин пошел за ним. Через несколько секунд он вернулся уже без Мишки.

— Порядочек! Во! — сказал он, показывая Люсе большие плоскогубцы.

Как видно, Мишка, отдав Митьке инструмент, тут же завалялся спать.

Клюквин сам выключил в передней свет, сам открыл дверь и подтолкнул к ней Занозу:

— Пошли.

Они благополучно спустились по лестнице, благополучно, никого не встретив, выбрались из двора и пришли к станции метро. Тут оба заколебались: а пустят ли их в такой поздний час в метро? Но им очень повезло. К ним подошел небольшого роста небритый дяденька и, чуть покачиваясь, сказал:

— Ребятки, вам в метро?

Клюквин и Заноза молча кивнули.

— Ребятки, вы, конечно, извините, я немножко выпимши. Я боюсь, что меня в метро не пустят, а денег на такси нет. Вы возьмите меня за руки, будто вы мои дети, с вами меня пропустят: все-таки детишки же!

Люся и Митька переглянулись, взяли пьяного дяденьку за руки и пошли с ним в метро. Он даже не позволил им заплатить за себя. Он разменял двадцать копеек и дал каждому избретателю по пятак, чтобы они опустили его в автомат. В метро их пропустили, только девушка, дежурившая у турникетов, проворчала вслед:

— Сам нажрался и еще детей за собой таскает!

Н о ч н о е м е т р о

— Ну и вот, — закончила свой рассказ Заноза, — вот мы и хотим спрятаться здесь, пока станцию не закроют и пока все отсюда не уйдут. А потом посмотреть, как она устроена, эта машина.

— Люська! — сказала Самбо. — Да вас же наверняка поймают, неужели ты не понимаешь!

— Ну и пусть потом ловят, — ответил за Люсю Клюквин. — Ничего нам особого не будет: мы не для баловства ведь, а для дела.

Самбо замолчала. Она знала, что Занозу не переспоришь,

вместе с тем она понимала, что нельзя позволять ребятам оставаться на ночь в метро.

— Вон она, поломоечная машина,— понизив голос, сказала сестре Люся.

Все остановились, издали глядя на синюю машину.

Потом Самбо тихонько потянула Петьку за рукав назад, и они стали шептаться за спиной изобретателей.

— Петька, сейчас подойдет последний поезд... Мы хватаем их, вталкиваем в вагон, и ты доставляешь их домой.

— А ты?

— А я остаюсь и узнаю конструкцию машины. Я у Митьки плоскогубцы отниму.

— Ты что, в милицию захотела?

— Не бойся, может, еще и не попаду! А если мы ничего не узнаем про машину, Заноза мне такого предательства не простит. Понимаешь, говорила, говорила по-хорошему, выведала у нее все, а потом раз — и силой в вагон! Это же вроде предательства, понимаешь?

Петя не возражал против поручения доставить изобретателей домой. Он их доставит в целости и сохранности, будет чувствовать себя героем в доме Пролеткиных, потом придет к себе домой и оправдается перед своими родителями, сказав, что снова помог отыскать сбежавших ребят. Однако то, что Самбо задумала сама остаться в метро, казалось ему чистым безумием.

Со стороны противоположной платформы слышался нарастающий гул. Это приближался поезд, идущий к «Аэропорту».

— Петька, приготовиться! — тихо сказала Самбо. — Я Митьку хватаю, а ты Люську.

— А что твоему отцу сказать?

— Скажи все как есть. Петька, приготовиться, поезд идет!

В тот момент, когда поезд ворвался на станцию, Самбохватила большие плоскогубцы, торчащие из кармана Клюквина, сунула их себе в карман плаща и потащила изобретателя через центральный зал на другую платформу. Детектив схватил Люську сзади за локти и стал подталкивать ее впереди себя.

— Машка! Как не стыдно! Как не стыдно! Бессовестная ты! — заплакала Заноза.

— Люська! Ну милая, мама волнуется! — одновременно с ней закричала Самбо. — Я сама останусь здесь. Я сама узнаю конструкцию! Мама волнуется!

— Бессовестная! Бессовестная! Бессовестная! — продолжала плакать Заноза.

Самбо втолкнула изобретателей в вагон, помогла Пете удерживать их, пока не захлопнулась дверь.

Всю эту довольно бурную сцену наблюдал дежурный по станции. Он подошел к Маше:

— Девочка, поездов больше не будет. Ты почему осталась?

— А я не еду, я провожала, — сказала Самбо и пошла к тому эскалатору, который был подальше от дежурного.

Самбо не очень-то представляла себе, что она будет делать ночью на станции, как она с помощью одних плоскогубцев сможет разобрать поломочную машину. Но она понимала: если бы она не осталась, чтобы завершить Люсино дело, то Заноза очень долго считала бы ее предательницей. А сестры хотя и часто ссорились между собой, но все же очень любили друг друга. И еще кое-что заставило Самбо пойти на эту авантюру. Она представляла себе, как бродит одна по трем центральным станциям метро, соединенным длинными переходами и неподвижными эскалаторами, как ей будет жутко и одиноко одной в этом опустевшем подземном лабиринте... И Самбо представляла также, с каким удовольствием она будет рассказывать ребятам об этих похождениях, свидетельствующих об ее отчаянной храбрости.

Самбо подошла к эскалатору. Он был уже совершенно пуст, но двигался вверх. На эскалатор Маша не пошла. Она решила спрятаться в одной из арок, соединяющих центральный зал с платформой. Она стала под сводом арки, но тут со стороны платформы к ней подошел милиционер.

— Девочка, поездов больше не будет. Давай подымайся, — сказал он.

Волей-неволей Самбо пришлось стать на эскалатор и поехать вверх.

Она думала, что из ее затей ничего не выйдет, что ей ничего не остается, как сесть в троллейбус, пока те еще ходят, и отправиться домой. Но, как только Самбо поднялась в вестибюль на «Площади Революции», планы ее снова изменились.

Свет в вестибюле был наполовину погашен. Никто не дежурил у выхода с эскалатора, как это бывает обычно. Слева Самбо увидела эскалатор, ведущий к «Площади Революции», справа, за поворотом, как видно у самого входа в метро, слышалась пьяная ругань, возмущенные женские голоса, строгие милицейские окрики:

— А ну, гражданин, перестаньте хулиганить!

— Ты давай силу не применяй! По указу пойдешь! Тебе сказано, поезда не ходят уже. Понял?

Вдруг какая-то женщина громко заплакала, слышался шум возни, крик, снова пьяная ругань.

Самбо поняла, что надо действовать. Она бесшумно добегала до другого эскалатора, пригнулась так, что ее макушка

оказалась на одном уровне с резиновыми поручнями, и стала спускаться по уже неподвижным ступенькам. Спускаться в такой позе было очень трудно: каждую секунду голова могла перевесить и Маша рисковала полететь носом вниз. Но она так и не разогнулась, пока не прошла больше половины эскалатора.

— Эй! Кто там есть? — послышался сверху мужской голос.

Самбо оглянулась. На самом верху, держась за поручни, стоял милиционер. Наклонный ход эскалатора был освещен тускло, но красный Машин плащ бросился милиционеру в глаза, а ее странная поза вызвала у него самые худшие подозрения.

— А ну, гражданка, вернитесь! — Милиционер еще не заметил, что перед ним девочка.

В одно мгновение Самбо подумала о многом: о том, что вот сейчас ее заберут в милицию; о том, что родители зря прождут ее еще несколько часов, пока их самих в милицию не вызовут. Подумала Самбо и о том, что из милиции обязательно сообщат в школу, родителей вызовут на педсовет, а потом ее одну вызовут на совет дружины и, может быть, снимут перед линейкой галстук.

И такое отчаяние взяло Машку, что она больше ни о чем не стала думать. Она оглянулась еще раз на милиционера — тот все еще стоял наверху — и со всех ног понеслась вниз.

— Эй, вернись! Вернись, говорю! — закричал милиционер.

Самбо услышала наверху топот, затем продолжительный свисток. Этот свисток звучал удивительно громко и раскатисто под сводами пустого эскалаторного хода.

Самбо бежала быстрее милиционера, обутого в тяжелые сапоги. Она влетела в центральный зал станции и заметалась по нему, не зная, куда ей деться. Первое, на что она наткнулась, была громоздкая синяя полумоечная машина, та с а м а я полумоечная машина! Машина ползала по мраморному полу, делая его чистым и влажным, а ею управляла немолодая женщина в синем халате. Женщина удивленно взглянула на Самбо, но продолжала работать. Тогда Самбо метнулась к одной из арок, соединявших зал с платформой, но тут же наткнулась на другую женщину, уже совсем молоденькую. Одета в черный комбинезон, повязанная красным платочком, она стояла на какой-то подставке и протирала тряпкой бронзовую фигуру студентки с книгой в руках.

Милиционер еще не сбежал с эскалатора, но снова заливи-сто засвистел.

— Это тебе, что ли, свистят? — спросила девушка Самбо, однако не слезла со своего возвышения.

Самбо отпрыгнула от нее и понеслась по залу вдоль ряда

арок, под которыми в неестественных позах присели бронзовые фигуры. Казалось, что эти фигуры тоже подозрительно смотрят на Самбо: пограничник с овчаркой, мать с ребенком, изобретатель с циркулем...

И вдруг в противоположном конце зала из арки вышел еще один милиционер. Как видно, он услышал свистки первого. Он молча двинулся к Самбо. Та уже ничего не соображала, ни о чем не думала. Ею руководил только один инстинкт: раз преследуют — бежать! Она рванулась немного назад, обогнула барьер, ограждающий лестницу, которая вела к подземному переходу с «Площади Революции» на «Площадь Свердлова», и помчалась вниз по ступенькам. Она вбежала в широкий коридор с белым сводчатым потолком и желтоватыми кафельными стенами. В одном месте стоял монтер на стремянке и что-то делал со светильниками, запрятанными в углублении стены. Чуть подалее несколько рабочих соорудили помост из металлических труб и досок. Еще дальше целая бригада женщин в комбинезонах протирала кафель мокрыми тряпками, надетыми на палки с планками на конце.

— Девушки, а ну, задержите ее! — крикнул один из милиционеров, бежавших за Самбо.

Почти все девушки растерялись. Не растерялась лишь одна из них, полная, с добродушным широким лицом. Она бросила палку с тряпкой и, улыбаясь, расставила руки, загораживая дорогу Маше.

— Эй ты, шустрая! погоди, погоди!

Ей удалось схватить Машу, и она дружелюбно заулыбалась, глядя Маше в лицо, но та уже ничего не соображала. У Маши было только одно стремление: бежать. Ни о чем не думая, совершенно машинально она оправдала свою кличку «Самбо». Одной рукой она вцепилась девушке в плечо, другой ухватилась за рукав комбинезона у правого локтя, двинула ногой, и девушка шмякнулась об пол. Самбо снова бросилась вперед, но что тут началось за ее спиной! Не только женщины, мывшие стену, но и другие рабочие оставили свое дело и пустились в погоню. Свистели милиционеры, слышались голоса:

— Хулиганка!

— Распустили их, бесстыдниц!

— Эй ты, шустрая! погоди, погоди!

Перед самой станцией широкий тоннель разветвлялся на два сравнительно узких коридора. Самбо пронеслась сквозь один из них, вылетела на платформу «Площадь Свердлова» и... увидела перед собой целую толпу человек в пятнадцать. Тут был и дежурный в красной фуражке, и милиционер, и уборщицы, и другие рабочие. Все, кто был на станции, услышав свист-

ки и крики, сбежались к выходу на платформу. Машу схватили сразу несколько рук.

— Во! — удивился милиционер. — Я ее недавно прогнал, а она опять здесь!

Тут сбежались и те, кто преследовал Самбо. Все тяжело дышали.

— Ну хулиганка! Ну и хулиганка! — повторял какой-то пожилой рабочий.

— Я с ней по-хорошему... я с ней по-хорошему... а она глядите, что со мной сделала, — задыхаясь, говорила девушка, которую Самбо свалила. — Еще не знаю, нет ли сотрясения мозга!

Тяжелее всех дышал милиционер, первым увидевший Самбо. Это был человек немолодой и довольно грузный. Он пыхтел, отдувался, сняв фуражку, вытирал платком лицо и говорил:

— Подхожу, понимаешь, к эскалатору, гляжу, внизу что-то красное такое и вот таким манером вниз идет. — Милиционер согнулся под прямым углом и показал, каким «манером» спускалась Самбо. — Я ее окликнул, понимаешь ты, а она как драпанет!..

Товарищ Юрошин

В это время в тоннеле послышался парастающий рокот, и через несколько секунд к платформе подкатил маленький синий вагончик, и сразу на станции запахло бензиновым дымом.

Из вагончика вышли водитель и пожилой человек в форме. Судя по всему, человек в форме был большим начальником: при его появлении все почтительно притихли.

У этого человека были седые волосы, вздернутый нос и очень большие, с длинными ресницами глаза.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он, чуть улыбаясь. — По какому поводу митинг?

— Вот, товарищ Юрошин, экземпляр поймали, — сказал дежурный по станции и кивнул на Самбо.

Милиционер рассказал, как он увидел Машу на эскалаторе, рабочие говорили о том, как Самбо мчалась по переходу, как она свалила девушку, пытавшуюся ее удержать.

— Так! — сказал товарищ Юрошин. — А зачем ей все это нужно?

— А вот вы спросите ее, товарищ Юрошин, — сказал дежурный по станции. — Может быть, она вам чего-нибудь и расскажет.

Заложив руки за спину, товарищ Юрошин подошел вплотную к Самбо. Лицо его было совершенно серьезно, но Самбо почему-то почувствовала, что он улыбается про себя.

— Моему старшему приблизительно столько же лет, — сказал он, потом несколько минут молча разглядывал Самбо. — Вроде ребенок как ребенок. Вполне нормальный ребенок. А ты как о себе думаешь, а?

Самбо молчала.

— Ну, скажи мне, у тебя были какие-нибудь причины, чтобы прятаться ночью в метро?

Всем показалось, что Самбо опять ничего не ответит, но вдруг она выпалила:

— Были!

Самбо решила, что лучше всего будет говорить правду.

— А какие именно, ты не хочешь нам сказать? — негромко спросил товарищ Юрошин.

Этот мягкий голос так подействовал на Самбо, что ей почему-то захотелось плакать.

— Могу! — всхлипнув, но вместе с тем несколько вызывающе сказала она.

— Так! Слушаю.

— Я не из хулиганства сюда пришла, — сдерживая рыдания, проговорила Самбо. — Я хотела конструкцию поломосечной машины узнать.

— Позволь! Что ты хотела узнать?

— Конструкцию поломоечной машины. Вот плоскогубцы! — Самбо вынула из кармана плоскогубцы и потрясла ими перед своим носом. — Я хотела снять эту... ну, в общем, эту штуку, которая закрывает машину, посмотреть, как она устроена. Я понимаю, конечно, что это очень глупо, но... но у меня другого выхода больше не было.

Самбо заплакала.

— Во как! — сказала девушка, которую Маша свалила на пол.

— Ну погоди! Ну, ты перестань плакать! — сказал товарищ Юрошин. — Ну, ты объясни нам: почему же другого выхода не было? Что, ты днем не могла обратиться к кому-нибудь из служащих и спросить, как устроена эта машина?

— А потому выхода не было... потому, что Люська... потому что Заноза... потому что моя сестра... — пробормотала Маша и заплакала так, что уже ничего нельзя было разобрать.

— Хорошо, перейдем на другую тему, — сказал товарищ Юрошин. — У твоих родителей есть телефон?

— Есть, — сквозь слезы ответила Маша.

— Ну вот, скажи нам телефон, скажи нам имя-отчество

отца или мамы, и мы позвоним, чтобы они за тобой приехали. — Товарищ Юрошин взглянул на пожилого милиционера: — Я думаю, этим можно ограничиться. Как вы считаете, а?

Милиционер пожал плечами, ухмыльнулся, переглянулся с другими милиционерами.

— Да уж не знаю, — неопределенно сказал он.

— Надо принять во внимание, что человек за делом пошел, а не для баловства. — Товарищ Юрошин обратился к Самбо: — Ты правду говоришь, что техникой увлекаешься?

— Я в Клубе юных конструкторов состою. При школе.

— И вы задумали поломоечную машину построить, чтобы полы в классе мыть?

— Да. Только это не я задумала, а моя младшая сестра.

Работница, которую Самбо свалила, хлопнула себя руками по бедрам.

— Ну и девки теперь родятся: и дерутся не хуже, чем мальчишки, и конструкции у них какие-то там... — Она внезапно двумя руками пожала руку Самбо. — В общем, я тебя прощаю. Дамочки, пошли, а то за нас тряпки сами работать не будут.

Девушка ушла в коридор, за ней удалились ее подруги. Стали расходиться и другие рабочие. Товарищ Юрошин вынул из кармана шинели большой блокнот, записал телефон родителей Самбо, имя-отчество ее отца. Он вырвал листок из блокнота и передал его дежурному по станции.

— Позвоните, пожалуйста, товарищ Кузнецов. Пусть Михаил Андреевич возьмет такси и приезжает за своей авантюристкой. Ну... хотя бы к вестибюлю на «Площади Революции».

Дежурный ушел. Товарищ Юрошин взглянул на ручные часы:

— Минут пять у меня еще есть. Пойдем пройдемся немного. Я тебе кое о чем расскажу.

Он неторопливо зашагал по платформе, Самбо пошла рядом с ним.

— Видишь, какая штука... Поломоечные машины, которые на станциях работают, для школы не годятся: они очень громоздки, берут много энергии... Позволь! Ты, кажется, упомянула, что твоя сестра изобретает такую машину?

— Да! Она уже испортила пылесос, — ответила Самбо.

— Гм! Твоя сестра была на правильном пути. Видишь ли, на одном из заводов московского метро создана конструкция стекломоечной машины — машины, предназначенной для мытья окон, — но она вполне может мыть и полы. Даже если ее назначить только для мытья полов, конструкция станет проще.

А главное — для ее постройки требуется всего лишь пылесос «Уралец», затем кое-какие подручные материалы.

Самбо не верила своему счастью.

— А вы не скажете... А как она устроена? Вы мне чертеж не набросаете?

Товарищ Юрошин снова взял блокнот.

— Садись! — Оба сели на ближайшую скамью. — Только я тебе ее в несколько измененном виде нарисую, чтобы вам легче было ее строить. У стекломойки, например, два насоса. Один насос подает воду вверх, к окнам, а пылесос ее отсасывает. Вам наверх качать воду не надо, на пол она сама побежит. Значит, требуется только один пылесос.

— Но ведь вот моя сестра пылесосом воду отсасывала и спалила пылесос!

— Ты постой! Гнать воду через пылесос совсем не нужно. Это, конечно, испортит его. Вот, смотри!

И товарищ Юрошин принялся водить по блокноту пером авторучки. Он нарисовал два расположенных рядом прямоугольных бака. Левый бак был предназначен для чистой воды, а в верхней стенке правого бака было сделано отверстие, и на нем установлен пылесос с таким расчетом, чтобы он вытягивал воздух из бака. Оказалось, что мыть полы можно тем же самым алюминиевым наконечником, каким обычно убирают пыль, только его пужно несколько переделать. Щель наконечника должна быть закрыта металлической пластинкой с тремя небольшими отверстиями. Среднее отверстие соединяется с тонкой резиновой трубкой, а эта тонкая трубка пропускается внутри дюралевого трубы пылесоса и внутри его гофрированного шланга. Сам гофрированный шланг прикрепляется к правому баку, а тоненькая трубка, пройдя через этот бак, соединяется с левым. Края накопечника облицовываются мягкой резиной, которая должна плотно прижиматься к полу.

— Вот и все! — сказал товарищ Юрошин. — Советую поставить машину на колеса повыше, чтобы вода легко стекала к полу. Теперь рассмотрим принцип ее действия.

Маша очень легко усвоила этот принцип: по средней трубке стекает чистая вода, резина трет пол, но, окружая со всех сторон воду, не дает ей разбегаться повсюду. Работает пылесос, в правом баке создается разрежение, и вода, уже грязная, вымытая пол, поступает в этот бак. Когда правый бак наполнится, в левом уже не окажется воды, поэтому она и не попадет в пылесос.

— Позвонил, товарищ Юрошин, — услышала Самбо голос дежурного. — Сказали, что немедленно едут.

Товарищ Юрошин поднялся:

— Ну, вот и хорошо, спасибо! И мы тут все свои разговоры переговорили, и мне по делам пора. Получай! — Товарищ Юрошин передал Маше листок с чертежом.

Самбо вскочила со скамьи.

— Спасибо! Ой, большое вам спасибо! — забормотала она, бережно складывая листок. — Ой, ну прямо такое, такое спасибо!

— Не за что. — Товарищ Юрошин протянул Маше руку: — Привет твоей сестре!

— И вашим детям привет! Спасибо! Большое спасибо!

Кто-то тронул сзади Самбо за плечо. Это был милиционер, который первым погнался за ней.

— Ну-ну, будет! Не задерживай товарища, пойдем!

И они стали подниматься по неподвижному эскалатору.

Поднявшись примерно на треть, милиционер стал вытирать платком лоб.

— Вот пыхти теперь из-за тебя! Знаешь, сколько здесь ступенек? Сто двадцать восемь!

Маше очень хотелось быть со всеми доброй и вежливой.

— А почему дежурный не пустил для вас эскалатор? Наверно, мог бы и пустить.

— А кто его знает почему. Может, работы какие-нибудь там ведутся.

Наконец они поднялись наверх и постояли несколько минут в полутемном вестибюле перед застекленной дверью. Самбо из вежливости старалась поддержать разговор, расспрашивала милиционера, есть ли у него дети и сколько им лет.

Но вот к подъезду подкатила «Волга» с шашечками на кузове, и из нее вышел Михаил Андреевич.

— Папа! — сказала Самбо.

Милиционер сразу открыл дверь.

— Боевая у вас дочка, гражданин, — сказал он не то осуждающе, не то одобчительно.

— Извините, товарищ, за беспокойство! — сказал Машин папа и пошел с дочкой к такси.

В машине он долго молчал, и при свете уличных фонарей Самбо заметила, что лицо его очень холодно.

Самбо заранее знала, что через несколько минут он скажет что-нибудь вроде такого: «Да, Мария! То, что простительно одиннадцатилетней Люсе, непростительно тебе». Поэтому Маша вынула из кармана сложенный листок, развернула его и протянула отцу.

— Что это такое?

— Чертеж поломочной машины, — сухо ответила Самбо. —

И дал мне его не кто-нибудь, а, кажется, крупный начальник Московского метрополитена.

Папа поднес листок к окну машины и стал его рассматривать при довольно тусклом освещении. Затем, вместо того чтобы читать Самбо нотации, он спросил ее, каким образом действует машина.

А когда они приехали домой, мама с бабушкой долго отчитывали Самбо. Потом ее отправили спать. В комнате было темно, но Самбо слышала, как заворочалась в постели Заноза.

— Люська, ты не спишь? — шепотом спросила Самбо.

— Не сплю. А что? — прошептала Заноза.

Самбо включила торшер, подошла к Люське и вручила ей листок с чертежом поломоечной машины:

— Н-а! Держи!

Э п и л о г

Все, что происходило дальше, вы, пожалуй, можете сами представить себе. Вам, я надеюсь, не будет трудно вообразить, с каким видом явилась в клуб Заноза, с каким видом она в присутствии Эдика Лазовского вручила Дер Элефанту листок с чертежом поломоечной машины.

— Это, правда, не совсем моя техническая идея, но все-таки — вот!

Митрофан Фомич от Самбо знал, что это вовсе не Занозина идея, но все-таки принял ее в клуб. На средства, собранные за металлолом, был куплен пылесос «Уралец». Машину строили до конца декабря. От самой Занозы было довольно мало проку: ее пришлось долго учить, как сверлить отверстия дрелью, как сглаживать напильником заусеницы на металле. Тем не менее она так заважничала, что стала дерзить классной руководительнице Вере Прокофьевне, и директору школы пришлось вызвать Люсиных родителей на педсовет.

Клюквина тоже приняли в клуб, но с ним дело обстояло лучше: он слесарничать уже умел.

Детектив не принимал участия в постройке машины. Он этим делом не интересовался. Но ему не давала покоя одна мысль: куда делся четырехпалый сообщник изобретателей? И Люся и Клюквин клялись всеми клятвами, что никакого третьего сообщника у них не было и нет, но детектив не верил им и удивлялся: зачем изобретателям нужно так упорно врать?

Первое испытание машины проводилось в строгой тайне. Помещение клуба было невелико, а народу в него могло набиться так много, что с машиной негде было бы повернуться. По-

этому решили, что испытывать машину будут те, кто ее строил (двенадцать человек). В порядке исключения на испытания пригласили Петю Калача.

После семи часов, по окончании занятий во второй смене, все участники испытания заперлись в помещении клуба. Среди них был, конечно, и Митрофан Фомич. Все столы были вынесены из передней комнаты в заднюю, а из задней комнаты Эдик Лазовский вывез поломоечную машину. Это был блестящий синий ящик на двух велосипедных колесах. Над ним торчал пылесос «Уралец». Машина немного смахивала на тележку для продажи газированной воды, только кузов ее был значительно меньше.

— А воду так и не приготовили? А ведро для слива воды? — спросил Эдик.

Тотчас несколько мальчишек и Самбо выбежали из клуба и через несколько минут вернулись. Мальчишки принесли четыре ведра воды, а Самбо — пустое ведро, щетку для мытья полов и половую тряпку.

— На всякий случай захватила, — пояснила она.

— Ну-с, торжественный момент наступил. Заливайте воду! — сказал Митрофан Фомич.

Эдик отвинтил крышку бака и налил туда два ведра воды. Завинтив крышку, он сказал:

— Можно начинать, Митрофан Фомич?

— Я думаю, надо предоставить право первого испытания машины инициаторам этого дела, — сказал Дер Элефант. — А? Как вы полагаете?

Ни Заноза, ни Клюквин не поняли, что эти слова относятся к ним.

— Ну, инициатор, иди! — сказала Маша и подтолкнула сестру к машине.

— И ты тоже иди! — сказал один из конструкторов Клюквину.

Оба изобретателя подошли к машине. Но они все еще не верили, что им предоставлена такая честь. Заноза, как всегда в подобных случаях, стояла, прижав растопыренные пальцы к ногам, склонив голову набок, чуть приоткрыв рот. Клюквин сосредоточенно ковырял в носу. Эдик подошел к Люсе.

— Бери наконецник, ты будешь мыть пол, — сказал он и обратился к Клюквину: — А ты будешь возить машину.

Двух человек вовсе не требовалось для работы с машиной: тот, кто мыл пол, мог свободной рукой подтягивать машину к себе. Но сегодня нужно было, чтобы оба изобретателя участвовали в работе.

Заноза схватила двумя руками дюралевую трубку и прижала

облицованный резиновый наконечник к полу. Митя Клюквин схватился за поручень, который помогал таскать машину за собой. Эдик Лазовский взял провод, оканчивающийся вилкой, воткнул эту вилку в штепсель. Потом он подошел к машине, повернул краник, пускающий воду, и тронул выключатель пылесоса.

Пылесос завыл. Люся растерялась: она чуть оторвала от пола обрамленный резиной наконечник, и из него полилась струйка воды.

— Три!

— Ну, три его, три!

— Ну, мой же пол, чего ты стоишь!

Вся красная, вся в испарине, Заноза прижала наконечник к полу и начала тереть им доски, выкрашенные масляной краской.

— Моет! Смотрите! Моет! — сразу в восторге закричали несколько человек.

Пол, по которому скользил обрезиненный наконечник, действительно становился чистым и влажным. Только, пожалуй, слишком уж влажным: вода не полностью втягивалась в шланг, часть ее растекалась по половицам.

Самбо накинула тряпку на щетку и стала вытирать ею оставшуюся воду.

— Подтекает, — заметил Дер Элефант.

— И все равно хорошо работает, — возразила Изюмина. — Смотрите: только чуть-чуть протереть, и пол уже совершенно сухой.

Под вой пылесоса заговорили о том, что надо сменить резину на более мягкую, чтобы она лучше прилегала к полу. Эдик предложил:

— А что, если попробовать поролон? Митрофан Фомич, как вы думаете?

Учитель не успел ответить.

— Все! Нашел! — возопил детектив таким голосом, что на него набросились:

— Что ты людей пугаешь!

— Ты что, спятил?

— Что ты нашел?

— Машка! Самбо! Никакого у них сообщника нет! Никакого Четырехпалого! Ты только посмотри, как она трубу держит!

Самбо взглянула на сестру и поняла все. Только четыре пальца Люсиных рук обхватывали трубу. Большие пальцы лежали на указательном и среднем. Поэтому они и не могли отпечататься!

От Петиных воплей Заноза растерялась и снова приподняла наконечник. Вода опять тоненькой струйкой побежала на пол.

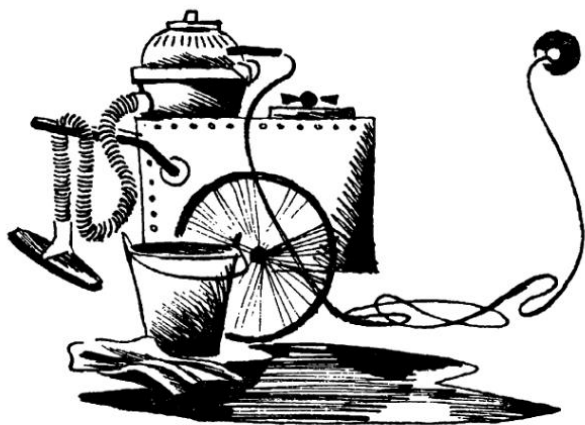
— Ну, чего остановилась! — закричали ей. — Давай три!

— Вода же течет! Три! Надраивай!

Заноза опомнилась и принялась «надраивать».

Вот и все. О том, как доделывали машину, как совершенствовали ее, вам, пожалуй, неинтересно будет читать. Поэтому — до свиданья!

1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Невиданная птица	5
Кинохроника	19
«Феодал» Димка	30
Дрессировщики	36
Исследователи	53
«Человек без нервов»	64
«Архимед» Вовки Грушина	74
Белая крыса	88
«Калуга» — «Марс»	99
Учитель плавания	115
Хвостик	126
Гадюка	135
Как я был самостоятельным	144
«На тебя вся надежда...»	159
Дудкин острит	184
Маска	198
Внучка артиллериста	208
Как меня спасали	219
Ищу «Троекурова»	226
МАШКА САМБО И ЗАПОЗА. Повесть	235

Для среднего возраста
Юрий Вячеславович Сотник

Вовка Грушин и другие

И з б р а н н о е

ИБ № 8451

Ответственный редактор

Н. С. Аравина

Художественный редактор

Г. Ф. Ордынский

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректоры

А. А. Гусельникова и Л. А. Лазарева

Сдано в набор 31.01.84. Подписано к печати 19.06.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,13. Усл. кр.-отт. 20,06. Уч.-изд. л. 21,26+1 вкл.=21,32. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4684. Цена 1 руб. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Сотник Ю. В.

С67 Вовка Грушин и другие: Избранное/Рис. Е. Медведева.— М.: Дет., лит. 1984.— 319 с., ил.

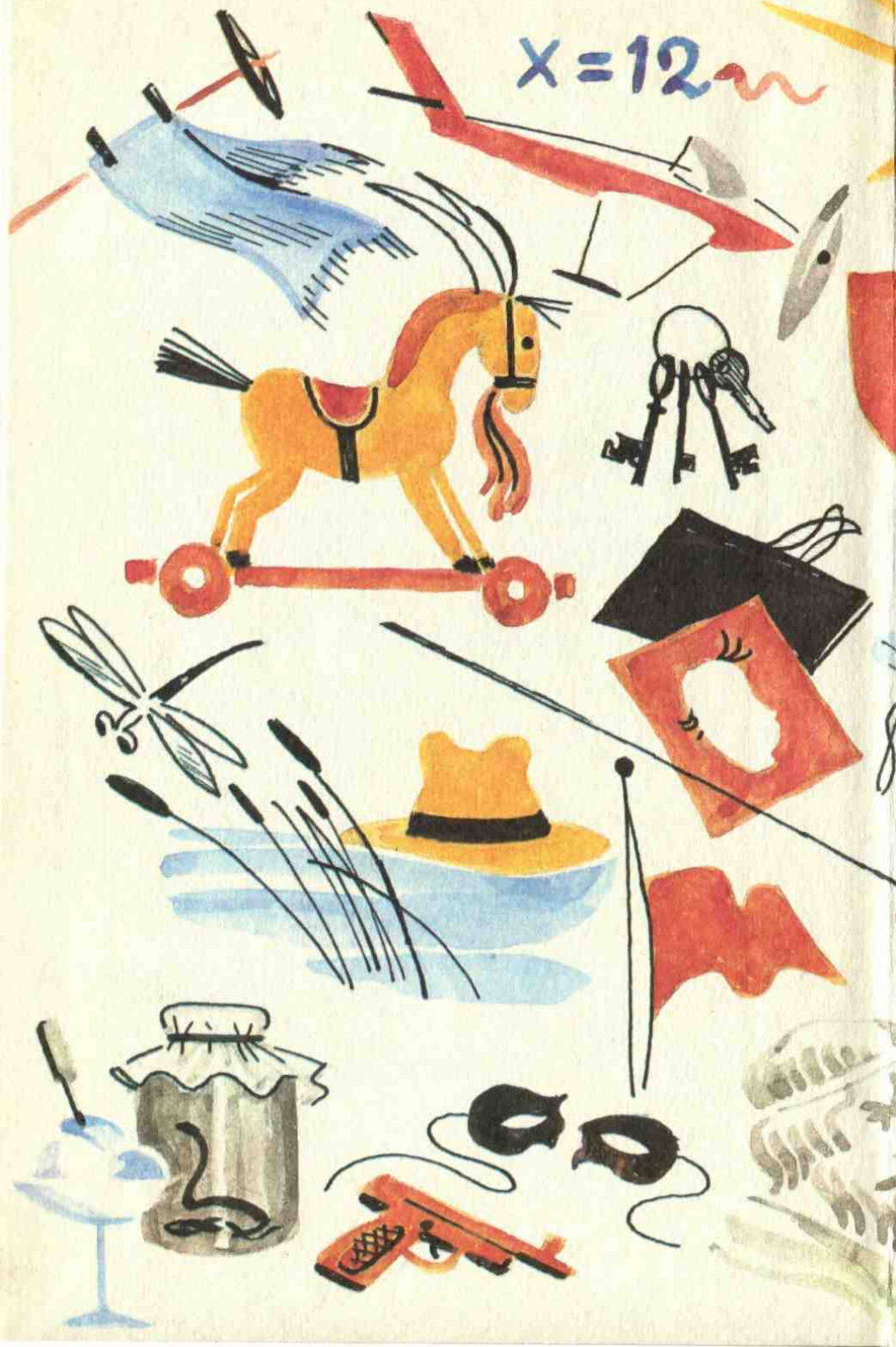
В пер.: 1 руб.

В книгу избранных произведений известного детского писателя вошли рассказы «Невиданная птица», «Дрессировщики» и другие, повесть «Машка Самбо и Запоза».

С 4803010102—476
М101(03)84 Без объявл.

Р2

$x = 12$ ~~~~~

КАСТ

ПОМНИ
Н.Б.

1руδ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“